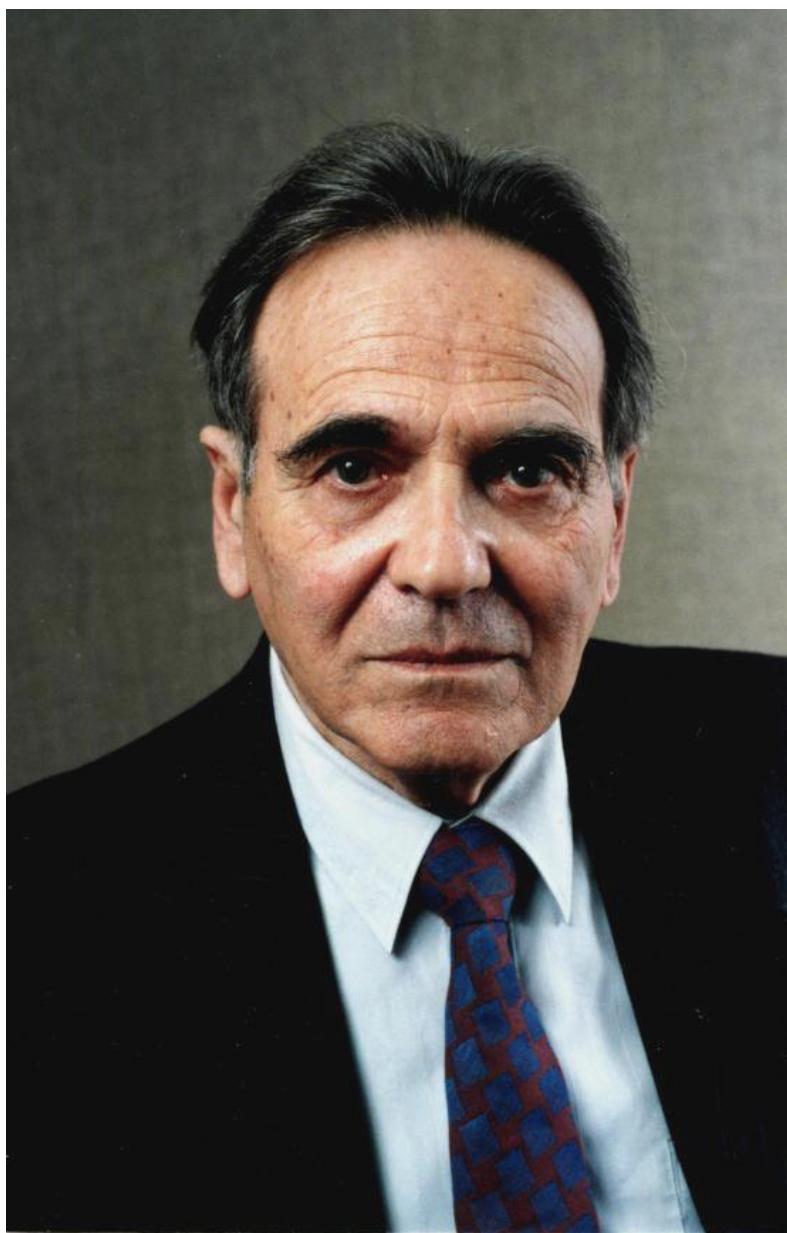

**ПРОБЛЕМИ ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА,
ІСТОРИОГРАФІЇ ТА ІСТОРІЇ СХОДУ**

МАТЕРІАЛИ
МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ,
ПРИСВЯЧЕНОЇ 90-РІЧЧЮ ЗІ ДНЯ НАРОДЖЕННЯ ПРОФЕСОРА
ВОЛЬФА МЕНДЕЛЕВИЧА БЕЙЛІСА
(1923 – 2001 рр.)

Луганськ – 2013

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
ДЕРЖАВНИЙ ЗАКЛАД «ЛУГАНСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА»
КАФЕДРА ВСЕСВІТНЬОЇ ІСТОРІЇ ТА МІЖНАРОДНИХ ВІДНОСИН
НАУКОВО-ДОСЛІДНИЦЬКИЙ ЦЕНТР ІМЕНІ В. М. БЕЙЛІСА
«СХІД-ЗАХІД: ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ
МІЖЦИВІЛІЗАЦІЙНИХ ВЗАЄМОСТСУНКІВ»
ІНСТИТУТ СХОДОЗНАВСТВА ІМЕНІ А.Ю. КРИМСЬКОГО
НАН УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ СХОДОЗНАВСТВА РАН

ПРОБЛЕМИ ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА, ІСТОРІОГРАФІЇ ТА ІСТОРІЇ СХОДУ

*МАТЕРІАЛИ
МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ,
ПРИСВЯЧЕНОЇ 90-РІЧЧЮ З ДНЯ НАРОДЖЕННЯ ПРОФЕСОРА
ВОЛЬФА МЕНДЕЛЕВИЧА БЕЙЛІСА
(1923 – 2001 рр.)*

15 – 16 травня 2013 року,
м. Луганськ

Луганськ
ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка»
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ЛУГАНСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ В. М. БЕЙЛИСА
«ВОСТОК-ЗАПАД: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ»
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ А. Ю. КРЫМСКОГО НАН
УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИИ ВОСТОКА

*МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА
ВОЛЬФА МЕНДЕЛЕВИЧА БЕЙЛИСА
(1923 – 2001 гг.)*

15 – 16 мая 2013 года,
г. Луганск

Луганск
ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко»
2013

УДК 930 + 94 (5)
ББК 63.1 + 63.211 + 63.3(5)
П 78

Редакційна колегія:

Головний редактор –

Бурьян М. С., доктор історичних наук, професор

Заступник головного редактора –

Саїдов З. А., кандидат історичних наук, доцент

Відповідальний секретар –

Кожушко А. В., аспірант кафедри всесвітньої історії
та міжнародних відносин

Члени редакційної колегії:

Бубенок О. Б., доктор історичних наук

Калініна Т. М., кандидат історичних наук

Радивилов Д. А., кандидат історичних наук

П 78 **Проблеми** джерелознавства, історіографії та історії
Сходу : матеріали Міжнар. наук. конф., присвяченої 90-
річчю з дня народження проф. Вольфа Менделевича Бейліса
(1923 – 2001 рр.) (15 – 16 трав. 2013 р., м. Луганськ) / під
ред. М. С. Бурьяна. – Луганськ : Вид-во ДЗ „ЛНУ імені
Тараса Шевченка”, 2013. – 262 с.

Презентовані у збірці матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження доктора історичних наук, професора В. М. Бейліса (1923-2001 рр.), відбивають результати найновітніших розвідок вітчизняних та зарубіжних фахівців у галузі східного історичного джерелознавства, історіографії та історії країн і народів Сходу.

Статті публікуються в авторській редакції.

УДК 930 + 94 (5)
ББК 63.1 + 63.211 + 63.3(5)

*Рекомендовано до друку Вченою радою
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка
(протокол № 9 від 26 квітня 2013 року)*

© Бурьян М. С., Саїдов З. А., 2013
© ДЗ „ЛНУ імені Тараса Шевченка”, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Бурьян М.С., Грицьких І.В. (Луганськ). Професор Вольф Менделевич Бейліс і його наукова школа.	8
Айбабин А.И. (Симферополь). К вопросу о византийско-хазарском condominiumе в Крыму	14
Алиева Н. (Баку). Сведения биографических источников о научной среде в средневековом городе Гянджа в Азербайджане. . .	20
Аникеев Д.А. (Луганськ). Уявлення арабського географа Х століття Абу-л-Хасана Алі ал-Мас'уді про зовнішню політику дунайський болгар	27
Апареева Е.К. (Луганск). К вопросу о происхождении художественных изделий в среде кочевников степного Подонковья. .	30
Ашурков Т.Т. (Миколаїв). Подорожні записи франкомовних мандрівників першої третини ХІХ ст. як джерело з історії Ірану . .	32
Бривко Н.В. (Снежное, Донецкая обл.). О происхождении рода Чингисхана	36
Бубенок О.Б. (Київ). Свідчення ал-Мас'уді про ріку Буртас	42
Верьовкін В.В. (Рівне). Питання відбору та джерелознавчого аналізу поетичних творів арабського поета та філософа Х-ХІ ст. Абу-ль-Аля аль-Мааррі.	46
Гребенюк В.С. (Луганск). Британская экспансия в Индии в 1756 -1757 гг	48
Дубров О.В. (Київ). Виникнення античних міст Сирії та їх становище у ІV-І ст. до Р.Х	54
Ермухамедова А.П. (Алма-Аты). Низам ал-Мульк: критический анализ деятельности сельджуцкого везира	58
Калинина Т.М. (Москва). Сведения ал-Мас'уди и других восточных писателей о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар	67
Каримов Б.Р. (Ташкент). Междивилизационные взаимодействия на Великом Шелковом пути: история и современность.	72
Климов А.А. (Луганск). Мои встречи с Вольфом Бейлисом.	80
Кожушко А.В. (Луганськ). Єгипетський адіб кінця ХІІІ – початку ХІV ст. та його інтерес до історії монголів епохи Чингізхана	87
Колесников А.И. (Санкт-Петербург). Китайские хроники о событиях древнеиранской истории (по переводам Н. Я. Бичурина).	95
Кондратюк Г.Н. (Симферополь). «Источниковая база по	101

изучению национальной политики в отношении крымских татар в межвоенный период (20-30-е годы XX века)»	
Коновалова И.Г. (Москва). Рецепция античных топонимов в средневековой исламской географии («Европа» и «Скифия»)	107
Костикян К. П. (Матенадаран). Указы Ереванских ханов как источники истории армянского народа	111
Кочубей Ю.М. (Київ). Трапезунд і Україна	117
Кошовий С.А. (Київ). Нові джерела з історії держави Цинь доби Чжаньго	123
Красильникова Л.И., Красильников К.И. (Луганск). О строительных тенденциях укрепленных городищ салтов-маяцкой культуры (по материалам форта Красное Городище)	127
Крюков В.Г. (Луганск). Відображення проблем етимології і семантики етноніму “ар-рус” у ранній науковій праці В. М. Бейліса “Сочинения ал-Мас’уди как источник по истории Восточной Европы X века”	129
Кумеков Б.Е. (Астана, Казахстан). Арабские письменные памятники как источник по этническому составу кипчаков Мамлюкского государства	134
Максимчик А.Н. (Минск). Роль и место Кавказа во внешней политике Российской империи (по материалам неопубликованных работ профессора М. А. Полиевктова)	137
Мамедов С.Г. (Баку). Некоторые аспекты разведывательной деятельности государства Ширваншахов в конце XI – начале XII века в трудах В.М. Бейлиса	142
Маркарян С.А. (Ереван). Проблема национальной самоидентификации у турок-месхетинцев	153
Мещерякова Д.И. (Луганск). Биографическая заметка о мусульманине-вероотступнике в «Вафайат ал-а`йан ва-анба` абна` аз-заман» Ибн Халликана	159
Миккульский Д.В. (Москва). Ибн Халдун о нашествии на Северную Африку арабских племен бану хилал и бану сулайм и об эпосе, повествующем об этом нашествии	161
Налбандян А.А. (Ереван). Роль должностей векиля, сепаксалара и великого везира в административной системе Сефевидского Ирана	168
Насирова Я. (Баку). Роль и значение Османских рукописных документов в изучении социальной и экономической истории Азербайджана	177
Олійников В. (Київ). I-IV Хрестові походи в історичних записах арабських хронікерів	178

Пилипенко В.В. (Луганськ). Іран у зовнішній політиці СРСР періоду «Холодної війни»: історіографія проблеми	183
Погосян (Хахбакян) Г.Г. (Ереван). К вопросу об этническом составе Шамахи (по западноевропейским источникам XV-XVII вв.)	188
Попов А.В. (Харьков). Возвышение и упадок Османской империи в поэзии султанов XV-XVII вв.	196
Радивилов Д.А. (Київ). Джизья в системе религиозно-правовых представлений мусульман.	201
Разумович Д.А. (Донецьк). Особливості архітектури александрійського храму Серапісу.	204
Саидов З.А. (Луганськ). Об одном из адресатов Мас'уда ибн Намдара	208
Сбродов А.А. (Луганськ). Перспективы исследования архива В.М. Бейлиса.	210
Сериков И.Н. (Москва-Лондон). Средневековая арабская библиография и каталогизация книг. Зачем был написан «аль Фихрист»?	212
Сулаберидзе З.Н. (Тбилиси). Ал. Барятинский и проблемы российской религиозной политики на Кавказе в 50-60-х гг. XIX века	214
Троян С.С. (Київ). «Арабська весна» у форматі сучасних геополітичних зрушень.	219
Филипчук О.М. (Черновцы). Полонені араби у Візантії наприкінці IX – середині X ст.: війна, хрещення і церемоніал.	229
Филькин К.Н. (Томск). Вклад Т. Стюарта в исследование гандия-вайшнавизма	234
Фоміна О.В. (Луганськ). Ціна імперії: Редьярд Кіплінг	238
Цукерман К. (Париж). Русы на Куре. К вопросу датировки книги Иосиппон	242
Шевченко О.К. (Симферополь). Средняя Азия и Дальний Восток на Крымской конференции 1945 г. в диссертационных штудиях РФ.	246
Shestopalets D. (Київ). Some notes on the interpretation of al-Baqara, 143 in medieval Quranic exegesis.	251

Бурьян М.С., Грицьких І.В. (Луганськ)

ПРОФЕСОР ВОЛЬФ МЕНДЕЛЕВИЧ БЕЙЛІС І ЙОГО НАУКОВА ШКОЛА

В. М. Бейліс народився 24 березня 1923 року в місті Васильків Київської області. Випускник Київського університету, він ще на початку 1940-х рр. приступив до вивчення арабської мови під керівництвом Тауфіка Кезми (1882-1958) – видатного сходознавця, учня засновника української школи сходознавства Агатангела Єфимовича Кримського (1871-1942). У 1950-1964 роках Вольф Менделевич працював учителем історії, а потім – директором Чорнобильської середньої школи. Одночасно з цим він займався вивченням джерел та історії Сходу. У дослідницькій роботі його постійно підтримував видатний український учений-сходознавець Андрій Петрович Ковалевський (1885-1969).

У 1959 році В. М. Бейліс закінчив заочну аспірантуру при Інституті історії АН СРСР, де продовжував наукове дослідження вже під керівництвом видатного сходознавця Бориса Миколайовича Заходера (1898-1960). Через деякий час була захищена кандидатська дисертація «Твір ал-Мас'уди як джерело з історії Східної Європи X ст.». 17 липня 1963 року рішенням ученої ради Інституту народів Азії АН СРСР йому було присуджено науковий ступінь кандидата історичних наук. А вже через рік, 1 вересня 1964 року, за результатами конкурсу він, уже тоді відомий дослідник арабських джерел з історії народів СРСР, був обраний на посаду старшого викладача кафедри загальної історії Ворошиловградського державного педагогічного інституту ім. Т. Г. Шевченка¹.

Займаючись повсякденною викладацькою роботою, Вольф Менделевич успішно продовжував і наукову діяльність. У 1970 році був підготовлений до видання арабський текст «Збірка розповідей, листів і віршів Мас'уда ибн Намдара» з детальним вступом і покажчиками (за унікальним рукописом, що зберігається в Національній бібліотеці Парижа). Пізніше він підготував коментар і переклад написаних складною римованою прозою творів цього автора з повним дослідженням їх як літературної пам'ятки та історичного

¹ На сьогодні – Державний заклад «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»

джерела. Ця робота лягла в основу докторської дисертації. 26 липня 1975 року рішенням Ради секції історичних наук Вченої ради Відділення суспільних наук АН Азербайджанської РСР Вольфу Менделевичу було присуджено науковий ступінь доктора історичних наук за результатами захисту дисертації «Твір Мас'уда ібн Намдара як джерело з історії Аррана і Ширвана початку XII століття і пам'ятник середньовічної арабської літератури». 13 травня 1977 року ВАК СРСР затвердив рішення ради. Наступного року В. М. Бейліс був обраний на посаду завідувача кафедри загальної історії ЛДПІ та невдовзі отримав учене звання професора.

Одночасно з цим ним було підготовлено серію публікацій і рецензій, пов'язаних з вивченням арабських джерел з історії Східної Європи й Кавказу IX-XII ст., а також низку статей в українських енциклопедичних виданнях і в енциклопедіях СРСР: «Ал-Мас'уді про російсько-візантійські стосунки», «Народи Східної Європи в скороченому описі Муттахаара ал-Макдісі», «З історії Дагестану VI-XI ст. Сарір», «Нові відомості про слов'ян Північної Африки X ст.», «До оцінки відомостей арабських авторів про релігію давніх слов'ян і русів» та інші. Вольф Менделевич був редактором перекладів і коментарів середньовічних арабських текстів, зокрема – праці Шихаб ад-Діна ан-Насаві «Життєпис султана Джалал ад-Діна Макбурні». Книга З. М. Буніятова «Держава атабеків Азербайджану (1136-1225 рр.)», у якій він здійснив редакцію перекладу і став автором передмови, у 1979 році була удостоєна державної премії Азербайджанської РСР.

Після захисту докторської дисертації вчений продовжив активну науково-дослідну роботу. Зокрема, він завершив переклад російською мовою підсумкового твору арабського енциклопедиста X ст. ал-Мас'уді «Книга попередження і перегляду» обсягом 25 друкованих аркушів арабського тексту, а також коментар до цього твору. Подальша підготовка видання праці у зв'язку зі станом здоров'я вченого була продовжена московськими арабістами в Центрі «Східна Європа в античному і середньовічному світі» Інституту загальної історії РАН. Крім того, В. М. Бейліс опублікував три статті, у яких аналізував відомості ал-Ідрісі (XIII ст.) про Південно-Східну Європу, порти Чорного моря і зв'язки між ними, а також цикл статей про використання творів арабських поетів XI-XII ст. як історичного джерела, інші матеріали.

Упродовж багатьох років Вольф Менделевич викладав курси історії стародавнього світу та історії середніх віків. Його лекції були

яскравими і змістовними – він, як ніхто інший, умів зацікавити, захопити студентів, прищепити їм любов до Сходу.

У 1978 році, одночасно з обранням на посаду завідувача кафедри загальної історії, В. М. Бейліс очолив аспірантуру, відкриту попереднім завідувачем – Михайлом Марковичем Слонімським (1916-1977). Цим він визначив на багато років напрям наукових досліджень кафедри і специфіку підготовки науково-педагогічних кадрів. Першими аспірантами стали С. А. Маркарян і В. Г. Крюков.

Самвел Асатурович Маркарян, випускник Тбіліського державного університету, успішно закінчив заочне відділення кафедральної аспірантури, вивчив фарсі й підготував дослідження з проблем історії сельджуцького Ірану. Після захисту кандидатської дисертації «Громадсько-політичні перетворення в Ірані в епоху «Великих Сельджуків» (1038-1092 рр.) він опублікував монографію «Сельджуки в Ірані XI ст.». (Саратов, 1991), яка певною мірою заповнила лакуну у вітчизняній і світовій іраністиці, виступав з доповідями на конференціях в Росії та Швеції.

Науковий інтерес С. А. Маркаряна до проблем зв'язків між Заходом і Сходом у період раннього Середньовіччя відображено в доповіді «Походи варязьких вікінгів на Кавказ у 40-х рр. XI століття з метою пошуку „Великого шовкового шляху”», з якою в червні 1997 року він виступив на 35-му Конгресі азійських і північно-африканських досліджень у Будапешті (ICANAS – XXXV). Самвел Асатурович також узяв участь у роботі 37-го конгресу (ICANAS – XXXVII), який 2004 року проходив у Москві.

С. А. Маркарян і зараз продовжує свою наукову діяльність – його публікації регулярно з'являються на сторінках журналу «Схід. Афро-азійські суспільства: історія і сучасність», інших авторитетних сходознавчих видань. З 2001 року він працює на кафедрі іраністики факультету сходознавства Єреванського державного університету.

У 2010 році Самвел Асатурович опублікував курс лекцій «Історія Ірану в середні віки (від Сасанідів до Каджарів)», яку присвятив світлій пам'яті Учителя – Вольфа Менделевича Бейліса.

Випускник істфаку (1979 р.) Віктор Григорович Крюков був прийнятий на посаду асистента кафедри в 1982 р. Він вивчив арабську мову й розпочав дослідження відомостей арабських географів кінця IX – першої половини X ст. про країни й народи Західної, Центральної та Південно-Східної Європи. Ця робота є продовженням дослідження В. В. Бартольдом та І. Ю. Крачковським обставин подорожі Волгою відомого арабського мандрівника Ібн Фадлана. З цієї проблематики

Віктор Григорович підготував низку статей, виступав з доповідями на всесоюзних конференціях.

У 1986 році В. Г. Крюков захистив кандидатську дисертацію «Відомості арабських географів IX-X століть про країни і народи Західної, Центральної і Південно-Східної Європи» в Ленінградському відділенні Інституту сходознавства АН СРСР.

У 2010 році на засіданні Спеціалізованої вченої ради при Інституті археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України Віктор Григорович захистив докторську дисертацію «Писемні джерела Арабського халіфату IX-X століть про етноісторичні процеси на території України» (науковий консультант – проф. Ярослав Дашкевич), а напередодні – опублікував монографію «Ал-Х'варізмі про «Сарматію – землю бурджанів» та сусідні з нею «країни».

У 1983 році до аспірантури вступив випускник Дагестанського державного університету Зіявудін Абасович Саїдов, науковим керівником якого також став професор В. М. Бейліс. Після закінчення в 1986 році аспірантури він залишився працювати на кафедрі асистентом, а потім – старшим викладачем і доцентом. З теми дослідження він опрацював значну кількість матеріалу, яку частково видав у вигляді статей і тез доповідей.

Науковий пошук Зіявудіна Абасовича спрямований на виявлення й аналіз біографій і біографічних нарисів (які часто переходили в записи некрологів), відбір для детальнішого дослідження матеріалів про духовних осіб і освічених людей, які були вихідцями з Південного і Східного Закавказзя (за середньовічною термінологією – Аррану, Ширвану й Дагестану). Отже, він не лише продовжує роботу над арабськими джерелами, які стосуються історії сучасного Нагірного Карабаху (яку розпочав В. М. Бейліс), але й збагачує сучасну науку цінними матеріалами з історії і культури Дагестану. Крім того, Зіявудін Абасович є одним з авторів енциклопедії «Іслам на території колишньої Російської імперії». У 2007 році на засіданні Спеціалізованої вченої ради Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України він захистив кандидатську дисертацію «Арабські біографічні словники як джерела з історії ісламу та арабо-мусульманської культури на Східному Кавказі у VII-XIII ст.». Робота була завершена вже під керівництвом проф. М. С. Бур'яна.

Серед учнів В. М. Бейліса треба назвати й випускника східного факультету Санкт-Петербурзького університету (1994) Данила Анатолійовича Радівілова. Під керівництвом Вольфа Менделевича він у 1998 р. захистив дисертацію «Ібадитський твір XVI-XVIII ст. «Опис походжень, [обставин] смерті, країв 'алімів та

імамів». Пізніше Данило Анатолійович продовжив сходознавчі дослідження, працюючи на посадах молодшого наукового співробітника, ученого секретаря і, нарешті, заступника, а сьогодні – виконуючого обов'язки директора Інституту сходознавства НАН України імені А. Кримського. Він опублікував більше 40 наукових робіт.

Опис результатів плідної наукової діяльності В. М. Бейліса був би неповним, якби ми згадали тільки про його внесок у розвиток класичного сходознавства. Виникнення другого важливого напрямку наукових досліджень кафедри також пов'язане з його ім'ям. Окремі його аспіранти обрали в якості напрямів власних досліджень безпосередньо історію міжнародних відносин на Сході. Так, Валентина Андріївна Крот обрала тему «Османська експансія у Південно-Східній Європі і зовнішня політика Польщі в останній чверті XV – на початку XVI століття». У свою чергу Михайло Степанович Бурьян, котрий з 2001 року і до сьогодні очолює кафедру, поклав початок вивченню історії міжнародних, у тому числі регіональних, конфліктів, питань, пов'язаних з боротьбою за контроль над комунікаціями стратегічного значення, проблем колоніальної політики на Близькому і Середньому Сході, а також в Середземномор'ї. Тим не менш, він активно сприяє розвитку й класичного сходознавства.

Під керівництвом В. М. Бейліса, а потім В. Г. Крюкова і М. С. Бурьяна кафедра всесвітньої історії ЛНУ імені Тараса Шевченка підтримувала й підтримує постійні зв'язки з Інститутом сходознавства РАН, Інститутом російської історії РАН і Інститутом сходознавства ім. А. Е. Кримського НАН України. Арабісти кафедри беруть участь у регулярних і ювілейних наукових конференціях і симпозіумах, що проходять у цих академічних установах: у «Бартольдовських читаннях», читаннях, присвячених пам'яті академіка А. Є. Кримського і заслуженого діяча науки України А. П. Ковалевського, у читаннях пам'яті члена-кореспондента АН СРСР В. Т. Пашуто.

З 1996 року і до останнього дня свого життя В. М. Бейліс входив до складу Спеціалізованої вченої ради Інституту сходознавства із захисту кандидатських і докторських дисертацій, а також редколегії журналу «Східний світ», випуск якого було відновлено в 1993 р.

Усі ці публікації й доповіді, а також активна робота співробітників кафедри з виховання сходознавців дали підґрунтя видатному американському вченому, засновникові Інституту сходознавства НАН України О. Прицаку, який, до речі, пропонував Вольфу Менделевичу стати його заступником, охарактеризувати

діяльність луганських учених як «школу Бейліса», на ім'я її засновника².

Серед молодих дослідників, які ведуть роботу напряму, запропонованому у свій час В. М. Бейлісом, можна назвати Д. В. Шестопаляця, випускника історичного факультету ЛНУ та аспіранта Інституту сходознавства НАН України. В жовтні 2008 р. під керівництвом М. С. Бур'яна ним була захищена кандидатська дисертація «Твір Ібн Теймійї «Вірна відповідь тим, хто підмінив релігію месії» як пам'ятник ісламської антихристиянської полемічної літератури XIII-XIV ст.». З цим текстом він виборов перше місце на IV Всеукраїнському конкурсі ісламознавчих робіт. Крім того, Денис Васильович став стипендіатом програми «Fulbright visiting scholar» і протягом річного перебування в США брав участь у науковому редагуванні третього тому рукопису твору О. Прицака «Походження Русі».

Ще одним шанувальником арабської мови є випускник кафедральної аспірантури Денис Олексійович Анікеев, який вивчає арабомовну географічну літературу IX-X ст. як джерело з історії кочівників Південно-Східної і Центральної Європи. У 2012 році він захистив дисертацію під керівництвом З. А. Саїдова. У тому ж напрямку працює випускниця нашого факультету і аспірантка Інституту сходознавства НАНУ Дар'я Ігорівна Мешерякова (науковий керівник – З. А. Саїдов), яка, на основі аналізу арабських середньовічних джерел, досліджує життєписи християн у середньовічній арабській біографічній літературі. Аспірант З. А. Саїдова Андрій Валерійович Кожушко вивчає відомості арабомовних хронік та енциклопедій XIII-XV століть про монголів епохи Чингізхана.

Такою на сьогодні виглядає наукова школа В. М. Бейліса, якщо вести мову про вчених, які присвятили свої дослідження проблематиці, біль-менш спорідненій з тією, яка розроблялася її засновником. Але не слід забувати і про те, що Вольф Менделевич справив величезний вплив на професійне становлення багатьох поколінь луганських студентів-істориків. Краплина його духу живе в кожному випускнику історичного факультету, а нині – Інституту історії, міжнародних відносин і соціально-політичних наук.

На останнє підкреслимо, що збереження пам'яті про видатного історика і філолога, науковця і педагога, Людину і Вчителя

² Без сходознавства неможливо зрозуміти історію й культуру України (інтерв'ю Володимира Музики з Омеляном Прицаком) // Східний світ. – 1993. – № 1. – С. 5-8; Восток. – 1991. – № 4. – С. 130.

Вольфа Менделевича Бейліса закріплене серед пріоритетів кафедри. Ще у 2001 році його ім'я з'явилося у назві Науково-дослідного центру «Схід-Захід: теорія та історія міжцивілізаційних взаємостосунків». У 2008 році, у зв'язку з 85-річчям з дня народження вченого було випущено збірник наукових праць «Проблеми історіографії, джерелознавства та історії Сходу». Одному з аспірантів кафедри – Олександру Олександровичу Сбродову – доручено дослідити життєвий шлях та науково-педагогічну діяльність В. М. Бейліса. На історичному факультеті виділено окреме приміщення для зберігання бібліотеки та архівних матеріалів, що залишилися у спадок від Вольфа Менделевича. У 2011 році було прийняте рішення установити меморіальну дошку на будинку, де він мешкав. Співробітником кафедри М. В. Ширяєвим за сприяння керівництва університету (В. С. Курило) і факультету (Л. Ц. Ваховський) було проведено велику підготовчу роботу, і, нарешті, в 2013 році, в рамках заходів до 90-ї річниці з дня народження В. М. Бейліса цю справу було завершено зусиллями З. А. Саїдова і його учнів.

Все це плекає надію на те, що школа професора В. М. Бейліса отримає подальший розвиток а сходознавча традиція буде підтримана наступними поколіннями істориків.

УДК 94(4–11).13) „06/07”

Айбабин А. И. (Симферополь)

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКОМ КОНДОМИНИУМЕ В КРЫМУ

В описании Феофана [32 р. 519-523] и Никифора [30, р. 106-109] высылки в Херсон в 695 г. Юстиниана II и связанных с ней событий охарактеризована политика Византии и Хазарии в Таврике в конце VII – в начале VIII Бежавший в 704 г. из Херсона в крепость готов Дорос (Мангуп) Юстиниану II оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии, который разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и дал ему в жены свою сестру.

В рассказе о попытке убить Юстиниана II упомянуты наместники кагана, управлявшие крупнейшими городами на берегах пролива – Боспором и Фанагорией. Феофан писал о наместнике в Фанагории Папаце и архонте Боспора Балгиче [14, с. 39/62,63]. Никифор именовал наместника Фанагории «архонтом из единоплеменников» (кагана) [14, с. 155/163; 30, §

42,20]. По словам компилировавшего в XI в. «Хронографию» Феофана Георгия Кедрина, каган поручил убить Юстиниана II своим людям [24, р. 779,7]. А.А.Васильев считал термины «наместник» и «архонт Боспора» греческой интерпретацией тюркского титула тудун [33, р. 84, 85; 14, с. 129, 130]. Имя Балгиц тюркское. Его этимологию возводят к тюркскому *Bulgi* (*Bolgi*)*tsi*, *Balgichi* – «управитель» [31, р. 99; 22, р. 172; 28, S. 130-137; 25, р. 137, 138; 34, р. 256]. В документе, хранящемся в Кембридже, упомянут управлявший Боспором наместник кагана «ха-пакид». В древнееврейском языке это слово означает «начальник отряда, гарнизона» [25, р. 116-117]. Приведенные источники однозначно говорят об установлении с начала VIII в. хазарского контроля над Боспорским проливом – важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию.

В 711 г. посланная в Херсон Юстинианом II карательная экспедиция захватила там хазарского тудуна. В составленном в X в. греческом словаре тудун назван «наместником у тюрков» [23, 763, 24]. Титул тудун известен в древнетюркских и китайских источниках (*tu-tun* – на китайском) [20, с. 263; 29, S. 318, 319]. По свидетельству китайского историка, тудун занимал пятое по рангу место в тюркской иерархии (27, S. 8-9; 14, с. 101, 129, 130). В 711 г. император для наказания жителей Херсона, Боспора «и других архонств» (по Никифору) или «других климатов»? (по Феофану) направил в Крым флот с 100000-м войском под командой патрикия Стефана [30, 45,1-10; 14, с. 40/64]. Упоминание городов и архонств дает основание говорить и о другой, быть может, главной задаче военной экспедиции – возвращение империи утраченных городов и крепостей.

По Феофану, овладевшие Херсоном византийцы пленили там хазарского «Тудуна – архонта Херсона, бывшего там от лица кагана и Зоилу, первого гражданина по роду и племени» и шестьдесят семь «знатных мужей, протевонов Херсона» [14, с. 40/64]. По Никифору, византийцы захватили «Тудуна архонта Херсона и Зоила, называемого протополитом, сорок семь протевонов и до двадцати управляющих другими городами» [30, 45, 16-25]. Издатель «Бревиария» патриарха Никифора К. де Боор сохранил почти без изменений содержащуюся в Ватиканском манускрипте неверную форму тондун тюркского термина тудун [29, S. 317; 14, с. 181]. К.Манго при подготовке нового издания труда Никифора использовал Лондонский манускрипт, в котором термин тудун написан правильно [30, 45, 16, 41]. По предположению А.Л. Бертье-Делагарда, Протополит Зоила представлял в городе византийскую администрацию, тудун – хазарскую [4, с. 81]. Однако согласно Никифору и Феофану протополит Зоила возглавлял городское самоуправление, состоявшее из протевонов [30, 45, 16, 41; 14, с. 40/64]. Возможно, они, опасаясь мести

Юстиниана II, и пригласили в город хазар. Присланный каганом тудун сохранил в городе самоуправление.

С войсками Стефана в Херсон прибыл назначенный императором архонт спафарий дорифор Илья. Для улучшения отношений с каганом Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и бывшего главу самоуправления протополита Зоила, а архонта Илью отозвать в Константинополь. Император отправил их в сопровождении патрикия и министра финансов Георгия Сирийца, эпарха города Иоанна и 300 стратиотов под командой турмарха Фракийцев Христофора. По Никифору, архонт Херсона Илья и архонты соседних областей, не доверяя императору, вновь призвали в хазарские войска. Согласно Феофану, архонт Илья, "херсониты и жители других крепостей отреклись от Юстиниана II и провозгласили императором сосланного в город Вардана. Херсонцы убили Георгия и Иоанна, а тудуна и протополита Зоилу вместе с турмархом и стратиотами передали подступившим к городу хазарам. Разгневанный Юстиниан II отправил в Херсон флот во главе с патрикием Мавром. Войска ромеев разбили тараном две городские башни. Подоспевшие войска хазар заставили ромеев прекратить осаду. Патрикий Мавр и его воины отреклись от Юстиниана II и провозгласили новым императором бежавшего к кагану Вардана, переименовав его в Филиппика. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности Вардану и уплатить выкуп за каждого воина. Вардан с войском патрикия Мавра на кораблях отплыл к г. Византию, сверг и казнил Юстиниана II [14, с. 41/64, 65; 30, 45, 32-65].

Описанные события красноречиво характеризуют реальные позиции Византии и каганата на полуострове после 712 г. После уничтожения карателями протевоноров, Херсоном управлял перешедший на сторону Вардана архонт спафарий Илья. Примечательно, что херсонцы не позволили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление протополиту Зоиле вернуться в город. Хазары признавали принадлежность Херсона империи, но установили свой протекторат над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне.

Опираясь на рассмотренные фрагменты сочинений Феофана и Никифора С.П. Шестаков [15, с. 12, 30-39], Ю.А. Кулаковский [9, с. 65-66], А.А. Васильев [33, р. 81-87], Д.М. Данлоп [22, р. 171-174], А.Л. Якобсон [16, с. 468, 469; 17, с. 27-29, 35], М.И. Артамонов [3, с. 196-199, 200, 252-258], П. Голден [26, р. 60], А.П. Новосельцов [10, с. 144], автор этого доклада [1, с. 46; 2, с. 185, 187-189; 19, S. 170-183], К. Цукерман [13, с. 675] и многие другие исследователи пришли к выводу о захвате хазарами в начале VIII в. почти всего Крыма.

Иная трактовка описанных Феофаном и Никифором событий предложена в серии публикаций С.Б. Сорочана. По его мнению, описание ссылки Юстиниана II и походов его войск в Херсон доказывает совместное византийско-хазарское управление территорией полуострова. В одной из статей в свойственной С.Б. Сорочану манере он приписал А.А. Васильеву, П. Голдену, Д.М. Данлопу, А.П. Новосельцеву, К. Цукерману и другим историкам утверждение о том, что Византийская империя «тормозила нормальное развитие местной среды на полуострове» [11, с. 44, 58]. Перечисленные авторы вообще ничего не писали о «развитии местной среды». В другой статье С.Б. Сорочан в подтверждение своего утверждения об установлении на полуострове кондоминантных отношений ссылается на А.А. Васильева и А.П. Новосельцева [12, с. 211]. Однако на процитированных страницах названные авторы вообще не писали о кондоминиуме. У А.А. Васильева сказано об утверждении хазарского господства в Восточном и Степном Крыму, автономии Горного Крыма и сохранении византийского присутствия в Херсоне и в гавани Символа [5, с. 191-196], а у А.П. Новосельцева – закреплении хазар в Крыму [10, с. 111]. Отстаивая свою точку зрения С.Б. Сорочан также свободно обходится как с текстами письменных источников, так и с археологическими материалами.

В многословных рассуждениях С.Б. Сорочана о текстах Феофана и Никифора проигнорированы не только приводимые этими авторами однозначные свидетельства хазарского господства на полуострове, но и аргументы, как перечисленных выше византинистов, так и востоковедов В.Ф. Минорского, Н. Голба и О.Й. Прицака, П. Голдена и других. Не найдя в текстах рассмотренных источниках свидетельств кондоминиума в Крыму С.Б. Сорочан использует весьма сомнительный в данном случае метод исторической аналогии. Из многочисленных пограничных территорий Византии С. Б. Сорочан выбрал для сравнения с Крымом Кипр, который якобы управлялся совместно Византией и арабами. Однако V. Christides, привел веские аргументы, опровергающие кондоминиум на Кипре при Юстиниане II [21, р. 29-38]. Еще более сомнительным являются попытка назвать кондоминантными взаимоотношения боспорских гуннов и Юстиниана I [11, с. 49]. Правивший на Боспоре гуннский правитель просто попросился в состав империи.

Еще проще С.Б. Сорочан обошелся с археологическими источниками. Вероятно, будучи не в состоянии понять стратиграфию слоев и типологию амфор и хронологию краснолаковой и другой керамики, он просто обозвал результаты раскопок сомнительными.

Как показали раскопки на больших участках, в Боспоре хазары поселились рядом с хазарской цитаделью в приморских кварталах. Здесь поверх развалин византийского периода без регулярной планировки

сооружаются безфундаментная фактически наземная постройка и дома пятистенки с огороженными дворами. Стены домов сложены на каменном цоколе так называемой кладкой в елку. Весьма анекдотичным представляется сравнение С.Б. Сорочаном салтовской кладки из необработанных камней на грязи «в елку» с римской кладкой из обработанных камней на цемянке. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не знали технологию каменного домостроительства. Такими же жилищами застраивается и захваченные хазарами Фанагория и другие города на Таманском полуострове [2, с. 185, 187, 189, рис. 79; 19, S. 172-176, Abb. 80; 8, с. 393-428].

Очевидно, новый тип жилища возник на захваченной хазарами территории бывшего Боспорского царства. Из местной боспоризантской домостроительной традиции заимствованы лишь отдельные элементы описанных домов – каменные цоколы и глинобитные стены. Археологическая культура населявших город Боспор хазар по керамике и жилищам не отличается от созданного болгарами Батбаяна в Крыму и Приазовье крымского варианта салтово-маяцкой культуры [6, с. 72-115; 7, с. 217-248; 63, S. 176-181].

Литература

1. **Айбабин А.И.** Основные этапы истории городища Эски-Кермен / А.И. Айбабин // МАИЭТ. – Симферополь, 1991. – Вып. II.
2. **Айбабин А.И.** Этническая история ранневизантийского Крыма / А.И. Айбабин. – Симферополь, 1999.
3. **Артамонов М.И.** История хазар / М.И. Артамонов. – Л., 1962.
4. **Бертъе-Делагард А.** Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса. / А. Бертъе-Делагард. – Одесса, 1893. – Том 16. – С. 45-88.
5. **Васильев А.А.** Готы в Крыму / А.А. Васильев // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – Ленинград, 1927. – Т. V, ч. 2.
6. **Гадло А.В.** Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе / А.В. Гадло. – СПб., 2004.
7. **Зинько В.Н.** Восточный Крым в эпоху хазарского каганата / В.Н. Зинько // Хазары: миф и история. – М.; Иерусалим, 2010.
8. **Кузнецов В.Д.** Дома хазарского времени в Фанагории / В.Д. Кузнецов, Л.А. Голофаст // ПИФК. – 2010. – № 1.
9. **Кулаковский Ю. А.** Прошлое Тавриды / Ю.А. Кулаковский. – Киев, 1914.
10. **Новосельцев А.П.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А.П. Новосельцев. – М., 1990.
11. **Сорочан С.Б.** Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? / С.Б. Сорочан // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – К., 2007. – Вип. 7. – С. 44-70.
12. **Сорочан С.Б.** Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. / С.Б. Сорочан // Хазарский

альманах. 2007а. – Т. 6. 13. **Цукерман К.** Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 гг. / К. Цукерман // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. VI. 14. **Чичуров И.С.** Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / И.С. Чичуров. – М., 1980. 15. **Шестаков С.П.** Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. / С.П. Шестаков // Памятники христианского Херсонеса. – Москва, 1908. 16. **Якобсон А.Л.** Раннесредневековые поселения Восточного Крыма / А.Л. Якобсон // МИА. – 1958. – № 85. 17. **Якобсон А.Л.** Средневековый Крым / А.Л. Якобсон. – Москва-Ленинград, 1964. 18. **Aibabin A.** Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea / A. Aibabin // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par C. Zuckerman. – Paris, 2006. 19. **Ajbabin A.I.** Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit / A.I. Ajbabin // Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. – Mainz, 2011. – Band 98. 20. **Chavannes E.** Documents sur les T'ou-Kiue occidentaux / E. Chavannes // Сборник трудовь Орхонской экспедиции. – СПб., 1903. – VI. 21. **Christides V.** The Image of Cyprus in the Arabic Sources / V. Christides. – Nicosia, 2006. 22. **Dunlop D.M.** The history of the jewish Khazars / D.M. Dulnop. – Prinston, 1954. 23. **Etymologicon Magnum** / Ed. Th. Gaisford. – Oxonii 1848. Reprint.: Amsterdam, 1967. 24. **Georgius Cedrinus**, Ioannis Scylitzae. Compendium Historiarum / Ed. I. Bekkeri, B. G. Niebuhrii // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. –Bonnae, 1838. 25. **Golb N.** Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithalica / N. Golb, O. Pritsak. – London, 1982. 26. **Golden P.B.** Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars / P.B. Golden. – Budapest, 1980. – Vol. 1. 27. **Liu-Mau-Tsai.** Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe) / Liu-Mau-Tsai. – Wiesbaden, 1958. – Bd. I-II. 28. **Minorsky V.** Balgitzı – “Lord of the Fishes“ // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes / V. Minorsky. – Vienna, 1960. – Band 56. 29. **Moravcsik Gy.** Byzantinoturcica / Gy. Moravcsik. – Berlin, 1958. – II. 30. **Nikephoros** patriarch of Constantinople. Short history / Text, tr. and com. by C. Mango. – Washington, 1990. 31. **Pritsak O.** Review. Studies on the Khazar Problem, published by the Polish Academy / O. Pritsak // Der Islam. – Cracow, 1949. – Band 29. 32. **The** Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History A.D. 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. – Oxford, 1997. 33. **Vasiliev A. A.** The Goth in the Crimea / A.A. Vasilev. – Cambridge, Massachusetts, 1936. 34. **Zuckerman C.** On the date of the Khazars conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor / C. Zuckerman // Revue des études Byzantines. – Paris, 1995. – Tom 53.

Алиева Н. (Баку)

**СВЕДЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
О НАУЧНОЙ СРЕДЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ
ГЯНДЖА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

С 70-х годов X века столица правящей в Арране династии Шеддидов Гянджа превращается в один из крупных городов этого региона, обогнав Барду. В период господства Великих Сельджуков Гянджа входит также в четверку таких крупнейших городов как Мерв, Нишапур и Исфахан. Однако страшные землетрясения и, в особенности, катастрофическое по своим последствиям землетрясение, произошедшее в 1139 году, разрушительные набеги и грабежи разных захватчиков, хотя и привели к практически полному разрушению города, но в связи с его стратегическим расположением, его ролью аванпоста мусульманского мира в пограничной области «ас-сугур», а также высоким уровнем развития ремесленного производства здесь, огромное внимание, которое в связи с этим уделял восстановлению города наместник султана Сельджукидов Кара Сункур – все это, в конце концов, дало свои результаты и вскоре город вернул себе «былую красоту» и былую славу. Согласно ал-Бундари, после восстановления от последствий землетрясения, город стал даже «ещё лучше» [2, с. 62]. Необходимо отметить, в Арабском Халифате центры управлений наместничествами являлись в то же время и центрами культуры и науки. В этих центрах в самых разных отраслях науки трудились ученые разных вероисповеданий, языков и разных культур. Представители разных регионов приезжали в эти центры для того, чтобы получать знания, изучать и овладевать науками, и здесь они много и напряженно трудились. Среди этих центров выделялась Гянджа и, в первую очередь, уровнем научных исследований своих ученых. Достоинно внимания, что к XI веку значительно возросло количество ученых, посетивших этот город. Арабоязычные авторы этого периода сообщают о мечети, библиотеке, учебных центрах, об организуемых здесь собраниях (ар. «маджлисах») хадисов, о встречах с местными учеными и о дискуссиях, которые проводились с их участием. Среди этих авторов выделяется двое, первый – это Абу Тахир ас-Сияфи ал-Исфахани (1085-1180), а второй – Ибн Макула (1030-1082), они оба наряду с другими городами посетили и Гянджу. Абу Тахир ас-Сияфи известный ученый суфий был очень связан с Азербайджаном. В Багдаде он у ал-Ал-Кийа Абу-л-Хасан ал-Харраси изучил фикх (исламское право), а у Хатиб Тебризи арабский язык. Шейх ас-Сияфи был влиятельным и авторитетным

человеком своего времени, о его авторитете свидетельствует тот факт, что Фатимидский халиф аз-Захир ал-Убейди в 1151г. (х. 546 г.) поручил ему руководить строительством медресе в Искендерийа [16, с. 543]. Его популярности способствовало также и то, что он много путешествовал, собирая хадисы, причем его путешествия продолжались порой десятилетиями. В своих исканиях он встречался с известными людьми своего времени [17, с. 121]. Результаты этих долгих и трудных путешествий, он изложил в своём сочинении под названием «Муджам ал-сафар» («Собрание путешествий») [15]. Желание собирать хадисы привело ас-Силяфи из Египта на Ближний и Средний Восток, а также в некоторые города Азербайджана. Так, Ас-Силяфи побывал в Ширване, Баб ал-Аббабе, Салмесе, Нахичевани и, в том числе и в Гяндже, и виделся со многими хафизами (знарок Корана, знающий его наизусть), известными шейхами. Автор в своей «Муджам ал-сафар» изложил уникальные и неизвестные ранее для современной науки сведения, не встречающиеся в других источниках. Когда он был в Гяндже, он не только встречался со многими учеными этого города и собирал хадисы, но и сам делился с ними своими знаниями и, в свою очередь, сам рассказывал им собранные им хадисы. Дискуссии, которые Абу Тахир ас-Силяфи вел с учеными города, свидетельствуют об уровне научной среды и той интеллектуальной обстановке, а также уровне культуры и науки в этом регионе. Как свидетельствует шейх Абу Тахир ас-Силяфи, он был близок с внуком Абу Саида ал-Мейхани, его сверстником Абу-л-Гасым ал-Мейхани. Вместе они собирались в Багдаде и вместе совершили паломничество в Мекку. Ас-Силяфи отмечает, что он «в Мекке, Куфе, Багдаде и в различных городах Азербайджана слушал мои проповеди» (15, № 550). Дед Абу-л-Гасым ал-Мейхани известный шейх Абу Саид Абу-л-Хейр ал-Мейхани (ум. в 1048-49/440 г.х.) возглавлял суфийские центры в Нишапуре в XI веке (3, с.54). Можно с уверенностью сказать, что все выдающиеся суфии этого периода, так или иначе были связаны с этими медресе. Сочинение этого шейха про тасаввуф, которое так и называется «Китаб ат-тасаввуф», тесно связанное с Азербайджаном и азербайджанскими суфиями являлось своего рода руководством для суфиев Азербайджана. Это его сочинение под номером В-612 в настоящее время хранится в фонде Института рукописей Азербайджана.

Как видно, в ряде городов Азербайджана существовали крупные религиозные центры, в которых функционировали научные собрания, причем на этих собраниях участвовали шейхи и из других регионов и обменивались своими мнениями по различным вопросам науки. Среди ученых Гянджи видное место принадлежит казийу (исламскому правоведу, судье) Тахиру ал-Джанзи (Гянджеви – Н.А.). Ас-Силяфи

особенно отмечает его широкую эрудицию и глубокие знания в области фикха (исламского права) и адаба (литературного мастерства). Тахир ал-Джанзи дает сведения об Абу-л-Гасиме Али ибн Абд ар-Рахим ан-Нишапури и его земляке Абу-л-Фазле Шабане ибн Али ибн Мухаммад ал-Бардаи. Абу-л-Фазл ал-Бардаи был его преподавателем по фикху. В X веке многие ученые с нисбой “ал-Бардаи”, совершали путешествия в различные религиозные научные центры и продолжали там своё образование, другие же оставались на своей родине и продолжали образование на родной земле. Вероятно, что Абу-л-Фазл Шабан был одним из таких ученых.

Когда султан и его везир Низаму-л-мульк достигли Арранийя (возможно, что так называлась соборная мечеть в Гяндже – Н.А.), Ибн Макула был среди ученых посетивших Гянджу.

По сообщению историка и географа, путешественника Йакута ал-Хамави, один из значительных книжных фондов, богатых арабской и персидской литературой размещался в Гяндже. Этот фонд был открыт для всех желающих. Приходящим сюда людям предоставляли имеющуюся литературу для чтения и переписывания, а для приходящих из других мест для переписывания и научных изысканий предоставляли, кроме того, бумагу и чернила. Ученых, занимающихся в какой-либо отрасли науки, обеспечивали необходимыми денежными суммами. В работе таких библиотек участвовали и видные ученые, которые организовали различные ученые диспуты [11, с.192].

В гянджинской библиотеке известный в истории арабской литературы как мавля, великий эмир, алим, историк, адиб (литератор), хафиз, критик, нассаба (специалист по генеалогии) с лакабом «эмир», выходец из Багдада Абу Наср Али ибн Хибатуллах ибн Али Джафар ибн Али ибн Мухаммед ибн Макула (1030-1082) встречался с работником библиотеки нахичеванцем Холадад ибн Асим ибн Бакран ан-Нашави и слушал от него хадисы [13 с. 387-388]. Ас-Самани в своей книге «Китаб ал-ансаб» представляет нахичеванца Холадад ибн Асима шейхом Ибн Макулы, что в свою очередь, подчеркивает роль суфиев в создании и формировании научной среды в Гяндже.

Наряду с собраниями по хадисам, учеными организовывались и литературные собрания, где ученые и литераторы соревновались в чтении стихов, прозы и участвовали в других литературных спорах. Такие собрания, называемые «мугарадат», проходили в Бейлагане, а также и в Гяндже [6, с. 62].

Город Гянджа – жемчужина не только Аррана, но и всего Южного Кавказа в рассматриваемый период, не только в экономическом смысле, но может ещё более в научном значении, и как обладающий эрудированной и образованной этнокультурной научной средой, город

вырастил многих выдающихся людей той нелёгкой эпохи. Не случайно, что выдающийся и неповторимый гений Низами Гянджеви сформировался именно в Гяндже. Даже жившие в других регионах многие известные и талантливые люди того времени, часто приезжали в Гянджу. Так, например, живший в конце XI века один из великих поэтов Азербайджана Гатран Тебризи много раз бывал в Гяндже. Совершенно невозможно, чтобы в такой научной и образовательской среде не существовало бы какого-либо крупного учебного заведения, хотя бы просто как показатель этой самой среды.

До настоящего времени в азербайджанской историографии не было сведений о наличии местных учебных учреждений в Гяндже. Вопрос о том, где получали образование гянджинские ученые, интересовал многих ученых, в том числе В.М. Бейлиса, заслуги которого перед азербайджанской исторической наукой огромны. Где получил образование, «посвятивший свои юношеские годы книгам» Масуд ибн Намдар, автор XI века, исследованию творчества которого посвятил многие годы В.М. Бейлис? Существовали ли в Гяндже медресе типа Низамийе? Эти вопросы задавал и проф. В.М. Бейлис, который написал несколько исследовательских работ (и, том числе, подробное предисловие к тексту источника), посвященных Масуд ибн Намдару, но ввиду отсутствия достаточной информации не смог на них ответить [5; 14]. Исследование сочинения Абу Тахира ас-Силяфи «Муджам ас-сафар» позволило нам восполнить этот пробел и добыть два новых факта. Ас-Силяфи в «Муджам ас-сафар» даёт сведения о посещении многих городов Азербайджана и, в том числе, Гянджи и городского медресе Низамийе. В этом медресе трудился мударрис, казий Абу Абдаллах Мухаммед ибн Али ибн Мухаммед ат-Габари, талантливый и одаренный человек, который, наряду с преподаванием фикха и адаба, также руководил образованием в этом городе, причем, как выясняется, медресе было построено везирем Низам-уль-мульком для его отца, тоже мударриса, о чем повествует ас-Силяфи. Он отмечает, что в результате его руководства уровень образования значительно возрос, как и вообще окрепло самообразование [15, № 1177]. В сельджукский период мударрисы считались старшими преподавателями в медресе. Достоинно внимания и то обстоятельство, что они назначались на эту должность султанами и везирями. Так, Низам-уль-мульк сам назначал мударрисов на должность, известно также, что и султан Санджар (1096-1157) тоже лично назначал мударрисов преподавать медресе [7, с. 365].

Анализ источников также позволяет выявить и таких ученых как ал-Кийа ал-Хараси, который был учеником известного имама ал-

Джувейни (1058-1110) (450-504 г.х.) и который вероятно был одним из первых мударрисов Гянджинского медресе в XI веке.

Выходец из Гянджи арабоязычный автор XII века Абу Нафс Умар ибн Усман ибн Шуайб ал-Гянджеви (ум. в 1155 г./550 г.х.) преподавал детям сына везира Низам-уль-мулька Фахр-уль-мулька (ум. в 1106), что говорит о том, что мударрисы-гянджинцы, как знатоки науки и педагогики, были весьма искусны в деле преподавания и обучения наук. Этот чрезвычайно религиозный мусульманин, доброжелательный и добродетельный человек подружился со многими учеными Багдада и, в том числе, с Абу-л-Музаффаром ал-Абиверди, у которого сам выучился различным наукам. Абу Хафс Омар для того, чтобы изучить секреты литературного мастерства, выехал из Багдада в Хамадан, где продолжил своё обучение у Абу-л-Музаффара ал-Абиверди. Встретившись в Серахсе с Абу Хафсом, ас-Самани привел в своей работе несколько стихов, услышанных от него. После получения образования в Багдаде, Абу Хафс вернулся в Гянджу, где и умер в возрасте 70 лет. Л.Оруджева и З. Шихабейли полагают, что Омар Абу Хафс приходился дядей великого Низами Гянджеви [9, с. 25].

Ибн Макула в своем сочинении « ал-Икмал» дает сведения о более чем 50-ти ученых, имена, лакабы и нисбы которых схожи с другими. Среди них имеет место также сведение о Ибрахиме ибн Мухаммед аль-Джанзи, родом из Гянджи. Он был факихом шафиитского толка. Он писал о значениях хадисов [18, с. 49]. Автор пишет о том, что получил эти сведения от ад-Даракутни (918-995). Если учесть, что Абу-л-Хасан ад-Даракутни жил и творил в X в., то Ибрахим ибн Мухаммед ал-Джанзи тоже можно считать ученым этого века.

Ученые выходцы из Гянджи продолжали свою научную деятельность в городах Ближнего и Среднего Востока. Один из них Исмаил ибн Али Ибрагим ал-Гянджеви (ум. в 1192/ 588 г.х.), обосновавшись в Дамаске, и взяв себе и нисбу ад-Дамашки был также известен под этим именем [14, т. 2. с. 172]. Он пополнил своё образование в Багдаде у такого ученого как Абу-л-Баракат Хиббатуллах ал-Бухари.

Со второй половины XIII века до конца XV века наблюдается сфера сужения использования арабского языка, постепенно уменьшается количество литературных сочинений и научных изысканий, книги на арабском языке выходят из массового использования, за исключением, пожалуй, сочинений по шариату, языком которого по-прежнему оставался арабский.

В.А. Звягинцев справедливо полагает, что внешнее влияние на грамматическую систему арабского языка следует изучать не только с лингвистической точки зрения, но и в связи с этнокультурными,

общественно-экономическими взаимными связями арабов с другими народами, находящимися в соответствующей исторической эпохе и иной культурной среде [5а, с. 20]. При этом не следует ограничивать эти связи, какими – либо временными рамками, приходом ислама и т.д., так как, для полноты и всесторонности следует исследовать эти вопросы и намного ранее указанного периода [8, с. 13]. Специфической особенностью сельджукского периода было и то, что местные ученые могли оказывать действенное влияние на представителей сельджукской аристократии [1, с. 48]. Среди таких можно отметить знаменитого сельджукского везира Низам-уль-мулька. Роль сельджукских властителей, защищающих интересы местных феодалов, в установлении доброжелательных отношений между представителями суннитских и шиитских общин была велика. На пути установления и укрепления основ религии и, в целом, в установлении ортодоксального ислама он и его сын являлись примерами и образцами подражания. Ибн Макула так описывает участие его в различных собраниях по хадисам: «Низам-уль-мульк Гивам ад-дин Гияс ад-давла везир везирей Абу Али ал-Хасан ибн Али ибн Исхак родился в Гусе, слушал хадисы от многих мухаддисов, сам же рассказывал хадисы в Мерве, Нишапуре, Рее, Исфохане, Багдаде, во всем Хорасане, в стране Арран – в Гяндже, Барде, в Бейлагане и в других городах».

Во времена Сельджуков некоторые правители независимых феодальных стран и сами по вероисповеданию христиане в деле охраны устоев ислама шли намного дальше самих сельджуков. В 1122 г. захвативший Тифлис Давид IV Строитель (1089-1225) предоставил мусульманскому населению Тифлиса возможность беспрепятственно и без каких-либо затруднений со стороны правительства исповедовать свою религию. Так, например, мусульмане могли свободно отправлять в городе свои религиозные обряды. Чтобы не допускать оскорбления мусульманской части населения города здесь было запрещено резать свиней. В период грузинского владычества в городе были чеканены монеты, на которых надписи были сделаны на арабском языке. После имени Аллаха, на монетах приводилось имя пророка Мухаммеда (с.а.в.). Давид IV и его сын Деметре посещали масджид в Тифлисе, слушали хутбу и Коран. Для приезжих купцов-мусульман Давид IV построил каравансарай, а для дервишей – суфиев помещения, где они жили, а также выделил им соответствующую пенсию. Особенно царь интересовался религиозными учеными диспутами, проходящими среди мусульманских богословов. Известно также, что он участвовал в беседе с казием города Гянджи о вечности Корана [10, с. 32].

Биографические сведения об образованных людях -выходцах из Барды, Табриза, Нахичевани, Хоя, Бейлакана, Урмии, Маранда, Ушну,

Барзанда, Дербента, Варсана, Бардиджа, Серавы, Мимазы и других городов Азербайджана, в том числе и Гянджи, свидетельствуют о достаточно высоком уровне арабо-мусульманской образованности в них и об их активных контактах с другими духовно-культурными центрами Халифата в эпоху классического ислама.

Литература

1. **Али-заде А.А.** Общность взглядов ученых Ирана и Азербайджана XI-XIV вв. по вопросам социально-экономического характера / А.А. Али-заде // Изв. АН Аз. ССР. Серия истории, философии и права, 1968. – № 1. – С. 48. 2. **Альтман М.М.** Исторический очерк города Гянджи / М.М. Альтман. – Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1949. – Часть 1. – С. 62. 3. **Бертельс Е.Э.** Очерк истории персидской литературы / Е.Э. Бертельс. – Л., 1928. – С. 54. 4. **Бертельс Е.Э.** Великий Азербайджанский поэт Низами / Е.Э. Бертельс. – Б.: Изд-во Аз ФАН. – 1940. – С. 13. 5. **Бейлис В.М.** Сочинения Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана нач. XII в. и памятник средневековой арабской литературы: автореф. дис. на соискание ученой степени докт. ист. наук / В.М. Бейлис. – Баку, 1975. – С. 14. 5 а. **Звегинцев В.А.** Очерк грамматической системы арабов / В.А. Звегинцев. – СПб., 1879. 6. **Мас'уд ибн Намдар.** Сборник рассказов, писем и стихов / Факсимиле текста, предисловие и указатели В.М. Бейлиса. – М.: Наука, 1970. 7. **Köymen M.A.** Alp Arslan və zamanı / M.A. Köymen. – Ankara, 1983. – S. 365, qeyd 67. 8. **Məmmədəliyev V.M.** Vəsrə qrammatika məktəbi / V.M. Məmmədəliyev. – Bakı: ADU-nun nəşri, 1983. 9. **Оруджева Л.М.** Развитие арабской филологии в Азербайджане / Л.М. Оруджева, З.Е. Шихалибейли. – Баку: Нурлан, 2004. – С. 25. 10. **Петрушевский И.П.** Совместная борьба народов Закавказья против иноземных захватчиков в XI-XII вв. / И.П. Петрушевский // АН СССР, Изв. Филиал Аз. ССР. – 1942. – № 10. – С. 32. 11. **Халидов А.Б.** Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. – М.: Наука, 1985. – С. 192. 12. Халидов А.Б. Книжная культура / А.Б. Халидов // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. – М., 1982. 13. **Ас-Самани Абд ал-Карим ибн Мухаммад.** Китаб ал-ансаб. – Байрут, 1998. – Дж. 4. 14. **Йакут ал-Хамави.** Муджам ал-булдан. – Байрут, 1998. – Дж. 2. 15. **Ас-Силафи Абу Тахир Муджам ас-сафар** [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mostafa.com 16. **Абд ал-Хади ал-Махбуба.** Ал-харакат ал-илмийат фи миати-л-хамисати-л-хиджрийати ва асар Низам ал-Мулк. Багдад. – С. 62-63. 17. **Ибн Халликан.** Китаб ал-вафайат ал-айан ва анба абна аз-заман. – Байрут, 1998. – Дж. 1. 18. **Ибн Макула.** Ал-Икмал фи раф ал-иртийаб ан ал-муталиф ва-л-мухталиф фи-л-асма ва-л-куна ва-л-ансаб. – Байрут, 1990. – Дж. 3.

Анікєєв Д.О. (Луганськ)

УЯВЛЕННЯ АЛ-МАС‘УДІ ПРО ЗОВНІШНЮ ПОЛІТИКУ ДУНАЙСЬКИХ БОЛГАР

Арабська географічна література IX-X ст. посідає особливе місце у колі писемних джерел, на які спираються дослідження історії ранньосередньовічної Європи. Вона являє собою погляд із зовні на віддалені від Арабського халіфату країни, зокрема – на степову смугу Європи. Тому предметом уваги арабських географів означеної доби були у тому числі й кочові етноси Південно-Східної і Центральної Європи. Врахування та використання їхніх повідомлень необхідні для визначення не лише рівня загальної поінформованості представників інтелектуальної еліти тогочасного халіфату відносно населеної частини землі, але й для вивчення етноісторичних процесів у кочовому середовищі досліджуваного регіону. Останнє має виключне значення з точки зору розуміння подальших інтеграційних процесів, які відбувалися в означеному регіоні за участю кочівників, що призводили до виникнення низки сучасних держав Європи.

Арабські географічні джерела надають певні уявлення про зовнішню політику дунайських болгар та їхні війни з сусідами. Відомо, що укладений у 681 р. мир був порушений візантійським імператором Юстиніаном II, який у 689 р. здійснив похід проти незалежних „Славиній та Болгарії” та розбив болгар. Він переселив значну кількість слов’ян Македонії до Малої Азії. Після цього до середини VIII ст. настав період тривалих мирних відносин з Візантією [1, с. 46]. Цей період знайшов своє відображення в уявленні арабських географів IX – X ст. У творі ал-Мас‘уді „Книга попередження та перегляду” йдеться про взаємини між візантійським володарем Усфініанусом та болгарським царем Турфалом [2, с. 164]. Арабська графіка написання імені цього болгарського правителя „طرفلا” збігається з давньогрецькою „Τέρβελς”, що міститься в „Хронографії” візантійського історика IX ст. Феофана Сповідника [3, с. 273]. Цим болгарським царем був хан Тервел, який походив з роду Дуло. Він прийшов до влади в 700 р. і правив до 721 р. [4, с. 171-172]. Щодо імені візантійського імператора, то арабська графіка написання цього слова „اسطنياانس” збігається з грецькою назвою Ἰουστινιανός ὁ Ῥινόρμητος, що міститься у творі „Про управління імперією” Костянтина Багрянородного й у перекладі означає Юстиніан II Рінотмет (685-695, 705- 711) [5, с. 583]. За розповіддю зазначеного арабського географа цей візантійський імператор правив дев’ять років, а потім був скинутий з престолу, і йому прокололи ніс

та вирізали у нього язик. Він уцілів і був доставлений на один з островів. Коли він не знайшов допомоги в царя хозар, то перейшов до згаданого вище царя Бурджан Турфала [6, с. 164]. Цей сюжет арабського автора збігається з повідомленнями з творів Костянтина Багрянородного та іншого візантійського автора другої половини X ст. Льва Диякона „Історія”. Ці візантійські джерела говорять про те, що візантійського імператора Юстиніана скинули з престолу й відрізали ніздрі та язик, після чого він опинився в засланні в Херсонесі. Це сталося у 685 р., а новий імператор Леонтій був сам убитий у 698 р. [7, с. 59-60]. Далі ал-Мас‘уді говорить про іншого правителя Візантії Абсімара, який правив сім років. Проти нього й виступили зазначені Усфініанус та Турфал, унаслідок чого вони перемогли його й Усфініанус прийшов до влади [8, с. 164]. У паралельних уривках візантійських джерел ідеться також про ці події. У 705 р. Юстиніан на чолі з болгарським військом підійшов до Константинополя й скинув візантійського імператора Тиверія III Апсімара (698-705) [9, с. 60]. За допомогу хан отримав багаті подарунки, титул кесаря (найвищий світський ранг у Візантії після імператорського), а також – область Загору на південь від Балканського хребта, у Північній Фракії. У 708 р. Юстиніан II спробував повернути Загору, але зазнав поразки. Тиск Болгарії на той момент, коли Візантія вела боротьбу з арабами, призвів до укладання в 716 р. вигідного для Болгарії договору. Були підтверджені кордони Болгарії, імперія продовжувала виплачувати хану щорічну данину, а також були врегульовані торговельні відносини. У 717-718 рр. Болгарія як союзниця імперії відіграла значну роль у розгромі арабів, які обложили столицю Візантії [10, с. 171-172].

На наш погляд, повідомлення арабського географа ал-Мас‘уді про відновлення на престолі візантійського імператора Юстиніана II за допомогою дунайських болгар є підтвердженням існування мирних та договірних відносин між двома державами, хоча вони й мали тимчасовий характер. Схожість арабської звістки з інформацією, що є у творах Феофана та Льва Диякона, говорить про те, що вони могли слугувати джерелом інформації для арабського автора. У творі ал-Мас‘уді „Книга попередження та перегляду” йдеться про те, як візантійці спрямували своїх союзників, а саме „ал-Бургар” та „ал-Баджанак” проти „Бурджан”. Автор зазначає, що їх поставили гарнізоном у багатьох фортецях, які знаходилися біля сирійського кордону. Також указано, що бургари „до нашого часу увійшли у сукупність ар-Рум і вони – рід, що належить до ас-сакаліба” [11, с. 140]. Ураховуючи, що тут однозначно йдеться про „Бургар” – дунайських болгар, то в назві „Бурджан”, вірогідно, знайшли відображення уявлення про угрів, які здійснювали набіги на візантійські землі. Окрім цього, також ідеться про певні союзні дії болгар та візантійців заради реалізації спільної мети, у

цьому випадку захисту збоку ворожо налаштованого етносу Бурджан. У цьому ж арабському творі, окрім певних союзних відносин, ідеться про факт покірності дунайських болгар Візантії [12, с. 181]. До того ж у „Звістках часу” є фрагмент про те, що іноді між ними встановлюється мир [13, с. 75].

Отже, період тривалих мирних відносин з Візантією до середини VIII ст., а також військового протистояння в другій половині VIII ст. знайшов часткове відображення в уявленні арабських географів IX-X ст. Типовим було запозичення інформації арабським автором про дунайських болгар з візантійських джерел.

Література

1. **Краткая** история Болгарии. С древнейших времен до наших дней / [отв. ред. Г.Г. Литаврин, академик Д.Ф. Марков, В. Н. Виноградов, С. В. Васильев]. – М. : Наука, 1987. – 568, [1] с. 2. **Kitab** at-tanbih wa'l ischraf auctore al-Masudi. Accidunt indices et glossarium ad tomos VII et VIII // Bibliotheca geographorum arabicorum / [edidit M. J. de Goeje]. – Lugduni Batavorum : Verlag von E. J. Brill, 1870-1894. – Pars VIII. – 1894. – XLIX, 508 p. 3. **Moravcsik** G. Byzantinoturcica / von Gyula Moravcsik. – Leiden : E. J. Brill, 1983. – Band 2 : Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. – 1983. – 376 s. 4. **Иречка** К. Ю. История Болгар / К. Ю. Иречка; [пер.проф. Новороссийского ун-та Ф. К. Бруна и магистранта В. Н. Палаузова]. – Одеса : Типография Л. Нитче, 1878. – IV, 785, [7] с. 5. **Константин** Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий. Изд. 2-е, испр. / [ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев]. – Москва : Наука, 1991. – 494 с. 6. **Kitab** at-tanbih wa'l ischraf auctore al-Masudi. Accidunt indices et glossarium ad tomos VII et VIII // Bibliotheca geographorum arabicorum / [edidit M. J. de Goeje]. – Lugduni Batavorum : Verlag von E. J. Brill, 1870-1894. – Pars VIII. – 1894. – XLIX, 508 p. 7. **Летопись** византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / [пер. с греч. В. И. Оболенский, Ф. А. Терновский, предисл. О. М. Бодянский]. – Москва : Университетская типография (М. Катков), 1884. – IV, 370 с.; Диакон Лев. История / Лев Диакон. – Москва : Наука, 1988. – 104 с. 8. **Kitab** at-tanbih wa'l ischraf auctore al-Masudi. Accidunt indices et glossarium ad tomos VII et VIII // Bibliotheca geographorum arabicorum / [edidit M. J. de Goeje]. – Lugduni Batavorum : Verlag von E. J. Brill, 1870-1894. – Pars VIII. – 1894. – XLIX, 508 p. 9. **Диакон** Лев. История / Лев Диакон. – Москва : Наука, 1988. – 104 с. 10. **Иречка** К. Ю. История Болгар / К. Ю. Иречка; [пер.проф. Новороссийского ун-та Ф. К. Бруна и магистранта В. Н. Палаузова]. – Одеса : Типография Л. Нитче, 1878. – IV, 785, [7] с. 11. **Kitab** at-tanbih wa'l ischraf auctore al-Masudi. Accidunt indices et glossarium ad

tomos VII et VIII // Bibliotheca geographorum arabicorum / [editit M. J. de Goeje]. – Lugduni Batavorum : Verlag von E. J. Brill, 1870-1894. – Pars VIII. – 1894. – XLIX, 508 p. 12. **Kitab** at-tanbih wa'l ischraf auctore al-Masudi. Accendunt indices et glossarium ad tomos VII et VIII // Bibliotheca geographorum arabicorum / [editit M. J. de Goeje]. – Lugduni Batavorum : Verlag von E. J. Brill, 1870-1894. – Pars VIII. – 1894. – XLIX, 508 p. **13. Ахбар** аз-заман в ман абадахуал-хадисан. Тасниф Аби-л-Хасан Али б. ал-Хусайн б. Али ал-Масуди . Матбаат Абд ал-Хамид Ахмад ал-Ханафи. - ал-Кахира 1348/1938.

УДК [902.03: 391.7](477.61)

Апареева Е.К. (Луганск)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ В СРЕДЕ НОМАДОВ СТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ

Материальной основой формирования социума и государственности кочевнических обществ признано скотоводство как наиболее «престижная система» их хозяйственной деятельности. Именно эта отрасль являлась первоосновой имущественной и социальной стратификации номадов (Л.Н. Гумилев, С.А. Плетнева, Г.А. Федоров-Давыдов и др.)

Вторым источником «сверхдостатка», являлись систематические войны с их последующими откупами, данью и налогообложением как формами эксплуатации подчиненного народа (В.Н. Татищев, С.А. Плетнева, В.А. Горбунов, С.Г. Кляшторный).

Третий существенный канал притока имущества в виде дорогостоящих художественно-ювелирных изделий, отражен в различных формах экономических, военно-политических коммуникаций: обмен, торговля, договоры, дары – «гостинцы», о чем неоднократно сообщают письменные свидетельства (К. Багрянородный, А. Комнина).

Признаки имущественной и социальной дифференциаций номадов отражены: в инвентаре из захоронений, погребальных обрядах, статуях, обнаруживаемых в святилищах различного статуса, в разнообразных вариантах половецких изваяний XII-XIII ст.

В системе кипчако-команских погребений степей Подонцовья присутствуют комплексы изделий импортного происхождения, среди которых выделяем предметы роскоши, принадлежавшие знатным половчанкам. Из украшений отметим височные кольца – подвески, из

гарнитура – диадему, из посуды – чаши-пиалы и прочие предметы импортного происхождения. К примеру, серьги из благородных металлов с удлиненными стержнями, перевитыми в виде спирали тонкой золотой проволокой с бусинами из поделочных самоцветов. Ареал распространения такого типа височных подвесок охватывает значительные евразийские пространства, но в первую очередь известны в южных и восточных его массивах в предзолотоордынское и золотоордынское время XIII-XIV вв. (Г.А. Федоров-Давыдов).

Особого внимания заслуживает диадема и её детали из пластин благородного металла, самоцветов в сочетании с рисунками, исполненными в технике художественной скани, инкрустированной вставками «богемного алмаза» с таблетчатой огранкой. Такие приемы широко использовали ювелиры арабского Востока и Византии не только при изготовлении художественно-ювелирных изделий, но и оформлении церковных книг, практикуемых монахами Св. Афона в Греции.

Не менее художественно выглядят расшитые золотыми и серебряными нитями парчовые ткани византийского производства, дополненные орнаментальными нашивками в виде розеток. Украшенная художественным шитьем одежда и обувь были доступны женщинам из богатой прослойки кочевников.

К византийскому импорту следует отнести сосуды-пиалы, выбитые из листового серебра. На одной из них выгравированы буквы греко-византийского алфавита, на второй – из захоронения кипчака, исследованного в Провальской степи – исполнен растительный орнамент, что соответствует традициям исламской культуры в системе персидских мотивов XII-XIII вв.

В целом, список захоронений в степях Подонцовья, в которых находятся дорогостоящие предметы, достаточно ограничен. Это явление объясняется двумя причинами: отдаленностью восточноевропейских степей от традиционных центров постантичных и восточных культур, а также дистанцией в историческом развитии тюрко-кочевников в отношении с обществами древних цивилизаций. Отдельные признаки взаимокультурного синкретизма очевиднее всего проявлялись лишь в монументальном камнерезном статуарном искусстве XII-XIII ст.

Несмотря на доказательность фактов существования в среде поздних кочевников социальной и военной стратификации, участия верхушки общества кочевников в евразийских геополитических событиях, стремлений к централизации власти, кочевникам так и не удалось сформировать единое государство. Половцы столкнулись с монголо-татарским нашествием в состоянии внутренней раздробленности, что негативным образом сказалось на их дальнейшей судьбе.

Ашурков Т.Т. (Миколаїв)

ПОДОРОЖНІ ЗАПИСИ ФРАНКОМОВНИХ МАНДРІВНИКІВ ПЕРШОЇ ТРЕТИНИ ХІХ СТ. ЯК ДЖЕРЕЛО З ІСТОРІЇ ІРАНУ

Початок ХІХ ст. ознаменувався для країн Азії активним проникненням європейців у всі сфери суспільного життя. Військові та дипломатичні доручення від уряду, мрії про казкові багатства Азії, а іноді й просто прагнення до пригод штовхали різних людей на довгі й ризиковані подорожі. Багато хто з мандрівників, повернувшись додому уклав записки, спогади чи нариси про свої подорожі. У таких творах велика увага приділялася звичаям, релігії, мові далеких країн – тим сферам життя, які найяскравіше відрізнялися від європейських і першими кидалися у вічі. Втім, у спогадах укладених дипломатами і військовими можна знайти також немало інформації про державний лад, адміністративний устрій, побудову армії та зовнішні зв'язки країн, які вони відвідували.

Наскільки відомо авторові, у вітчизняній історіографії не існує комплексного дослідження спогадів західноєвропейських мандрівників, хоча у роботах радянських дослідників Б.П. Балаяна, А.Р. Іоаннісяна, Н.А. Кузнецової, О.П. Маркової, Г.Б. Абдуллаєва міститься значна кількість посилань на такі роботи, особливо на спогади британських і французьких дипломатів, які перебували в Ірані в перші роки ХІХ ст.

Завдяки новітнім інформаційним технологіям книги, які ще кілька років тому становили бібліографічну рідкість і якими могли користуватися тільки лічені фахівці, зараз доступні найширшому колу читачів. На книги, написані на початку ХІХ ст., не поширюються обмеження, пов'язані з захистом авторських прав, тому їхні скановані копії, створені корпорацією Google, доступні всім користувачам Інтернету. Втім, сама по собі доступність цих книг не залучає їх до наукового обігу: необхідний аналіз цих джерел, який показав би, в яких саме проблемах історичної науки можна використовувати дані публікації.

У даній роботі міститься аналіз кількох книг спогадів, опублікованих у перші десятиріччя ХІХ ст. французькою мовою.

Наприкінці ХVІІІ ст. двоє посланців французької Директорії: Гійом-Антуан Олів'є (1756-1814) і Жан-Гійом Брюг'єр (бл. 1750-1798) – відвідали країни Близького Сходу, в тому числі Іран. Повернувшись до Франції, Олів'є уклав багатотомну роботу під назвою «Voyage dans l'Empire Othoman, l'Égypte et la Perse», перший том якої вийшов у ІХ році за

революційним календарем (1800/1801 н.е.). Ціла глава шостого тому присвячена експансії Росії на Кавказі. Слід відзначити, що в даній роботі було наведено текст Георгіївського трактату (без сепаратних артикулів), який повністю співпадає з текстом, загальноприйнятим у російській історіографії. Зважаючи на рік публікації (1807), можна припустити, що це була перша публікація тексту Георгіївського трактату за кордоном [1, с. 241-246].

Інша цікава деталь роботи Олів'є можна знайти в описі походу Ага Мохаммед-хана на Тифліс 1793 року. Олів'є стверджує, що цар Іраклій разом із єреванським ханом і його найманцями (афганцями й кизилбашами) дав бій Ага Мохаммеду під Єреваном, але був наголову розбитий. Також він пояснює погану організацію оборони Тифліса і втечу царської сім'ї зі столиці стратегічною помилкою царя Іраклія: за твердженням автора, грузинський цар розраховував, що Ага Мохаммед не піде на Тифліс, доки не завоює фортеці Гянджу і Шушу, і сподівався за цей час організувати повноцінну оборону своєї столиці [1, с. 251]. Це пояснення виглядає набагато більш логічним, ніж пояснення в книгах російських істориків, які звинувачували Іраклія в тому, що він покладався виключно на російську зброю і не мав організованого війська [2, с. 21]. Інша важлива деталь, на яку Олів'є звертає увагу, стосується походу Валеріана Зубова на землі Південного Азербайджану. Як відомо, російське військо під командування В.О. Зубова не зустріло жодного опору з боку кавказьких ханів, а з власне перським військом так і не зустрілося, бо Ага Мохаммед-шах у той час був у Хорасані. Олів'є пояснює, з якої саме причини Ага Мохаммед не відреагував на наступ російського війська із властивою для нього блискавичною швидкістю. Правитель Хорасану Шарук-хан був запеклим ворогом Ага Мохаммед-шаха і єдиним з колишніх васалів перських шахів, який не визнав зверхності нової династії. На момент, коли Ага Мохаммед почав свій похід проти Шарук-хана, він ще не знав про експедицію Зубова, а коли дізнався, не міг перервати заплановану військову операцію [1, с. 257].

Генерал Клод Матьє де Гардан (1766-1818) відвідав Іран 1807 року, в час коли в розпалі була перша російсько-перська війна (1804-1813). Через два роки було опубліковано щоденник цієї поїздки. Серед важливих деталей поїздки в Персію можна відзначити таке: присутність в армії Аббас-мірзи капітана інженерних військ Бонтам-Лефорта і другого драгомана французького посольства Огюста де Нерсія, «які були корисні в його війні проти Росії» ще в листопаді 1806 року задовго до підписання Фінкенштейнського миру (1807) [3, с. 33]. Автор щоденника наводить докладну біографічну довідку про Фетх Алі-шаха Каджара, в якій, серед іншого зазначає, що війна з Росією почалася 1803 року, тобто на рік раніше, ніж її прийнято датувати в російській історіографії [3, с. 68].

Його супутник Ж.-М. Танкуань у книзі «Листи про Персію й Азійську Туреччину» згадує про активну торгівлю між Росією й Іраном [4, т. 1, с. 241] в самий розпал російсько-перської війни. Це дивне явище, коли дві держави воювали на суходільному кордоні, але жваво торгували на морі, знайшло відображення і в російських джерелах [Куканова]. Він також згадує про важливу роль ста п'ятдесяти російських дезертирів у лавах перського війська, яких Аббас-мірза використовував у процесі модернізації своєї армії і приведення її до європейського зразка [4, т. 2, с. 166]. Також він наводить інформацію, що артилерією Аббас-мірзи командував «християнський дворянин на ім'я Тимурат-хан з родини останнього грузинського князя», очевидно маючи на увазі Теймураза Багратіоні, який під час другої російсько-перської війни перейшов на бік Росії і згодом став засновником російської картвелології [5, с. 175-178].

Особливе місце серед спогадів французів про Росію й Іран займає книга бельгійського полковника Ротье «Подорож із Тифліса до Константинополя» (1829). На відміну від Олів'є, Гардана і Танкуаня, він не просто подорожував країнами Сходу, а сім років (1808-1811 рр.) прожив на Кавказі, коли служив у російській армії при штабі 20-ї піхотної дивізії. Основний зміст цієї роботи стосувався подій 1818 року, коли він повертався до Європи через мало знайомі європейцям землі Південного Кавказу й Анатолії. Втім, за прийнятою в той час традицією автор додав до своїх спогадів докладну довідку щодо історії, географії, релігії, мови та звичаїв землі, в якій він прожив кілька років. П'ята глава «Подорожі», повністю присвячена приєднанню східної Грузії до Росії, яке відбувалося в 1783-1804 роках. Особливо цікавими для історика є тексти двох актів, опублікованих у цій главі. Так, текст Георгіївського трактату, опублікований Ротье, суттєво відрізняється від тексту, прийнятого у вітчизняній історіографії. Наведений Ротье текст містить більш докладний опис грузинських претензій на дев'ять сусідніх районів Закавказзя, а також описує суттєво більші права росіян у Грузії, ніж відома російській історіографії версія трактату. Завдяки публікації уривку з книги Ротье в англійському журналі «Portfolio» ця версія Георгіївського трактату стала відома в англомовному світі [6, с. 63-67].

Інший документ, опублікований Ротье, угода між міністром закордонних справ Росії Ростопчіним і грузинськими князями Аваловим і Палавандовим, взагалі не відома російським історикам [6, с. 68-70]. Згідно з цією нотою, нащадки царя Георгія переставали титулуватися царями і ставали спадковими губернаторами (намісниками) і фактично втрачали будь-яку політичну вагу. Згадку про схожий документ можна знайти у 131 параграфі «Історії Грузії» царевича Давида Багратіона (1767-1819): «Грузинські посланники князі Авалов і Палавандов принесли мені ... Акт,

затверджений підписом міністра іноземних справ Ростопчина. Згідно з цим актом [я] став правителем Грузії». [7, 172] Через тридцять років після виходу книги Ротье в «Актах Кавказької археографічної комісії» була опублікована нота грузинських князів, підписана графом Ростопчіним. 11 з 16 пунктів цієї ноти за змістом ідентичні артикулам договору, опублікованого Ротье, але вона не передбачала такого суттєвого звуження повноважень грузинських царів і, за свідченнями російських дослідників, не набула чинності [1, 176-179]. Ротье ж із посиланнями на свідчення грузинських дворян, стверджує, що саме ця угода поставила хрест на грузинській державності [с. 71].

Спогади французьких мандрівників є цінним джерелом з історії російсько-перських відносин. Хоча ці матеріали не містять ґрунтовного аналізу даних подій, вони містять повідомлення про суттєві деталі подій, які були невідомі або ж навмисно були замовчані істориками в Росії. Аналіз подорожніх записів франкомовних мандрівників дозволяє краще зрозуміти природу міжнародних відносин у Центральній Азії на початку XIX ст. Використання цих джерел у роботі істориків-сходознавців може збагатити вітчизняну науку.

Література

1. **Olivier G.A.** Voyage dans l'Empire Othoman, l'Égypte et la Perse, fait par ordre du Gouvernement, pendant les six premières années de la République / G.A. Olivier. – Paris: Chez N. Agasse, 1807. – Tome Sixième. – 517 p.
2. **Дубровин Н.** Георгий XII. Последний царь Грузии и присоединение её к России / Н. Дубровин. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1867. – 244 с.
3. **Journal d'un voyage dans la Turquie-d'Asie et la Perse fait en 1807 et 1808.** – Paris: Chez ler Normant; Marseille: Chez Jean Mossy, 1809. – 128; 52 p.
4. **Tancoigne J.M.** Lettres sur la Perse et Turquie d'Asie / J.M. Tancoigne. – Paris: Nerveu, MDCCCXIX [1819]. – Tome I. – 302 p.; Tome II. – 295 p.
5. **Шарадзе Г.С.** Теймураз Багратиони. Жизненный путь / Г.С. Шарадзе. – Тб.: АН ГрузССР, [б.г.]. – 225 с.
6. **Rotiers.** Itinéraire de Tiflis à Constantinople. – Bruxelles: Chez tencé frères imprimeurs-libraires, 1829. – 377 p.
7. **Багратиони Д.Г.** История Грузии / Д.Г. Багратиони. – Тбилиси: Мениереба, 1971. – 272 с.
8. **Акты,** собранные Кавказскою археографическою комиссиею / [под ред. А.П. Берже]. – Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказа, 1866. – Т. 1. – 816 с.

Бривко Н. В. (г. Снежное, Донецкая обл.)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДА ЧИНГИСХАНА

Чингисхан и его род сыграли огромную роль в истории многих стран средневековой Азии и Европы. Под ударами монгольских войск погибли многие народы и государства Дальнего Востока, Средней Азии и Восточной Европы.

В исследованиях, посвященных генеалогии Чингисидов, имеются множество малоисследованных аспектов, среди которых особое место занимает проблема происхождения предков Чингисхана.

Это, прежде всего, обусловлено несколько упрощенным подходом со стороны исследователей к вопросу генеалогии Чингисидов, а также отсутствием письменных источников у монголов до начала – середины XIII века.

Тем не менее, наличествующие источники, позволяют нам исследовать генеалогию предков Чингисхана и версии происхождения его рода.

Основными источниками, имеющими весомое значение для изучения вопроса происхождения и начальной генеалогии предков Чингисхана, являются монгольские, китайские, персидские летописи и хроники.

Среди монгольских источников особое место занимает летопись под названием «Тайная история монголов» («Сокровенное сказание» или «Юань-чао-би-ши») [1], составлена в 1240 году. Материал о происхождении Чингисидов также содержится в летописи под названием «Шара Туджи» («Желтая история») [2], датированная серединой XVII века. Некоторые сведения о предках Чингис-хана имеются в «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценный Свод») Саган-Сэчэна (середина XVII в.), «Алтан Тобчи» («Золотой Свод») Лубсан Данзана [3] (вторая половина XVII в.), и работе монгольского историка Ломи, которая имеет название «История рода Борджигин» (1732 г.).

Из китайских и персидских источников наиболее важные сведения о начальной генеалогии рода Чингис-хана имеются в: китайской «Юань-ши» («История династии Юань») (XIV в.), летописи перидского историка и государственного деятеля Рашид ад-дина под названием «Сборник летописей» [4] (начало XIV в.) и летопись под названием «Му'изз ал-ансаб» («Прославляющее генеалогии») [5] (XV век), в котором частично описывается генеалогия предков Чингисхана, семья Чингисхана, а также

родословная его потомков, рассматривается версия происхождения рода. Материал этой летописи, во многом, основывается на сведениях, содержащихся в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина и, в целом, является его продолжением.

Историография проблемы генеалогии Чингисидов, а также жизни и деятельности самого Чингисхана насчитывает огромное количество исследований. Наиболее важные сведения о генеалогии Чингисидов содержатся в работах К. Э. Босворта, Б. Г. Грекова, А. Ю. Якубовского, Л. Н. Гумилева, Г. А. Федорова-Давыдова и многих других исследователей XIX-XX вв.

Одним из первых трудов, посвященных начальной генеалогии Чингисидов, является уникальная работа профессора Казанского университета Федора Ивановича Эрдмана (1793-1862 гг.). В 1843 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» было опубликовано его исследование под названием «Предки Чингисхана» [6], которое многими было забыто. В нем, на основе привлечения данных из различных источников, исследована генеалогия предков Чингисхана, однако, преимущественно обзорно.

Среди современных работ, касающихся генеалогии Чингисидов, следует назвать монографию украинского историка Л. В. Войтовича под названием «Потомки Чингисхана: введение к генеалогии Чингисидов-Джучидов» [7], где раскрыта подробная генеалогия потомков старшего сына Чингисхана – Джучи. Однако вопрос о происхождении рода Чингисхана автором данной работы практически не затрагивается. Подобные труды имеются у Ж. М. Сабитова, А. Гаева, Г. Ж. Табулдина, О. Кудри и других авторов.

В вопросе о происхождении рода Чингисхана не существует единой точки зрения. Турецкий историк А. З. В. Тоган в трудах «Монгол, Чингис и тюрки» (Стамбул, 1941 г.) и «Введение во всеобщую историю тюрков» (Стамбул, 1946 г.) попытался обосновать генеалогическое родство Чингисидов с тюркским родом Ашина. Но его доводы вскоре были опровергнуты И. Кафесоглу в статье «Проблемы монголов и Чингиса в тюркской истории» (Стамбул, 1953 г.) [8. с. 23].

Англичанин Х. Говорс в работе «История Монголии с IX по XIX века» (Лондон, 1876) попытался идентифицировать предка Чингисхана Дува-Мэргэна с тюркским Тобо-каганом (573-581 гг.). Обосновывая это тем, что после смерти Тобо, каганат разделился на четыре части, а согласно «Сокровенному сказанию», племянники Дува-Мэргэна были главами четырех племен, к тому же у Тобо был брат Секен (Сакуй), а у Дува-Мэргэна – брат Дува-Сохор. [8. с. 23].

Однако, Тобо – это китайская транскрипция тюркского имени Таспар (Тапар). И, к тому, же братья Дува-Мэргэна жили в X в., в то время как Тобо-каган в VI в.

В летописи «Шара Туджи», сочинениях Лубсан Данзана, Саган-Сэчэна и Ломи говорится, что род Чингис-хана берет свои истоки от тибетских царей, имея также отношение к индийскому роду Махасаммати [2. с. 126-127; 9. с. 216].

В упомянутой монгольской летописи сказано: «У хана по имени Баосала Улусун Оргугулгчи родился сын с бирюзовыми волосами, ...положив его в медный ящик бросили в Ганг. В городе Вайшали один человек нашел и вскормил. Это и был первый тибетский царь Хуцукэй Сандалиту-хаган. Его правнук был Алтан. Тушемил Алтана, хана убил. Когда на ханский престол воссел, то младший сын Алтана Буртэ-Чино (Бортэчино) ушел, достиг горы Бурхан Халдун встретил народ по имени Бида, ...народ Бида посовещавшись между собой, поставили его нояном». [2. с. 126-127].

О схожем событии говорится в китайском историческом романе XII–XIII в. под названием «Новая Пинхуа по истории всех пяти династий», переведенном на русский язык Л. Павловской. В нем описывается восстание, которое произошло во времена династии Тан и рождение одного из его руководителей – Хуан Чао [10. с. 15]

В источниках описывается и «божественное» происхождение предков Чингисхана.

Так, в «Шара Туджи» об этом говорится следующим образом: «Когда Алтан-Гоа жила без мужа, то ночью в юрту её свет проникал и через дымовой ход желтый небольшой человечек спускался, соединялся и в последствии этого родился небесный сын Бодончар» [2. с. 128].

Вместе с тем, Рашид ад-дин пишет, что: «Алан-Гоа, спустя некоторое время после того, как лишилась мужа, однажды спала дома. И вот через дымовое отверстие шатра проник луч света и погрузился в её чрево. Спустя некоторое время забеременела... От Алан-Гоа появилось на свет трое сыновей» [4. с. 14].

«Сокровенное сказание» гласит: «Бельгунотай и Бугунотай, ...стали втихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: «Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовских братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме – это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына». ...Тогда мать их, Алан-гоа, говорит: «... каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри погасло, входит, бывало, ко мне светлоручый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево...» [1. с. 80, 81]. Практически тоже излагается в сочинении Лубса Данзана [3. с. 55].

В персидском сочинении под названием «Прославляющее генеалогии» об этом говорится так: «Аланкува ответила: “Моей непорочности и чистоте свидетель Бог! Я не замужем, хотя способна родить ребенка, это вы по себе судите так мерзко о других. Я не виновата перед Всевышним, я чиста и непорочна. Однако каждую ночь я вижу во сне, как кто-то тихо приходит ко мне и так же тихо уходит”» [5. с. 24].

Этот "небесный" сын – Бодончар и стал прямым предком Чингисхана. Родился Бодончар, по мнению монгольского историка Х. Пэрлээ, около 970 г. [11. с. 314; 12. с. 86]. Российский монголовед Л. Л. Викторова полагает, что Бодончар жил в начале X в. [13. с. 166].

Следует заметить, что в вопросе «Божественного» происхождения много противоречий, авторы летописей могли придать роду специально «божественность», чтобы возвеличить Чингисидов. Это укрепляло власть ханов, было характерно для многих правящих домов мира. Тенденция «обожествления» правителя, его рода, характерна во многих странах. Она использовалась не только как средство укрепления власти, но и как рычаг для религиозного влияния на государство, а также содействовало ассимиляции различных культур. Проверить достоверность таких данных очень трудно из-за малой изученности ранней истории рода Чингисхана, а также отсутствия монгольских письменных источников по данной проблеме.

Эта легенда, согласно Л. Гумилева, с одной стороны, перекликалась с шаманским догматом сексуального избранничества, духом женщины, которую он наделял своей силой, с другой – отмечена в летописях, что бы объяснить, почему древние монголы были так не похожи на все окружающие их народы. Ведь монголы, в отличие от татар, были народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым [12. с. 85].

Существует легенда, идентифицирующая Чингисхана с мифическим «пресвитером Иоанном» или с его сыном «Давидом» – легендарными христианскими царями «Трех Индий». Ришар де Сен-Жермер «царем Давидом» называет, несомненно, Чингисхана [14. с. 11 прим. 7]. Но, Г. де Рубрук называет «царем Давидом» найманского правителя Кучлука (убитый в 1218 г.) [15. с. 59-61].

В «Книги Марко Поло» (конец XV – начало XVI вв.) «пресвитером Иоанном» назван Ван-хан, который не имел отношения к роду Чингисхана [10. с. 15].

В тоже время, Матвей Парижский в своей «Великой хронике» писал, что «царь их – сын христианки. Ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется пресвитером Иоанном, убил, то взял в

жены его дочь, а от нее родился тот парень, что нынче правит у татар» [16. с. 161].

Это говорит о том, что монгольский хан лишь предположительно являлся внуком, по женской линии, пресвитера Иоанна. Кроме того, Матвей Парижский писал о походах не Чингисхана, а его внука Баття в середине XIII в., поэтому эти сведения могли быть недостоверными.

В сочинении Сайф-ад-дина Ахсикенди, имеющего название «Собрание историй» (XIV в.), предком монголов назван Ана-л-хакка Лурхан. Тут же, в шестом поколении от Ана-л-хакка Лурхана, упоминается Ак-Туга, по прозвищу Онг-хан [17. с. 209].

Согласно Рашид ад-дину, Онг-хан – кeraitский хан, и не относился к роду Чингисхана. Хотя и был в косвенном родстве с Чингисханом. Дочь его брата была женой Чингисхана. [4. с. 72].

Таким образом, из-за противоречивости в изучении данного вопроса, следует не только более детально изучить исторические источники, относящиеся к истории монголов, но и постараться посмотреть на них несколько по-новому. К сожалению, специально генеалогической стороной изучения летописей, и, в первую очередь, генеалогией предков Чингисхана, занималось мало исследователей, что можно усматривать в отсутствии специальных исследований, посвященных непосредственному изучению вопроса происхождения и генеалогии Чингисидов. Исследование множества монгольских летописей велось преимущественно в источниковедческом ракурсе, а попыток глубокого анализа и сравнения родословной «великого монгола», а также изучения всех версий происхождения его рода, не предпринималось. Также следует отметить, что в вопросе происхождения рода Чингисхана утвердилось, в большинстве случаев, версия, изложенная в ранней летописи монголов – «Сокровенном сказании», которая, как уже упоминалось, была написана после смерти Чингисхана.

Различные версии происхождения рода Чингисхана подчас бывают противоречивы. Такое разнообразие трактовок происхождения свидетельствует о том, что в процессе исследования данной темы обнаруживается множество «белых пятен», закрыть которые поможет лишь детальное изучение уже имеющихся, а также привлечения данных из новых, не введенных в научных оборот, источников. Все эти версии, в большинстве, доказывают только одно – земное происхождение рода Чингисхана и дальнейший процесс возвеличивания и «обожествления» этого монгольского государственного деятеля и великого завоевателя, а также его рода в историческом прошлом стран и народов Евразии.

Литература

1. **Сокровенное сказание.** Монгольская хроника 1240 г. под названием «Юань чао би ши». Монгольский обыденный изборник. – Том 1. / пер. с монг. С.А. Козина. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 620 с. 2. **«Шара Туджи».** Монгольская летопись XVII века / Пер. с монг. Н. П. Шастиной. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 199 с. 3. **Лубсан Данзан.** Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ. Н. П. Шастиной. – М. : Изд-во «Наука», 1973. – 440 с. – (Серия «Памятники письменности Востока»). 4. **Рашид ад-дин.** Сборник летописей: В 3-х т. – Т. 1, кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой; отв. ред. С. П. Толстова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 5. **Му'изз ал-ансаб** (Прославляющее генеалогии) / отв. ред. А. К. Муминов; пер. с перс., предисл., примеч. Ш. Х. Вохидова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 672 с. – (Серия «История Казахстана в перидских источниках»). 6. **Эрдман Ф. И.** Предки Чингисхана / Ф. И. Эрдман // Журнал министерства народного просвещения. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1843. – Ч. 38. – С. 19-112. 7. **Войтович Л.** Нашадки Чингис-хана: вступ до генеалогии Чингисидів-Джучидів / Л. В. Войтович – Львів : Національний університет ім. І. Франка, 2004. – 249 с. 8. **Трепавлов В. В.** Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности / В. В. Трепавлов. – М. : Наука, 1993. – 168 с. 9. **Бира Ш.** Монгольская историография (XIII – XVII века). / Ш. Бира. – М. : Наука, 1978. – 320 с. 10. **Рубель В. А.** Історія середньовічного Сходу. Тематична хрестоматія: Навч. посібник. – 2-ге вид. / В. А. Рубель – К. : Либідь, 2002. – 624 с. 11. **Пэрлээ Х.** Собственно монгольские племена в период Киданьской империи (907 – 1125). / Х. Пэрлээ // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. – М. : Наука, 1962. – Т. 5. 12. **Гумилев Л. Н.** В поисках вымышленного царства / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Абрис, 1994. – 383 с. 13. **Викторова Л. Л.** Монголы: Происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. – М. : Наука, 1980. – 224 с. 14. **После Марко Поло.** Путешествие западных чужеземцев в странах Трех Индий / Пер. со стороевроп. Я. М. Света. – М. : Наука, 1968. – 237 с. 15. **Путешествие** в восточные страны П. Карпини и Рубрука. / вст. ст. Н. П. Шастиной. – М. : Географгиз, 1957. – 207 с. 16. **Матвей Парижский** «Великая хроника» // Матузова В. И. Английские средневековые источники. IX-XIII вв. (тексты, перевод, комментарий) / В. И. Матузова. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 107-171. 17. **Материалы** по истории киргизов и Киргизии / Отв. ред. В. А. Ромадин. – М. : Наука, 1973. – Вып. 1. – 280 с.

Бубенок О.Б. (Київ)

СВІДЧЕННЯ АЛ-МАС‘УДІ ПРО РІКУ БУРТАС

У X-XV ст. згадки про народ Буртас зустрічаються у творах таких мусульманських авторів, як ал-Мас‘уді, ал-Істахрі, Ібн Русте, Ібн Хаукаль, ал-Бакрі, анонімному трактаті „Худуд ал-‘Алам“, ал-Марвазі, Гардізі, ал-Ідрісі, ал-Хімйарі тощо [1, с. 245-246]. Окрім того, дані топонімії свідчать про те, що топоніми типу *Буртас*, *Буртаси* набули поширення саме на правому березі Середньої Волги [2, с. 206-207]. Все це дало підстави багатьом дослідникам локалізувати буртасів на правобережжі Середньої Волги. Однак можлива й інша локалізація частини буртасів. З огляду на це, великий інтерес становлять твори ал-Мас‘уді „Мурудж аз-захаб...“ та „Кітаб ат-танбіх ва-л-ішраф“. На жаль, нам сьогодні важко відрізнити інформацію ал-Мас‘уді від даних його попередників, що значною мірою ускладнює інтерпретацію свідчень ал-Мас‘уді [3, с. 13-14].

Проте варто зазначити, що у творах ал-Мас‘уді вперше з’явилася згадка про ріку Буртас. Так, в „Кітаб ат-танбіх ва-л-ішраф“ він зазначає: “Река хазар, протекая мимо города Итиль, огибает государство хазар в это время, огибала их государство в направлении города Баланджар. В нее впадает река Буртас. А буртасы – великий народ из тюрок, между страной Хорезм и государством хазар...” [4, с. 41-42]. Варто зазначити, що це єдина згадка про розташування буртасів між хозарами та хорезмійцями і тому в це важко повірити. Тому неможливо з даного уривку встановити знаходження ріки Буртас щодо Волги.

Більш докладні дані ал-Мас‘уді про буртасів та ріку Буртас містяться в його творі „Мурудж аз-захаб...“. Опис ріки Буртас та країни буртасів у цьому творі ал-Мас‘уді подається відразу після опису хозарської столиці. Зроблений Д. А. Радівіловим дослівний переклад українською мовою згаданого фрагмента твору ал-Мас‘уді вже в багатьох деталях відрізняється від перекладу В.Ф. Мінорського [5, с. 195-196] на російську: „Ріка Буртас. У хозар є човни, сидячи в яких пасажир-купці йдуть по річці, яка оминає місто згори і впадає в ріку цього міста з його верхів’я – її називають Буртас. На річці Буртас – народи з числа тюрок. Вони осілі, належать до складу хозарських царств, а їхні землі – суцільні, між царством хозар і бургазами. Ця ріка виходить із боку країни бургазів, по ній ходять різноманітні судна від бургазів і хозар” [6, с. 20].

В.Ф. Мінорський вважав, що “під рікою Буртас розуміється просто головна течія Волги, котра підпитує той рукав її дельти, на якому стояла столиця хозарів” [5, с. 196, прим. 27]. Проте більше ста років тому П.С. Савельєв висловився на користь ототожнення середньовічної ріки Буртас з однойменною річкою, що тече на південному заході Пензенського краю і впадає у Вишу, притоку Цни [7, с. 65, прим. 109]. Проти такої локалізації виступив Д.А. Хвольсон, який зі свого боку вважав, що ріка Буртас ал-Мас‘уді являє собою частину течії Ками та Волги [8, с. 71-72]. Й. Маркварт також уважав, що ріка Буртас мала б знаходитись на Середньому Поволжі і, відповідно до цього, ототожнював із цією водною артерією Самару [9, с. 396]. Традиційної думки з цього приводу дотримується сьогодні О.О. Тортіка, який вважає, що „всі наведені свідчення лише підтверджують розташування буртасів та ріки Буртас у районі басейна Волги” [10, с. 333]. На відміну від цих дослідників, А.С. Аліхова вважала за ріку Буртас ріку Манич, неподалік Кавказьких гір, бо схильна була локалізувати частину буртасів у Передкавказзі [11, с. 53]. Зі свого боку Г.С. Афанасьєв дійшов висновку, що ріку Буртас варто ототожнювати з Доном або Сіверським Дінцем, що відповідало його гіпотезі про ототожнення буртасів з носіями лісостепового варіанту салтівської культури [12, с. 38-39]. Як бачимо, проблема так і є не вирішеною. Тому варто піддати аналізу фрагмент твору ал-Мас‘уді „Мурудж аз-захаб...”, в якому згадується ріка Буртас.

Необхідно зважити на те, що згаданим „містом” у цьому фрагменті була столиця хозар – Итіль, бо опис ріки Буртас у творі ал-Мас‘уді відразу йде за описом хозарської столиці, і відповідно до цього вираз „ріка цього міста” слід розуміти як натяк на Волгу, що також мала назву Итіль. Виходить, що ріка Буртас являла собою притоку Волги, до того ж судноплавну. Згадка про те, що ріка Буртас „виходить з боку країни бургазів”, дійсно дозволяє зробити припущення, що йдеться про волзьких булгар. Проте ріка Буртас не могла витікати з країни волзьких булгар через те, що ці булгари мешкали на лівому березі Середньої Волги, а сусідні до них буртаси проживали лише на правому.

Такою невизначеністю також відзначається й опис буртасів, що подається у творі ал-Мас‘уді одразу після опису ріки Буртас: „Народ Буртас. Буртаси – народ із числа тюрків, який, як уже зазначалося, живе на берегах однойменної річки. Із країни буртасів вивозять шкурки чорних і рудих лисиць, які відомі під назвою *ал-буртасіййа*...” [6, с. 21]. Можливо, що відомості про участь буртасів у трансконтинентальній торгівлі хутром ал-Мас‘уді міг запозичити із „Анонімної записки” кінця IX ст. Цей фрагмент може свідчити, насамперед, про буртасів правобережжя Середньої Волги. Але там немає місця для судноплавної ріки Буртас,

притоки Волги. Отже варто звернутись до третього фрагмента „Мурудж аз-захаб...”, де бургаси локалізуються біля переволоки між Волгою і Доном.

Йдеться про похід русів на Каспій після 300 р. г. (912 р.): “500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (мутгасил) с Хазарским морем...” [5, с. 198]. Дослідники вважають, що під протокою, згаданою ал-Мас‘уді, варто бачити переволоку від Дону до Волги, неподалік від хозарського Саркела [5, с. 196, прим. 32, с. 198, прим. 45].

За даними ал-Мас‘уді, ватажок русів узгодив свої дії з хозарським царем та пообіцяв йому частину здобичі, і руси “вошли в пролив, достигли устья реки (Дона. – *О. Б.*) и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки (Волги. – *О. Б.*), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...”. Знаходячись на Каспійському (Хозарському) морі, руси грабували мусульман. Під час повернення русів, в районі Ітиля їх зустріли війська хозарських мусульман. У підсумку, перемогу над русами здобули хозарські мусульмани [5, с. 199-200]. Переклад А.Я. Гаркаві подає наступну картину: “Около же 5 000 из них спаслись и отправились на судах в страну, примыкающую к стране Буртас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался к мусульманам в стране Бургар и те убили их” [13, с. 133]. У зв’язку з цим є сенс згадати зауваження М.І. Артамонова, що руси “вийшли на берег, очевидно, для того, щоб перебраться до Дону колишнім своїм шляхом” [14, с. 370]. Звідси виходить, що згадані бургаси проживали біля переволоки між Волгою і Доном, а одне з болгарських племен проживало по-сусідству до них.

Цілком можливо, що цим же маршрутом рухались руси проти хозарів і під час походу, що його описав Ібн Хаукаль, де подано наступний перелік народів: “В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар...” [15, с. 35]. Про те, що один із підрозділів буртасів знаходився на березі Волги, але неподалік від хозарської столиці Ітиля, свідчать ал-Істахрі (X ст.) та Йякут (XIII ст.), які прямо вказували, що немає між хозарами і буртасами іншого народу [1, с. 232; 16, с. 96]. За словами ал-Істахрі: „Буртасы – народ, соседящий с хазарами, нет между ними и хазарами другого народа; они – люди, расположившиеся вдоль долины Атила” [17, с. 47, 49].

Таким чином, є підстави переглянути положення про локалізацію ріки Буртас. Виходить, якщо у X ст. бургаси проживали на правому березі Волги не лише в її середній течії, а й набагато південніше – у місці найближчого зближення Волги і Дону, тобто там і могла знаходитись ріка Буртас, згадана ал-Мас‘уді. З огляду на існування переволоки між Волгою і

Доном, що сприймалася ал-Мас'уді як протока, варто звернути увагу на наступне припущення Г.С. Афанасьєва: „У такому випадку закономірно поставити питання про ототождження р. Буртас з Доном, який в районі м. Калач-на-Дону так близько підходить до Волги, що інформатори Масуди приймали його за притоку Ітиля. Це ототожнення (з урахуванням пам'яток лісостепового варіанту салтово-маяцької культури в Донецько-Донському межиріччі) достатньо відповідає його опису у творі Масуди як внутрішньої ріки буртасів і як водної артерії, що зв'язує буртасів з хозарами і, відповідно, сприяє розвитку торгівлі” [12, с. 39].

Проте більш вірогідно, що Дон у своїй течії з верхів'їв до місця найбільшого зближення з Волгою називався рікою Буртас не через те, що буртаси жили в його верхів'ях, а навпаки – тому що буртаси жили, за уявленнями ал-Мас'уді або його інформаторів, в його нижній течії. Достатньо нагадати, що ал-Мас'уді назвав Волгу „рікою хозар”, тому що хозари мешкали біля гирла цієї великої ріки. Що стосується вказівки ал-Мас'уді про ріку Буртас, згідно з якою „ця ріка виходить з боку країни бургазів (булгар. – *О. Б.*)”, то в науці вже давно набула поширення думка, згідно з якою частина болгарів проживала у степах в басейні Дону та Сіверського Дінця і вони являли собою носіїв одного із варіантів салтівської культури – зливкинського [18, с. 9-19]. Отже, це може бути єдиною згадкою про болгар в басейні Дону та Дінця в X ст.

Що стосується назви течії Дону від переволоки до гирла, то мусульманський автор подає два варіанти – один без назви, а другий – у стилі традицій античної літератури. Так, при описі подій після 912 р. він зазначив “вошли в пролив, достигли устья реки и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки” [5, с. 199-200; 13, с. 131-132]. Окрім того, ал-Мас'уді для позначення нижньої течії Дона в іншому наступному фрагменті свого твору використав назву часів античності —Танаїс: “Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера” [13, с. 140-141].

Література

1. **Заходер Б. Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Горган и Поволжье в IX-X вв. / Б. Н. Заходер. – М., 1962. – Т. I. 2. **Васильев Б. А.** Проблема буртасов и мордва. // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1960. 3. **Новосельцев А. П.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. – М., 1990. 4. **Калинина Т. М.** Восточная Европа в представлениях ал-Истахри, Ибн Хаукаля, ал-Масуди (в связи с проблемой буртасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху

средневековья и проблема бургасов. Тезисы межобластной научной конференции 23-27 января 1990 года. – Пенза, 1990. 5. **Минорский В. Ф.** История Ширвана и Дербента X–XI вв. / В. Ф. Минорский. – М., 1963. 6. **Бубенок О. Б.** Свідчення ал-Мас‘уди та “Худуд ал-‘Алам” про дві групи бургасів / О.Б. Бубенок, Д. А. Радівілов // Східний світ. – 2009. – № 3. 7. **Савельев П. С.** Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории / П. С. Савельев. – СПб., 1847. 8. **Хвольсон Д. А.** Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста / Д. А. Хвольсон. – СПб., 1869. 9. **Marquart I.** Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903. 10. **Тортика А. А.** Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы / А. А. Тортика. – Харьков, 2006. 11. **Алихова А. Е.** К вопросу о бургасах // СЭ. – 1949. – № 1. 12. **Афанасьев Г. Е.** Этническая территория бургасов во второй половине VIII – начале X вв. // СЭ. – 1984. – № 4. 13. **Гаркави А. Я.** Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.) / А. Я. Гаркави. – СПб., 1870. 14. **Артамонов М. И.** История хазар. – Л., 1962. 15. **Бартольд В. В.** Арабские известия о русах // Советское востоковедение. – Вып. 1. – М., 1940. 16. **Туманский А.** Бургас и Бердас // Известия Тифлиских Высших женских курсов. – Кн. 1. – Вып. 1. – Тифлис, 1914. 17. **Караулов Н. А.** Сведения арабских географов IX-X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. – Тифлис, 1908. – Вып. 38. 18. **Плетнева С. А.** Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. – София, 1984. – Т. II.

УДК 930.2: 821.411.21 „09/10“

Верьовкін В.В. (Рівне)

ПИТАННЯ ВІДБОРУ ТА ДЖЕРЕЛОНАВЧОГО АНАЛІЗУ ПОЕТИЧНИХ ТВОРІВ АРАБСЬКОГО ПОЕТА ТА ФІЛОСОФА X-XI СТ. АБУ-ЛЬ-АЛЯ АЛЬ-МААРРІ

На сучасному етапі розвитку історичної науки неможливо підвищити якість та ефективність історичних досліджень як без вдосконалення методів критичного аналізу традиційних історичних джерел, так і без розширення їх кола, без залучення у науковий обіг нових джерел, по тій чи іншій причині які залишилися поза полем зору учених.

У цих умовах особливу актуальність набуває питання про використання у якості історичних джерел поетичних творів, художньої літератури, що розширює джерельну базу досліджень, дозволяє більш

глибше вивчити цілий ряд сторін суспільного життя, які отримали у даних творах найбільш повне відображення.

Залучаючи художню літературу до досліджень, історик має постійно пам'ятати, що її роль як джерела визначається не стільки змістом твору, скільки його значенням як літературно-художнього явища певної історичної епохи. Це дає можливість глибше вивчити відповідну епоху, настрої, смаки, погляди її представників тощо. Художні твори, вірші дають змогу краще пізнати історію культури, духовного життя, рівня історичної свідомості суспільства [1, с. 438].

В українській історіографії не розроблена тема про історичну джерельну базу поетичних творів арабського поета та філософа X-XI ст. Абу-ль-Аля аль-Мааррі.

У сучасний період означена проблематика становить предмет зацікавленості представників різних суспільних наук: філософів, істориків, філологів, педагогів. Зокрема, потрібно відзначити праці таких вітчизняних учених, як А.Кримського, І.Крачковського, Б.Шидфара, Г.Глузкіна, А.Рашковської, Л.Матвєєва, О.Прицак, О.Василук, А.Гончарук, Ю.Кочубей, О.Хамрай та ін.. Між тим, значна частина питань, пов'язаних із джерелознавчим аналізом поетичних творів арабського поета та філософа X-XI ст. Абу-ль-Аля аль-Мааррі ще залишається малодослідженою.

На особливу увагу потребує аналіз історичних джерел збірки віршів: «Необхідність того, що не є необхідним» («Обовязковість необхідного»), «Іскра від кресала» та ін., а також філософських трактатів: «Послання про прощення», «Послання про ангелів» та ін. та їх використання під час дослідження даної проблеми. Так, наприклад, слов'яни згадуються в арабських джерелах IX-X ст. не тільки у літературній творчості Аль-Балхі, Аль-Істахрі, але і у творчості Абу-ль-Аля аль-Мааррі [2, с. 346].

Якщо перерахувати усі твори Абу-ль-Алі, які були названі його біографами, то це велика кількість рифмованих послань, тисячі рифмованих рядків, наукових трактатів, збірників афоризмів. Не усі його книжки дійшли до нас – ті, що були написані на замовлення емірів і не переписувалися у великій кількості примірників, загинули під час нескінченних війн, згоріли під час хрестових походів, коли полчища хрестоносців вторгалися у сирійські міста.

Біографи називають велику працю під назвою «Книга гаю і гілок», яка складається із трьохсот восьми частин. У цьому творі зібрані повчальні вислови, написані рифмованою прозою. Абу-ль-Аля склав на замовлення емірів Халеба декілька коментарів до творів найбільш відомих сирійських поетів. Кожний із цих коментарів являє собою наукове дослідження і зберігає багато ґрунтовних зауважень про творчість аль-Мутанаббі (915-

965), аль-Бухтурі (820-897) і Абу Таммама (805-846). Дуже цінувалися написані Абу-ль-Аля посібник по граматиці «Книга корисного», «Книга по граматиці» і декілька посібників по окремим питанням лексики, синтаксису. Великою популярністю користувалась книга «Роздуми про різне» [3, с.13]

Поетичні твори Абу-ль-Аля аль-Мааррі створені у різний час, кожний з них несе якусь інформацію, але не кожний твір може залучатися у якості історичного джерела для вивчення тих чи інших подій. Оскільки історичне джерело не тільки відображає історичну дійсність, але і утілює її, у тому числі і поезію, може бути джерелом для вивчення тієї дійсності, частиною якої вона є. Отже, важливим принципом відбору джерел повинен бути принцип синхронності.

Художні твори, вірші є специфічним історичним джерелом, яке може використовуватися істориками для аналізу відповідної епохи, ілюстрації певних положень, для посилення емоційного сприйняття історичного матеріалу, а також у процесі вивчення епохи створення самого художнього твору, ідеології його автора, впливу на нього реалій сучасного йому життя.

Таким чином, проаналізувавши поетичну творчість Абу-ль-Аля аль-Мааррі з урахуванням їх специфіки як історичного джерела, учений зможе отримати багату і різноманітну інформацію про епоху того часу. Інформаційні можливості цих джерел, як і усіяких інших, можуть бути розкриті в повній мірі лише при обліку їх соціальної природи і цільового призначення для сучасників, тобто при обліку тих соціальних функцій, які виконувалися ними у доджерельний період. Ці функції визначили і способи публікації джерел, ступені їх збереженості.

Література

1. **Історичне джерелознавство:** Підручник / Я.С.Калакура, І.Н.Войцехівська, С.Ф.Павленко та ін. – К.: Либідь, 2002. – С. 346. 2. **Там само.** – С. 438. 3. **Абу-ль-Аля аль- Маарри.** Избранное / Пер. с араб. М.: Худож. лит., 1990. – С. 13.

УДК 94(420: 540) „1756/1757“

Гребенюк В.С. (Луганск)

БРИТАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ИНДИИ В 1756-1757 ГГ.

С появлением англичан в Индии в лице Ост-Индской компании (далее ОИК – В.Г.) еще в начале XVII в. более столетия их деятельность ограничивалась исключительно ведением торговли и только в середине

XVIII в. в ходе развернувшегося противостояния с французами, для достижения доминирующего положения, они были вынуждены изменить характер своего присутствия. Не прекращавшиеся междоусобные войны индийских феодалов способствовали вхождению европейских конкурентов во властные структуры раздробленной империи Великих Моголов. Отношение к процессу перемены статуса ОИК в Индии, как у директоров самой Компании, так и правительства в метрополии, было не однозначным. Поэтому, чтобы понять его, необходимо обратиться к примеру одной из первых, успешных, попыток перехода британцев к экспансионизму, которая произошла в 1756- 1757 гг. в богатейшей индийской провинции – Бенгалия.

В апреле 1756 г. после смерти Аливириди-хана навабом Бенгалии стал его внук Сирадж-уд-доуле. Из всех европейцев наиболее привилегированное положение в этом регионе занимали англичане. Зная о той роли, что сыграли последние в недавней феодальной войне (1749-1754), еще прежний наваб испытывал беспокойство относительно возможной опасности, которая могла бы исходить от них в случае мятежа какого-либо из его подчиненных. Справедливость этих опасений подтвердили последующие события. С восшествием на престол Сирадж-уд-доуле, один из претендентов – Шуакат Джанг заручился поддержкой англичан и укрылся в их цитадели в Калькутте. На требования молодого наваба выдать противника англичане ответили отказом, что и стало поводом к началу военных действий.

Бенгальский правитель приступил к организации наступления. Для этого сложились все условия: плохо укрепленный британский Форт-Уильям в Калькутте, малочисленный гарнизон, отсутствие квалифицированного командования – губернатор города Роджер Дрейк вместе с Советом, получив известия о готовившемся нападении, благополучно эвакуировались [1, с. 120]. Поэтому уже в начале июня 1756 г. войска наваба оккупировали Касимбазар, где находилась английская фактория по торговле шелком, и подошли к Калькутте. Перед тем как приступить к осаде Сирадж-уд-доуле хотел заручиться поддержкой с моря французов и голландцев, однако они отклонили это предложение, ссылаясь на состояние мира, в котором находились их Компании и метрополии. Относительно последнего они ошибались, поскольку война между Великобританией и Францией де-факто началась еще в 1755 г., а де-юре в 1756 г., но в силу значительной отдаленности еще не знали об этом.

Осада Калькутты завершилась капитуляцией гарнизона 19 июня 1756 г. Следует отметить, что оккупация этого города проводилась бенгальским правителем вовсе не с целью изгнать британцев из региона. «Наваб стремился лишь свести британцев к положению простых купцов,

которыми они начинали в Бенгалии, – пишет российский исследователь К.А. Фурсов, – т.е. вернуть их «в начало игры», на старт, этим стартом и ограничив» [2, с. 126]. Однако к середине 1750-х годов, как в экономическом, так и в военном отношении, ОИК стала гораздо более мощной организацией, нежели прежде.

Известие о захвате Калькутты в августе достигло Мадраса – британской столицы в Индии. В то время там полным ходом шла подготовка экспедиции в Декан, потому эта новость поставила Совет города в затруднительное положение. После продолжительных дискуссий было решено отложить готовившуюся экспедицию и направить войско во главе с генералом Робертом Клайвом в Бенгалию для возвращения оккупированного города. Так Совет Мадраса самостоятельно принял достаточно важное решение, пожертвовав собственной безопасностью, в пользу другого британского президентства в Индии. Хотя руководство над экспедицией Совет сохранял за собой, что гарантировало получение значительных материальных компенсаций.

Сформированный из 800 европейских солдат и 1000 сипаев отряд во главе с Робертом Клайвом отплыл из Мадраса в Калькутту и через два месяца 2 января 1757 г. город был взят. Вслед за этим с навабом заключили договор, по которому англичанам возвращались все их прежние привилегии, а так же все награбленное за время оккупации [3, с. 12-13]. Но, что особенно важно, никаких гарантий относительно сохранения мира в нем не было предусмотрено. Поэтому в дальнейшем этот договор позволил Клайву беспрепятственно проводить экспансионистскую политику в Бенгалии.

В это время в Индию пришли известия о начале войны между Великобританией и Францией. Это сообщение в корне изменило ситуацию в регионе. Гарантом мира в Бенгалии издавна был наваб, однако после прибытия отряда Клайва баланс сил нарушился. Небольшое французское поселение к северу от Калькутты – Чандернагор, жители которого недавно отказались принимать участие в военных действиях вместе с навабом против англичан, оказалось беззащитным. Этим поспешил воспользоваться Клайв. Отклонив все предложения французов заключить соглашение о нейтралитете, в марте 1757 г. он атаковал город и после ожесточенной трехдневной осады, поддержанной морскими силами адмирала Уотсона, взял его. Потеря Чандернагора серьезно подорвала позиции французов в Индии, так как торговля этого города была одной из наиболее прибыльных для их ОИК.

Однако этим Клайв не ограничился, его следующей целью стало свержение наваба Бенгалии. Зная о назревающем заговоре против Сираджа, в котором были заинтересованы многие отстраненные им чиновники и

военачальники, а так же крупнейший финансист региона Джагат Сетх, британский главнокомандующий заключил тайное соглашение с визирем наваба Мир Джафаром. Согласно его статьям в обмен на престол Бенгалии последний должен был помочь англичанам свергнуть Сирадж-уд-доула, предоставить в заминдарство территорию южнее Калькутты и не допустить в будущем французов в этот регион [3, с. 16-18]. Кроме того Мир Джафар в случае успеха обязался выплатить достаточно щедрую компенсацию за понесенные в ходе операции убытки. По словам К.А. Фурсова, в этом договоре ОИК выступила уже не столько как торговая корпорация, а как полноценная «полития» [2, с. 129].

Кульминацией этого заговора, именуемого порой «революцией» [4, с. 499], стало сражение, произошедшее 23 июня 1757 г., у небольшого поселка Плесси, в ходе которого трехтысячный отряд под началом Клайва разбил пятидесятитысячную армию бенгальского властителя. Колоссальная разница в соотношении сил не имела особого значения, так как большая часть войск наваба, командовал которой Мир Джафар, не вступила в сражение. Поэтому некоторые исследователи склонны сдержанно отзываться о превозносимом в британской исторической литературе военном гении Клайва, продемонстрированном в этой битве [5, 6]. Тем не менее, что касается влияния результатов этого сражения на дальнейшую судьбу не только Бенгалии, но и всего субконтинента, мнения историков совпадают – с этого момента общепринято отсчитывать начало британского владычества в Индии [7, с. 162].

Хотя целью заговора было свержение несговорчивого наваба и обеспечение беспрепятственного ведения торговли в Бенгалии, а так же устранение главных европейских конкурентов, «он задумывался не для смены существующего порядка, – писал британский индолог Дж. Кей, – а скорее ради стабилизации» [4, с. 499]. Все же применение военной силы для решения собственных проблем изменило характер ОИК. Теперь она была не просто торговой Компанией, но и военной силой способной влиять на властные отношения в Индии. Не случайно после победы Клайв не спешил уводить свои войска, а расположил их вблизи Муршидабада, столицы Бенгалии, возложив расходы по их содержанию на местную власть [2, с. 131].

В ходе последующих событий англичане окончательно утвердились в Бенгалии – Сирадж-уд-доула вскоре был захвачен в плен и убит, а на его место был возведен Мир Джафар, который сразу же вознаградил своих союзников за оказанные услуги. Он предоставил Компании в заминдарство территорию к югу от Калькутты, известную впоследствии как «24 паргана», выплатил полагающуюся по договору сумму в 17 700 000 ф.ст. всем пострадавшим от осады [5, с. 88, 90]. Так же

новый наваб одарил высшее британское командование достаточно щедрыми подарками, в частности губернатор Калькутты Дрейк и победитель при Плесси Клайв получили по 280 тыс. рупий, английский резидент в Муршидабаде Уоттс и майор Киллпатрик по 240 тыс. [8, с. 187]. В целом сумма даров служащим ОИК, армии и флота составила около 1 250 000 ф.ст. [6, с. 307].

Стремительное обогащение служащих Компании беспокоило ее руководство в Лондоне, которое посчитало, что столь большая коррупция сможет подорвать интерес к развитию торговли. А изменение самого характера деятельности организации на Востоке может привести к пагубным для торговли последствиям. Так в своем письме к властям Калькутты от 3 августа 1757 г. Совет Директоров подчеркивал: «Мирная деятельность должна быть, если возможно, основой на которую вы опираетесь, как на лучшее средство для продвижения коммерческих интересов Компании, а так же уклонения от несения обременительных расходов, которые государство в состоянии войны вынуждено производить, и к которым Компания в этот момент не предрасположена» [9, с. 16].

Однако в свое оправдание Клайв написал следующее: «По какой причине или поводу Компания ожидала, что я, подвергшись множеству рисков на ее службе, должен отказаться от единственной почетной возможности, которая мне представилась, честно составить себе состояние не за ее счет? Когда Компания получила полтора миллиона стерлингов, а так же доход около 1 000, 000 в год, благодаря успеху, которого я достиг, возглавив ее силы» [10, с. 18]. Убедившись, что завоевание Бенгалии и получение колоссальных прибылей военно-политическим путем не отвечает интересам верхушки правления Компании в метрополии, Клайв впоследствии был вынужден обратиться к поиску других покровителей для своей деятельности.

Кроме того, то, что в Великобритании считали коррупцией в высших эшелонах власти, применительно к Индии таковым не являлось. Даже наоборот, с приобретением того или иного титула перед чиновником открывалась возможность получения множества подарков и подношений, что было отражением уровня его почета и, по сути, являлось его легализованным доходом. Поэтому получение столь щедрых подарков можно было считать внешним отражением проникновения ОИК и ее служащих во властные структуры навабства.

Тем не менее, не смотря на опасения на Леденхолл-стрит, известия о победе Клайва при Плесси были встречены в Лондоне с большим воодушевлением. В частности глава кабинета Уильям Питт произнес в декабре 1757 г. в парламенте хвалебную речь в адрес бесстрашного генерала, отвечавшего истинным устремлениям настоящего правительства.

«Мы потеряли свою славу, честь и репутацию везде, но не в Индии: там у страны есть небом рожденный генерал, который никогда не изучал искусство войны, его имя не было зарегистрировано в обширных списках офицеров, которые многие годы жили за счет государственных отчислений; и он не побоялся напасть на многочисленную армию с горстью солдат» [11, с. 387].

Однако речь Питта имела скорее назидательный характер для тех британских генералов, что терпели поражения в других частях света и в первую очередь в Америке. Эта деталь позволяет отметить достаточно важную особенность взглядов первого министра и его администрации на проведение колониальной политики. Будучи приверженцем заокеанской экспансии, главной и наиболее важной ее целью Питт все же считал именно американские колонии. И даже столь успешные операции в Индии не смогли повлиять на это. Хотя впоследствии, вступив с ним в переписку, Клайв пытался объяснить, насколько более важен успех британцев в Индии по отношению к другим заокеанским владениям и что успеха этого можно было бы добиться, получив лишь 2 000 европейских солдат. «Это стоит того, – писал Клайв, – поскольку это предприятие может быть не столь убыточным для метрополии, как в большинстве случаев с нашими владениями в Америке» [11, с. 391].

Подобные приоритеты в колониальной политике в то время строилась на вполне прагматических соображениях и пользовались поддержкой большинства коммерческих кругов страны. Вплоть до середины XVIII в. индийская торговля хоть и была одним из важнейших факторов экономического и финансового здоровья страны, но именно вест-индская и североамериканская являлись наиболее прибыльными. К тому же они были настолько переплетены, что, по сути, выступали как единая торговая сеть, и вместе с западноафриканским регионом составляли «треугольную торговлю». Поэтому неудивительно, что вест-индское и североамериканское лобби в парламенте было мощнее ост-индского [2, с. 70]. Соответственно, в проведении колониальной политики именно эти регионы имели больший приоритет. Как верно заметил немецкий исследователь Л. Дехийо: «В глазах британских государственных деятелей ценность колонии обычно измерялась торговым балансом» [12, с. 121].

Литература

1. **Dodwell H.** Dupleix and Clive: The beginning of Empire / H. Dodwell. – L.: Methuen, 1920. – 277 p. 2. **Фурсов К.А.** Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями / К.А. Фурсов. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 364 с. 3. **Aitchison C.U.** A collection of treaties,

engagements, and sanads relating to India and neighbouring countries / C.U. Aitchison. – Calcutta, 1892. – Vol. 1. – 533 p. 4. **Кей Д.** История Индии / Д. Кей / пер. с англ. И. Летберга. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 761 с. 5. **Антонова К.А.** Английское завоевание Индии в XVIII веке / К.А. Антонова. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – 326 с. 6. **Синха Н.К.** История Индии / Н. К. Синха, А.Ч. Банерджи / пер. с англ. Л.В. Степанова, И.П. Ястребовой, Л.А. Княжинской; ред. и предисловие К.А. Антоновой. – М.: Издательство Иностранной литературы, 1954. – 440 с. 7. **Каплан А.Б.** Путешествие в историю. Французы в Индии / А.Б. Каплан. – М.: Наука, 1979. – 286 с. 8. **Mill J.** The History of British India / J. Mill. – L.: J. Madden, 1840. – Vol. 3. – 650 p. 9. **Memoir** on the affairs of the East-India Company / Ed. by East India Company. – L.: pr. by J.L. Cox, Great Queen Street, 1830. – 221 p. 10. **Clive R.** A letter to the proprietors of the East India Stock, from the Lord Clive / R. Clive. – L.: Printed for J. Nourse. – 91 p. 11. **Correspondence** of William Pitt, earl of Chatham / Ed. W.S. Taylor and J.H. Prinyle. – L.: John Murray, 1838. – Vol. 1. – 480 p. 12. **Дехийо Л.** Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе / Л. Дехийо. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – 314 с.

УДК 94(569.1) „-04/01“

Дубров О. В. (Київ)

ВИНИКНЕННЯ АНТИЧНИХ МІСТ СИРІЇ ТА ЇХ СТАНОВИЩЕ У IV-I СТ. ДО Р.Х.

Римські завоювання I ст. до Р.Х. на сході проходили у значно сприятливіших умовах, ніж на заході. Це, передусім, пояснюється досить високим рівнем урбанізації цих регіонів і збереженням елліністичної полісної організації в містах. Найбільш справедливою ця теза є для Сирії, яку оголосив римською провінцією у 64 р. до Р.Х. Гней Помпей. Впродовж періоду аж до III ст. по Р.Х. римська влада, в основному, зберегла місцеві традиції управління. Це було спричинене, з одного боку, сильними місцевими традиціями самоуправління, з іншого – високим рівнем економічного розвитку провінції.

Метою даного дослідження є з'ясування причин того, звідки елліністичні традиції в містах з'явилися до римського завоювання; процесу заселення греками сирійських земель; особливостей внутрішнього устрою заснованих ними міст та їх місця у державі Селевкідів у IV-I ст. до Р.Х.

В радянській історіографії даною проблематикою займалися Шифман І.Ш. та Бікерман Е. Проте, вони залишили відкритими ряд питань.

Зокрема, це стосується причин міграційних процесів греків у IV ст. до Р.Х., ролі переселенців у зміцненні селевкідської держави та внутрішнього устрою заснованих переселенцями міст.

Найбільш цінну інформацію ми можемо почерпнути у Аппіана Александрійського, Іоанна Малали, промов Лісія та з епіграфічних написів.

Загалом, сирійські міста в зазначений період можна поділити на три основні групи:

1) фінікійські міста, засновані ще задовго до греко-македонського завоювання (Арад, Бібл, Сідон, Берит, Тір);

2) сирійські міста вглибині країни, засновані місцевим арамейським населенням (Пальміра, Дамаск);

3) елліністичні міста, засновані греками в результаті міграційних процесів з IV ст. до Р.Х. (Антіохія, Апамея, Лаодикея, Дура-Европос, Беря, Пелла, Діон, Гераса та ін.).

В даному дослідженні ми зупинимось на елліністичній групі міст, адже вони безпосередньо стосуються нашої проблематики.

Справжнім містобудівником вважається Селевк I. Так, він, за даними Аппіана, заклав шістнадцять Антіохій, п'ять Лаодикей та дев'ять міст, що носили його ім'я [1, с. 244]. Іоанн Малала, посилаючись на Павсанія, повідомляє, що Селевк заснував 75 міст [2, Chron., 203-204].

Варто звернути увагу на причини таких масових міграцій населення. В IV ст. до Р.Х. в Балканській Греції вибухнула соціальна криза, що отримала вираження в обезземеленні вільних дрібних виробників. Це призвело до того, що розорені греки почали мігрувати на Схід [3, с. 13]. У зв'язку з цим у заклик до Східного походу Александр Македонський прагнув відібрати землі у «варварів». З іншого боку, в даний період у греків поширюється ідея космополітизму, що спричинила їхню слабшу прив'язаність до полісу. Підтвердженням цього є слова Лісія [4, XXIII, 6]

Ці міграційні процеси були дуже вигідні елліністичним царям. По-перше, вони таким чином позбавляли себе такої непопулярної справи як збирання податків, що можна було передоручити тепер надійній і лояльній місцевій владі. Але найбільше вони виграли саме у двох щойно згаданих нами словах – «надійній і лояльній». На нашу думку, засновані еллінами міста, які правителі брали під свій захист, ставали, з одного боку, міцною соціальною опорою для «своїх» же, елліністичних, царів в боротьбі як із зовнішнім, так і внутрішнім ворогом в особі вороже налаштованого, «варварського», населення; а з іншого боку – саме ці переселенці давали змогу центральній владі реально керувати своєю величезною державою.

Не всі міста були засновані на нових, незаселених територіях. Джерела, зокрема Іоанн Малала, повідомляють нам про випадки, коли

грецькі колонії виникали там, де вже існували міста та поселення корінних мешканців [2, Chron., 203].

Невідомою є доля корінного населення цих поселень. Шифман І.Ш. робить припущення, що вони або були залучені до нової громадянської організації, або ці поселення були знищені, а їхні жителі «ліквідовані» або вигнані. Можливо, провадить далі свої припущення автор, що поселення могли залишатися за межами міської організації [3, с. 14-15].

Але з упевненістю ми можемо сказати одне: в традиції елліністичних часів заснування міста не обов'язково відбувалося на незаселеній території.

Греки і в Сирію приносили своє розуміння у міському плануванні. Як правило, міста будувалися (або перебудовувалися) за загальним, так званим «гіпподамовим планом». Таке планування зустрічається в Антіохії, Берей, Дура-Европосі, Лаодикей тощо [5, р. 312].

Говорячи про внутрішній устрій античних міст даної доби та їх відносини з центральною владою, мусимо розуміти, що джерельна база з даного питання носить фрагментарний характер і не дозволяє нам повністю розкрити це питання.

І.Ш. Шифман згадує декрет про надання громадянських прав Арістолоху в Селевкії Піерії, який приймають народні збори [3, с. 22]. Послання Тіра Дельфам (напис SEG, III, 330) складається від імені «ради та народу Тіра». З цього всього ми можемо лише говорити про існування в сирійських містах III-I ст. до Р.Х. міської ради та народних зборів, але ніяк не про співвідношення їхньої влади. Щоправда, автори Кембриджської історії стародавнього світу припускають, що грецькі переселенці приносили в Сирію демократичні (або помірковано-олігархічні) принципи міського управління з важливою роллю народних зборів [5, р. 305]. Такої думки дотримується і Е.Бікерман [6, 133-135].

Тепер варто ще розглянути питання щодо управління сирійськими містами III-I ст. до Р.Х. з боку царської влади.

Держава Селевкідів за своїм характером була не унітарним утворенням. Бікерман Е. схильний ділити державу на дві великі частини [6, с. 131]:

1) вільні міста та народи, яким цар надавав свободу – так званий «союз» (συνδικαία);

2) регіони, що керуються «загальними правилами» – так звана «територія».

Міста з прилеглими територіями («царства в царстві»), так би мовити) мали всі ознаки автономних територій [5, р. 181]. У спілкуванні з царем міста відряджували посольства, могли укладати договори між собою, підтримували зовнішні зв'язки з іншими державами; для вирішення

суперечок між містами суддів призначав не цар, а третя сторона – інше місто поза конфліктом [6, с. 132].

Обмеження влади міст стосувалося передусім фінансової сфери, адже бюджет контролював царський уряд. Цар присилав своїх емісарів (представників) у міста для контролю за їхньою діяльністю [6, р. 179].

Враховуючи настільки широку автономію міст у зовнішніх справах та внутрішнє самоврядування, виглядає сумнівним, щоб центральний уряд міг контролювати всі фінансові питання в полісах. На нашу думку, цілком ймовірним виглядає припущення, що міста могли посилати «дари» царю (скоріш за все, у вигляді грошового викупу), а іншими коштами розпоряджатися на свій розсуд. Підтвердженням даної тези є існування схожої практики в добу римського панування [7, Suet., Aug., 60].

Виражаючи найбільшу прихильність певним містам, уряд міг надавати їм звільнення від сплати податків – так звані імунітети. Наприклад, таке право надав Антіох II місту Ерїтри, а Селевк II – місту Смірна [5, с. 138].

Отже, підсумовуючи результати даної розвідки, слід відмітити наступне. По-перше, з IV ст. до Р.Х. мала місце масова міграція грецького населення до селевкідської Сирії, що спричинило масову появу міст з грецькими традиціями самоуправління. Ця міграція була спричинена як масштабною соціальною кризою в грецькому суспільстві, так і змінами в їхньому світогляді. По-друге, дані міста стали, певним чином, цементуючою ланкою для держави Селевкідів. По-третє, внутрішній устрій був запозичений з традицій Балканської Греції. По-четверте, елліністичні міста в Сирії користувалися надзвичайно широкими автономними правами, що дозволяє назвати владу селевкідського царя номінальною.

Література

1. **Аппиан Александрійский.** Римская история: В 2-х т. / пер. с древнегреч., отв. ред. Е. С. Голубцова. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006. – Т. I. Внешние войны. – 368 с.
2. **Johannes Malalas.** Chronographia. – Book 8. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.attalus.org/translate/malalas.html>
3. **Шифман И.Ш.** Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н.э.) / И.Ш. Шифман. – М., 1977. – 312 с.
4. **Лисий.** Речи. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://antiqlib.ru/ru/node/733>
5. **Cambridge Ancient History** / ed. by F.W. Walbank etc. – Volume VII. Part 1: “The Hellenistic World”. – P. 175-220, 257-320
6. **Бикерман Э.** Государство Селевкидов / Э. Бикерман. – М., 1985. – 264 с.
7. **Suetonius Tranquillus C.** Vita Divi Augusti. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.thelatinlibrary.com/suetonius/suet.aug>

Ермухамедова А.П. (Алматы)

НИЗАМ АЛ-МУЛЬК: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬДЖУКСКОГО ВИЗИРЯ

«Хороший вазир доставляет государю доброе имя и добрую славу. Все те государи, которые стали великими, которых будут помнить добром до дня восстания из мертвых, все они имели добрых вазиров» [1, с. 173].

В данном высказывании Низам ал-Мулька, самого знаменитого визирия империи Великих сельджуков, есть доля истины, ибо вся его жизнь, вся его деятельность на посту второго после султана лица есть хорошее тому подтверждение. Итогом его двадцатидевятилетней службы в качестве первого министра двух сельджукских правителей явился, как утверждает большинство исследователей, написанный им незадолго до смерти трактат о государственном управлении, известный под названием «Сиасет-наме», перевод которого на русский язык осуществил известный советский историк-востоковед Б. Н. Заходер. В данном труде Низам ал-Мулька рисует образ идеального правителя, рассуждает о том, как он должен управлять вверенным ему Всевышним государством, относиться к народу, войску, представителям духовенства, ученым, каких людей он должен назначать на те или иные должности и т.п. Немаловажное место в этом средневековом политическом руководстве занимает вопрос о выборе и назначении визирия.

Личность Низам ал-Мулька вызывала и продолжает вызывать повышенный интерес представителей исторической науки. Практически во всех исследованиях зарубежных, советских и постсоветских историков, посвященных Сельджукской империи, средневековому Ирану, Таджикистану или мусульманскому Востоку в целом (А. Мюллер [2], А. Е. Крымский [3], Б. Г. Гафуров [4], Али-Задэ [5], Т. Ю. Ирмяева [6], Г. М. Курпалидис [7]), уделяется внимание деятельности данного визирия, отмечается его роль в политическом и социально-экономическом развитии государства. Более подробно жизнедеятельность персидского визирия и его труд «Сиасет-наме» освещается в научных исследованиях М. А. Кёймена [8], А. Ертугрула [9], А. Танери [10], Фаиз ул-Хасан Фаизи [11], М. С. Хана [12], Е. Мерчила [13], С. Ятимова [14] и С. Ризван Али Ризви [15]. Однако, несмотря на это, некоторые проблемы, касающиеся персоны Низам ал-Мулька, до сих пор малоизучены.

Основной целью данного исследования является анализ

деятельности Низам ал-Мульк в свете данных им Малик-шаху в «Сиасет-наме» советов по поводу назначения первого визиря, благодаря которому мы планируем ответить на основной вопрос: отвечал ли сам Низам ал-Мульк, будучи Великим визирем султанов-сельджукидов, тем требованиям, которые выдвигались им к личности кандидата в визири?

Прежде чем мы приступим к освещению основной задачи нашей работы, хотелось бы кратко остановиться на вопросе о позиции Великого визиря и важности этой должности для средневекового восточного государства. Вот, что пишет об этом Г. М. Курпалидис: *«Во главе бюрократического аппарата находился визирь. Визирь зависел непосредственно от султана и только от него. Он мог заменять султана на приемах и торжествах, на встречах правителя с послами и вассалами, на судах, связанных с гражданскими делами. Визирь – это посредник между султаном и подданными. Ответственный за порядок и безопасность визирь назначал и увольнял государственных чиновников, устанавливал для приближенных султана (хадам, хашам) содержание (арзак) и жалование (маваджиб). Он контролировал налоговое управление и принимал решение об использовании собранных налогов в различных областях... Визирь ходил в походы с султаном, и даже иногда брал на себя командование войском»* [7, с. 84]. О том, что визирь мог лично послать армию или руководить ею говорит и А. Танери [10, с. 98]. Отсюда следует, что должность Великого визиря была самой высшей и важной в Сельджукской державе и от человека, занимающего ее, во многом зависели все внешние и внутренние дела государства. Именно поэтому постаревший Низам ал-Мульк, предчувствующий свою скорую кончину [16, с. 70], в «Сиасет-наме» не мог не затронуть вопроса о визире и его функциях.

Итак, каким же должен быть визирь, согласно мнению автора знаменитого трактата? Ответ на данный вопрос содержат следующие выдержки из «Сиасет-наме»: *«Вазир должен быть правильного образа мыслей, по вере ханифит или шафит, с чистой верою, достойный, знаток налогового дела, щедрый, друг государю», «лучше всего, если он был бы из семьи вазиров»* [1, с. 173], так как в ней вазирство было наследственным и имелись *«записи о порядке и достоинствах вазирства»*, а значит детям визирей, когда они *«выучивали письмо и адаб»*, давались *«те книги, чтобы они заучивали и чтобы свойства воспитывались по правилам предков»* [1, с. 174]. С визирем следовало разговаривать *«относительно важных дел управления, войска, налоговых поступлений, строительства, мероприятий, направленных против врагов государства и подобно этому»* [1, с. 127]. Осмотрительный визирь, как и государь, никогда не должен был приказывать двух занятий одному лицу, чтобы избежать нарушения порядка [1, с. 161], приказывать должность людям неведомого

происхождения, безвестным, неодаренным, а известных и даровитых оставлять без дела и одному лицу приказывать пять-шесть должностей, а другому не приказывать и одной должности [1, с. 166]. Кроме того, ему надлежало вести *«дела подобающим образом, ... так как благо и злополучие государя и его государства связано с вазиром»* [1, с. 25].

Таким образом, исходя из приведенных выше фрагментов, можно выявить следующие основные требования к человеку, назначаемому на пост визиря: он должен был иметь правильный образ мыслей; быть достойным и щедрым; быть по вере ханифитом или шафиитом; быть с чистой верою; быть другом государю; быть порядочным в вопросах управления и хорошим администратором, ценящим образованных людей и умеющим использовать их на благо государства; быть знатоком налогового дела; разбираться в делах войска и мероприятиях, направленных против врагов государства, в вопросах строительства и происходить, предпочтительно, из семьи визирей.

Давайте последовательно остановимся на каждом из этих требований.

Требование 1: Наличие правильного образа мыслей, достоинства и щедрости. Обладал ли сам Низам ал-Мульк такими качествами? Ответ на данный вопрос можно найти в строках трудов средневековых авторов и, прежде всего, в «Полном своде истории» Ибн ал-Асира: «Низам ал-Мульк был религиозным, щедрым, справедливым и мягким, очень часто прощающим виновных, малоразговорчивым человеком», в его обычае «было приглашать бедных на обед, приближать их к себе и быть близким им» [17, Т. X, ч. 1, сн. 144]. Ас-Субки писал, что от щедрости визиря тем, кого он принимал, становилось стыдно [10, с. 166], а Абу ал-Хасан Мухаммед бин Абдулмалик из Хамадана отмечал, мягкость в его поведении, подчеркивая, что во всех свершенных им делах никто из визирей не смог достигнуть его успеха [19, с. 59]. Абу ал-Касим Али бин Мухаммед ас-Симнани так же сообщал, что Низам ал-Мульк: «...никогда не отказывал бедняку. Никто из тех, кто шел к нему по какому-либо делу не уходил от него не получив от него всего или хотя бы большую часть того, что хотел. Тем более не было случая, чтобы они лишились того, что хотели... Он всем свершенным оставил в мире вечную память и этим превзошел всех тех, кто был до него» [19, с. 58]. О доброте визиря свидетельствуют и собственные слова государственного деятеля, содержащиеся в «Сиасет-наме»: *«Каждый должен быть великодушным и щедрым по силе и размеру своего хозяйства»* [1, с. 135]. В одном из писем своему сыну Фахр ал-Мульку Низам ал-Мульк советовал открывать двери дворца тем, кто подвергся притеснению, хотя бы один раз в неделю заниматься этим и ничем другим, при выполнении данной работы

действовать осторожно, для того, чтобы знать, почему жалуется человек и понять, как можно разрешить его проблему [10, с. 121-122]. О его достоинстве свидетельствует его реакция на разгульную ночную жизнь шейха Абу Зекирия Хатиб Тебризи, которого он смог перевоспитать, не прибегая ни к словесной «взбучке», ни тем более к наказанию, увольнению или хотя бы штрафу [10, с. 120]. Здесь Низам ал-Мулька поступил, так же как и Алп Арслан с ним, когда султану-сельджукиду подкинули записку-донос на визиря. Достойный ученик своего учителя поступил так, как и следовало поступить благородному и мудрому правителю: он отдал ее Низам ал-Мульке со словами: «Возьми это письмо и, если то, что там написано, правда то смягчи свой нрав и улучши свои действия, а если же они солгали, то прости им их поступок и дай им какое-нибудь важное и нужное дело, чтобы они вместо доносов на людей занялись бы им» [17, Т. X, ч. 1, сн. 54]. Случай с воровством Низам ал-Мульком кувшина с монетами у слепого нищего в мечети, так же характеризует Низам ал-Мулька как человека благородного и честного [10, с. 166].

Требование 2: Быть ханифитом или шафиитом. Как утверждают средневековые письменные источники, и, прежде всего, «Сиасет-наме», сельджукский визирь являлся шафиитом, несмотря на то, что служил при дворе султанов-ханифитов.

Требование 3: Быть человеком «с чистой верою». Еще в возрасте 11-12 лет будущий визирь выучил наизусть Коран [18, с. 330] и позже, в поисках хадисов, исколесил практически весь Хорасан, посетил Мерв, Нишапур, Рей, Исфакан, Багдад, Арран и другие города Востока [19, с. 39]. Изучение Корана, хадисов и мусульманского права, а также учеба у видных учителей-суфиев, наложили огромный отпечаток на нравственный облик, человеческие и государственные качества будущего Великого визиря [20, с. 144]. О его глубокой религиозности свидетельствует рассказ о предсказании смерти Низам ал-Мульке неким астрологом, встречающийся в труде Низами Аруди Самарканди «*Chahār Maqāla*» [16, с. 70], а также слова ас-Симнани: «Он, будучи человеком правдивым, идейным, благородным, добропорядочным, достойным, по ночам совершал намаз, в большинстве случаев, держал пост...» [19, с. 58]. Ибн ал-Асир писал о том, что собрания Низам ал-Мулька всегда были полны чтецами Корана, правоведами, докторами религии и другими набожными людьми [17, Т. X, ч.1, сн. 144].

Требование 4: Быть «другом государю». При Малик-шахе Низам ал-Мульк на протяжении 20 лет, являлся неофициальным, но, тем не менее, полновластным правителем империи [15, с. 10]. В усилении его власти немалую роль сыграл сам сельджукский султан, давший ему неограниченные полномочия, о чем свидетельствует все тот же ибн ал-Асир: «Войско Мелик-шаха протянуло свои руки к деньгам и имуществу

населения. Они говорили: «Кроме Низам ал-Мулька, никто не препятствует султану, чтобы он давал нам деньги». Население терпело от них сильное притеснение. Об этом Низам ал-Мульк сообщил султану. Он объяснил ему, какая в этих действиях (войска) кроется опасность расслабления и разрушения страны и падения руководства. Султан сказал ему: «Так ты сделай, что в этом (отношении) находишь целесообразным». На это Низам ал-Мульк ответил ему: «Мне невозможно что-нибудь сделать, без твоего приказанья». Тогда султан сказал ему: «Все дела большие и малые я предоставил тебе, ты – отец», и поклялся ему в этом. Он отвел ему сверх того, что у него (Низам ал-Мулька) было, новые наделы (икта), в том числе и Тус, город (самого) Низам-ал-мулька, надел на него халат, дал ему титулы, в том числе титул атабека, что значит эмир-родитель. И проявились способности его — храбрость, хороший образ действий, которые известны (всем)» [17, Т. X, ч. 1, сн. 59]. Отсюда следует, что все вопросы, связанные с делами управления государством, решал Низам ал-Мульк. Однако подобное положение почти никак не влияло на его отношение к Малик-шаху, так как он сохранял своему господину преданность и продолжал служить верой и правдой, стараясь оберегать его и государство от ошибок и бед. Доказательством тому служит рассказ ибн ал-Асира об исключении при смотре из войска Малик-шахом 7 000 воинов, чьим положением он остался недоволен. Несмотря на совет визиря оставить их во избежание возникновения проблем, связанных с их недовольством, Малик-шах не внял совету Низам ал-Мулька и в дальнейшем пожалел об этом, так как они перешли на сторону его восставшего брата [17, Т. X, ч. 1, сн. 81]. Верность данного государственного деятеля так же подтверждает случай с захватом в плен византийцами Алп Арслана и его ста воинов, выехавших на охоту. Смекалка и хладнокровие Низам ал-Мулька, проявившего при этом недюжинные артистические способности, спасли сельджукского султана и его нукеров от неминуемой гибели [22, с. 113].

Требование 5: Быть порядочным в вопросах управления и хорошим администратором, ценящим образованных людей и умеющим использовать их на благо государства. Порядочность Низам ал-Мулька в вопросах управления империей ясно прослеживается в тех советах по руководству государством, отношению к различным категориям населения и народу в целом, которые он дает Малик-шаху, и назидательных рассказах, содержащихся в «Сиасет-наме». Все они свидетельствуют о том, что в вопросах руководства он придерживался религиозных принципов, таких как любовь к ближнему, помощь бедным, защита слабых и т.д. Его простота в отношении к простолюдинам однажды поразила даже самого халифа Амида, приглашенного на ужин в дом Низам ал-Мулька, где вместе со знатными людьми, более того, рядом с визирем, сидел и ел простой

бедняк-калека [19, с. 50-51].

Несмотря на то, что в наше время многие считают подход Низам ал-Мулька к управлению государством нереальным, а его взгляды и советы утопичными, тем не менее, его методы и принципы были действенными. Именно поэтому период, когда на посту визиря находился знаменитый перс, стал периодом наивысшего расцвета Сельджукской империи. Об этом единогласно пишут средневековые восточные авторы. Вот, например, что говорит ас-Самани о положительных изменениях, произошедших в Сельджукском государстве с приходом Низам ал-Мулька: «Период ссор, неодобрительных порицательных отношений и поступков, имевших место в государстве в прошлом, подошел к концу. Бог показал скрытое лицо своей тайны в государстве Низам ал-Мулька. В итоге, Бог предоставил Низам ал-Мульке возможность совершать добрые дела; устранить жестокость, насилие, недоверие и беспокойство; хорошо следить за делами подданных; оценивать отношение к народу, опираясь на законы справедливости и милосердия; держать под контролем дела. Таким образом ситуация улучшилась; диваны были приведены в порядок наилучшим образом и все части государства были украшены творениями справедливости и милосердия. Низам ал-Мульк – самый правомочный из всех правомочных, самый справедливый администратор из всех администраторов. Жизнь в стране наладилась, торговля нормализовалась, дороги стали многолюдными, количество смутьянов и мятежников уменьшилось. Низам ал-Мульк начал раздавать милости, награды, пожертвования; ремонтировать и укреплять медресе, мечети, рибаты и здания на доходы вакфов; украшать медресе библиотеками, оснащенными самыми лучшими превосходными книгами. Позже он обеспечил жильем учителей из каждой области науки и учеников. Все эти его дела стали гарантиями для государства и будущих поколений» [19, с. 41]. Ас-Самани сравнивал Низам ал-Мулька с Каабой, «влекущей к себе прибывающих из различных стран людей» [19, с. 40]. Роль Великого визиря в улучшении жизни теологов, поэтов, ученых и образованных людей была настолько велика, что один из известных поэтов того времени, в ответ на предложение Тадж ал-Мулька – соперника Низам ал-Мулька, написать на последнего сатиру, недоуменно воскликнул: *«Как же я могу критиковать человека, чьей доброте я обязан каждой вещью, которую я вижу в своем доме?»* [15, с. 23]

О тактичности Низам ал-Мулька-администратора, стремящегося ценить людские кадры, можно судить по следующей выдержке из «Сиасет-наме»: *«Тем, кого удастаивают высоких мест, кого возвеличивают, приходится переносить много невзгод в наше время. Если выговаривать открыто, когда у них случится когда-либо ошибка, - получится им*

бесчестие, и это не может быть возмещено многими ласками и благоволениями. Предпочтительнее, чтобы было так: когда кто-либо совершит ошибку, то, сперва, как будто не обратив внимания, пусть его позвуют и скажут: «Ты сделал так-то. Мы возвышенного нами не унижим и своего ставленника не бросим. Простили тебе это. Но в будущем остерегись, не совершай еще ошибки, не то лишишься степени и почета. Тогда уж от тебя зависит, не от нас» [1, с. 131]. Однако при необходимости Низам ал-Мульк проявлял и жесткость, лишая нерадивых чиновников занимаемых ими должностей [19, с. 49].

Требование 6: Быть знатоком налогового дела. Низам ал-Мульк был не только крупным политиком, видным государственным деятелем, отличным администратором, но и человеком, прекрасно разбирающимся в финансовых вопросах и налогообложении. Он усовершенствовал систему сбора налогов, которая позволяла беспрепятственно и систематически выплачивать жалование многочисленному войску. Кроме того, чтобы уменьшить расходы государства на содержание армии и управленческого аппарата, воинам и чиновникам выделялись земельные наделы – икта, часть доходов с которого шла на содержание его владельца. По инициативе Низам ал-Мулька были отменены обычные налоги на коммерческие товары (*mükûs*) и на товары, принадлежащие народу (*darâib*) [17, Т. X, ч. 1, сн. 144]. Государственную поддержку стали получать представители науки, религии и культуры [10, с. 107-110].

Требование 7: Разбираться в делах войска и мероприятиях, направленных против врагов государства. Как мы уже упоминали выше, одной из обязательных функций визиря являлось его участие в военных походах. По свидетельству А. Танери Низам ал-Мульк участвовал во всех военных кампаниях султана Алп Арслана, за исключением знаменитой битвы при Манцикерте [10, с. 125], благодаря чему он приобрел огромный опыт в военном деле. Ум, проницательность, дальновидность и опыт Низам ал-Мулька дважды возводили на престол наследников сельджукского престола. По свидетельству Абу ал-Хасан Мухаммед бин Абдулмалика из Хамадана, большинство воинов, джигитов и героев в армии Малик-шаха составляли его воины-рабы, количество которых достигало нескольких тысяч [19, с. 59]. О том, каким авторитетом, уважением и преданностью пользовался Низам ал-Мульк среди своих воинов, можно судить по тому, как жестоко мамлюки отомстили одному из причастных к убийству визиря лиц, Тадж ал-Мульку, растерзав последнего на куски [17, X, ч. 1, с. 147]. В своей «Истории» ибн Мункыз определяет численность войска данного государственного деятеля в семь тысяч рабов [19, с. 57]. Об успешности Великого визиря в проведении мероприятий, направленных против врагов государства, в частности в борьбе против исмаилитов, можно судить по

тому, что именно он стал первой политической жертвой батинитов, так как вел активную борьбу с ними и потому представлял для них большую угрозу. Именно поэтому Хассан ибн Саббах, услышав весть об убийстве визиря, сказал: «Этот дьявол умер, наше счастье началось» [23, с. 332-333].

Требование 8: Разбираться в вопросах строительства. Двадцатилетний период нахождения Низам ал-Мулька на посту Великого визиря – это эпоха самого активного строительства в истории Империи Великих сельджуков. Повсеместно строились мечети, медресе, медресе-низамийя, библиотеки, благотворительные заведения, рибаты, дороги, каналы и т.п. сооружения. Были основаны две обсерватории и одна больница. Все это свидетельствовало не только о военных победах сельджуков, экономической мощи Сельджукской империи, но и о том, что немалая часть материальных ресурсов государства, благодаря Низам ал-Мульку, шла на благоустройство государства и народа.

Требование 9: Происходить из семьи вазиров. Сам Низам ал-Мульк не происходил из семьи визирей, но, несмотря на это, это не помешало ему быть одним из первых в ряду самых прославленных визирей средневекового Востока. После его убийства некоторые сельджукские султаны, отдавая дань уважения памяти Низам ал-Мулька, назначали визирями членов его семьи, следуя, таким образом, его совету [10, с. 94-95]. Так, например, А. Танери пишет, что после Низам ал-Мулька визирями были его сыновья – Изз ал-Мульк (İzzü'l-mülk), Мудейид ал-Мульк (Müeyyidü'l-mülk), Фахр ал-Мульк (Fahrü'l-mülk), Зия ал-Мульк (Ziyâü'l-mülk), племянник Шихаб ал-Ислам (Şihabü'l-İslam) и внук Насир ад-дин Тахир (Nasirü'd-din Tahir) [10, с. 85]. К сожалению, не все из них согласно сведениям средневековых источников, были достойными этого поста.

Равенди, характеризуя период правления Малик-шаха, писал, что «его политика и справедливость были на таком уровне, что во время его правления не было никого, кто был бы притеснен, а если претерпевший насилие человек захотел бы к нему прийти, то ничто не смогло бы помешать ему сделать это» [24, с. 128]. Если учесть, что пик небывалого могущества Низам ал-Мулька приходится на время именно этого сельджукского султана, можно, как мы уже заявляли в начале, верить в правоту слов Великого визиря о том, что *«все те государи, которые стали великими, которых будут помнить добром до дня восстания из мертвых, все они имели добрых вазиров»*, и с полным правом утверждать, что этот политический деятель XI века соответствовал всем тем требованиям, которые он предъявлял к личности кандидата на пост визиря в своем бессмертном творении «Сиасет-наме».

Литература

- 1. Снасет-наме.** Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / под ред. Б. Заходера. – Москва-Ленинград, 1949. – 380 с. **2. Мюллер А.** История Ислама: От мусульманской Персии до падения мусульманской Испании / А. Мюллер. – М., 2004. – Т. III-IV. – 894 с. **3. Крымский А. Е.** Низами и его современники / А. Е. Крымский. – Баку, 1981. – 488 с. **4. Гафуров Б. Г.** История таджикского народа / Б.Г. Гафуров. – [б.м.]: Госполитиздат. – 1949. – Т. 1. – 476 с. **5. Али-заде А.** Хроника мусульманских государств I-VII веков хиджры / А. Али-заде. – Москва, 2004. – 445 с. **6. Ирмяева Т. Ю.** История мусульманского мира от Халифата до Блистательной Порты / Т. Ю. Ирмяева. – Пермь, 2000. – С. 349. **7. Kurpalidis G. M.** Büyük Selçuklu Devletinin İdari, Sosyal ve Ekonomik Tarihi / G. M. Kurpalidis. – İstanbul, 2007. – 192 s. **8. Köymen M. A.** Büyük Selçuklu Veziri Nizâmü'l-Mülk ve Tarihi Rolü / M. A. Köymen // *Türkler Ansiklopedisi*. – Editörler: Hasan Celâl Güzel, Kemal Çiçek, Salim Koca. Yeni Türkiye Yayınları. – Ankara, 2002. – Cilt 5. – S. 496-506; **Köymen M. A.** Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi / M. A. Köymen. – Ankara, 1992. – Cilt III. – 532 s. **9. Ertuğrul A.** Bir Kaynak Olarak Nizâmü'l-Mülk'ün Siyâsetnâmesi / A. Ertuğrul // *Türkler Ansiklopedisi*. – Editörler: Hasan Celâl Güzel, Kemal Çiçek, Salim Koca. Yeni Türkiye Yayınları. – Ankara, 2002. Cilt 5. – S. 507-521. **10. Taneri A.** Büyük Selçuklu İmparatorluğu'nda Vezirlik / A. Taneri. TAD. – C. V. – S. 8-9. – Ankara, 1967. – S. 75-188. **11. Faiz ul-Hasan Faizi.** A Peep into the Wasaya' and Siyâsat-Nama of Nizam ul-Mulk / Faiz ul-Hasan Faizi // *Islamic Culture*. – 1946. – Vol. XX. – № 4. – P. 351-407. **12. Khan M. S.** The Saljuq Vizier Nizam al-Mulk and His Siyâsat Nâma / M. S. Khan // *Uluslararası Osmanlı Öncesi Türk Kültürü Kongresi Bildirileri*. – Ankara, 1997. – Sayı: 119. Dizi: 19. – S. 29-49. **13. Merçil E.** Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi / E. Merçil. – Ankara, 2011. – S. 156. **14. Ятимов С.** Низам аль-Мульк: взгляды о личности, задачах и функциях посла / С. Ятимов // *Дипломатия Таджикистана. Информационный бюллетень*. 18/2007. Издание МИН Республики Таджикистан [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mfa.tj/mid/documents/dipvestnik18.pdf. **15. Rizwan Ali Rizvi.** Nizâm al-Mulk Tüsî. His Contribution to Statecraft, Political Theory and the Art of Government. A Thesis presented to the University of Karachi for the degree of PhD. In Political Science / Rizwan Ali Rizvi. – Karachi, 1977. – 274 p. **16. Revised** translation of the Chahâr Maqâla («Four discourses») of Nizâmî-i-'Arûdî of Samarqand, followed by an abridged translation of Mirza Muhammad's notes to the Persian text / ed. by E. G. Browne // *Gibb Memorial» series*. – London, 1921. – Vol. XI. 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: revisedtranslati00nizauoft.pdf. **17. İbnü'l Esir.** El-Kamil fi't-Tarih. Bahar Yayınları [Электронный ресурс] – Режим доступа: DarulKitap.com. **18. İslam**

Ansiklopedisi. – Eskişehir. Anadolu Üniversitesi. Güzel Sanatlar Fakültesi. – 1997. – Cilt 9. – S. 329-333. 19. **Sevim A.** Biyografilerle Selçuklular Tarihi. İbnü'l Adîm / A. Sevim. Bugyetü't-taleb fi Tarihi Haleb (Seçmeler). – Ankara, 1989. – 258 s. 20. **Ермухамедова А. П.** Просветительская деятельность Низам ал-Мулька / А. П. Ермухамедова // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании», приуроченной к 180-летию со дня рождения М. Акмуллы. – Уфа, 2011. – С. 142-152. 21. **Omid Safi.** Büyük Selçuklularda Devlet-Toplum İlişkisi / Omid Safi // Türkler Ansiklopedisi. – Editörler: Hasan Celâl Güzel, Kemal Çiçek, Salim Koca. Yeni Türkiye Yayınları. – Ankara, 2002. – Cilt 5. – S. 660-683. 22. **Reşîdü'd-dîn Fazlullah.** Camî'ü't-Tevârih (Selçuklu Devleti). – Farsçadan çevirenler: Erkan Göksu, H.Hüseyin Güneş. – İstanbul, 2010. – 312 s. 23. **Özdemir M. N.** Abbasi Halifeleri ile Büyük Selçuklu Sultanları Arasındaki Münasebetler / M. N. Özdemir // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – S. 315-367. 24. **Muhammed bin Ali bin Süleyman er-Ravendî.** Rahatü's-Sudür ve Ayetü's-Sürûr. Türkçeye çeviren: Ahmet Ateş. TTK. – Ankara 1957. – C. I.

УДК 930.2 = 411.21: 94(4-11/13) „09“

Калинина Т.М. (Москва)

СВЕДЕНИЯ АЛ-МАС'УДИ И ДРУГИХ ВОСТОЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ О ПРЕБЫВАНИИ ЮСТИНИАНА II У БОЛГАР И ХАЗАР

В.М. Бейлис подробно и тщательно изучал работы ученого X в. ал-Мас'уди. Он выполнил перевод с арабского языка книги ал-Мас'уди «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф». Этой статьей я продолжаю изучение информации ал-Мас'уди о Византии, которая интересовала В.М. Бейлиса.

При перечислении византийских императоров и их деяний ал-Мас'уди рассказал, в числе прочих, о Юстиниане II (685-695 и 705-711), хорошо известном византийским писателям:

«27-й [царь] Истинианус, известный под прозвищем «с дырой в носу» или «безносый» (*ал-ахрам*), царствовал 9 лет в правление 'Абд ал-Малика ибн Марвана, затем был свергнут. Ему отрезали нос и перерезали уздечку под языком, чтобы он стал немым, но он не утратил речи. Его доставили на какой-то (полу)остров. (В арабском, языке слово *ал-джазира* имеет значение как «остров», так и «полуостров» – Т.К.) Оттуда он бежал и, оказавшись у царя хазар, обратился к нему за помощью. Там он женился, но не получил [поддержки], на которую рассчитывал, и ушел к царю бурджан Тарфале. 28-й царь – Аулинтус или же Лиунтус царствовал 3 года во время

правления 'Абд ал-Малика, затем разочаровался во власти и стал выказывать неспособность к ней, ушел в монастырь и принял монашество. 29-й [царь] Абсимар, называемый ат-Тарсуси, царствовал 7 лет во время [правления] 'Абд ал-Малика. Затем Истинианус ал-Ахрам выступил вместе с Тарфалой, царем бурджан, поддержавшим его многочисленным войском, и начал с Абсимаром войну. Рассказывать о ней [слишком] долго: мы сообщали об этом в книге «Известия времени и о тех, кого уничтожили превратности судьбы из числа прошлых народов, ушедших поколений и исчезнувших государств». Истинианус завладел царством и сверг Абсимара. Это произошло в первый год владычества Валида ибн 'Абд ал-Малика: дело завершилось тем, что Истинианус стал царем во второй раз и был [таким образом] 31-м царем Рума. Он обещал Тарвале, царю бурджан, что если вернет себе царство, будет вносить ему ежегодно харадж. Так он и поступил, и учинил жестокие насилия в отношении румов, стал безудержно казнить их и погубил многих знатных и военачальников. Они сговорились погубить его и убили. Второе его царствование продолжалось два с половиной года» [1. с. 164-165].

Общую канву событий ал-Мас'уди наметил верно, хотя нигде не упомянул Херсона. Он объяснил прозвище Юстиниана, по греческим источникам – «Ринотмет», отметив подробность: после урезания языка Юстиниан все же мог говорить.

Царь бурджан Тарф(в)ал(а?) – это болгарский хан Тервел, которого Юстиниан, за помощь в борьбе с хазарами, удостоил титула «кесарь», о чем упоминал патриарх Никифор [2. с. 42], как и о том, что Юстиниан одарил Тервела одеждами, драгоценными сосудами из дворца, деньгами и оказал ему почести.

Кстати, Б. Карра де Во, переводя на французский язык «Китаб ат-танбих», ошибочно расшифровал «бурджан» в тексте о Юстиниане II как бургундов («Burgondes»), однако Тервел был болгарским ханом – Τερβέλης, согласно Феофану [3. с. 572]. Итак, Тарф(в)ала, упомянутый ал-Мас'уди – царь бурджан – это верховный владыка придунайских болгар.

Аулинтус или Линтус – это провозглашенный в 695 году, после свержения Юстиниана, византийский император Леонтий, бывший стратиг фемы Анатолик, правивший до 698 года, т.е. три года, как и обозначено ал-Мас'уди. Время правления арабского халифа 'Абд ал-Малика: 685-705, так что в хронологию его царствования годы владычества Леонтия, указанные ал-Мас'уди, вполне укладываются. Однако о свержении и казни Леонтия ал-Мас'уди ничего не говорит, а его информация о том, что Леонтий «разочаровался во власти и принял монашество», относится, видимо, к тому времени, когда Леонтий был сослан в монастырь и подвергнут такому же позорному наказанию, как Юстиниан – отрезанию языка [4, с. 370-371; 5, с.

40]. Этих деталей наш автор не знает, и это показывает, что он не пользовался известными византийскими источниками.

Абсимар – Тиверий III Апсимар, правил в 698-705 г., свергнув Леонтия. Первый год владычества Валида ибн ‘Абд ал-Малика (705-715 гг.), о котором говорит ал-Мас‘уди, приходится на 705-й год, следовательно, именно тогда соединенные силы Юстиниана и Тервела появились у стен Константинополя, но ал-Мас‘уди ничего не говорит об осаде, упомянув лишь о начале второго владычества Юстиниана, сопровождавшегося казнями и репрессиями в отношении византийской аристократии. Последующие события, как ясно из текста, связываются ал-Мас‘уди не с Таврикой, а только с Византией. О нападении войска Юстиниана на Херсон и разорении его в 711-712 гг. ал-Мас‘уди не упоминает совсем.

В «Полном своде всеобщей истории» Ибн ал-Асира (1160-1233/4) приведен очень схожий фрагмент, с некоторыми сокращениями и изменениями: «Затем царь Истинан, известный как «безносый» (*ал-ахрам*), [царствовал] 9 лет [во времена] ‘Абд ал-Малика. Затем его свергли византийцы (*ар-Рум*), отрезали ему нос и перевезли на какой-то (полу)остров. Он бежал, прибил к царю хазар и попросил его о помощи, но [тот] не оказал ему поддержки, и он отправился к царю бурджан. Затем царствовал после него три года Лунтус, во времена ‘Абд ал-Малика. Затем он отошел от власти и принял монашество. Затем царствовал ас-Самин, известный как ат-Тартусий, в течение 7 лет. И поднялся против него Истинан, а вместе с ним бурджаны, и происходили между ними (т.е. сторонниками ас-Самина и Истинана – *Т.К.*) многие битвы. Одержал победу над ним Истинан, сверг его и вернулся к власти. Такое было во времена ал-Валида ибн ‘Абд ал-Малика. И утвердился [на престоле] Истинан. Он поставил условие царю бурджан, что тот должен поставлять ему ежегодно харадж. И учинил он насилие над Византией (*ар-Рум*), и убил в ней множество народа. И собрались против него (византийцы – *Т.К.*) и убили его. Правил он 2,5 года» [6, с. 239].

Как видим, Ибн ал-Асир тоже не упоминает названия острова или полуострова, на который был сослан Юстиниан, но он не знает и имени царя бурджан, и дает в целом более краткую и несколько иную картину событий, чем ал-Мас‘уди. Среди тех же имен названы в других формах Юстиниан, Леонтий, о котором дана та же информация о монашестве, что у ал-Мас‘уди, назван еще ас-Саман ат-Тартусий – видимо, Тиверий Апсимар.

В «История халифов» армянского историка Гевонда (VIII в.) тоже упомянуты перипетии царствования Юстиниана II: «В правление Ашота-Патриция и на втором году своего царствования, император Юстиниан посылает на Армению войско, которое, опустошив грабежом страну и

обратив в пепел множество великолепных зданий, возвратилось в отечество свое. Но придворные греческие, возненавидев Юстиниана, отрезали ему нос и отправили в ссылку; а на место его воцарили друг за другом Леона, Аписмера – Тибера, Феодосия. Но Юстиниан, ушедши в землю Хазаров, женился на дочери царя хазарского, Хакана, и просил у него помощи. Тесть Юстиниана отправил сильное войско, а с войском некоего Трвега, мужа могущественного. Достигши Константинополя, (Юстиниан) победил в битве соперников, и снова утвердился на царстве. Трвег между тем был убит в сражении; а войско хазарское отослано обратно с превосходными подарками и с большим приобретением» [7, с. 11].

Ашот – правитель Армении с 685 г.; Леон – Леонтий; Аписмер – Тиверий III Аписмар, причем Гевонд полагает, что это разные лица. Феодосий царствовал после Анастасия, с 616-617 гг. Как полагал К. Патканов, Гевонд мог иметь в виду не византийского императора, а Феодосия, сына Аписмара, бывшего впоследствии епископом эфесским. Далее, К. Патканов полагал, что Трвегом здесь назван тесть Юстиниана, но, как он писал, «это место не совсем понятно в тексте». Трвег – это, вероятнее всего, Тервел, владыка бурджан, но Гевонд ничего не говорит о сношениях Юстиниана с болгарями. Таким образом, армянский историк делает акцент на сношениях Юстиниана с хазарами, а не болгарями, заметно искажая, таким образом, настоящую картину, обрисованную как арабскими, так и византийскими историками, что естественно, т.к. его интересовали деяния, связанные с Арменией.

Указанные выше авторы не упоминали о Херсоне как важном месте разворачивавшихся действий.

Павел Диакон (VIII в.) называл местом ссылки Юстиниана не Херсон, а Понт, т.е. какую-то причерноморскую территорию [8, с. 31-32: 9, с. 186, 194]. Понтом, например, называлась Понтийская епархия – область, ближайшая к Константинополю, хотя едва ли она имелась в виду Павлом Диаконем [10, с. 245. Примеч. 2]. Хронист Агнелл из Равенны (сер. IX в.) вовсе не упоминал, где оказался выдворенный император [11, с. 367-372], как и Михаил Сириец (1126-1199), кратко упомянувший о бегстве и возвращении Юстиниана и его обращении к владыкам хазар и болгар [12, с. 17. 478-479]. Краткое упоминание, без каких-либо деталей, сохранилось в труде Абу-л-Фараджа Бар Гебрея (XIII в.) [13, с. 118]. Ни у Евтихия Александрийского (ум. 940), ни у Агапия Манбиджского (2-я пол. X в.), которые в значительной мере были первоисточниками ал-Мас'уди, нет данных об этих происшествиях [14, с. 275. Примеч. 155].

Упомянув о бегстве Юстиниана к болгарам и хазарам, историки, не связанные с Византией, в целом не показывают хорошей осведомленности; наиболее детален ал-Мас'уди. Почти все авторы не

соединяют приключения Юстиниана ни с одним из городов на побережье известных морей, в том числе с Херсоном, хотя именно в нем происходили весьма важные события.

Исходя из этих наблюдений, можно сделать вывод, что ал-Мас'уди использовал некий ранний труд автора, не связанного с Византией. Вероятно, ал-Мас'уди и Ибн ал-Асир пользовались каким-то одним первоисточником, хотя пока этот момент не ясен. Любопытна история Гевонда, упоминавшего только хазар в связи с историей Юстиниана; это объясняется тем, что акцент в рассказе сделан на осуждаемых деяниях Юстиниана II в Армении, где хазары были хорошо известны.

Отсутствие информации о Херсоне может объясняться общей неосведомленностью писателей X в. как о городе, так и о Крыме вообще в ранних источниках [15]. Хотя Ибн ал-Асир уже знал о Крыме, но, как было отмечено выше, он передавал сведения о Юстиниане из некоего раннего источника, где Херсонес не был упомянут.

Литература

1. **Kitab** at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masûdi... / ed. M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1894.
2. **Nicephor**i archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1880.
3. **Theophanis** Chronographia / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883-1885. – Т. I-II.
4. **Theophanis** Chronographia / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883-1885. – Т. I-II.
5. **Nicephor**i archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
6. **Ibn-al-Athiri** Chronicon quod perfectissimum inscribitur... / ed. C. J. Tornberg. – Leiden, 1861. – Vol. 1.
7. **История** халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / пер. с арм. К. Патканова. – СПб, 1862.
8. **Pauli Diaconi** Historia Langobardorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Langobardicarum et Italicarum. saec. VI–IX / ed. L. Bethmann et G. Waitz. Berolini, 1978. – Кн. VI.
9. **Павел Диакон**. История лангобардов. – СПб., 2008.
10. **Кулаковский Ю.** История Византии (602–717). – СПб., 2004.
11. **Agnellus** qui et Andreas. Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / O. Holder-Egger. 1878. – Cap. 137-143.
12. **Chronique** de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199) / édité pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot. – Paris, 1899. – Т. I. XI.
13. **Gregorii Abulfaragii** sive Bar-Hebraei Chronicon syriacum Ecodicibus bodleianus descriptum coniunctim ediderunt P.I. Brims et G. G. Kirsch. Lipsiae, 1789. – Vol. II.
14. **Schboul Ahmad M.H.** Al-Masudi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. – L., 1979. (15).
15. **Калинина Т.М.** Херсон в арабской географической литературе // Нартекс. – Харьков, 2013. – № 2 (в печати).

Каримов Б.Р. (Ташкент)

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Великий шелковый путь оказал огромное влияние на межцивилизационные взаимодействия в процессе генезиса и развития мировой цивилизации. В ходе этого взаимодействия складывались определенные механизмы, правила, нормы и традиции межцивилизационных отношений. Межцивилизационные взаимодействия на Великом шелковом пути представляют собой общечеловеческое наследие и имеют огромные перспективы для своего развития. Посредством Великого шелкового пути взаимодействовали Японская, Корейская, Ханьская, Тюркская, Индийская, Дравидийская, Малайзийско-Индонезийская, Иранская, Арабская, Романская, Германская, Славянская и другие цивилизации. Это межцивилизационное взаимодействие является крупнейшим в истории мировой цивилизации. Оно оказало и оказывает огромное влияние, как на формирование локальных цивилизаций, так и на формирование мировой цивилизации. В данной статье рассмотрим в основном исторические и лингвокультурологические аспекты межцивилизационных взаимодействий на Великом шелковом пути и роль Тюркской цивилизации в них.

Тюркская цивилизация внесла и вносит оригинальный и значимый вклад в мировую историю и мировую цивилизацию, в том числе в генезис и развитие Великого шелкового пути. Тюркская цивилизация является одной из древнейших цивилизаций мира. Истоки её уходят к 5-6 тысячелетию до нашей эры, когда Древний Шумер как первое развитое государство, образовавшееся на территории расселения протоалтайских и прототюркских народов (территории нынешних государств Турция, Иран, Азербайджан, Афганистан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, СУАР в КНР и др.) в числе первых в мире создал великие достижения человеческой цивилизации – развитые формы государства, этнической общности, языка, письменности, мифологии, религии (Тенгрианство), градостроительства и материальной культуры. После завоевания Древнего Шумера семитскими племенами и включения его территории в Древний Аккад, и затем в Древний Вавилон, новые центры развития Тюркской цивилизации возникают на оставшихся территориях расселения протоалтайских, прототюркских и древнетюркских

народов. После завоевательных нашествий на эти территории скотоводческо-земледельческих полукочевых племен древних арийцев в XII-XIII веках до нашей эры на значительной части этих территорий образуются государства с арийской государственной элитой, но значительную часть населения в них продолжают составлять потомки прототюрков, древние тюрки, а также смешанное арийско-древнетюркское население [1].

В древнекитайских письменных источниках этноним «тюрк» встречается уже 4700 лет до наших дней. Эти же источники свидетельствуют также и о том, что уже в те времена на территориях от Каспийского моря до территории Маньчжурии проживали древнетюркские племена и народности [2]. Древние археологические памятники культуры на этих территориях древнего Турана свидетельствуют об этом. Тюркская цивилизация, находясь на пути между ведущими государствами, цивилизациями, культурами Востока и Запада, Севера и Юга, выступала как цивилизация, оказывавшая значительное влияние в системе цивилизаций мира. Важную роль она играла на Великом Шелковом пути. Тюркский язык был одним из ведущих международных, мировых языков на этом пути. Тюркская цивилизация создала целый ряд государств, имевших большое влияние на развитие мировой истории, культуры, науки, искусства и мировоззрения. В современную эпоху нового возрождения, Ренессанса Тюркской цивилизации она имеет возможности интенсивно развить свою культуру, науку и язык, посредством использования достижений современной мировой цивилизации.

Наука, культура и язык Тюркской цивилизации внесли огромный вклад в развитие мировой науки, духовной культуры и языковой системы мировой цивилизации. Тюркская цивилизация в течение тысячелетий создала цепь последовательно возникавших развитых тюркских языков, фольклора, литературы и письменностей. Тюркский язык по длительности периода пребывания в статусе международного, мирового языка занимает первое место среди всех языков, когда-либо имевших такой статус.

В процессе глобализации идет формирование многополюсного мира, что связано с возникновением новых полюсов, центров геополитической силы. Этими центрами выступают чаще всего локальные цивилизации. Тюркская общность народов имеет возможность сформировать у своих членов тюркское локально-цивилизационное мировоззрение. Фундаментальной идеей локального цивилизационного мировоззрения является идея цивилизационизма, идея цивилизационной солидарности, единства исторических корней и исторической судьбы народов, относящихся к данной локальной цивилизации, необходимости их сотрудничества для решения стоящих перед ними общих проблем. Такое

мировоззрение могло бы выступить основой мировоззрения тюркских народов, при сохранении мировоззренческого плюрализма во многих других аспектах мировоззрения (онтология, гносеология, методология, этика, эстетика и др.) [3].

В ряде работ предложен проект создания среднетюркского языка «ортатюрк» методом усреднения тюркских языков, признание его в качестве языка межтюркского межнационального общения, языка информации имеющей общетюркское и мировое значение и достижение признания его в качестве одного из языков ООН [4; 5; 6; 7]. Этот проект обеспечивает равноправие и равенство всех тюркских языков между собой, не предоставляет привилегий и не создает ущемления прав и достоинства каждого из тюркских народов. Каждый из тюркских народов имеет право использовать свой тюркский язык как государственный язык в своем национальном государстве и развивать его в меру своих возможностей. А при решении очень крупных задач, которые не под силу отдельному тюркскому народу, таких как освоение общемировой информации и внесение на этой основе большого вклада в мировую цивилизацию, каждая тюркская нация будет иметь возможность добровольно и в меру своих интересов и желаний дополнительно использовать язык «ортатюрк» как наиболее близкий родственный язык из признанных ООН мировых языков. Механизм усреднения при создании норм языка «ортатюрк» дает также и близость к языку предков современных тюркских народов и внесение в язык ортатюрк основной части своего языкового наследия каждой из тюркских наций. В целом представляется целесообразным реализовать этот проект, так как он имеет много преимуществ по сравнению с другими вариантами.

Создание усредненного языка ортатюрк способствовало бы развитию взаимопонимания и равноправного сотрудничества между тюркскими народами, социально-экономическому, политико-правовому, информационно-коммуникативному, профессионально-квалификационному, духовно-интеллектуальному развитию личностей и социальных групп, как тюркского мира, так и всего человечества. Реализация предлагаемого проекта создания языка ортатюрк и совершенствования системы функционирования тюркских языков и письменностей выступила бы как фактор прорывного, инновационного, модернизационного социального развития государств и наций, входящих в Тюркскую, Центрально-азиатскую цивилизацию и мировой цивилизации. Для социально-экономического развития тюркоязычных народов выполнение данного проекта имело бы большое значение, так как позволило бы оперативно, без очень больших затрат собственных ресурсов, коллективными усилиями всех тюркоязычных народов и структур ООН,

получать основную мировую информацию и передавать миру свою информацию на близкородственном мировом языке ортатюрк. Это подняло бы социальный статус и имидж каждого из тюркских языков почти до уровня международных, мировых языков. Это привело бы к повышению и их внутригосударственного социального статуса.

Литературный тюркский язык, в течение тысячелетий бывший международным языком, в 1924 году был юридически превращен в мертвый язык не имеющий социального функционирования в значимых сферах жизни общества и государства. Всех активных сторонников сохранения единства тюркского языка, тюркского народа и Тюркской цивилизации объявили «врагами народа» и жесточайшим бесчеловечным образом преследовали и уничтожали [8]. Эта шовинистическая, отрицающая право наций на самоопределение акция была осуществлена в ходе так называемого «национально-государственного размежевания» произведенного посредством массового террора под руководством Сталина без выявления свободного волеизъявления народа Туркестана и тюркских народов. Но те, которые желали уничтожить и думали, что уничтожили языковое единство Тюркской цивилизации, ошиблись. Создание языка ортатюрк выступает как оживление великого тюркского языка «тюрки», выведение его из состояния «клинической смерти» с помощью современных методов математической и компьютерной лингвистики, современных средств информационной цивилизации. Это фундаментальное лингвистическое единство Тюркской цивилизации независимые тюркские народы смогут восстановить.

Для достижения этой цели требуется решение следующих задач:

1) создать среднетюркский язык ортатюрк; 2) создать координированную и унифицированную систему алфавитов национальных тюркских языков и языка ортатюрк; 3) создать координированную терминологическую систему тюркских языков и языка ортатюрк [7]; 4) развить информационные ресурсы на языке ортатюрк и национальных тюркских языках.

Тюркская группа языков входит в состав более крупного генетического объединения языков, названных алтайскими. Возникает возможность варианта языкового развития с созданием среднеалтайского языка. Мету целесообразности вариантов языкового развития следует исследовать отдельно. Расчет меры близости различных генеалогически родственных языков в рамках групп и подгрупп языков может быть произведен на основе разработанного в математической лингвистике метода определения количественной меры близости и удаленности родственных языков и диалектов [9]. Это позволит найти оптимальные пути усреднения. На этой основе можно выяснить, какой из вариантов языкового

развития лучше: 1) произвести усреднение по всей группе генеалогически родственных языков; 2) произвести усреднение по отдельным подгруппам генеалогически родственной группы языков; 3) не производить усреднения.

Процессы развития языков, особенно проблемы изменения языковой идентичности, целесообразно оценить с точки зрения соотношения прав человека и прав наций и языковых групп личностей. В индивидуалистической концепции личности личность отрывается от сформировавшего её социума и рассматривается как независимое априорно самодостаточное исходное начало для оценки всех процессов происходящих в мире. Права социума, общности, коллектива, который сформировал данного человека, при этом учитываются в недостаточной мере. Целесообразно достичь большей гармонизированности в соотношении прав личности и прав социума. Для этого необходимо учесть социальную сущность человека и нации. В этой связи целесообразно использовать ойкуменическую теорию нации, концепции этносизма, этнолингвопанизма, усредненных языков и среднемирового языка [4; 5; 6; 7; 10; 11; 12], которые в целом составляют лингвокультурологическую концепцию, ведущую к синтезу языков Востока и Запада, к оптимизации межцивилизационного взаимодействия в системе мировой цивилизации.

Концепции этносизма и этнолингвопанизма основываются на ойкуменической концепции нации [10; 11; 12]. Они дают основу для конвергентного развития цивилизаций, наций и культур Востока и Запада, так как эти концепции показывают, что такие характеристики нации, как общность территории, экономики, языка, культуры, социально-психологических черт являются акциденциями, но не атрибутами. В контексте ойкуменической теории нации рассмотрим проблемы глобального развития и пути сохранения национальных культур, языков, развития языковой и культурной конвергенции Востока и Запада. В этих вопросах целесообразно достичь оптимального сочетания общечеловеческих и национальных интересов. Для обеспечения единства Человечества и сохранения его многообразия целесообразно создание системы усредненных языков для групп генеалогически родственных языков [4; 5; 6; 7], а в дальнейшем создание среднемирового языка посредством усреднения в многообразии усредненных языков и изолированных языков на основе ностратической (борейской) концепции, концепции языковых универсалий и статистических методов усреднения языковых феноменов [4; 5; 6; 7]. Создаваемый таким путем всемирный вспомогательный язык межкультурного, межнационального общения, накопления мировой информации и глобального обучения способствовал бы решению многих глобальных проблем мировой цивилизации и духовному взаимообогащению всех локальных цивилизаций и народов.

Создание среднемирового языка могло бы выступить как путь языковой и культурной конвергенции Востока и Запада в рамках системы единого Человечества [13].

В современную эпоху глобализации и формирования мировой информационной цивилизации важно решение проблем формирования единого информационного пространства для каждой из групп родственных по языку народов. Рассмотрим это на примере алтайских народов. Языковые барьеры, как обусловленные различием языков, так и различием их письменностей, являются препятствиями развитию данного единого информационного пространства. Иероглифы, используемые в японском языке, относящиеся к алтайской семье языков, создают «иероглифический барьер», который также препятствует развитию единого информационного пространства алтайских народов. Для алтайской семьи в целом, включающей в себя тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский языки, проблему языкового барьера между алтайскими языками предлагается преодолеть посредством использования метода создания усредненных языков для соответствующих групп родственных языков, то есть путем создания среднеалтайского языка на основе создания среднетюркского, среднемонгольского языков и усредненного тунгусо-маньчжурского языка. Для создания среднеалтайского языка целесообразно усреднить следующие пять языков: среднетюркский, среднемонгольский, усредненный тунгусо-маньчжурский, японский и корейский языки. При этом предлагается использовать метод усреднения в меру его применимости, используя также достижения современной алтаистики и борейской, ностратической теории. При таком построении среднеалтайский язык не будет достаточно целостным. Поэтому для дополнения недостающих компонентов целесообразно использовать теорию языковых универсалий, статистические методы переработки баз данных. При создании усредненного языка для других семей и групп языков (романской, германской, индийской, дравидийской, индонезийско-малайзийской, славянской, семитской, иранской, уральской и др.) целесообразно применять метод аналогичный методу, примененному в отношении алтайской семьи языков [14].

Целесообразно также создать глобальную единую всемирную систему письменности [15], охватывающую как письменности на основе алфавитов, так и иероглифические и силлабарийные системы письменности [16]. Ныне иероглифический барьер, сильнее чем «Великая китайская стена» в древности, разделяет мировую цивилизацию и мировое информационное пространство. Для реализации западно-восточного синтеза культур необходимо решение этой глобальной проблемы развития письменности. Богатства человеческой культуры мирового значения,

закодированные в сложнейших системах письменности связанных с иероглифическим принципом письма, целесообразно перекодировать, перейдя к оптимальной по затратам человеческих сил новой кодировке построенной на основе алфавитного принципа. Это было бы благом для всего Человечества, в том числе для самих народов Китая и Японии, являющихся неотъемлемой частью мировой цивилизации. Это позволит объединить интеллектуальные и материальные ресурсы Человечества для инновационного решения стоящих перед всеми нами сложнейших и опаснейших глобальных проблем. Самореализация, наполнение смыслом жизнедеятельности человека в этих сообществах приобрело бы характер, соответствующий требованиям современной информационной и инновационной эпохи.

В процессе формирования мировой информационной цивилизации для каждого тюркского языка целесообразно создание компьютерных программ, которые преобразуют тексты на одном алфавите в тексты на другом алфавите. Целесообразно создание компьютерных программ для перевода с одного тюркского языка на другой. При этом перевод на язык ортатюрк мог бы служить основным этапом для последующего перевода на другие тюркские языки. Необходимо увеличить информационные ресурсы в Интернет на национальных тюркских языках и на языке ортатюрк. Осуществление этих предложений способствовало бы развитию Тюркской цивилизации в системе мировой информационной цивилизации.

В течение столетий в значительной части территории Евразии, особенно вдоль Великого шелкового пути, было широко распространено знание двух языков: тюркского («тюрки») и иранского («фарси»). В XXI веке можно было бы содействовать добровольному изучению желающими двух усредненных языков – среднетюркского («ортатюрк») и среднеиранского («кирани»). Это способствовало бы мирному сосуществованию, взаимопониманию, сотрудничеству и межкультурному диалогу между представителями Тюркской и Иранской цивилизаций [17; 18; 19; 20].

Реализация этих проектов выступила как фактор инновационного модернизационного развития мировой цивилизации. Развитие системы информации, трансфер технологий, информационное обеспечение инновационной деятельности, защита права интеллектуальной собственности, международное сотрудничество в этих сферах обеспечивается в большей мере при преодолении языковых и иероглифических барьеров и формировании единого мирового информационного пространства, использующего алфавитный принцип и единую координированную и унифицированную систему алфавитов [15; 16].

Предлагаемые преобразования соответствуют тенденциям развития и расширяют горизонты развития межкультурной коммуникации в процессе формирования мировой информационной цивилизации в XXI веке. Они направлены на решение проблем в данной сфере на основе общепризнанных в системе норм международного права принципов равноправия, суверенитета государств, обеспечения прав и свобод человека и коллективных прав социальных групп (национальных, языковых, этнических, расовых, конфессиональных, локально-цивилизационных и др.).

Рассмотрение исторических, этнических, лингвистических и культурологических аспектов межцивилизационных взаимодействий на Великом шелковом пути и показывает огромную связующую роль Тюркской цивилизации в данных процессах и большие перспективы развития межцивилизационных взаимодействий в ходе возрождения Великого шелкового пути в современную эпоху.

Литература

1. **Каримов Б.Р.** Тенгрианство и тюрки: история и современность / Б.Р. Каримов // «Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции». Тезисы докладов научной конференции. – Якутск: ЯГУ, 1992.
2. **Ходжаев А.** Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников) / А. Ходжаев. – Ташкент: Tafakkur, 2010.
3. **Каримов Б.Р.** Национальная философия отдельного тюркского народа в контексте тюркской и мировой философии / Б.Р. Каримов // Туркология. – № 3(53), 2011. – С.134-139.
4. **Каримов Б.Р.** Ўртатурк тили / Б.Р. Каримов, Ш.Ш. Муталов. – Ташкент, 1992.
5. **Karimov B.R.** Averaged languages: an attempt to solve the world language problem / B. R. Karimov, Sh. Sh. Mutalov. – Tashkent: Fan, 1993. (второе издание в 2008 г.).
6. **Каримов Б.Р.**, Муталов Ш.Ш. Усредненные языки: попытка решения мировой языковой проблемы / Б.Р. Каримов, Ш.Ш. Муталов. – Т.: Фан, 2008.
7. **Каримов Б.Р.** Координирующая терминологическая система для группы родственных языков / Б.Р. Каримов // Компьютерный фонд терминов тюркских языков. – Туркистан-Шымкент, 1995.
8. **Аншин Ф.Д.**, Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология / Ф.Д. Аншин, В.М. Алпатов, Д.М. Насилов. – Москва: «Восточная литература», 2002. – 296 с.
9. **Каримов Б.Р.**, Муталов Ш.Ш. О количественной оценке синхронической близости родственных языков и диалектов / Б.Р. Каримов, Ш.Ш. Муталов // Тюркское языкознание. Материалы III-ей Международной конференции по тюркологии (10-12 сентября 1980 г.). – Ташкент: Фан, 1985. – С. 126-129. (Тезисы докладов и сообщений были опубликованы в Ташкенте в издательстве «Фан» 1980 году).
10. **Каримов Б.Р.** Миллат, инсон ва тил.

тарақиёт муаммолари / Б.Р. Каримов. – Қарши: Насаф, 2003. 11. **Karimov B.R.** The oikumenik concept of the nation and development of languages / B.R. Karimov. – Qarshi, Nasaf, 2003. 12. **Каримов Б.Р.** Ойкуменическая концепция нации и развитие языков / Б.Р. Каримов. – Якутск, 2004. 13. **Каримов Б.Р.** Глобальное обучение и пути языковой и культурной конвергенции Востока и Запада / Б.Р. Каримов // VII Международная конференция «Образование личности и развитие межкультурной компетентности в новом тысячелетии». – Хабаровск, 2010. – С. 34-35. 14. **Каримов Б.Р.** Проблемы формирования единого информационного пространства алтайских и уральских народов / Б.Р. Каримов // Наука Удмуртии. – № 5 (43), июнь 2010. – С. 63 – 66. 15. **Каримов Б.Р.** Проблема создания единого унифицированного алфавита как глобальная проблема / Б.Р. Каримов // Актуальные вопросы в области гуманитарных и социально-экономических наук. – Вып. 2. – Т., 2005. – С. 22-23. 16. **Каримов Б.Р.** Проблемы развития письменностей языков в процессе глобализации / Б.Р. Каримов, У.Б. Каримова. – Ташкент: IFEAS, 2006. – 28 с. 17. **Каримов Б.Р.** Среднеиранский язык «ирани» и пути развития языка межиранского межнационального общения / Б.Р. Каримов // Эроний тилларнинг лексикологияси. – Т., 2010. – 80-88-б. 18. **Каримов Б.Р.** Метод создания усредненного языка «ирани» (на примере его лексического уровня) / Б.Р. Каримов, Ш.Ш. Муталов // Эроний тилларнинг лексикологияси. – Ташкент, 2010. 89-96-б. 19. **Каримов Б.Р.** Проблемы развития этноязыковых контактов в регионе "Великого шелкового пути" / Б.Р. Каримов // Цивилизация. Мустақиллик. Инсон. Т., 1996. – С. 128 – 130. 20. **Karimov B.R.** Bukhara in the system of ethnolinguistic communications of the great silk route: past, present and future // Scientific and cultural heritage of mankind – to the third millennium. Theses of reports of the international symposium dedicated to the 2500 anniversary of Bukhara and Khiva / B.R. Karimov. – Tashkent, 1997. – P. 87-89.

УДК 929 Бейлис: 930.2=411.21 „08/11“

Климов А.А. (Луганск)

МОИ ВСТРЕЧИ С ВОЛЬФОМ БЕЙЛИСОМ

Моя первая встреча с Вольфом Менделевичем Бейлисом произошла в начале сентября 1966 года, когда я поступил на первый курс историко-филологического факультета Луганского педагогического института. В те времена учебный год студентов-первокурсников начинался с сельскохозяйственных работ на колхозных полях, и мы исключением не

были. Поприсутствовав первого сентября на институтском митинге и выслушав поздравления с тем, что влились в студенческую семью, мы разбегались по домам за теплой рабочей одеждой. Через день будущие историки вместе со студентами других специальностей погрузились в кузова открытых грузовиков и отправились трудиться: в течение месяца надо было убирать помидоры, лук, морковь, арбузы и прочие дары полей. За каждой группой студентов был закреплен преподаватель. За нашей (а на специальность «история» было зачислено 50 человек) – Вольф Менделевич. Мы, естественно, тогда не знали, что он – уже известный в Советском Союзе арабист, владевший десятью языками, выпускник Киевского университета, ученик знаменитого Тауфика Гавриловича Кезмы, кандидат исторических наук, незадолго до этого, в 1964 году, приехавший в Луганск по конкурсу из Чернобыля, где был директором средней школы. Он сразу привлек наше внимание тактичностью, интеллигентностью, уважительным отношением к студентам. Как-то тихо и незаметно организуя работу, постоянно находясь с нами в поле (а надо сказать, что он был инвалидом войны второй группы), Вольф Менделевич изучил каждого и вскоре обо всех имел довольно точное представление, как и о тех отношениях, которые начали складываться на курсе между перезнакомившимися в полевых условиях новоиспеченными студентами.

Вернувшись из колхоза и приступив к занятиям мы узнали, что Вольф Менделевич (студенты и коллеги звали его Владимир Михайлович) назначен куратором нашей академической группы. Куратором он был все годы нашей учебы, и общался с нами не только на занятиях, но и довольно часто во внеучебное время, так как к обязанностям куратора относился неформально и ответственно. Как преподаватель он запомнился прекрасным чтением лекций по истории древнего Востока, Греции и Рима, а также средних веков. В течение двух лет он читал все эти объемные курсы, практически не обращаясь к своим записям, по этим же курсам вел у нас семинарские занятия. Позже, кстати, Вольф Менделевич как-то заметил, что относительно хорошо знает лишь историю Востока. Мы же поражались его энциклопедическим познаниям, когда он рассказывал о рабстве в Греции и о Римской империи, германцах и франках, арабах и крестовых походах, сопровождая свое блестящее повествование арабскими пословицами, вобравшими в себя мудрость человеческого бытия.

После таких лекций мы старались как можно лучше, чтобы не опозориться перед Вольфом Менделевичем, подготовиться к семинарским занятиям: читали массу новейшей научной литературы, постоянно обращались к томам издававшейся с 1956 года многотомной «Всемирной истории». Запомнились и коллоквиумы, которые Вольф Менделевич проводил по наиболее интересным монографиям, начиная с известной

«Боги, гробницы, ученые» К. Керама. Словом, профессиональную подготовку прошли у него основательную. Он же принимал два экзамена – по истории древнего мира и средних веков. А поскольку экзамены принимались, как положено, в устной форме, то нужно было отвечать и на вопросы билета, и на дополнительные вопросы, показать знание предмета. И я горжусь, что у Бейлиса у меня были только отличные оценки.

Будучи куратором Вольф Менделевич ходил с нами на Ноябрьские и Первомайские демонстрации, был на мероприятиях, которыми изобилуoval институт, проводил так называемые политчасы. Последние еженедельно проходили во всех группах в обязательном порядке по утвержденной парткомом тематике, и на них нас надо было политически воспитывать. Вольф Менделевич подходил к этим мероприятиям деликатно. Понимая, что нам такое воспитание по шаблону претит, он старался найти даже в самых неинтересных, зачастую примитивных для историков темах такую проблему, которую было интересно и с пользой для дела обсуждать.

В феврале 1969 года я был направлен на педагогическую практику в 36-ю городскую школу, проходил её у известного в Украине учителя истории, новатора, очень интересного человека Виталия Овсеевича Пунского. А в качестве классного руководителя был прикреплен к классу, где классным руководителем была учитель русского языка Евгения Марковна Бейлис. Так я познакомился с женой Вольфа Менделевича, милой и приветливой женщиной, бывал у них дома в небольшой, заставленной книгами «хрущевке» на квартале Молодежном: понимая, что быт иногороднему студенту, каковым был я, организовать сложно, они старались после проведенных в школе уроков немного меня подкормить.

В конце апреля 1970 года в актовом зале института Вольф Менделевич напутствовал нас на «последнем звонке», а мы долго не отпускали его со сцены, аплодируя любимому преподавателю. Вечером 30 июня в спортивном зале были накрыты столы и наши преподаватели во главе с ректором, Всеволодом Григорьевичем Пичугиным, уже в неформальной обстановке поздравляли нас с вручением дипломов. А в сентябре мы стали коллегами.

Исторический факультет тогда располагался на четвертом этаже единственного учебного корпуса в довольно стесненных условиях. Помещений не хватало, и кафедра истории СССР и УССР, на которой я начал работать ассистентом, и всеобщей истории, доцентом которой к тому времени был Вольф Менделевич, размещались в одной комнате. Мы виделись практически ежедневно, общаться с ним было интересно. Правда, через месяц я был зачислен в аспирантуру и с этой кафедры ушел, но мы оставались в одной факультетской партийной организации. Вольф

Менделевич в разное время был и секретарем, и членом партбюро (в партию он вступил в 1957 году уже будучи завучем школы и состоял в ней до 1991 года). Мы теперь общались на партийных собраниях, я ежемесячно уплачивал ему членские взносы, а он интересовался тем, как продвигается работа над диссертацией. В декабре 1973 года после успешной её защиты в Киевском университете он пришел на нашу кафедру и мне, не скрою, были приятны такое его внимание и поздравления.

Сам же он, работая над докторской диссертацией, этого не афишировал, не брал, как другие, творческих отпусков и, имея большую учебную нагрузку и массу различных поручений, успешно завершил её подготовку и защитил в июне 1975 года в объединенном совете отдела общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР. В мае 1978 года Вольф Менделевич получил аттестат профессора, а в октябре был избран заведующим кафедрой всеобщей истории. Годом позже я возглавил кафедру истории КПСС. Теперь мы продолжали общаться уже как заведующие и члены ученого совета института с той лишь разницей, что кафедра всеобщей истории был факультетской, а наша – общеинститутской. И снова я, как молодой заведующий, ощущал его поддержку и внимание.

При встречах мы обсуждали и научные, и жизненные проблемы, он живо интересовался как кафедральными, так и семейными делами, в свою очередь гордясь своим единственным сыном Марком, Мариком, как его ласково называли, и которого я хорошо знал. Марк в 1978 году с отличием окончил физико-математический факультет нашего института, был талантливым математиком. Его студенческая научная работа была признана лучшей на Всеукраинском конкурсе и в год окончания института он стал участником Всесоюзного совещания по теории полугрупп.

Работая учителем математики в школе и по совместительству ассистентом кафедры алгебры и математического анализа в институте, Марк участвовал в Герценовских чтениях в Ленинградском педагогическом институте, был там замечен и в 1980 году приглашен поступать в аспирантуру. Однако летом того года произошла трагедия. Готовясь к поступлению и собираясь жениться Марк увлекся пропагандировавшимся тогда оздоровительным бегом, стал совершать утренние пробежки. Делал он это в центре города, где на 16-й Линии Вольф Менделевич получил в многоэтажном доме новую квартиру. В одну из таких пробежек сердце его не выдержало. Приехавшая по вызову прохожих к юноше, упавшему на газон, «Скорая» констатировала смерть. Это был страшный удар по Вольфу Менделевичу, от которого он не оправился до конца жизни.

Смерть Марка его подкосила, он стал безразлично относиться к своему здоровью, начал курить, курил много, какие-либо слова сочувствия

были неуместны, единственным спасением оставалась работа. До апреля 1989 года он продолжал заведовать кафедрой, руководил аспирантурой, публиковал в ведущих научных журналах свои исследования по общей проблеме «Арабские исторические источники, их сведения о Восточной Европе, Кавказе, связях древних славян с Востоком», которые высоко ценились в научном мире. Он был автором многих энциклопедических статей в «Большой Советской Энциклопедии», «Советской исторической энциклопедии», «Український радянський енциклопедії», «Краткой литературной энциклопедии». В издававшейся в СССР серии «Памятники письменности Востока», ставшей наибольшим достижением советского востоковедения и получившей высокую оценку в мировой науке, под его редакцией арабского текста и русских переводов выходят книги аз-Захрави «Трактат о хирургии и инструментах», ан-Насаби «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны».

Вольф Менделевич был в числе участников конференции трудового коллектива института, на которой в марте 1989 года впервые в истории вуза на альтернативной основе я был избран ректором. Он также меня тогда поддержал, считая, что я имею преимущества перед двумя другими претендентами и смогу в трудное время глубокого экономического и социально-политического кризиса в стране возглавить коллектив. Позже он постоянно поддерживал тот курс демократических преобразований в вузе, который мы проводили, давая дельные советы, выступая на собраниях и конференциях трудового коллектива. Его авторитетное мнение всегда было ценным, к нему прислушивались.

С заведования кафедрой он, правда, ушел, порекомендовав на свое место подготовленного им арабиста Виктора Григорьевича Крюкова, ныне доктора исторических наук, профессора: здоровье Вольфа Менделевича продолжало ухудшаться, сказывались и возраст (ему тогда исполнилось 66 лет), и те четыре ранения, которые он получил на фронте.

В конце 1993 года в вузах была введена контрактная система работы, с марта 1994 года Вольф Менделевич также стал работать по контракту. Это дало мне возможность помочь ему тогда, когда по состоянию здоровья он уже не мог работать в полную силу и в сентябре 1995 года попросил перевести его на 0,5 ставки. Вскоре он попал в кардиологический диспансер, материальное положение семьи стало тяжелым, Оклады тогда были более чем скромные, профессорские полставки не дотягивали до 9 млн. карбованцев – по индексу тогдашних цен это было очень мало. Научных пенсий еще не было и его пенсия также была маленькой. Втайне от Вольфа Менделевича ко мне пришла Евгения Марковна, рассказала о его состоянии здоровья, материальных трудностях. Чтобы поддержать ученого я внес изменения в контракт с ним: при тогда

разрешавшихся максимальных надбавках к зарплате в 25 % установил за счет только начавших появляться в институте внебюджетных средств персональную надбавку в размере 100 % должностного оклада профессора.

Затем был июнь 1997 года, когда я с должности ректора перешел на заведование кафедрой истории Украины. И вновь Вольф Менделевич был со мною, я хорошо помню и его ободрение, и поддержку, и наши встречи на четвертом этаже первого общежития, где тогда располагался исторический факультет, куда ему уже было трудно подниматься по крутой лестнице.

Я не специалист в той области научных знаний, которой занимался Вольф Менделевич, ставший классиком украинской арабистики, признанным мировым научным сообществом востоковедом. Наши весьма теплые, я бы сказал особые, отношения, поддерживавшиеся почти 35 лет, были, видимо связаны с чем-то иным. Может с тем, что по гороскопу мы оба овны и он мне симпатизировал, считая исследователем с большим научным потенциалом. Схожая с его судьбой была и судьба моего отца: он также, будучи студентом, в июле 1941 года был призван в армию, осенью 1944 года тяжело ранен под Ригой, став инвалидом второй группы. Может с тем, что в чем-то у нас была подобная жизненная трагедия: в 1989 году я потерял 19-летнего сына-студента, онкологическое заболевание которого оказалось неизлечимым. Судить об этом сложно.

Вообще же Вольф Менделевич был человеком закрытым и осторожным. Думается, что сказались события войны, о которых он мне рассказывал. Вольф Менделевич заканчивал первый курс Киевского университета, когда Германия напала на Советский Союз. Призванный в армию, он был направлен в Томское артиллерийское училище, прошел ускоренную офицерскую подготовку, получил звание младшего лейтенанта и, вначале в должности командира взвода, а затем артиллерийской батареи с июня 1942 года воевал под Воронежем, на Дону и в Донбассе. В феврале 1943 года в период немецкого контрнаступления против наших войск, начавших освобождать Украину, в ожесточенных боях в районе Павлограда он был тяжело ранен в живот. Родители же, эвакуированные из Киева в Кузбасс, получили официальное извещение о его смерти.

От неминуемой гибели Вольфа Менделевича спасли оставшиеся в живых солдаты батареи, а затем подпольщики, оказав медицинскую помощь и укрыв в одном из домов в пригороде Павлограда. Недвижимый, он лежал в дальней комнате и приготовился отстреливаться, когда в дом вошло несколько немецких солдат. Спасло то, что в другой комнате на столе стояло лукошко с куриными яйцами. Забрав его, немцы осматривать весь дом не стали и ушли. Однако после прихода наших войск в августе 1943 года он попадает в 258-й лагерь НКВД на спецпроверку. Затем его

направляют на «проверку боевых качеств», посылая по сути на верную смерть: назначают командиром противотанкового орудия отдельного штурмового батальона, бойцы которого первыми шли на прорыв вражеских укреплений.

Пройдя сквозь ад кровавых боев, в том числе участвуя в Яско-Кишиневской наступательной операции, получив еще три ранения, он, из-за того, что раненым оказался на оккупированной территории, закончил войну в той же должности, что и начинал – командиром артиллерийского взвода, а при демобилизации в 1946 году получил так называемую отрицательную характеристику. Потому и после окончания в 1950 году университета, несмотря на блестящую научную подготовку, был направлен рядовым учителем в Киевскую область. Работая в Чернобыле он сумел заочно закончить аспирантуру Института истории Академии наук СССР и защитить кандидатскую диссертацию.

В последние годы его жизни мы часто встречались на улице. Они с Евгенией Марковной ежедневно прогуливались недалеко от дома, всегда были вдвоем, всегда приветливы и доброжелательны.

Последняя моя встреча с Вольфом Менделевичем состоялась у него дома в начале января 2001 года. Я тогда работал над книгой очерков о профессорах нашего университета и хотел узнать интересовавшие меня некоторые подробности из его жизни. Вольф Менделевич уже был неизлечимо болен, об этом мало кто знал, и надежды, что с ним удастся пообщаться, было мало. Позвонив ему я, однако, услышал, чтобы непременно приходил, они с Евгенией Марковной будут рады меня видеть. Мы сидели за стареньким круглым столом, Вольф Менделевич вместе с Евгенией Марковной, дополняя друг друга, рассказывали о прожитой жизни, о памятном и пережитом, а я в очередной раз восхищался эрудированностью, глубиной мысли и мудростью этого человека. Хотя Вольф Менделевич быстро устал и видно было, как ему трудно сидеть, говорили мы довольно долго, отпускать меня не хотели. Было предчувствие его скорого ухода, Евгения Марковна с грустью сказала, что, гуляя, они зашли в фотоателье и на всякий случай сфотографировались на память. Расставались мы на щемяще печальной ноте.

На прощанье Вольф Менделевич подарил мне номер журнала «Східний світ», издававшийся Институтом востоковедения НАН Украины, членом редколлегии которого он был и где была опубликована его последняя статья «А.П.Ковалівський у пошуках методів джерелознавчих досліджень», написав «Дорогому Анатолию Алексеевичу на добрую память с пожеланиями здоровья и добра». А 15 февраля его не стало.

Кожушко А.В. (Луганськ)

ЄГИПЕТСЬКИЙ АДІБ КІНЦЯ ХІІІ – ПОЧАТКУ ХІV СТ. ТА ЙОГО ІНТЕРЕС ДО ІСТОРІЇ МОНГОЛІВ ЕПОХИ ЧИНГІЗХАНА

Середина ХІІІ ст. позначилася в історії близькосхідного регіону як період великих змін. Саме у цей час політична гегемонія над територіями Близького Сходу переходить від арабських династій Аїйубідів та Аббасидів до монголів та мамлюків.

Зміна політичної ситуації на Близькому Сході спричинила суттєві трансформації в усіх сферах суспільного життя, зокрема й культурній сфері. Падіння Багдаду у 1258 р. – великого наукового та культурного центру мусульманського світу та його включення до складу новоствореної монгольської держави Хулагуїдів призвело до того, що центри культурного життя мусульманського населення Близького Сходу поступово перемістилися до Сирії та Єгипту, на територіях яких у середині ХІІІ ст. утворився Мамлюцький султанат. Саме за часів мамлюків склалися сприятливі умови для розвитку арабської науки та літератури й, зокрема, відродження такого наукового жанру як енциклопедизм.

Ще у 30-х роках ХХ ст., відомий дореволюційний російський та радянський арабіст І. Ю. Крачковський, розглядаючи проблему арабських середньовічних енциклопедій, помітив усю складність дослідницької роботи, яка полягає у перегляді різножанрових творів арабської літератури, а також відборі та прирахуванні окремих одиниць літературного спадку арабів до жанру так званих енциклопедій [1, с. 15].

Власне енциклопедизм, як явище у науковому житті арабів, сягає своїми витокami IX-X ст., а своєрідним прообразом для створення майбутніх енциклопедій у цей період слугували різноманітні адміністративно-географічні словники [2, с. 380]. Саме на зламі X-XI ст., у результаті певного накопичення наукових, передусім гуманітарних, знань у середовищі арабського суспільства, з'явилася нагальна потреба в їхньому зібранні, упорядкуванні та систематизації.

Одними з перших, ким були створені книги подібного жанру, були: ал-Мас'уді (бл. 896-956 pp.), ал-Біруні (973-1048 pp.) та ал-Бакрі (пом. 1094 р.) [3, с. 109-126]. Окрему увагу з цього переліку заслуговує ал-Бакрі та його твір, що має скорочено назву *М'уджам ма іст'аджам* (“Словник, що уподібнений не арабам”) [4] і являє собою географічний словник або енциклопедію, оскільки вміщені в ній статті побудовані за абетковим

принципом. У своїй енциклопедії ал-Бакрі відібрав та помістив інформацію про географічні об'єкти, які були відомі тоді арабським ученим IX та X століть.

Традицію створення об'ємних географічних творів продовжили у XII та на початку XIII ст. ас-Сам'ані (1113-1167 рр.) та Йакут (між 1178 та 1180-1229 рр.). Їхній науковий спадок є підсумком проведеної трудомісткої роботи з відбору та систематизації географічних знань стосовно усіх відомих на той час у середовищі ісламських учених географічних об'єктів мусульманського світу та сусідніх з ним територій.

Особливо великою заслугою у плані накопичення та зібрання воедино усіх відомих на той час знань з географії є твір Йакута ал-Хамаві, що має назву *М'уджам ал-булдан* ("Словник країн") [5].

Наприкінці XIII ст. традиції енциклопедизму продовжує ціла плеяда освічених людей (араб. од. *адіб*; мн. *удаба*) – учених Сирії та Єгипту. Ї одним із найяскравіших представників жанру арабської середньовічної енциклопедії кінця XIII – початку XIV ст. був Шихаб ад-Дін Ахмад б. 'Абд ал-Ваххаб ал-Бакрі ан-Нувайрі. Він народився в 1279 р. у Верхньому Єгипті у невеликому містечку під назвою Кус (за іншими даними – Ахмім). Батько ан-Нувайрі обіймав посаду *катіба* (секретаря) у різноманітних канцеляріях та відомствах султанату. Наслідуючи родинним традиціям, ан-Нувайрі також пішов за тим же напрямком й, отримавши добру освіту, згодом почав обіймати посади у різних канцеляріях Єгипту. Про високий соціальний стан, який ан-Нувайрі займав у суспільстві, свідчить той факт, що він був добре знайомий з самим мамлюцьким султаном Насір ад-Діном Мухаммадом й, вочевидь, знаходився у нього на службі [6].

У колі сходознавців-арабістів ан-Нувайрі відомий, передусім, як автор великої енциклопедії під назвою *Ніхайат ал-араб фі фунун ал-адаб* ("Межа бажання в літературному різноманітті") і являє собою своєрідний досвід підсумування усіх знань та досягнень арабської науки з гуманітарної сфери. За своєю характеристикою це дуже об'ємний твір, який в усій своїй сукупності складає близько 9-и тисяч сторінок друкованого тексту. Енциклопедія має суворо витриману систему побудови інформації й розподіляється на 5 розділів (*фанн*), кожний з яких складається з частин (*кісм*), а частини розподіляються на глави (*баб*). Так, перші 4 розділи книги присвячені проблемам неісторичного плану, а саме – описанню нашої планети, її рослинного та тваринного світу, а також місця у ній людини. Тільки останній – 5-й розділ, присвячений історії [2, с. 381; 7, с. 79].

Вивчення та переклад окремих фрагментів з енциклопедії ан-Нувайрі почався ще у XVIII ст., при чому основна увага з боку європейських арабістів була зосереджена, головним чином, на перекладі

окремих фрагментів та їхнього часткового коментування стосовно європейської історії [8].

Одним з перших, хто спромігся залучити інформацію з твору ан-Нувайрі відносно історії монголів, був шведський орієталіст К. А. д'Оссон [9]. Однак, більш ґрунтовне дослідження стосовно монгольської історії, було здійснене наприкінці XIX ст. російським сходознавцем В. Г. Тізенгаузенем. Ним були перекладені фрагменти, що стосуються історії Золотої Орди з енциклопедії арабського автора за лейденським рукописом [10]. Цим самим, залучивши до свого дослідження, окрім твору ан-Нувайрі, рукописи інших творів арабомовних авторів XIII-XV ст. В. Г. Тізенгаузен заклав підґрунтя для подальшого розвитку джерелознавчих студій у даному напрямку. Однак, цьому заважала, передусім, відсутність будь-якого друкованого видання Ніхайат ал-араб. Існуючі на той час рукописи цього твору, що зберігалися у європейських бібліотеках, могли лише у частковій мірі задовольнити дослідницькі інтереси. Тому це стало однією з головних причин, яка ставала на заваді розгорненню масштабного процесу вивчення наукового спадку ан-Нувайрі у тогочасній Європі.

Цю проблему наприкінці XIX – початку XX ст. намагалися вирішити арабські історики, для яких це була вже не проблема, а скоріш за все, національний обов'язок. Так, внаслідок продуктивної діяльності арабського історика на початку XX ст. Ахмада Закі вдалося, на основі сполучення декількох рукописів з бібліотек Стамбулу та Європи, опублікувати протягом 1925-1955 років у Каїрі 18-томне видання Ніхайат ал-араб ан-Нувайрі [11, с. 404]. Проте перше каїрське видання твору арабського енциклопедиста виявилось не повністю завершеним. Одразу ж після його видання у Каїрі розпочалася нова робота стосовно перевидання твору ан-Нувайрі. Результатом цієї роботи стала поява протягом 1964-1992 років у тому ж Каїрі другого видання енциклопедії ан-Нувайрі. Об'єм другого каїрського видання майже у два рази перевищив об'єм першого й, у всій сукупності, складав 31 том [12]. Однак і друге видання виявилось не досконалим, тому після 1992 року тривала активна робота над перевиданням твору арабського енциклопедиста. Важливим підсумком цієї важкої роботи стало ще одне 33-х томне бейрутське видання Ніхайат ал-араб [13].

Ще раз звертаючись до загальної характеристики енциклопедії ан-Нувайрі, слід вказати, що сам автор, як писав академік І. Ю. Крачковський “не претендував на особливу оригінальність” у написанні свого твору, тому історичні події, свідком яких автор енциклопедії не був, в основному були запозичені ним у попередників [11, с. 403]. Дослідниками неодноразово підкреслювалося, що особливу цінність у творі ан-Нувайрі становить

описання ним саме тих історичних подій, сучасником яких був безпосередньо сам автор [9; 10; 14, с. 360]. Переважно, це події на Близькому Сході, пов'язані з правлінням мамлюцької династії у Єгипті та Сирії та історія монгольських держав-улусів – Хулагуїдів та Джучидів (Золота Орда).

Однак, у нашому випадку, енциклопедія ан-Нувайрі – це одне з можливих джерел з історії монголів епохи Чингізхана. Здійснений нами аналіз твору арабського автора дає підстави для спростування квапливо висунутих тверджень про цю пам'ятку середньовічної арабської літератури як звичайну та нічого не варту компіляцію. Результат клопіткої та тривалої роботи ан-Нувайрі над своїм твором показує, що виходячи із власних наукових задумів, автор ставив перед собою мету створити велику, універсальну книгу, у якій би містилася інформація не тільки з конкретної гуманітарної дисципліни, а з багатьох дисциплін. Саме тому його твір, котрий хоча й не має абеткової системи побудови інформації, як це було, зокрема, у ал-Бакрі, ас-Сам'ані та Йакута, також відноситься до жанру арабської енциклопедії. Твір ан-Нувайрі – це, передусім, досвід накопичення величезного об'єму інформації з різних гуманітарних наук, його систематизація та переробка, а також, як побачимо нижче, використання автором методів критичного підходу до відбору та аналізу конкретної інформації, яка містилася у творах більш ранніх авторів.

Тож, виходячи з того, що було сказано вище, мета нашого дослідження полягає у тому, щоб представити інформацію з твору ан-Нувайрі відносно історії монголів епохи Чингізхана не з боку її оригінальності чи унікальності, а як результат авторської майстерності та наявності певних вмінь до накопичення, систематизації, аналізу та обробки цієї інформації.

Щоб мати змогу здійснити поставлену нами мету, у процесі написання дослідження було залучене найновіше 33-х томне бейрутське видання твору ан-Нувайрі [13]. Однак, у нашому випадку, важливість представляє тільки 27-й том енциклопедії, що має назву “Послідовна [історія] держав сельджуцької, ісмаїлітської, атабекійської, хорезмійської та чингізханової”, який охоплює хронологічний період з 512/1118 по 716/1316 роки, та його частина під назвою “Повідомлення про державу хорезмійську та державу чингізханівську” [13, с. 137-283].

Інформацію про монголів ан-Нувайрі навів у свої енциклопедії у зв'язку з розглядом історії держави Хорезмшахів за часів правління ‘Ала’ ад-Діна Мухаммада (1200-1221 pp.) та в окремій главі, у якій йде мова про державу Чингізхана. При цьому, інформація, котра міститься в обох главах, майже схожа між собою, а історія монголів епохи Чингізхана пов'язується з

історією ісламського світу, що притаманне не тільки ан-Нувайрі, а й усім його попередникам та послідовникам.

Неважко визначити інформаторів ан-Нувайрі, на яких він спирався при написанні глави, присвяченій історії монголів епохи Чингізхана, адже нерідко сам автор вказував на джерело запозиченої ним інформації у самому тексті (*існад*). Переважно це твори Йакута, Ібн ал-Асіра (1160-1234 рр.) та Мухаммада ан-Насаві (пом. 1249 р.) – свідків монгольських завоювань за часів Чингізхана. Викладення історії монголів у ан-Нувайрі майже повністю будується за переказом, що міститься в *Кітаб ал-каміл фіт-та'ріх* (“Повному [зводі] з історії”) Ібн ал-Асіра [15, с. 399-423]. Проте система побудови повідомлень про монголів ан-Нувайрі дещо відрізняється від тієї, що міститься у творі Ібн ал-Асіра. Так, якщо Ібн ал-Асір починає окремих виклад історії монголів з часів піднесення Чингізхана та їхнього вторгнення у “країни ісламу”, то ан-Нувайрі, у якості вступної частини, наводить короткий нарис передісторії, яку присвячує Чингізхану та його завоюванням Китаю [13, с. 207-210]. У значній мірі виклад подій, пов’язаних із перебуванням монголів у Китаї, а також боротьбу Чингізхана з Кушлуханом (Кучлук – ханом найманів), автор енциклопедії побудував на основі розповіді ан-Насаві [13, с. 208-210; 16, с. 43-48].

Події, що пов’язані з вторгненням монголів у межі ісламського світу, ан-Нувайрі, слідом за Ібн ал-Асіром, викладає у главі під назвою “Згадка про вторгнення татар у країни ісламу” [13, с. 210-211; 15, с. 399-401]. Однак ан-Нувайрі, який писав свій твір майже на століття пізніше за Ібн ал-Асіра, вже не подає у ньому власних вражень про монголів та їхню першу появу в ісламському світі, як зробив його попередник. Це й не дивно, бо ан-Нувайрі був свідком монгольських завоювань, які проводили наступники Чингізхана, тому присутність монголів у межах територій ісламу (існування на той час монгольських держав-улусів), його вже не дивувала. На противагу Ібн ал-Асіру, який розмістив інформацію про початок війни монголів проти держави Хорезмшахів у 1219-1220 роках в одній главі, ан-Нувайрі розподілив її на окремі частини. При цьому, арабський енциклопедист окремо присвятив глави стосовно з’ясуванню причини та приводу війни, що спалахнула між монголами та державою Хорезмшахів у 1219 р. Він писав, що “була перервана торгівля, яка пов’язувала країни ісламу з країнами ас-Сіну (Китаю)” [13, с. 210]. У цьому автор, спираючись на розповідь Ібн ал-Асіра, звинувачує хорезмшаха Мухаммада та оттарського еміра Йаналхана, який наказав винищити монгольський торгівельний караван (історія так званого “оттарського інциденту” 1218 р.) [13, с. 210-211]. Далі ан-Нувайрі розглядає події, пов’язані з монгольським завоюванням великих міст держави Хорезмшахів – Бухари та Самарканду, переказуючи Ібн ал-Асіра [13, с. 211-214]. У

главах, присвячених подальшим монгольським завоюванням, які вони вели у Хорезмі, північно-східному Хорасані, Табаристані, Мазандарані, Гілянні, країнах Закавказзя та Дешт-і-Кипчаку, ан-Нувайрі також спирається на дані Ібн ал-Асіра із паралельним залученням при цьому додаткової інформації з твору Йакута [13, с. 214-228]. Разом з тим, повідомлення іншого інформатора – ан-Насаві, ан-Нувайрі використовує у своєму переказі досить обмежено й, в основному, у контексті викладу історії, пов'язаної з діяльністю останнього хорезмшаха Джалал ад-Діна. Свою розповідь про монголів доби Чингізхана ан-Нувайрі завершує подіями, що стосуються монгольських завоювань у Азербайджані та Джазірі (Месопотамія) 1230-1231 рр. та загибеллю останнього хорезмшаха Джалал ад-Діна [13, с. 232-235].

Аналіз окремих глав, які містяться в енциклопедії ан-Нувайрі відносно монголів епохи Чингізхана, надав підстави стверджувати, що, як ми вже підкреслили вище, хоча значущість повідомлень ан-Нувайрі з точки зору оригінальності не досить велика, оскільки історія монголів та монгольських завоювань побудована ним на основі розповіді Ібн ал-Асіра, утім, підвищується у зв'язку з тим, як автор спромігся відібрати, систематизувати та переробити на свій розсуд цю інформацію. Дуже цікавим є авторський підхід до відбору інформації з боку ан-Нувайрі, а також застосування ним критичного методу до її відбору. Це можна яскраво побачити при описанні ним подій, пов'язаних з війною хорезмшаха 'Ала' ад-Діна Мухаммада з каракитаями. У главі під назвою “Згадка про інцидент, який [призвів до] загибелі [держави] хитаїв” ан-Нувайрі пише: “цей інцидент призвів до розходження думок відносно інформації, [що міститься] у Ібн ал-Асіра ал-Джазарі в [його] вступі до “Повного [зводу] з історії” та Шихаб ад-Діна Мухаммада ал-Мунши (тобто ан-Насаві. – А. К.) у [його] “Джалалової історії” (мається на увазі твір ан-Насаві, присвячений історії Джалал ад-Діна. – А. К.). Тепер ми згадаємо у цьому творі про те, що було сказано у Ібн ал-Асіра, [а також] наведемо повідомлення про державу Чингізхана, яке міститься у ал-Мунши. Ми звернули на це увагу в нашому творі, щоб замислитися про різницю в ступені передачі [інформації] та виявити [те], що було пропущено або [вказати на наявні] помилки та плутанину” [13, с. 156]. Цей невеликий фрагмент наочно демонструє своєрідний авторський підхід до відбору та аналізу інформації, яка піддається суворій критичній перевірці.

Отже, ан-Нувайрі та його об'ємна енциклопедія є важливим джерелом з історії монголів епохи Чингізхана. Інформація про монголів на початку XIII ст., не відзначаючись своєю оригінальністю, разом з тим, є важливим результатом трудомісткої праці, що передбачає процес накопичення, систематизації, аналізу та опрацювання великого об'єму

інформації. У главі, яку ан-Нувайрі присвятив історії монголів, автор спромігся не тільки залучити дані з усіх можливих на той час творів, написаних безпосередньо очевидцями тих подій, але й проаналізувати та переробити їх, використовуючи при цьому власний науковий метод.

Література

1. **Крачковский И. Ю.** Арабские энциклопедии средневековья (предварительное сообщение) / И. Ю. Крачковский // Труды института книги, документа и письма, 1932. – Вып. 2. – С. 15-22. 2. **Матвеев В. В.** Ан-Нувайри (677/1279-731/1331) / В. В. Матвеев, М. А. Толмачева // Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары: В 4-х т. / [отв. ред. В. И. Беляев, Д. А. Ольдерогге, В. А. Попов]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, Наука, Восточная литература, 1960-2002. – Т. 4. – Арабские источники XIII-XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / [отв. ред. В. А. Попов; сост. В. В. Матвеев; пер. с араб. В. В. Матвеева, Л. Е. Куббель, М. А. Толмачевой]. – 2002. – С. 380-383. – (Серия: “Памятники письменности Востока”). 3. **Калинина Т. М.** Арабские энциклопедисты X-XI вв. / Т. М. Калинина // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия: В 5 т. / [под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова]. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009-2010. – Т. III. – Восточные источники / [сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коноваловой, В. Я. Петрухин]. – 2009. – С. 109-126. 4. **Das** geographische Wörterbuch des Abu ‘Obeid ‘Abdallah ben ‘Abd el ‘Aziz el-Bekri nach den handschriften zu Leiden, Cambridge, London und Mailand: II Bde / [hrsg. von F. Wüstenfeld]. – Göttingen, Paris: Deuerlich, Maisonneuve, 1876-1877. 5. **Jacut’s** geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Pétersburs, Paris, London und Oxford: VI Bde / [hrsg. von F. Wüstenfeld]. – Leipzig: Brochhaus, 1866-1873. 6. **Ан-Нувайри** // Большая советская энциклопедия: В 30-т. / [гл. ред. А. М. Прохоров]. – М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1969-1978. – Т. 18 / [гл. ред. А. М. Прохоров, Л. С. Шаумян (перв. зам. гл. ред.), Н. К. Байбаков и др.]. – 1974. – С. 144; Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература / И. Ю. Крачковский // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: В 6 т. / [редкол. В. А. Гордлевский (предс.), Г. В. Церетели, Е. Э. Бертельс и др.]. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955-1960. – Т. 4 / [под ред. Г. В. Церетели]. – 1957. – С. 402-404; Матвеев В. В. Ан-Нувайри (677/1279-731/1331). – С. 380-381; Brockelmann С. Geschichte der Arabischen Literatur: V Bde. / С. Brockelmann. – Berlin: Verlag von Emil Felber, Leiden: E. J. Brill. – 1898-1902, 1937-1942 (Suppl.). – Bd. II. – 1902. – S. 139; Chapoutot-Remadi M. Al-Nuwayri / Chapoutot-Remadi M. // The Encyclopedia of Islam. New editions. Prepared by a number of leading

orientalists: In XIII Vols. Under the patronage of the international union of the Academies / [ed. by P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs et al.]. – Leiden: Brill, 1986-2004. – Vol. VIII, fasc. 131-136 / [ed. by C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs and G. Lecomte; assisted by P. J. Bearman, M. S. Nurit]. – 1995. – P. 156; Gasek A. An-Nuwayri's classification of Arabic scripts / A. Gasek // Manuscripts of Middle East, 1987. – № 2. – P. 126; Muhanna E. I. Encyclopaedism in the Mamluk Period: The Composition of Shihab al-Din al-Nuwayri's (d. 1333) *Nihayat al-Arab fi funun al-Adab*. A dissertation of Doctor of Philosophy. – Cambridge-Massachusetts, 2012. – P. 63-68; Kratchkovsky I. Al-Nuwairi / I. Kratchkovsky // E. J. Brill's First Encyclopaedia of Islam 1913-1936: In IX Vols. Reprint original publishers: The Encyclopaedie of Islam. A Dictionary of the Geography, Ethnography and Biography of Muhammadan Peoples by E. J. Brill and Luzac & Co, 1913-1938 / [ed. by M. Th. Housma]. – Brill: Brill Akademie Publishers, 1993. – Vol. VI. – 1993. – P. 968; The Cambridge History of Arabic Literature: In 6 Vols. / [ed. by A. F. L. Beeston, M. J. L. Young, J. Ashtiany, M. R. Menocal, R. Allen, M. M. Badawi]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983-2006. – Vol. 6. Arabic literature in the post-classical period / [ed. R. Allen, D. S. Richards]. – 2006. – P. 165-166; Wüstenfeld F. Die Geschichtsschreiber der Araber und ihre Werke / F. Wüstenfeld. – Göttingen: [б. в.], 1882. – S. 166. 7. **Блашер П.** Некоторые соображения по поводу форм, присущих энциклопедизму в Египте и Сирии в период с VIII/XIV по IX/XV в. / П. Блашер // Арабская средневековая культура и литература: Сб. статей зарубежных ученых / [сост. и автор предисл. И. М. Фильштинский, отв. ред. Д. В. Фролов]. – М.: Наука, 1978. – С. 77-92. 8. **Historia** Imperii Vetustissimi Joctanidarum in Arabia Felice ex Abulfeda, Hamza Ispahanensi, Nuweirio, Taberita, Mesoudio. Accesserunt denuo hac editione Monumenta vetustiora. Arabicae sive specimina quaedam illustria antiquae memoriae et linguae, ex manuscriptis codicibus Nuweirii, Mesoudii, Abulfedae, Hamasa / [extra ab A. Schultens et colonia joctanidarum deducta per S. Bochartum, G. Sacr]. – Harderovici Gelrorum: Apud Ioannem van Kasteel, 1786. – Libri II. – VI, 257, 113 p.; Histoire de la Sicile. Traduite de l'arabe du Novairi par J. J. A. C. de Perceval. – [Paris]: [б. в.], [1802]. – 54 p.; Additamenta ad Historiam Arabum ante Islamismum: Experta ex Ibn Nubatah, Nuveirio at que Ibn Koteibah / [ed. J. L. Rasmussen]. – Hauniae: Schultzianis, 1821. – 82, 76 S.; Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême Orient du XIII-e au XVIII-e siècles: II Tomes. Traduits, revus et annotés par G. Ferrand. – Paris: Ernest Leroux Editeur, 1913-1914. – Tome I. – 1914. – P. 50-52; tome II. – 1914. – P. 394-397, 614-625; Historia de los Musulmanes: España y Africa (Al-Andalus) por en-Nugairi / [texto árabe y traducción española por M. G. Remiro]. – Granada: Centro de Estudios Históricos de Granada y su Reino, 1915. – XX, 124 p.; Historia de los Musulmanes: España

y Africa por en-Nugairi (Calipato de de Córdoba y Reino de Taifas): 2 Vols / [texte arabe y traduction española por M. G. Ramiro]. – Madrid-Granada: Centro de Estudios Históricos de Granada y su Reino, 1917-1919. 9. **Ohsson C. (d’)**. Historie des Mongols depuis Tchinguiz-Khan Jusqu’a Timour Bey ou Tamerlan: IV Tomes / C. d’Ohsson. – La Haye et Amsterdam: Les Frères van Cleef, 1834-1835. – Tome IV. – 1835. – P. 652-656, 750-758. 10. **Тизенгаузен В.** Извлечения из энциклопедии Эннувейри / В. Тизенгаузен // Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды: В 2-х т. – СПб.: Издано на иждивение графа С. Г. Строганова; М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1884-1941. – Т. 1. – Извлечения из сочинений арабских. – 1884. – С. 128-171. 11. **Крачковский И. Ю.** Арабская географическая литература. – С. 404. 12. **Ніхайат** ал-араб фі фунун ал-адаб та’ліф Шихаб ад-Дін Ахмад б. ‘Абд ал-Ваххаб ан-Нувайрі: 31 дж. / [тахкік ‘Ашур Са‘ід ‘Абд ал-Фаттах]. – ал-Кахіра: Матаб‘ат дар ал-кутуб ал-Місрія, 1964-1992. 13. **Ніхайат** ал-араб фі фунун ал-адаб та’ліф Шихаб ад-Дін Ахмад б. ‘Абд ал-Ваххаб ан-Нувайрі: 33 дж. – Байрут-Лубнан: Дар ал-кутуб ал-‘ілмія, 1424/2003-2004. – Дж. 27 / [тахкік Наджиб Мустафа Фавваз ва Хікмат Кішлі Фавваз]. – 303 с. 14. **Бейлис В. М.** Ан-Нувайри / В. М. Бейлис // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. / [гл. ред. Е. М. Жуков]. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1961-1976. – Т. 10 / [редкол. Е. А. Болтин, Е. А. Волина (отв. секр.), Б. Г. Гафуров и др.]. – 1967. – С. 360. 15. **Ал-каміл** фі-т-та’ріх ал-імам... Абі-л-Хасан ‘Алі б. Абі-л-Карім Мухаммад б. Мухаммад б. ‘Абд ал-Карім... бі-бн ал-Асір ал-Джазари: 11 дж. / [тахкік Абу-л-Фіда ‘Абд Аллах ал-Каді]. – Байрут-Лубнан: Дар ал-кутуб ал-‘ілмія, 1424/2003. – Дж. 10. – 519 с. 16. **Сірат** ас-султан Джалал ад-Дін Манкубірти лі-Мухаммад б. Ахмад ан-Насаві / [нашар тахкік Хафіз Ахмад Хамді]. – ал-Кахіра: Дар ал-фікр ал-‘арабі, 1953. – 438 с.

УДК 930.2=581: 94(355)

Колесников А.И. (Санкт-Петербург)

КИТАЙСКИЕ ХРОНИКИ О СОБЫТИЯХ ДРЕВНЕИРАНСКОЙ ИСТОРИИ (ПО ПЕРЕВОДАМ Н. Я. БИЧУРИНА)

Настоящее сообщение представляет комментарии к исторической и страноведческой информации китайских хроник о племенах и народах, населявших территорию Месопотамии, Иранского нагорья и Средней Азии в составе древних и раннесредневековых государственных образований – Парфии (Аньси) и Персии, иначе – сасанидского Ирана (Босы). Главным источником сведений послужили страноведческие главы в разделе

«Повествование о Западном крае». Около десятка сюжетов в них в разной степени освещают историю этих стран. Из них четыре повествуют о государстве Аньси, три – о государстве Босы. Разнообразие и противоречивость информации открывает большие возможности для ее отбора и комментирования.

Аньси (Парфия). Краткий очерк об Аньси, помещенный в Повествовании о Давани (Фергане), содержит общие сведения о занятиях населения, упоминает о многочисленности городов, развитой международной торговле, чеканке собственной серебряной монеты с изображением правителя, о характере письма на пергаменте [1, с. 151-152]. Западным соседом Аньси автор считает восточные провинции Рима (земли Малой Азии или Месопотамии), иначе – Тячжжи. Несмотря на краткость изложения, китайский автор был хорошо осведомлен о реальных размерах Парфии. Добавим от себя, что *Аньси* созвучно с названием древнего города *Нуса* в Парфии.

Повествование об Аньси в Истории старшего Дома Хань [1, с. 182-183] воспроизводит ситуацию рубежа н.э., когда Парфия была могущественным государством. Назвав резиденцию местного владетеля, автор отмечает его независимость от китайского наместника. Точно указаны соседи Парфии – Кангюй (Хорезм) на севере, Малая Азия (Тячжжи) на западе, Большой Юэчжи (Бактрия) на востоке. Упоминание о чеканке серебряных монет с изображением государя на аверсе и его супруги на реверсе дает возможность сопоставить эти сведения с иконографией парфянских монет. Символические изображения фантастических птиц (*симуры*) на печатях и монетах «иранских гуннов» очень напоминают описание парфянских страусов с головой верблюда в Географии Гуан-чжи [1, с.183, Прим.1]. Естественной границей на юге Парфии автор хроники называет Амударью (Гуй-шуй), которая служит и водным торговым путем для местных купцов. Иранские источники об этой ее роли не упоминают. Заслуживают внимания сведения о посольстве императора Ву-ди в Аньси, о торжественной встрече посольства, и о направлении в Китай парфянского посланника. Молчание парфянских источников об обмене посольствами делает информацию китайской хроники весьма ценной.

В очерке о событиях 87-101 гг. в Истории младшего Дома Хань [1, с. 225] большее внимание уделяется местным достопримечательностям. В нем упоминается другая резиденция владетеля, вполне реальная, если иметь в виду, что у парфянских и сасанидских правителей было несколько резиденций, в каждой из которых царский двор находился в зависимости от времени года (летняя и зимняя резиденции) или от ее назначения (официальная столица, походная резиденция). Существование нескольких

царских городов особенно убедительно подтверждается примерами из истории Сасанидов (III-VII вв.). В хронике упоминается город Мулу в восточной части Аньси, который надежно отождествляется с Мервом. На сасанидских печатях и монетах он обозначается аббревиатурой MLW. Источник сообщает также о посольстве парфянского правителя Манькюя в 101 г. к китайскому императору. Имя Манькюя ассоциируется с Митридатом IV (Михрдадом), хотя годы правления последнего [2, с.197] отличаются от приведенных в китайской хронике. Северным и западным соседями Аньси названы Хорезм и Кавказская Албания соответственно. Алуань/Агван/Кавказская Албания представлена здесь не как часть Аньси, а как самостоятельное государство.

Очерк об Аньси в Истории Северных дворов Бейши [1, с. 265] ограничен краткой заметкой о княжестве, утратившем прежнее величие. Названы соседи Парфии – Хорезм, Персия, Бактрия, упоминается о посольстве с дарами к Северному двору в 567 г. К этому времени и Парфия, и Хорезм и Бактрия утратили былую независимость и вошли в состав Сасанидского государства (224-651). Вместе с тем, упоминание о посольстве вассального правителя ко двору китайского императора обнажает факт его относительной свободы от сасанидской администрации.

Босы (Персия). Первое повествование об Иране начинается с известия о том, что «босыский владетель имеет местопребывание в городе Сули, от Ньюи на западе» [1, с. 261-263]. Сули легко отождествить с Селевкией (сир. Slwq), располагавшейся на правом берегу Тигра. Параллельное иранское название западной части сасанидской столицы (Вех Ардашир в честь Ардашира I, 224-241 гг.) возникло не раньше III века. На левом берегу находился Ктесифон (араб. *Tisbun/Tisfun*), основанный Селевкидами. Упоминание о реке, пересекающей город с севера на юг, подразумевает Тигр, который отделяет Селевкию/Вех-Ардашир от Ктесифона. Автор хроники отмечает обилие полезных ископаемых в стране (золото, медь, олово, ртуть, железо, драгоценные и полудрагоценные камни) и ни словом не упоминает о месторождениях серебра, основном металле для чеканки сасанидских драхм. Среди отмеченных достопримечательностей страны Босы следует выделить информацию о птице, «имеющей подобие верблюда». Здесь явная ассоциация с симургом древних иранских мифов. Утверждение автора хроники Бейши о том, что «Босыскому владетелю прозвание Бо, имя Сы» – не более, чем народная этимология. Более созвучен с «Босы» поздний титул иранского правителя – *padšah/badšah*. Но раз речь идет о стране, то в этом контексте уместнее видеть искажение иранского *Pars(Fars)* – названия центральной иранской провинции, перенесенное соседями Ирана на название всего государства. Информация о царском троне, одеянии «царя царей», мужских и женских

одеждах и прическах представляет интерес для исследователей материальной культуры раннесредневекового Ирана. Замечание автора о главной (столичной) резиденции правителя и около десяти резиденциях в других городах страны находит подтверждение в свидетельствах домусульманских (среднеперсидских и сирийских) и раннемусульманских (арабо-персидских) источников. Среди другой информации привлекают внимание сведения хроники о процедуре избрания наследника престола в Иране, сопоставимые с аналогичными данными иранских источников.

Некоторые из государственных должностей, перечисленные в хронике Бейши, легко ассоциируются с иранскими: в титуле владетеля (Ицзянь) можно видеть иранский титул *išan*, в чиновнике Мохутань, ответственном за судопроизводство, – мехтара или мобедан мобеда (*mehtar, mobadan mobed*). Сюбобу, который «управляет всеми войсками в государстве» – это *spahbed* («главнокомандующий»). Институт четырех спахбедов – командующих войсками в каждой четверти страны – был законодательно оформлен реформами Хосрова Ануширвана (531-579) [О печатях спахбедов см.: 3, с. 3-53].

При характеристике вооружения персов автор хроники считает необходимым упомянуть об использовании слонов в иранской армии, сопровождаемых сотнями пеших воинов. Мусульманские хроники неоднократно сообщают о применении в сасанидской армии этой ударной силы.

Суммарное перечисление наказаний по уголовным делам страдает неконкретностью, поскольку в нем не учтены конфессиональная, национальная и сословная принадлежность лиц, совершавших преступления. Эти наказания распространяются не на все категории населения.

Фраза «Подать собирается серебряною монетою по количеству земли» нуждается в уточнении. В соответствии с реформами Хосрова I участки под возделываемыми культурами облагались по-разному в зависимости от вида культуры.

Замечание о поклонении жителей Босы духам огня и неба является косвенным свидетельством приверженности иранцев зороастризму, согласно которому объектами почитания становятся все благие создания бога-творца Ахура Мазды. Дополнительным аргументом в пользу древней религии является информация о живучести обычая кровнородственных браков в Иране, который в постсасанидскую эпоху зороастрийская община соблюдала не так строго. Завершается экскурс упоминанием об особенностях похоронного обряда и сословии «неприкасаемых», занятых доставкой умерших до места их последнего упокоения.

Особого внимания заслуживают сообщения автора хроники о посольствах Кавада I в 518-519 г. и Хосрова I Ануширвана в 555 г. ко двору китайских императоров с дарами, и об ответном китайском посольстве в Персию. Арабские и персидские источники ограничиваются сообщениями о посольствах из Китая в Иран при Хосрове I Ануширване.

Второй очерк о Босы (Персии) [1, с. 288], представляет краткое изложение достопримечательностей страны. Отдельного внимания заслуживает топография сасанидской столицы. Город Сулинь, в котором находится царская резиденция, здесь – однозначно Селевкия. Китайский автор и здесь предпочитает греческое или сирийское название правобережной части столицы, а не официальное иранское. Река Дагэ, отделяющая Селевкию от Ктесифона, это искаженное сирийское *Diglit* (араб. *Dijla*), иначе – р. Тигр. «Владелец Кусахо» безусловно Хосров II (590-628). Из результатов многолетнего правления монарха автор хроники отмечает только посольства с дарами китайскому двору. О направлении таких посольств в Китай арабские и персидские источники умалчивают.

В третьем рассказе о Босы излагаются события VII-VIII вв. [1, с. 326-328]. Автор называет соседей Ирана на востоке – Тухоло (Тохар) и Кан (Самарканд), и на севере – «тукюзское поколение Кэса» (отделение западных тюрков), сообщает о южной и юго-западной границе по морю (имеются в виду Персидский залив, Ормузский пролив и Оманский залив).

Примечательна попытка вывести родословие правящей династии Сасанидов («владельческого дома Босыни») от ветви Большого Юэжжи (Бактрии). Эта идея не лишена основания: в бактрийских хозяйственных документах несколько раз встречается имя Сасан. Китайский автор упоминает о существовании двух столиц. На самом деле в раннесасанидском Иране была одна официальная столица из двух городов (Вех Ардашир и Ктесифон), которая в VI в. превратилась в пятиградие. Численность крупных городов в стране он определяет как «больше десяти». Административная топонимия на официальных печатях, свидетельствует, что к VII в. таких городов было не менее двух десятков. Редкие намеки на господство зороастризма содержатся в констатации обычая поклонения небу, земле, солнцу, луне и огню, в краткой реплике о необычности похоронного ритуала, а также в деталях отправления вечерней молитвы, использовании благовоний.

Другие сведения общего порядка часто повторяют написанные в ранних хрониках, кроме замечания источников о расправе царя над войсками после их поражения. Такой факт известен из хода ирано-византийской войны 604-629 гг. [ат-Табари, X в.].

Более подробного комментария заслуживает историческая часть повествования от убийства Хосрова II в 628 г. до середины VIII в. Автор

хроники утверждает, будто сасанидского государя умертвили войска западных тюрков Ябгу-хана («тукюеский Шеху Хан опустошил Босы, убил государя Кусахо»). Это противоречит данным арабско-персидской исторической традиции, согласно которой свержение произошло в результате внутреннего переворота. На трон был посажен старший сын Хосрова II – Кавад II Шируйе (в китайской хронике он – Шили). Не подтверждаются иранскими источниками и направление Ябгу-ханом наместника в сасанидскую столицу для надзора за действиями Шируйе, и бегство сына Шируйе в Византию (Фолинь). Хроника коротко сообщает о провозглашении царицей дочери Хосрова II, не называя ее имени. Неясно, идет ли речь о Буран (630-631 гг.), задушенной военачальником Перозом, или об Азармидухт (631-632 гг.), ослепленной или отравленной военачальником Рустамом. Сведения китайского хрониста скорее всего опираются на устные предания о смутном времени, наступившем в Иране после смерти Хосрова II.

Интригующим кажется заявление автора китайской хроники о бегстве Ардашира сына Шируйе (в тексте он – «Шилиев сын Даньгэфан»), иначе – Ардашира III (628-630 гг.), в Византию, поскольку он был убит по приказу узурпатора трона, Шахрбараза. По китайской версии, беженец позднее снова был призван на царствование и дал начало династии эфталитских правителей («Им начинается отрасль Иданьского Дома»). Согласно той же версии, после смерти Ардашира III (а фактически – после смерти царицы Азармидухт в 632 г.) на трон возвели Ицъсы (т. е. Йездигерда III, 632-651 гг.) Указание на то, что Ицъсы приходился Даньгэфану племянником, не соответствует действительности. В генеалогической таблице Сасанидской династии Йездигерд сын Шахрийара (он же – Йездигерд III) значится двоюродным братом Ардашира III [4, с. 435, 436а].

О перипетиях правления Йездигерда III автору китайской хроники видимо известно немного. Он считает нужным отметить направление в Китай посольства с данью и экзотическими дарами в 638 г., которое возглавил Мусыбань. Под этим именем скрывается должность марзбана, военного губернатора пограничной провинции с широкими полномочиями. Причиной бегства Ицъсы (Йездигерда III) на восток, в Тухоло (Тохар) называется недовольство иранской знати неподобающими его сану действиями. Далее автор пишет, что «на половине пути дашицзы напали на него и убили». Таким образом, виновными в убийстве Йездигерда III он считает мусульман. Арабские и персидские мусульманские хроники местом гибели шаханшаха называют селение под Мервом, а исполнителем расправы – мельника либо тамошнего марзбана.

Ценно упоминание китайского источника о сыне Йездигерда III, Перозе (у Бичурина он – Билус), о бегстве царевича в Тохар, его обращениях к китайскому двору за военной помощью, отказе в этой помощи, временном правлении Пероза в пограничной иранской провинции до прихода туда мусульман. Судьба Пероза прослеживается в хронике до начала 670-х гг., когда изгнанник получил военный чин при китайском дворе. Последняя информация о потомках Йездигерда III в Китае относится к середине VIII в. [5, с. 37-38].

Литература

1. **Бичурин Н. Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 3-х т. / Н. Я. Бичурин. – М.-Л., 1950. – Т. 2. 2. **Бикерман Э.** Хронология Древнего мира: Ближний Восток и античность / Э. Бикерман / Пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. – М., 1975. 3. **Gyselen R.** The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence / R. Gyselen. – Roma, 2001. 4. **Nöldeke Th.** Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden / Th. Nöldeke. – Leiden, 1879. 5. **Daryae T.** Sasanian Persia: The Rise and Fall of an Empire / T. Daryae. – London; New York, 2010.

УДК: 930.2: 94(470+51) “192/193”

Кондратюк Г.Н. (Симферополь)

«ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КРЫМСКИХ ТАТАР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)».

Современная Украина является многонациональным государством. Согласно данным первой Всеукраинской переписи населения, проведённой в декабре 2001 года, в стране проживают представители свыше 120 народов и национальностей. Этот фактор делает актуальным обращение к опыту национальной политики советского государства. Межвоенное двадцатилетие стало временем проведения масштабного комплекса мероприятий получивших название коренизации.

Цель данной работы – анализ источниковой базы, находящейся в архивохранилищах Москвы, Киева и Симферополя, по изучению национальной политики в отношении крымских татар.

Национальная политика коренизации отличалась значительной региональной спецификой. В УССР она получила название украинизации и

предполагала развитие прежде всего украинского языка и культуры, школ, работу органов власти в направлении решения проблем украинцев. В Крымской АССР национальная политика получила название татаризации. Однако, Крым являлся значительно более полинациональным, чем УССР, поэтому этот фактор власти также постарались учесть. В рамках национальной политики в Крыму можно выделить как минимум три направления. Это коренизация в отношении так называемых «нацмен Запада» - немцев, эстонцев и поляков. Советская власть видела в них своеобразную «пятую колонну», представителей недружественных государств, образовывавших «санитарный кордон» вокруг СССР. Поэтому с одной стороны национальная политика представляла репрессивные мероприятия (изъятие т.н. земельных излишков), а с другой - попытку формирования лояльных граждан. Можно выделить национальную политику в отношении украинцев, белорусов, болгар, греков и армян. Это была национальная политика, не носившая ярко выраженной идеологической направленности. В 1920-х годах республиканские органы власти стремились разрешить земельные, образовательные, административные запросы этих национальных групп. Третье направление национальной политики было направлено на разрешение проблем евреев СССР. Оно было самым масштабным, финансируемым колоссальными средствами как из бюджета, так и международными еврейскими благотворительными организациями – Джойнт, ИКОР, ПРОКОР, ОРТ. Советская власть стремилась показать всему миру, что только в этой стране решена проблема антисемитизма. Крымская АССР стала главным регионом по переселению и обустройству евреев из разных уголков Советского Союза. Активное переселение на полуостров евреев продолжалось вплоть до 1938 года.

Четвёртое направление национальной политики было ориентировано на крымских татар. Оно отличалось наибольшим вниманием властей и количеством преференций для данного народа. Крымские татары планировались как основная этническая база поддержки советской власти на полуострове. В архивах Москвы, Киева и Симферополя отложилось достаточное количество документов, позволяющих осуществить реконструкцию национальной политики в отношении крымских татар в межвоенный период. Концептуальные основы национальной политики разрабатывались в ЦК РКП(б). В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде 17 отложились документы Татаро-Башкирского Бюро ЦК РКП(б). Это бюро руководило проведением национальной политики в отношении тюркских народов Крыма, Поволжья и Кавказа. В частности, протоколы заседаний бюро отображают решение тактических задач работы среди

татарского населения. Члены Бюро на своём заседании 5 января 1923 года обсуждали издательскую деятельность и распространение литературы среди тюркских народов. Центральным органом бюро являлась газета «Эшче». Газета издавалась с 1922 года. На заседании бюро было принято решение об активизации антирелигиозной пропаганды «Предложить газете «Эшче» продолжить кампанию против духовенства и религиозных школ выпустив ряд популярных статей» [1, л. 2]. Несмотря на голод, поразивший в 1921-1922 годах, регионы проживания тюркских народов, в том числе Крымскую ССР, политика коренизации не приостанавливалась. На одном из заседаний 1922 года Татаро-Башкирского Бюро обсуждались практические мероприятия национальной политики. С докладом выступил представитель Народного Комиссариата по делам Национальностей РСФСР по Крымской ССР Мирсаид Султан-Галиев. В докладе «О задачах советского строительства среди татаро-башкир» выступавший отметил, что «специфические задания среди татаро-башкир в этой области определяются теми общими для них, но отличающимися их от остального населения Республики, чертами, которые характеризуют современный уклад их социально-бытовой, хозяйственно-экономической и культурно-политической жизни» [2, л. 11]. Таким образом, документы Татаро-Башкирского Бюро ЦК РКП(б) позволяют проанализировать формирование концептуальных составляющих национальной политики в отношении крымских татар. Протоколы заседаний бюро, отчёты из регионов, переписка с советскими органами власти по практической реализации мероприятий, позволяет выявить цели национальной политики, реализуемой в Крыму.

В Государственном архиве Российской Федерации отложились документы Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) РСФСР, ЦИК СССР, Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников, Всесоюзного совещания Комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока. Фонд 1318 ГА РФ Полномочного Представительства Крымской ССР при Наркомнаце обладает особым значением, так как документы Наркомнаца не отложились в Государственном архиве Автономной Республики Крым. Фонд содержит отчёты представительства Крымской ССР, отчёты Крымского Помгола, переписку с центральными органами власти. Так, в частности среди документов фонда находится постановление ВЦИК и СНК об образовании Крымской ССР, как части РСФСР [3, л. 10]. Фонд содержит документы, характеризующие практическое воплощение в жизнь политики коренизации. Так, Представитель Крымской ССР при Наркомнаце Усеин Балич обратился в Коллегию Наркомнаца с докладной запиской «О татаризации советских аппаратов в Крыму». Автор документа отмечал, что

«намечен план татаризации советского государственного аппарата в Крыму с применением татарского языка в местных учреждениях» [4, л. 26]. Фонд 3316 – ЦИК СССР содержит документы, отражающие стратегическое видение крымским руководством национальной политики в решении потребностей крымских татар. Так, в Президиум ЦИК СССР с докладной запиской обратились Председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов и председатель СНК автономии Осман Дерен-Айерлы. Авторы документа выдвигают перед союзными руководителями проект реэмиграции крымских татар из-за пределов Советского Союза. В частности, они пишут, что «теперь оставшихся в Румынии и Болгарии крымских татар, насчитывается приблизительно 400-450 тысяч человек... По имеющимся сведениям, передаваемым беженцами и письмами из Румынии и Болгарии, указанная категория эмигрантов татар... насчитывает около 60-70 тысяч человек, которым в первую очередь нужно прийти на помощь, реэмигрировав их в Крым» [5, л. 3]. Авторы документа обосновывают необходимость реэмиграции крымских татар, мотивируя это наличием свободной земли в Крыму и восстановлением справедливости. Фонд Р 3316 содержит документы, характеризующие деятельность Центральной комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока при Президиуме ЦИК СССР. Этот орган призван был скоординировать проводимую национальную политику в отношении женщин. Работа среди женщин и молодежи для ВКП(б) была одним из приоритетов. Женщины рассматривались как важная база поддержки большевистской доктрины в национальных республиках. В январе 1928 года в Москве прошло Всесоюзное Собрание Комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока. Крымская АССР была представлена одной делегаткой [6, л. 50]. Активная работа среди крымских татар проводилась «Союзом Воинствующих Безбожников». Разнообразная работа Центрального Совета «СВБ» отражена в документах фонда Р-5407 ГА РФ. Это протоколы заседаний рабочего Президиума Исполнительного бюро, Положения о секциях, резолюции совещаний об антирелигиозной пропаганде, директивные и информационные письма на места, планы работ. Документы фонда отражают характер работы Отдела национальных меньшинств Исполбюро ЦС «СВБ». В составе отдела работала Татаро-башкирская секция, координировавшая работу среди мусульман. Документы фонда обращают внимание на то, что практическую работу должна вести организация «Дегиляр», состоящая из представителей мусульманских народов. Документ фонда в частности, содержит следующую партийную установку «массы, в местах соприкосновения с ними безбожных организаций, должны воочию убедиться в отсутствии христианского влияния» [7, л. 32].

Значительное количество документов, характеризующих национальную политику в отношении крымских татар, содержится в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления (ЦГАВО Украины) и Центральном государственном архиве общественных объединений (ЦГАОО Украины). Фонд Центральной комиссии национальных меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК УССР наиболее полно позволяет реконструировать национальную политику в отношении тюркских народов. Документы фонда представлены отчётами нацкомиссий с мест, обзорами работы среди различных национальностей, инструктивными письмами по проведению разнообразных кампаний. Так, в частности в резолюции по докладу о деятельности ЦКНМ Первого Всеукраинского Совецания по работе среди национальных меньшинств отмечалось, что «в местах с запутанными земельными отношениями, особенно при спорах разнонациональных земобществ, ставить в первую очередь проведение землеустройства, по возможности сохранения однонациональность земобществ» [8, л. 4]. Первый фонд ЦГАОО представлен документами ЦК КП(б)У. В составе ЦК КП(б)У работали национальные секции, в том числе и Татаро-башкирская. Документы секции, в частности, содержат постановления II Всероссийского съезда мусульманских коммунистических организаций. В резолюции по партийно-организационным вопросам отмечалось, что Центральное бюро координирует работу и структурно включает издательский, информационный, организационный отделы и отдел международной пропаганды [9, л. 4]. Документы фонда достаточно полно отражают работу среди тюркских народов, прежде всего на востоке УССР и в Крыму. Документы фонда представлены также перепиской с региональными обкомами по практической реализации национальной политики в области землеустройства, развития национальных школ и деятельности общественных организаций. В частности, «Общества Друзей Нового алфавита», общественной организации созданной для проведения латинизации в 1929 году.

Документы Государственного архива Автономной Республики Крым позволяют полно и всесторонне проанализировать реализацию национальной политики в отношении крымских татар. Это прежде всего документы фонда П. - 1 Крымского обкома РКП(б) – ВКП(б). В составе агитационно-пропагандистского отдела (Агитпропа) обкома в 1921 году были созданы национальные секции и бюро. Областное Татарское бюро (Обллатбюро) включало всех видных крымских татар-коммунистов. Это был центральный орган в практической разработке и реализации национальной политики. Ни одно значительное мероприятие не проходило без координирующей роли Обллатбюро. Документы фонда представлены

протоколами заседаний Облбюро, протоколами заседаний Бюро и Пленумов, Секретариата Крымского обкома партии. Важным источником в реконструкции национальной политики являются протоколы заседаний, резолюции конференций крымской партийной организации. Резолюции по национальному вопросу включали как оценку ситуации, так и содержали перечень намечаемых практических мероприятий. Важным источником по истории национальной политики являются документы фонда Р.-663 ЦИК Крымской АССР. Они содержат отчёты по итогам обследования национальных крымскотатарских сельских советов и районов, переписку по проведению курсов по подготовке национальных госслужащих, планы по новому национальному районированию на полуострове. Фонд ЦИК Крымской АССР включает документы ЦАУ и церковных столов, иллюстрирующих процессы регистрации мусульманских обществ. Передачу во временное пользование мечетей, последующие процессы их закрытия. В составе ЦИК Крымской АССР в 1928 году была создана специальная Комиссия по татаризации советского, кооперативного, профсоюзного аппаратов. Отложившиеся документы Комиссии позволяют проанализировать процесс эволюции национальной политики на рубеже 1920-1930-х годов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как в центральных, так и региональном архивах, отложился значительный пласт документов, позволяющих составить целостное и полное впечатление о проведении национальной политики в Крымской АССР, её достижениях и просчётах. Объективный анализ источников позволит внести известные коррективы в национальную политику в современном Крыму, связанную с процессами возвращения и обустройства депортированного крымскотатарского народа.

Литература

1. **Российский** государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 61, д. 164, л. 2. 2. **РГАСПИ**. Ф. 17, оп. 61, д. 104, л. 11. 3. **Государственный** архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-1318, оп. 1, д. 7, л. 10. 4. **ГАРФ**. Ф. Р.-1318, оп. 1, д. 7, л. 26. 5. **ГАРФ**. Ф. 3316, оп. 64, д. 49, л. 3. 6. **ГАРФ**. Ф. Р.-3316, оп. 1, д. 20, л. 50. 7. **ГАРФ**. Ф. Р.-5407, оп. 1, д. 2, л. 32. 8. **ЦГАВО**. Ф. 413, оп. 1, д. 251, л. 4. 9. **ЦГАОО**. Ф. 1, оп. 20, д. 753.

Коновалова И.Г. (Москва)

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНЫХ ТОПОНИМОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ ГЕОГРАФИИ («ЕВРОПА» И «СКИФИЯ»)*

Одним из источников средневековой исламской географии были сочинения античных ученых. При этом заимствуя топонимы из античных землеописаний, исламские географы помещали их в новый смысловой и этногеографический контекст, что позволяло включать те или иные сведения греко-римских авторов в круг своей культуры.

Представление о Европе как о части света арабы широко использовали в географических произведениях самых разных жанров – в сочинениях по астрономической географии, в так называемых «Книгах путей и стран», основанных на маршрутных данных, в космографиях. Знакомство с термином «Европа» проявляется уже в наиболее ранних географических сочинениях на арабском языке, которые относятся к жанру астрономической географии, сформировавшемуся в результате переработок мусульманскими учеными сочинений Клавдия Птолемея.

По словам ал-Баттани (ок. 858-929), одного из крупнейших арабских астрономов и географов, «Земля делится на три части. Первая из них [простирается] от Зеленого моря со стороны севера и пролива, который выходит из Понтоса в Великое море, и от местности, что между озером Меотис к Понтосу. Границы этой области с запада и севера – Западное море, оно же Океан; с южной стороны – море Египта и Рума; с восточной – Танаис и озеро Меотис. Эта земля похожа на остров; ее название – Европа...» [10, с. 27] (далее следует описание Ливии и Великой Азии. – *И. К.*).

Сообщения о Европе, подобные рассказу ал-Баттани, неоднократно встречаются в сочинениях различных авторов X-XV вв. – в анонимном географическом трактате X в. «Худуд ал-‘алам» [15, с. 82-83], у историка X в. Агафия Манбиджского [18, с. 621], историка и географа XIII в. Хамдаллаха Казвини [14, с. 23] и многих других [20, с. 141-143]. В ряде случаев арабо-персидские ученые заменяли трехчастную схему деления земли на четырехчастную, согласно которой Азия, в свою очередь, подразделялась на две самостоятельные части – Скифию и Эфиопию [2, с. 124-125; 11, с. 6-7; 13, с. 24].

* Работа выполнена при финансовой поддержке ГРНФ (проекты № 11-01-382а и 12-01-00098а).

У некоторых мусульманских авторов можно встретить утверждения о том, что частью Европы являлась и вся Северная Африка от Атлантики до Египта. К примеру, об этом пишет Ибн Хордадбех: «Населенная земля разделена на четыре части. В их числе Европа, а в ней – ал-Андалус, славяне, ромеи, франки, Танжер и [прочие земли] до границы Египта; затем Ливия, а в ней – Египет, ал-Кулзум, ал-хабаша, берберы и то, что прилегает к ним, и Южное море (а в этих странах нет ни кабанов, ни оленей, ни диких ослов, ни косуль); затем Эфиопия, а в ней – Тихама, Йемен, Синд, Индия, Китай; и [наконец] Скифия, а в ней – Армения, Хорасан, турки и хазары» [2, с. 155; аналогичные описания см. также: 11, с. 6-7; 13, с. 24]. Такой подход к определению границ Европы был связан с тем, что Северная Африка в домусульманскую эпоху входила в состав Византийской империи и соответственно рассматривалась как одно духовно-религиозное пространство с Европой.

Необходимость дать описание каждой из частей света с той или иной степенью подробности побуждала мусульманских авторов обращаться к другим принципам землеописания. Одним из способов членения поверхности Земли, использовавшихся мусульманскими учеными, были этногенеологии. Они существенно усложняли картину мира, делая границы между Европой, Азией и Африкой (Ливией) не столь четкими, как это предполагала трехчастная схема мироустройства.

На начальном этапе своего формирования мусульманские этногенеологии опирались на несколько источников: на иранскую мифологическую традицию о разделении Земли между тремя сыновьями Фаридуна [2, с. 60-61, 157-158]; на собственно арабийские представления о легендарных прародителях арабов и о так называемых «исчезнувших народах» – ‘*ад*, *самуд*, *джурхум* и др. [6, с. 55-79]; на наследие античной этногеографии [5, с. 48-49], а также на библейский рассказ о разделении Земли между потомками Ноя, к которым возводились генеологии народов ойкумены.

В наиболее общем виде идея о разделении Земли между сыновьями Ноя отражена, к примеру, на двуязычной (с арабскими и латинскими легендами) андалузской карте VIII-IX вв., где обозначены Европа, Азия и Ливия, которыми владеют – соответственно – Иафет, Сим и Хам [19, с. 59-61].

В таком виде трехчастная картина мира еще не теряла своей стройности, поскольку число сыновей Ноя и количество частей света в ней совпадали. Однако по мере уточнения, кто именно из потомков Иафета, Сима и Хама населял соответствующую часть света, в данной схеме мироустройства появлялись противоречия. В своих попытках упорядочить информацию о новых народах, с которыми вступали в контакт жители

Халифата, и непротиворечиво включить ее в систему представлений об этнополитической географии мира, мусульманские авторы столкнулись с необходимостью самостоятельно решать, к кому из сыновей Ноя следует возводить тот или иной этнос.

От их внимания не укрылось известное противоречие между традиционным делением Иафетовой и Симовой части ойкумены на Европу и Азию соответственно и господствовавшими тогда представлениями о географическом размещении народов Евразии (включая мифологические, в реальном существовании которых, впрочем, никто не сомневался). В частности, апокалиптические Гог и Магог в средневековой христианской традиции считались обитателями северной части Азии [7, с. 73-74, 256-257], несмотря на то, что Магог, согласно Библии, был сыном Иафета и потому должен был бы находиться, скорее, в Европе. Связываемая с Магогом Скифия имела весьма неопределенную локализацию, будучи помещаема и в Европе, и в Азии [8, с. 219-221]. Попытка преодолеть противоречия такого рода, по-видимому, побудила ученых Халифата отнестись к этногенеалогическим построениям с большей последовательностью, чем это делали европейские книжники.

Уже в первых мусульманских этногенеалогиях VIII в. обитателями Иафетовой части мира называются народы *Йаджудж* и *Маджудж* (библ. Гог и Магог), тюрки и славяне (*сакалиба*) [9, с. 211; 3, с. 18; 1, с. 25]. Если славяне упоминались в числе потомков Иафета в силу того, что проживали в Европе, а Йаджудж и Маджудж могли быть присоединены к последним по формальному признаку (Магог – сын Иафета), то уверенное причисление тюрков к яфетидам, по всей вероятности, являлось результатом умозаключений самих арабских авторов.

Коранические персонажи *Йаджудж* и *Маджудж* занимали видное место в этногеографических представлениях мусульманского мира. Локализация этих народов и сдерживающей их напор стены расценивалась в Халифате как практическая проблема, для решения которой при халифе ал-Васике (842-847) была даже снаряжена специальная экспедиция. Судя по ее маршруту, описанному в ряде арабских источников и ведущему, по мнению многих исследователей, в Среднюю Азию [историографию см.: 5, с. 43-46], убежденность в реальном существовании такой стены в значительной степени основывалась на сведениях исламских купцов и путешественников о Великой Китайской стене, которая укрывала империю от набегов кочевников-тюрков. Все это должно было способствовать формированию в ученых кругах Халифата представлений о родстве *Йаджуджа* и *Маджуджа* с тюркскими племенами.

К возведению родословной тюрков к Иафету могли подталкивать и унаследованные мусульманской наукой из античной географии сведения о

Скифии, двойственность локализации которой (в Европе и Азии) позволяла априорно отнести населявшие ее народы к потомкам Иафета. Уже у географов IX в. значительная часть жителей Скифии ассоциировалось с тюркскими племенами. Так, ал-Хорезми упоминал о двух Скифиях, населенных соответственно тюрками и токуз-огузами [17, с. 104-105]. Авторы IX – начала X в. Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих называли Скифией одну из четвертей обитаемого мира (наряду с Европой, Ливией и Эфиопией) и относили к ней области Хорасана и тюрок, а также Армению и хазар [2, с. 155; 11, с. 7].

Интересные сведения о «Скифии» приводит географ XII в. ал-Идриси. Ал-Идриси знал о четырехчастном принципе членения ойкумены, но, не сделал его системообразующим, предпочтя ему описание Земли по «климатам». В его картине мира «Скифия» охватывала лишь небольшую область расселения тюрок – страну *басджиртов*. Ал-Идриси упоминает, хороним в связи с рассказом о Заволжье и Приуралье: «Эта седьмая секция шестого климата содержит [описание] части Хазарского моря, территории стран внутренних и внешних басджиртов вместе с теми [землями] страны Аскутийа, что примыкают к ним с севера» [16, с. 922; 4, с. 122]. Далее он описывает один из городов, характеристика которого не оставляет сомнений в том, что сам ал-Идриси воспринимал хороним «Скифия» как безусловно актуальный: по его словам, город Гурхан – «большой, населенный город тюрок из земли Аскунийя. Он стоит к северу от реки Исил, впадающей в море Табаристана. Город хорошо обустроен, с возделанной округой, туда по указанной реке иногда приезжают купцы и путешественники. Там живет правитель тюрок Аскунийи, в распоряжении которого многочисленные воины, снаряжение и оружие, множество крепостей, протяженные возделанные земли» [16, с. 924; 4, с. 123].

Литература

1. Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893-1894 гг.» / В.В. Бартольд // Бартольд В.В. Сочинения: В IX т. – М.: Наука, 1973. – Т. VIII. – С. 23-62. **2. Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. – Баку: Элм, 1986. – 428 с. **3. Известия** ал-Бекри и других авторов о руси и славянах: Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена. – СПб., 1878. – Ч. I. **4. Коновалова И.Г.** Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий / И.Г. Коновалова. – М.: Восточная литература, 2006. – 328 с. **5. Крачковский И.Ю.** Избранные сочинения: В VI т. / И.Ю. Крачковский. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – Т. IV. – 919 с. **6. Пиотровский М.Б.** Коранические сказания. / М.Б. Пиотровский. – М.:

Наука, 1991. – 219 с. **7. Райт Дж.К.** Географические представления в эпоху Крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / Дж.К. Райт. – М.: Наука, 1988. – 478 с. **8. Чекин Л.С.** Картография христианского средневековья VIII-XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий / Л.С. Чекин. – М.: Восточная литература, 1999. – 366 с. **9. Annales** quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari / Ed. M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1879. – Ser. I. – T. I. **10. Al-Battani** sive Albatanii Opus Astronomicum / Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C.A.Nallino. – Mediolani, 1899-1907. – P. 1-3. **11. Bibliotheca** geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. – T. V. **12. Bibliotheca** geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. – T. VI. **13. Cosmographie** de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui: Texte arabe / Hrsg. A. Mehren. – Leipzig, 1923. **14. The** geographical part of the Nuzhat-al-Qulub composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340) / Ed. and transl. by G. Le Strange. – Leyden; London, 1919. **15. Hudud** al-‘Alam: «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. – London, 1937. **16. Al-Idrisi.** Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant” / Consilio et auctoritate E. Cerulli et alt. Una cum aliis ed. A. Bombaci et alt. – Neapoli; Romae: Brill, 1978. – Fasc. VIII. **17. Das** Kitab surat al-ard des Abu Ğa‘far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi / Hrsg. H. v. Mžik. – Leipzig, 1926. **18. Kitab** al-‘Unwan: Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Éd. et trad. en français par A. Vasiliev // Patrologia orientalis. – Paris, 1910-1912. – T. V. **19. Konovalova I.** Andalusian Map // Chekin L. Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Text, Translation and Commentary (Terrarum orbis) / I. Konovalova. – Turnhout: Brepols Publishers, 2006. – P. 59-61. **20. Nazmi A.** The Muslim Geographical Image of the World in the Middle Ages: A Source Study / A. Nazmi. – Warsaw: Academic Publishing House “Dialog”, 2007. – 426 с.

УДК 930.2=19: 94(479.25)

Костилян К.П. (Матенадаран)

УКАЗЫ ЕРЕВАНСКИХ ХАНОВ КАК ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Коллекция персидских исторических документов Матенадарана, состоящая из 1500 купчих, указов и писем, одна из богатейших в мире. В ней насчитывается около 300 шахских указов, часть которых (указы

датированные 1449-1797 гг.) изучена и опубликована в 4-х томах персидских указов Матенадарана [4, 5, 11, 12]. Особое место в коллекции занимают около 120 ханских указов, датированных 1751-1828 гг. Это ценные источники дополняющие и уточняющие историю Закавказья и особенно историю армянского народа данного периода. Основная часть этих указов приобретена Эчмиадзинскими и Гандзасарскими католикосами или другими высокопоставленными священнослужителями у Ереванских, Карабахских и Нахичеванских ханов для утверждения прав и имущества армянской церкви и их защиты от разных посягательств. В рамках этой статьи мы попытались рассмотреть только те документы, которые относятся к истории Ереванского ханства.

Ереванское ханство образовалось на территории бывшего бегларбегства после убийства Надир шаха Афшара в 1747 г. Это ханство являлось относительно слабым государственным образованием, находилось временами в подчинении у Грузинского царя, временами – у разных претендентов на шахский престол, а с конца XVIII века до его присоединения к России в 1828 г. оно стало ареной борьбы за власть между Российской империей и Каджарским Ираном. В Ереванском ханстве официальная переписка и делопроизводство велись на персидском языке.

Во время патриаршества Гукаса Карнеци (1780-1799 гг.) в Эчмиадзинском монастыре появляются крепостные писари, которые на персидском языке вели корреспонденцию католикоса с ханскими и иранскими властями. Они также выступали в качестве представителей католикоса во время судебных разбирательств мусульманского суда (шар'а) [8, док. 748]. В архиве Матенадарана хранится указ грузинского царевича Георгия от 1782 года закрепляющий положение Мирзы Ахмада как крепостного Святого Престола и о переселении его в монастырь [5, док. 52, с. 193].

Исторические источники упоминают несколько имен правителей Ереванского ханства с 1747 по 1759 годы. В конце 40-х – начале 50-х годов XVIII века за преобладание над Ереванским ханством боролись Грузинский царь и Азаг хан Афган, которые имели своих временных представителей на посту правителя Ереванского ханства, в качестве которых за короткое время упоминаются Джафар Хан (1749 г.), назначенные Азат Ханом в 1750-1751 гг. ханы Мухаммад и Хасан Али, а также назначенные Ираклием в 1751-1752 гг. ханы Абдулла и Зейдал [9, с. 129, 135, 138, 142].

Три указа выданных Халил ханом Святому Престолу в 1753-1755 гг. свидетельствуют о том, что в этот период он был ханом Еревана [6, док. 409, 411, 422]. Первый из указов утверждает налоговый иммунитет Святого Престола. Второй указ запрещает рахдарам (таможенным работникам) беспокоить паломников и духовенство Св. Эчмиадзина требованием

налогов. По последнему вопросу указы были приобретены также от других ханов: Хусейн Али хана в 1762 г. и 1774 г., от Мухаммад хана в 1801 г. и Хусейн Кули хана сардара в 1810 и 1812 годах [7, док. 441, 477, 550, 551; 8, док. 614, 631]. Третий указ Халил хана запрещает всем местным чиновникам предъявлять приезжающим и выезжающим купцам разные требования кроме налогов на расходы дивана (ихраджат-и дивани).

Длительное время (1759-1783 гг.) управление Ереванским ханством держал в своих руках Хусейн Али хан, который находился в подчинении у Грузинского царя и платил ему дань. Об этом свидетельствуют армянские, а также грузинские и персидские источники 2-й половины XVIII века [3, с. 434]. Время от времени, (как например в 1779 г.), когда хан отказывался платить дань Грузии, Ираклий II применял военную силу, чтобы заставить хана выполнить свои подданические обязательства.

Для Святого Эчмиадзинского Престола было крайне важно обеспечение его владений от посягательств и сохранение его налогового иммунитета, поэтому неудивительно, что большинство указов приобретенных католикосами, или их заместителями, касаются этих вопросов.

Наиболее выдающимся представителям Армянской церкви иногда удавалось не только защитить права Святого Престола, но и достичь значительных привилегий. К примеру, католикосу Симеону Ереванци (1763-1780 гг.) удалось на основании персидских указов и купчих через шариатский суд доказать законность прав Святого Престола в отношении его поместий и утвердить это ханскими указами. Так, в 1760 г. в шариатском суде было подтверждено существование вакуфных поместий Святого Престола в Даракенте, в 1762 г. – на Араликском пастбище, в 1763 г. – в Хачапарахе, в 1764 г. – в Чананабе, в 1771 г. – в Бичанаке, в 1778 г. – в Мугни [6, док. 427; 7, док. 444-447, 451, 468, 485]. В 1768г. села Аштарак, Мугни, Кирачли и Егвард ханским указом были утверждены как вакуфные имения Святого Эчмиадзинского Престола [7, док. 464]. В 1765 г. Благодаря указу Хусейн Али хана, католикос сумел добиться освобождения Святого Престола от всяких налоговых обязательств и, в частности от налога в сумму 175000 динаров, который платили католикосы со времен НаDIR шаха [7, док. 452].

Права и привилегии Святого Престола Эчмиадзинского монастыря были закреплены и обобщены в нижеследующих 13 пунктах указа Хусейн Али хана от 1759 г. выданного на имя католикоса Акопа Шамахеци [7, док. 428]:

1. Католикосы и все духовенство Святого Престола освобождено от налогов малуджахат, вуджухат, аваризат и т.д.,

2. Все поселенцы, будь то зимми или мусульмане, занимающиеся земледелием на землях Святого Престола должны платить ему налог (маликане),
3. Святой Престол и все церкви имеют право звонить в колокола, совершать службу и хоронить умерших согласно христианским законам,
4. Незаконно захваченное вакуфное имущество должно быть возвращено Святому Престолу;
5. Никто, ни мусульманские, ни христианские высокопоставленные чиновники, ни высшее духовенство других монастырей не имеют права вмешиваться в дела католикоса всех армян,
6. Тем, кто во время войны оставил свое имущество у армян, и оно было уничтожено, запрещается требовать ее обратно;
7. Наследникам и родственникам тех, кто когда-то дарил свою собственность Эчмиадзину, запрещается требовать его обратно;
8. Запрещается насильственное обращение армян в мусульманство;
9. Необходимо, чтобы бекларбек вел разбирательство по поводу денежных требований у мусульман и принимал решения на основании документов и указов;
10. Рахдарам (таможенным служащим) запрещается требовать налоги у церковнослужителей, странствующих в регионах Турции и Ирана с целью сбора церковных налогов и пожертвований;
11. Запрещается также забирать у церковнослужителей странствующих верхом коня для гонцов;
12. В вакуфных имениях Святого Престола земледелием должны заниматься только его служители;
13. Половина вод каналов Карби и Ошакана принадлежит Святому Престолу [7, док. 428, 429а, 5, д. 49].

В 1784 г. Ереванским ханом становится Мухаммад, младший сын Хусейна Али.

Статский советник Коваленский в своей Записке о Грузии характеризует Мухаммад хана следующим образом: “ Эриванский владетель Магмед хан, человек средних лет, кроткого, постоянного и умеренного свойства, правосуден и любим подданными своими, а особливо армянами, кои он предпочтительно пред единоплеменниками ласкает и кои большею частью составляли гарнизон крепости” [1, с. 118].

Сохранились указы Мухаммад хана относительно имений Святого Престола. В 1791г. в шариатском суде было доказано что селение Ошакан целиком принадлежит Святому Престолу, другим указом того же года села Вагаршапат и Ошакан освобождаются от налогов аваризат, тахмилат, бигар

и т.д. [7, док. 512, 536, 537]. Указом от 1801 г. подкрепляется принадлежность селения Чайкатаран Святому Престолу [7, док. 552].

В 1795 г. после нашествия Ага Мухаммад хана Мухаммад Али хан принял подданство Ирана. Но храня свою приверженность царю Грузии, Мухаммад хан иногда присылал ему дары, продолжая с ним дружественную переписку. Так, Мухаммад хан стараясь сохранить свою независимость, вел также переписку, как с шахским правительством, так и с находящимся в Грузии русскими чиновниками, обещая им принять российское подданство [1, с. 614-622].

Политика лавирования Ереванского Мухаммад хана между шахским Ираном и царской Россией не удовлетворяла ни одну из сторон. Шахское правительство хорошо осведомленное о переписке хана с высокопоставленными русскими чиновниками Закавказья и о его обещании принять российское подданство, после неудачного Ереванского похода князя Цицианова в 1804 г. отстранило его от управления ханством и на его место назначило Мехди Кули хана [14, с. 409]. В 1807г. указом Фатали шаха ханом Еревана был назначен Хусейн Кули хан Каджар [10, с. 157]. Его имя мы находим в указах уже с ноября 1807 г. [7, д. 581].

Хусейн Кули хану был пожалован титул сардара, предоставлявший ему полномочия главнокомандующего военными силами ханства. В отличие от предыдущих ханов Хусейн Кули хан полностью поддерживал инициативы шахского правительства и выступал совместно с иранскими силами на его стороне. Он был назначен ханом чтобы укрепить позиции Ирана в ханстве, на которое имела притязания также царская Россия.

В 1782 г. доктор Рейнегс, побывавший в гостях у Хусейн Али хана Ереванского описывая город Ереван отмечает, что “он был наполнен армянами”, а ханство было богатейшим “по Карабаге и Карадаге” [2, с. 215]. Армянское оседлое население составляющее большую часть населения Ереванского ханства [1, с. 118] в основном выступало на стороне своих единоверцев – России, и шахский Иран был вынужден принять особые меры чтобы защитить свои интересы.

В начале XIX века каджарским властям удается укрепить свои позиции в Ереванском ханстве. Хусейн Кули утвержденный в 1807 г. Ереванским ханом, был чиновником Каджарского правительства и проводил явно проиранскую политику в ханстве. В указах Хусейн Кули хана (1807-1826 гг.) прослеживается политика Каджарского правительства в отношении Армянской церкви и армянского народа в условиях русско-иранских войн 1804-1813 и 1826-1828 годов. Хусейн Кули хан и шахское правительство стремились привлечь армянское население на иранскую сторону и заручиться его поддержкой во время военных действий.

Хусейн Кули хан и шахское правительство предприняли шаги чтобы завоевать расположение католикоса, духовенства и армянского населения Ереванского ханства. Так, в 1808 г. Хусейн Кули хан своим указом и письмом уверяет духовенство Святого Престола, что они являются объектом особой заботы и внимания иранских властей [8, док. 592, 607, 612, 613, 627]. Указами хана подтверждаются вакуфные поместья Св. Престола, которые освобождаются от уплаты налогов [8, док. 613, 627].

Избранный в 1809 г. католикос Ефрем соблюдал нейтральность, чтобы избавить свою паству от притеснений персидского правительства. Он смог утвердить вакуфные имения Святого Престола в селениях Мугни, Ошакан, Аштарак, Егвард, Норк и Ереван [8, док. 612, 613, 622, 624, 627, 630, 663, 664, 667, 674]. Своим указом выданным на имя католикоса Ефрема в 1810г. Хусейн Кули хан объявляет об освобождении нунчиев, паломников и поместий Святого Престола от всех налогов [8, док. 617а].

Однако политика Ереванского хана в отношении армянского населения и особенно католикоса не была последовательной. Господствовавшие в ханстве коррупция, произвол чиновников и русско-иранские войны 1804-1813 и 1826-1828 годов создали невыносимо тяжелые условия для населения.

В прошении архиепископа Нерсеса, от 1823 г. адресованном наследнику иранского престола Аббасу Мирза говорится о том, что ханский чиновник Наги хан в 1811 г. силой забрал большую сумму у духовенства Св. Эчмиадзина; сардар Еревана требовал налог в размере 1000 туманов за селение Аштарак, которое хотя официально принадлежало Святому Престолу, но фактически находилось в руках хана; ежегодно хан взыскивал 400 туманов с Святого Престола за его имения [8, док. 707]. Слова архиепископа Нерсеса подтверждаются адресованным ему указом хана от 1813 г., в котором хан требует у Святого Престола 700 туманов, ссылаясь на то, что католикос ежегодно получает пенсию в 500 туманов и свое требование он объясняет разросшимися военными расходами [8, док. 642].

В целом, можно заключить что указы Ереванских ханов являясь важными первоисточниками, содержат ценную информацию о правовом статусе и социально-экономическом состоянии Святого Престола в Эчмиадзине, данные о налогах выплачиваемых населением ханским властям и Армянской церкви, а также о политике шахского правительства в отношении Армянской церкви и армянского населения в начале XIX века.

Литература

1. **Акты** Кавказской Археографической Комиссии. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. – Т. I. – 827 с. 2. **Армяно-русские** отношения в XVIII веке (1760-1800 гг.): Сборник

документов. – Ереван: АН Арм. ССР., 1990. – Т. IV. – 589 с. 3. **Грамоты** и другие исторические документы относящиеся к Грузии (с 1768 по 1777 год) / под ред. А. А. Цагарели. – С. Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1891. – Т. I. – 582 с. 4. **Костилян К. П.** Персидские указы Матенадарана / К. П. Костилян. – Ереван: Зангак-97, 2005. – Вып. III. – С. 628 (на арм. и англ. языках). 5. **Костилян К. П.**, Персидские указы Матенадарана / К. П. Костилян. – Ереван: Наири, 2008. – Вып. IV. – С. 388 (на арм. и англ. языках). 6. **Матенадаран**, патриарший архив, папка 1г. 7. Матенадаран, патриарший архив, папка 1д. 8. Матенадаран, патриарший архив, папка 1е. 9. **Меликсет-Бек Л.**, Грузинские источники об Армении и армянах / Л. Меликсет-Бек. – Ереван: НА Арм.ССР, 1955. – Т. III. – 345 с. (на арм. языке). 10. **Мухаммад Таги Лисан ал-Мулк Сепехр.** Насех ал-таварих (Тарих-е каджарийе). – Тегеран: Энтешарат-е асатир, 1377. – Т. I – 924 с. (на перс. языке). 11. **Папазян А. Д.**, Персидские указы Матенадарана / А. Д. Папазян. – Ереван: АН Арм. ССР, 1956. – Вып. I. – 315 с. 12. **Папазян А. Д.**, Персидские указы Матенадарана / А. Д. Папазян. – Ереван: АН Арм. ССР, 1959. – Вып. II. – 593 с. 13. **Реза Кули Хан Хедайат.** Раузат ал-сафа-йе Насери. – Кум: Китабфурушиха-йе пируз, 1339. – Т. IX – 768 с. (на перс. языке).

УДК 94(560: 477)

Кочубей Ю.М. (Київ)

ТРАПЕЗУНД І УКРАЇНА

В історії українсько-турецьких відносин є сторінки, які ще мало досліджені і тому залишаються маловідомими для суспільства. Такою є сторінка, на якій йдеться про пов'язаність історії Трапезунда з українцями. Не будемо говорити про давніші часи, а зупинимося на періоді, коли Османська імперія утвердилася на берегах Чорного моря. Українці мали тісні контакти, не завжди дружні, з Кримським ханством, що перебував у васальній залежності від турецького султана, а також з турецькими містами-фортецями на берегах Чорного і Азовського морів. Мирне співжиття і торгівельні обміни змінювалися набігами татар за невільникми і нападами українських козаків на Крим і турецькі міста, в тому числі і через море. Про це є свідчення в польських і турецьких джерелах.

Особливо часто морські походи козаків стали відбуватися на початку XVI століття. Потерпали найбільше турецькі поселення, розташовані на західному узбережжі Чорного моря та район Босфора, біля

самої столиці імперії, що, як свідчать джерела, насамперед «Історія» Наїми, дуже непокоїло султана, про це ж свідчать і мемуарні записи польських воєначальників, які дислокувалися з військами в Україні. Козаки діяли всупереч наказам польського короля, який не хотів псувати стосунків з турецькою державою, але перешкодити їм він не міг.

Серйозне занепокоєння в столиці Османської імперії викликали події, що розгорнулися в районі Трапезунда і Сінопа: козаки на своїх маленьких човнах (чайках) спромоглися пересікти Чорне море і атакувати Трапезунд. Великий український історик академік Михайло Грушевський (1866-1934) у своїй фундаментальній «Історії України-Руси» (т. VII) відзначив три таких морських походи. Як історик об'єктивний він цілком слушно охарактеризував такі походи як піратські». Про похід 1614 р. він писав: «Було їх (козаків – Ю.К) коло двох тисяч, значить коло сорока чайок. Перепливши море навпростець під Трапезунд, почали пустошити тут побереже, засіяне багатими містами й селами, що жили тут безпечно, не маючи нізвідки страху, бо ні відкого иньшого досі ані від козаків не було тут тривоги й небезпечности, відколи Турки опанували Малу Азію» [1].

Про експедицію 1616 р. вчений пише, що козаки, порушивши перемир'я між королем і султаном, відправилися до Трапезунда, але їх чайки під час шторму викинуло на берег. Тоді вони пішки дійшли до Трапезунда, здобули його й пограбували. (2) Мабуть останній напад козаки здійснили 1625 року, понищили багато міст і місточок, як вказує історик, але Трапезундського замку не взяли [3]. Таким чином відомості про таке значне чорноморське місто як Трапезунд стали відомими у Східній Європі.

Ці походи знайшли відгук в українській літературі. Так, Сидір Воробкевич (1836-1903) написав вірш «Упадок Трапезонта», а польсько-український письменник Кароль Гейнч (1810-1860?) у 1842 р. створив цілу драму у віршах

під назвою «Поворот запорожців з Трапезунда», яку ставили на сцені в Житомирі й Бердичеві [4].

Безперечно, було б дуже цікаво і корисно порівняти дані про ці походи -напади, які маємо в українських і польських архівах і публікаціях, з документами з османських архівів та працями османських істориків минулого, а також, можливо, з сучасними дослідженнями, якщо вони є. Це стосується й інших важливих епізодів наших взаємовідносин. Про це писав свого часу й український історик В.В. Дубровський у 20-і рр. минулого століття, коли постало питання про співпрацю турецьких і українських істориків. Тоді в Україні та Туреччині було засновано відповідні комісії, які мали б зайнятися розробкою питань історії взаємовідносин між двома

країнами. Розвиток подій в СРСР – тоталітарний ідеологічний тиск – перешкодили реалізації задуманих планів.

Другий важливий епізод в історії українсько-турецьких стосунків, що стосується безпосередньо Трапезунду, пов'язаний з Першою світовою війною. Відомо, що під час цієї війни певна частина турецької території була окупована царською російською армією, в тому числі й Трапезунд та його околиці. Цілком природно, що серед царських вояків була і значна кількість вихідців з України. Як і на фронтах західного театру воєнних дій, на Кавказькому фронті під впливом антицарської пропаганди з боку лівих сил солдати стали виявляти політичну активність. Не опинилися в стороні від цього руху й солдати-українці: вони заснували свою організацію – громаду, яка стала друкувати навіть свій орган «Вісник української громади м. Трапезунду» за редакцією Г. Хоменка [5]. Трапезундська громада перебувала у зв'язку з іншими українськими групами, що виникли в різних місцях Закавказзя. Великий імпульс для її активізації дали революційні події в Росії: відречення царя від престолу, розвал фронтів, створення Центральної ради в Києві, українізація деяких полків, все яскравіше набувала сили ідея самостійності України, хоча й не завжди ясна.

Діяльність українців у Трапезунді була настільки активною, що саме в цьому місті з 29 жовтня по 4 листопада 1917 року відбувся Український військовий з'їзд, який, згідно з деякими даними, видавав навіть свій «Листок».

Для дослідження цих подій велике значення має те, що їх учасники залишили нам безцінні свідчення – свої мемуари, які було опубліковано вже після Другої світової війни в умовах еміграції. Насамперед слід назвати дві публікації спогадів безпосереднього учасника подій в Трапезунді, пізніше відомого вченого, історика і бібліографа Лева Биковського (1895-1992), що закінчив свої дні в м. Денвер, шт. Колорадо, США. Його перу належить дві книжки (українською мовою): «На Каказько-турецькому фронті». Спомини з 1916-1918 рр. (Вінніпег-Денвер, 1968) [6] і «Від Привороття до Трапезунду. Спомини (1895-1918) (Мюнхен-Денвер, 1969) [7] Вийшли частинами також мемуари видатного діяча еміграції Василя Іваниса «Стежками життя. Спогади, I (На Кавказькому фронті) (Буенос Айрес, 1958), були й інші матеріали. Про трапезундські події згадав у своїй «Історії України, 1917-1923» також видатний історик проф. Дмитро Дорошенко (1882-1951) (т. I, Нью-Йорк, 1954). З розвитком подій в Росії і Україні військові дії на Кавказькому фронті практично припинилися.

Згідно зі спогадами українців про перебування в Трапезунді у них залишилися позитивні враження про місцевих турків, вже хоча б тому, що,

як писав Л. Биковський, «турки назагал є чесними людьми!». Він же зафіксував у своїй книжці і такий епізод: коли ситуація змінилася і турецька армія почала вести наступ на Трапезунд, то українські солдати, які залишилися у місті, щоб уникнути кровопролиття, вирішили надіслати депешу турецькому командуванню про те, що в місті немає російських солдатів, є тільки українське військо, а воно з турками не воює і своєчасно від'їде в Україну. Одержали таку відповідь: «Туреччина з Україною не воює, а тому наступ на Трапезунд припинено!» [8]. Через деякий час прибув пароплав і українці відплили на батьківщину.

Така, коротко, картина перебування українців у Трапезунді в роки Першої світової війни, яка стосується в основному воєнних подій.

Але був ще один аспект зустрічі українців з Туреччиною в Трапезунді, який ще не знайшов висвітлення в історичній літературі. Справа в тому, що після вторгнення російських військ у Східну Туреччину Російська Академія наук прийняла рішення надіслати в Трапезунд спеціальну комісію, офіційним завданням якої було зареєструвати і охороняти від руйнації пам'ятки культури й історії, які могли постраждати в наслідок воєнних дій. Щодо інших планів російських наукового естеблїшменту можна тільки здогадуватися.

На чолі комісії став відомий російський вчений-візантолог, багатолітній (1894-1917) директор Російського археологічного інституту в Константинополі академік Ф.І. Успенський (1845-1928). Комісію відряджали на невеликі терміни, в різному складі, але керівником завжди був акад. Ф.І. Успенський.

Сталось так, що в складі цих експедицій побували троє українських вчених, котрі вже на той час користувалися високим науковим авторитетом і повагою академічного співтовариства. Уже в першій групі разом з художником-фотографом В. Клуге прибув визначний знавець мистецької спадщини Візантії і всієї Передньої Азії, а також теоретик мистецтва Ф.І. Шміт (1877-1942). До революції 1917 р. в Росії і відразу після неї він працював у Києві і Харкові, а пізніше став директором Державного інституту історії мистецтв у Ленінграді. У Трапезунді йому було доручено дослідити церкву св. Софії, перетворену свого часу на мечеть. Академік Ф.І. Успенський досить детально описав досягнення Ф.І. Шміта по вивченню церкви: відкрито старовинну мозаїчну підлогу, «відкрита і очищена від тинку значна частина фресок як у вівтарі храму, так і на стінах»... «складено план храму і зроблено кілька рисунків фарбами; здійснено промірювання і креслення. Найважливішим фактом слід визнати те, що стінні розписи виявили оригінальні риси, які дають новий зміст середньовічному мистецтву». Так значиться у доповіді Ф.І. Успенського Академії [9].

Разом з тим акад. Ф.І. Успенський відзначає, що йому «вдалося придбати» [1] значне число рукописів арабською і турецькою мовами, частину яких відразу було надіслано в Петроград, а «ще три ящики також мали прийти в Петроград» [10]. Крім того було зібрано велику кількість архівних матеріалів, різного роду ділових паперів, які зберігалися під охороною в одній із мечетей.

Проф. А.Ю. Кримський був залучений до роботи в Комісії як знавець турецької мови. Він прибув у Трапезунд разом зі своїм помічником, українським сходознавцем П.Н. Лозієвим 15 червня 1917 р. У цю ж групу було включено ще одного визначного українського вченого мистецтвознавця – М.О. Макаренка (1877-1936) який 17 років пропрацював у Петрограді у всесвітнього відомому Ермітажі, був автором «Короткого путівника» цього музею (Петроград, 1916).

Як зазначав акад. Ф.І. Успенський у своєму іншому звіті, про роботу влітку 1917 року: «Професор Лазаревський інституту східних мов А.Ю. Кримський взяв на себе розбирання і опис рукописів, книг і архівних документів, зібраних в мечеті Орта-Хісар ... член експедиції М.О. Макаренко вивчення стін міста і Трапезундського акрополя» [11]. У рамках звіту акад. Ф.І. Успенського було подано й звіт А.Ю. Кримського, в якому він зазначав: «якихось унікумів тут немає, а взагалі підібралася цінна рукописна колекція» [12]. Серед описаних ним книг, як видно зі звіту, були наявні історичні твори (Саадеддіна, Наїми, Салах-заде, Джевдета та ін.), а також дивани поетів (Галіба, Ісмета, Набі, Нефі, Сюррурі та ін.).

А.Ю. Кримський цілком співчутливо ставився до місцевого мусульманського населення, всіляко засуджував вандалізм російських солдатів. Особливо це видно з того як він поставився до турецьких офіційних і приватних архівних матеріалів, які він вважав необхідним також зберегти від знищення і зазіхань тих жителів міста, які не втекли з приходом російської армії і грабували майно втікачів. Йдеться про такі документи як купчі, векселі, закладні, зобов'язання, розписки про одержання грошей і т. і. Він писав: «Для мусульманського населення, що втекло, коли воно повернеться до Трапезунду, наш архів зробить незамінну послугу, принесе величезну користь, буде добродієм» [13]. Відомо, що відновлення майнових та інших прав без документів практично неможливо.

Як свідчить Лев Биковський, який познайомився з А.Ю. Кримським саме в Трапезунді, вчений був проти вивезення документів до Росії, «бо населення позбавлене цих документів, що свідчили про земельний уклад краю, потрапить у безладдя, з якого будуть користати різні пройдисвіти ... Взагалі, скаржився професор, його в комісії

використовували як знавця турецької мови, але зовсім не рахувалися з його думкою. Я зрозумів тоді чому професор не був задоволений зі своєї участі в працях комісії» [14].

На закінчення свого звіту він писав: «З вдячністю ми маємо згадати трапезундських турків і представників благоїдїного закавказького мусульманського суспільства. Вони ставилися до нас з надзвичайною доброзичливістю» [15].

Зовсім короткий звіт про свою роботу в Трапезунді подав М.О. Макаренко. Він доповів, що дослідив стіни фортеці, за характером кладки визначив період її будівництва. У палацовій церкві розпізнав фігуру св. Євгенія, патрона міста. Він зазначав: «Після очищення її я зайнявся вивченням техніки і письма цього зображення, виконаного, як і всі зображення цієї руїни, особливою технікою, яка різко відрізняється від техніки фрескового живопису» [16]. Крім того він зробив малюнки аквареллю фрагментів з фігури св. Євгенія і близько 50 фотознімків. Як бачимо, звіт має чисто технічний характер. Повернувшись в Україну, він в Києві прочитав лекцію «Трапезунд і його пам'ятки мистецтва й старовини» [17].

Перебування А.Ю. Кримського, який був не тільки вченим, а також прозаїком і поетом, в Трапезунді залишило слід і в його поетичній творчості. Натхненний чудовою природою краю і визначними історичними пам'ятками, а також звітками про революційні події в Україні, він створив цикл віршів «В Трапезунті. Спомини з московської окупації 1917 р.», який було опубліковано у 1918 році в журналі «Час», а в 1922 р. у його поетичній збірці «Пальмове гілля» (частина третя). При цьому він зробив приписку: «Автора вислала до Трапезунту Російська Академія наук влітку 1917 року, щоб охороняти пам'ятки старовини проти вандалського хижацтва московської салдатні» [18]. Пізніше у радянські часи цього циклу повністю не публікували.

Ця коротка розвідка про Трапезунд і Україну показує, яке широке поле пролягло перед українськими і турецькими науковцями для подальшої спільної роботи по дослідженню «білих плям» історії наших взаємин.

Література

1. **Грушевський М.** Історія України-Руси (Hrushevsky M. History of Ukraine-Rus) / М. Грушевський. – Т. VII. – Київ-Львів, 1995 (репринт 1909 р.). – С. 33.
2. **Там само.** – С. 356.
3. **Там само.** – С. 334.
4. **Українська літературна енциклопедія (Ukrainian Literature Encyclopedia).** – Т. I. – К.: ГР УРЕ, 1988. – С. 356-357, 405.
5. **Зленко Г.** Кримський, Лозів, Хименко / Г. Зленко // Всесвіт (Vsesvit). – 1991. – № 12. – С. 190-193. 6.

Биковський Лев. На Кавказько-турецькому фронті. Спомини з 1916-1918 рр. (Leo Vykovsky on the Caucasian – Turkish War Front. Memoirs (1916-1918) / Лев Биковський. – Winnipeg-Denver, 1968. 7. **Биковський Л.** Від Привороття до Трапезунду. Спомини (1895-1918) (Leo Vykovsky From Pryvorottia to Trebisond (Memoires (1895-1918) / Л. Биковський. – Munich-Denver, 1969. 8. **Биковський Лев.** На Кавказько-турецькому фронті. Спомини з 1916-1918 рр. (Leo Vykovsky On the Caucasian – Turkish War Front. Memoirs (1916-1918) / Лев Биковський. – Winnipeg-Denver, 1968. – С. 114. 9. **Сообщения** и отчет академика Ф.И. Успенского о командировке в Трапезунт (Communications and Report by Acad. F.I. Uspensky about his Mission to Trabzon) // Известия Императорской Академии наук. VI серия. – № 16. – Петроград, 1916. – С. 1468. 10. **Там само.** – С. 1490 11. **Отчет** о занятиях в Трапезунте летом 1917 г. Ф.И. Успенского (Report about work in Trabzon in Summer 1917 by F.I. Uspensky) // Известия Российской Академии наук. VI серия – № 5. – Петроград, 1918. – С. 211. 12. **Там само.** – С. 214. 13. **Там само.** – С. 215. 14. **Биковський Лев.** На Кавказько-турецькому фронті. Спомини з 1916-1918 рр. (Leo Vykovsky On the Caucasian – Turkish War Front. Memoirs (1916-1918) / Лев Биковський. – Winnipeg-Denver, 1968. – С. 72. 15. **Отчет** профессора А.Е. Крымского (Prof. A.E. Krymsky's Report) // Известия Российской Академии наук. VI серия. – № 5. – Петроград, 1918. – С. 216. 16. **Начальнику** ученой экспедиции Академии наук в Трапезунте академику Ф.И. Успенскому Николая Макаренко краткий отчет (A Short Report by Nikolay Makarenko) // Известия Российской Академии наук. VI серия. – № 5. – Петроград, 1918. – С. 21. 17. **Українська** Академія мистецтва. Дослідження і науково-методичні праці. – вип. 9. – Київ, 2002. – С. 246. (Research and scientific-methodological papers. Ukrainian Academy of Art) 18. **Кримський А.** Пальмове гілля / А. Кримський. – Київ: Час, 1922. – Ч. III. – С. 1. (Krymsky A. Palm Branches. – Part III).

УДК 930.2: 94(31)

Кошовий С.А. (Київ)

НОВІ ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ ДЕРЖАВИ ЦІНЬ ДОБИ ЧЖАНЬГО

Цінними історичними джерелами є відомі письмові пам'ятки, які активно залучаються дослідниками для вивчення давньої історії Китаю – історична хроніка Чуньцзо – «Весна і осінь», коментарі до неї Цзочжуань – «Коментарі Цзо», історичний трактат Шуцзін – «Книга історії» (його ще називають Шаншу – «Книга Шан»), історичний збірник Гоуй – «Промови

царств», літопис Чжушу цзінянь – «Бамбукові аннали», монументальна книга з історії стародавньої доби Сима Цяня «Ши цзі, Історичні записи» тощо. Коло надійних джерел із давньої історії Китаю розширюється завдяки новим знахідкам, які відкрилися дослідникам за останній період. До нових історичних артефактів, які стали доступними для науковців в кінці ХХ – на початку ХХІ ст. слід віднести палеографічні законодавчі тексти, які проливають світло і відкривають нові можливості для вивчення доби Чжаньго «борючі царства» та держави Цінь зокрема. Саме новими джерелам по історії держави Цінь періоду Чжаньго є «Шуйхуді Цінь цзянь, Бамбукові тексти з Шуйхуді періоду Цінь», «Ліє гучен Цінь цзянь, Бамбукові тексти з Ліє періоду Цінь», «Чжанцзяшань Ханьму чжуцзянь, Бамбукові тексти з Чжанцзяшань періоду Хань», зразки тодішнього діловодства та юридичних пам'яток (закони царства Цінь, ділові папери ціньської та раннеханської доби).

«Шуйхуді Цінь цзянь, Бамбукові тексти з Шуйхуді періоду Цінь» – найдавніші китайські тексти, які були написані на бамбукових дощечках іноді також називаються Бамбукові тексти з Юньмен періоду Цінь. На цю знахідку натрапили у грудні 1975 р. під час проведення земляних робіт з укріплення та розширення дренажного каналу на ділянці Шуйхуді району Сяоган в повіті Юньмен центральнокитайської провінції Хубей в так званій могилі №11.

Довідково: Повіт Юньмен розташований у східній частині провінції Хубей. У сьогоденній адміністративній системі поділу КНР підпорядкований місту Сяогань. В історичній перспективі у період Чуньцю «Весна і осінь» (770-476 рр. до Р.Х.) повіт Юньмен був частиною васальної держави Юнь в період династії Чжоу. Проте згодом територія відійшла до держави Чу, правителі якої використовували територію повіту як мисливські угіддя. У 223 р. до Р.Х. в результаті перемоги над Чу державою Цінь, Юньмен стало територією Цінь.

Під час археологічних робіт вчені знайшли могилу, яка належала сановнику повітового рівня періоду Цінь. Достомоно відомо, що ця чоловіча особа мала вік старше 40 років та ім'я Сі. Він народився у 262 р. до Р.Х., у 249 р. став урядовим переписувачем. У 241 р. отримав підвищення у посаді до рівня повітового клерка. При ньому було знайдено численні погребальні предмети, але саме найцінніше – це бамбукові дощечки з написами на них (загальна їх кількість склала 1155 одиниць). Більше половина з них, а саме 612 штук, містила матеріали з законодавчих та адміністративних справ. Дощечки мали певний розмір. Їх ширина була стандартна для того часу: 0,5-0,8 см; висоти були різні: 23,1 см, 25,5 см та 27,8 см. Написи виконані із застосуванням стилю письма «лі шу» (чиновницьке письмо). За звичай, одна дощечка містила колонку ієрогліфів

написаних чорнилами чорного кольору, виготовлених із соснової сажі за допомогою пензлика.

В процесі більш ретельного дослідження було встановлено дату знахідки – 217 р. до Р.Х. – період Цінь та те, що записи містили частину Кодексу законів Цінь, який існував в Стародавньому Китаї до періоду об'єднання в єдину державу. Знайдені там бамбукові дощечки включали у себе декілька законодавчих текстів, у тому числі збірник законів, якому група з упорядкування дощечок із Шуйхуді присвоїла назву «Цінь луй ши ба чжун Вісімнадцять цінських законів» [1]. Ймовірно, це і був Кодекс, який запровадив Шан Ян. Зберігаються знайдені матеріали в Хубейському провінційному музеї під серійним номером 040-041 [2].

Перша публікація про знахідку періоду Цінь була оприлюднена у китайському археологічному журналі Веню «Культурне надбання» у 1976 р. Їй були присвячені три випуски (від 6 по 8) під назвою «Юньмен Цінь цзянь шивень Тлумачення бамбукових текстів з Юньмену періоду Цінь». Згодом матеріали були опубліковані у КНР у вигляді книги під назвою «Шуйхуді Ціньму чжуцзянь, Записи на бамбуку з могили періоду Цінь в Шуйхуді». Розгорнуту статтю про цю знахідку у провінції Хубей написав шанований нідерландський синолог А.Ф.П. Хульсе (Anthony François Paulus Hulsewe) в міжнародному синологічному журналі «Тун бао», публікація за 1978 р. [3]. А у 1985 р. він опублікував книгу англійською мовою, яка присвячена перекладу та тлумаченню знайденої частини Кодексу законів Цінь [4].

Ці матеріали надзвичайно важливі з огляду наукових досліджень у сфері управління, економіки, культурної спадщини, законодавства, військових справ тощо періоду кінця Чжаньго «борючих царств», періоду династії Цінь та ранньої ханської доби.

3 червня 2002 р. на околиці міста Ліе повіту Луншань провінції Хунань було знайдено численні таблички з написами, які нині називаються «Таблички з стародавнього міста Ліе» або «Ліе гучен Цінь цзянь Бамбукові тексти з Ліе періоду Цінь». Загальна кількість їх становила 36 тис. одиниць [5]. Дослідження щодо цієї знахідки знаходяться на початковій стадії. Особливо важливою є та частина табличок, які містять матеріали про державу Цінь.

Іншою палеографічною знахідкою яка містить законодавчі тести стародавньої доби є «Чжанцзяшань Ханьму чжуцзянь Бамбукові тексти з Чжанцзяшань періоду Хань» [6]. Письмові документи належать періоду 196-186 рр. до Р.Х. Вони були знайдені у 1983 р. під час археологічних досліджень могили № 247 поблизу гори Чжанцзяшань, повіту Цзянлінь провінції Хубей (поблизу сучасного міста Цзінчжоу). Могила була побудована у ранній період династії західна Хань. У ній містилося

поховання чиновника, який помер у 186 р. до Р.Х. Тести були написані на бамбукових дощечках, які були з'єднанні шнуром та звернуті у сувої. Записи містили процедури судових розглядів також попереднього періоду епохи Цінь (зокрема, наводиться подія, датована 246 р. до Р.Х. та різні моменти у галузі юриспруденції більш раннього періоду), посилання на літературу у галузі медицини, розгляд військових стратегій та календар з датами за період з 202 по 186 рр. до Р.Х.

Опублікована інформація про знахідку доби ранньої династії Хань та тести, які містили закони доби Цінь, відразу привернула увагу синологів усього світу. Насьогодні значна кількість публікацій, яка присвячена матеріалам з «Чжанцзяшань», здійснена китайським професором Лю Сюецінь [7].

Підсумовуючи все вищесказане варто зауважити, що палеографічні законодавчі тексти, які записані на бамбукових дощечках, порівняно нова категорія історичних джерел з історії Стародавнього Китаю доби Чжаньго та періоду становлення імперій Цінь та Хань. Змістовна ж сторона цих знахідок відіграє ключову роль для використання їх у подальших дослідженнях та залучення у науковий обіг нової категорії джерел по історії Стародавнього Китаю, особливо з огляду на детально описані та систематизовані рекомендації по діяльності адміністративних установ тієї пори та процедури застосування автентичних законодавчих документів на практиці. Більшість з інформації, яка представлена у цих текстах відсутня в традиційних письмових пам'ятках, що відповідно робить їх унікальними для дослідника та представляє принципово новий матеріал для вивчення з цілого ряду напрямків досліджень суспільних процесів Стародавнього Китаю. На відміну від традиційних письмових пам'яток, нові палеографічні документи ще не отримали розгорнутого супроводу коментарів та роз'яснень з тих чи інших значень, понять та словосполучень з боку китайських науковців і перебувають на стадії активного вивчення та класифікування.

Література

1. **Qin lü shi ba zhong** [Електронний ресурс]. – Режим доступу до джерела: <http://www.bamboosilk.org/Wxbz/2002/shuihudi/qinli18.htm>.
2. **Database of Early Chinese Manuscripts**. [Електронний ресурс]. – Режим доступу до джерела <http://www.dartmouth.edu/~earlychina/research-resources/databases/early-chinese-manuscripts.html>.
3. **T'oung Pao**. Second Series. – Vol. 64, Livr. 4/5 (1978). – P. 175-217 [Електронний ресурс]. – Режим доступу до джерела: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/4528137?uid=3739232&uid=2&uid=4&sid=21101704462107>.
4. **Hulsewé A.F.P.** Remnants of Chin Law: An Annotated Translation of the Chin

Legal and administrative rules of the 3rd century B.C. discovered in Yun-meng Prefecture, Hu-pei Province, in 1975 / A.F.P. Hulsewé. – Leiden: E. J. Brill, 1985. – 244 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа до джерела: http://books.google.com.ua/books?id=M7oseTr553wC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false 5. **Preliminary Study of Qin Period Inscribed Slips from Liye** [Электронный ресурс]. – Режим доступа до джерела: <http://www.kaogu.net.cn/cn/detail.asp?ProductID=9682>. 6 **Zhangjiashan ersiqi hao Han mu zhujian zhengli xiaozu, Zhangjiashan Han mu zhujian (ersiqi hao mu)** –Beijing: Wenwu chubanshe, 2001. 7. **Liu Xueqin and Xing Wen. New Light on the Early-Han Code: A Reappraisal of the Zhangjiashan Bamboo-slip Legal Texts** / Liu Xueqin // Asia Major. – Volume 14. – Part 1, 2001. – P. 125-146 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до джерела: <http://www.ihp.sinica.edu.tw/~asiamajor/pdf/2001a/6%20XingPDF.pdf>

УДК 902.035(470.32)

Красильникова Л.И., Красильников К.И. (Луганск)

О СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ УКРЕПЛЕННЫХ ГОРОДИЩ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОРТА КРАСНОЕ ГОРОДИЩЕ)

В 1984 году в рамках программы изучения конструктивных систем укрепленных городищ СМК, были проведены тестовые раскопки территории и оборонительного вала Красное Городище в долине реки Тихая Сосна на Белгородщине (Россия).

Цель раскопок – сбор информации о конструкции стен, строительных материалах, технике кладки, выявление находок, свидетельствующих о функциональности и датировке памятника. Поставленные задачи выполнила археологическая группа истфака ЛНУ (ЛГПИ), их результаты, изложенные в форме научного отчета (Красильников 1984; 1986), без малого 30 лет являются предметом дискуссии в направлениях: назначение городища (Плетнева, 1988), строительные тенденции и традиции (Галкина, 2002), фортификационные особенности (Свистун, 2007) и другим темам.

Наиболее полные, убедительно аргументированные характеристики архитектурно-строительных технологий рассматриваемой крепости, изложены Г.Е. Афанасьевым (Афанасьев, Красильников, 2012). Некоторыми положениями из них и собственные позиции по существующим вопросам, мы намерены изложить в тезисной форме

(Подробная и предметная характеристик памятника будет представлена в ближайшем выпуске „Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка”).

1. Планиграфия городища и визуальные признаки его фортификационности.

Городище расположено на мысообразной площадке высотой +30м над поймой реки, образованной коренным берегом и двумя глубокими балками. С трех сторон склоны с признаками эскарпировки, создавшей искусственный уклон до 45^0 , с напольной стороны прорыт ров и отсыпан вал. Валу, они же стены, оконтуривают городище по его периметру с размерами сторон: 78-63 м по северу, 63-52 м югу, 78-61м по западу, 78-68м по востоку. Общая протяженность линии вала высотой 1,5м и рва глубиной до 1,5м составили около 275м, внутренняя площадь городища 0,35га. Рядом, на площади 30га, находилось селище СМК. Из него обозначен проход на территорию укрепленного городища.

2. Раскрытая площадь внутренних и наружных частей городища составила 304м^2 , из них 96м^2 – участок обнажения и расчистки вала.

Вал включал: с наружной и внутренней сторон строительные отходы величиной до 1-1,1м. Средняя его часть являлась стеной шириной 3,9 м, высотой около 1,5 м, сложенной из сырцовых и обожженных плинфо–кирпичей нестандартных размеров известных в качестве стройматериалов в византийском зодчестве раннего и развитого средневековья. Форма кирпичей двояка, одни из них почти квадратные 40x45 см, 50x55 см, другие прямоугольные 50-55x25x30 см, нередко половины кирпичей. Толщина строительного кирпича от 6,5 до 8,5 см. Приблизительно такие же строительные материалы производили и использовали византийские зодчие при возведении зданий церковно-культового и бытового назначений в Киеве, в Херсонесе, на Мангупе, Таматархе и других местах связанных с провинциальной византийской архитектурой.

3. Трапезиевидная форма укреплений известна на многих этого же времени городищах Среднего и Нижнего Дона (Маяцком, Семикаракорском, Верхнеольшанском), все они являются памятниками фортификационного назначения алано-хазарского типа.

4. Техника кладки стен по ряду показателей: многослойность, поочередно сочетающаяся в себе 6-7 рядов плинфы и бревенчатых поперечных лаг, конструкций, опирающихся на лежни–платформы из плах дуба, внутренней и наружной облицовки стен, применения известкового раствора толщиной от 1 до 10-12см, прочих деталей строительства, соответствуют системам позднеримской и византийской строительных школ, созданной Марком Витрувием, из которой в первую очередь был заимствован опыт бесфундаментного строительства.

Итак, сформируем выводы:

1. Возведение защитных стен Красного Городища в форме трапеции, соответствует римско-византийским традициям строительства оборонительных объектов.

2. Строительство стен с дополнительными крепежными конструкциями из дерева, как и их бесфундаментность, одинаково соизмеримы с практикой римско–византийской архитектуры.

3. Форма плинфовидных кирпичей, технические приемы кладки вписываются в технологические стандарты стройматериалов производимых и используемых византийскими мастерами.

Основные и сопутствующие признаки возведения форта Красное Городище, характерные строительной отрасли Византии, свидетельствуют о её участии в военных строительствах в условиях, сложившихся к X ст. геополитических противостояний между Хазарским каганатом, Древней Русью, Арабским халифатом. В этой ситуации Византия проявляла заинтересованность в организации военных укреплений вдоль хазарского пограничья. Заметим, что ничего подобного из систем фортификации в степных массивах СМК не выявлено.

УДК 930.2=411.21 „09“

Крюков В. Г. (Луганськ).

**ВІДОБРАЖЕННЯ ПРОБЛЕМ ЕТИМОЛОГІЇ І СЕМАНТИКИ
ЕТНОНІМУ “АР-РУС” У РАННІЙ НАУКОВІЙ ПРАЦІ В. М.
БЕЙЛІСА “СОЧИНЕНИЯ АЛ-МАС‘УДИ КАК ИСТОЧНИК ПО
ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ X ВЕКА”**

Названий науковий твір Вольфа Бейліса являє собою кандидатську дисертацію, з часу захисту якої минуло півстоліття. Дане дослідження виконане на засадах докладного термінологічного аналізу оригінальних текстів творів літератора, географа й історика середини X століття Абу-л-Хасана ‘Алі ібн ал-Хусайна ал-Мас‘уді, що збереглися до сьогодні, а саме “Золоті луки і родовища коштовностей”, та “Книга вказівки і спостереження”. Належить відзначити ґрунтовність порівняльної характеристики інформації ал-Мас‘уді й інших арабських авторів, де відображена проблематика, що складала сутність наукового дискурсу ал-Мас‘уді. Важливим науковим здобутком В. М. Бейліса є докладність термінологічного аналізу оригінальних текстів, який здійснений на розроблених цим дослідником принципах, обґрунтованих у його подальших наукових працях. Наукову цінність являють характеристика

попередніх здобутків європейської орієнталістики у вивченні інформації арабських писемних документів IX-X століть з історії Східної Європи, виявлення відмітних ознак і ступеня вірогідності цієї інформації, та визначення географічних і етнографічних уявлень ал-Мас'уді в умовах історичної дійсності часів життя і діяльності названого арабського вченого.

Щодо проблеми етимології терміна “ар-рус”, то доцільно ураховувати наданий Вольфом Бейлісом критичний аналіз наукової полеміки з цього приводу, яка розпочалася у європейській арабістиці між прихильниками та опонентами “норманської” версії походження цього терміна ще у першій третині XIX століття (с. 257-275). Виявилося, що сутнісно цієї полеміки були суперечності щодо питання про етнічну належність русів чи то до слов'ян, чи то до норманів. Однак, власне проблема походження етноніму “ар-рус” при цьому не порушувалася. Саме тому Вольф Бейліс, піддавши критиці “норманську” версію, висловив думку про необхідність подальшого дослідження даної проблематики.

Разом із цим, у науковій праці, що розглядається, певною мірою визначені засади, на яких ці дослідження мають здійснюватися. Зокрема, Вольф Бейліс звернув увагу на архаїзм на повідомлення про участь етнічної спільності, званої “ар-рус”, у якості союзників хозарів у війні, яку останні разом з аланами провадили у 643 році з Дербентом (с. 293). Дане повідомлення міститься в історичному творі персидського вченого X століття ал-Бал'амі, що являє собою переробку розвідки арабського історика ат-Табарі. Отже, виявляється, що “руси” згадані серед іраномовних етнічних спільностей, які залюднювали степи Прикавказзя і пробували в середині VII століття під зверхністю хозарів.

Польський арабіст Тадеуш Левицький висловив міркування, що етнічна спільність, названа у розглянутому повідомленні, являє собою предків русів IX – X століть, які ще у середині VII століття зазнавали вплив з боку державного утворення хозарів, політичний центр якого на той час знаходився у Східному Прикавказзі. Виявлося, що названий етнонім існував у середовищі аланів Східного Прикавказзя за два століття до прикликання на княжіння у 862 році норманських конунгів прильменськими слов'янами. Дана обставина є свідченням безпідставності твердження прихильників “норманської” версії щодо походження етноніму “рус” від терміна “Ruotsi” – фінізованої назви мешканців узбережжя шведської області Упланд, а саме “rōth-byggjar” (“мореходці”).

Разом з цим, міркування Тадеуша Левицького щодо етнічної належності “ар-рус” середини VII століття не було підтримане, і студіювання проблеми етимології названого етноніма, на доцільності якого наполягав Вольф Бейліс, відбувалося у межах “іранської” версії походження етноніма “рус”. Підставою для розвитку дослідницької роботи

саме у даному напрямі є звістка про етнічну спільність “hros”, що подана у переліку людностей, які пробували на землях, прилеглих до Кавказу. Дана звістка наведена в творі “Історія церкви”, авторство якого приписується візантійському хроністу середини VI століття Захарію Рітору.

Тадеуш Левицький слідом за німецьким орієнталістом Йозефом Марквартом ототожнив “hros” з однією із сарматських етнічних спільностей, а саме з роксоланами. Але при цьому він зазначив, що порівняння “ар-рус” ал-Бал’амі з “hros” Захарія Рітора є недоцільним. Втім, виявлено, що до складу очолюваного хозарами військово-політичного союзу кочових племен, створеного у 20-х роках VI століття, тобто за 120 років до вище згаданих історичних подій, увійшли підкорені хозарами алано-сарматські племена Прикавказзя. Тому, на нашу думку, участь нащадків роксоланів разом з кавказькими аланами у війні з Дербентом під головуванням хозарів є вельми імовірною.

Дане міркування підтверджується науковими здобутками лінгвістики. Зокрема, була виявлена відповідність першої частини самоназви роксоланів осетинському терміну “tuxs / goxs” (“ясний”). Ми вважаємо, що таке значення етнічної самоназви відображує певну якість або відмітну ознаку її носіїв від кривних етнічних спільностей. Зокрема, таке “самооцінювальне” значення має первісна самоназва “орхонських” тюрків, а саме “türk-üt”. Перша частина згаданої самоназви являє собою стародавній тюркський прикметник, що має значення “дужий”, “сильний”, а друга його частина є монгольським суфіксом множини.

Втім, за винятком розглянутого повідомлення ал-Бал’амі, у арабській писемній традиції етнонім “ар-рус” головним чином означає певне угруповання слов’ян. Відомий радянський дослідник Борис Рибаків уважав, що дане історичне явище було зумовлене просуненням одного з племінних угруповань роксоланів до земель басейну ріки Рось у часи пробування названої етнічної спільності у межиріччі Дону і Дніпра (початок II століття до н. е. – кінець I століття н. е.). Саме ця історична подія зумовила поширення терміна “tuxs / goxs” на тих подніпровських слов’ян, які підпали під короткочасну зверхність названих кочівників. З часом ці слов’яни дістали панівного стану в середовищі слов’янського населення Середнього Подніпров’я, на яке з часом поширилася самоназва “руси”.

Дослідження семантики етноніма “ар-рус” у творах ал-Мас’уді Вольф Бейліс здійснив на засадах аналізу співвідношення етнонімів “ар-рус” (руси) і “ас-сакаліба” (слов’яни), якому присвячений окремий підрозділ наукової праці, що розглядається (с. 296-312). Щодо “ас-сакаліба”, то Вольф Бейліс дійшов до висновку, що найбільш докладні повідомлення ал-Мас’уді стосуються слов’ян Центральної Європи, а саме Повіслення і Середнього Подунав’я. Ті “ас-сакаліба”, яких належить ототожнити зі

слов'янами Східної Європи, згадані як населення земель, прилеглих до ріки Дон, як мешканців володіння “правителя слов'ян, званого іменем ад-Дір” (отожненого В. М. Бейлісом з Діром, літописним соправителем Аскольда), та з тими “ас-сакаліба”, які разом з русами, які перебували у “країні хозарів”. Виявляється, що дослідник у даному підрозділі визначив семантику етноніму “ас-сакаліба” як означення єдиної етнічної спільності, що залюднювала територію Центральної і Східної Європи, до складу якої входили окремі племінні угруповання. Разом з цим, аналізуючи ті фрагменти текстів творів ал-Мас'уді, у яких слов'яни згадані разом з русами, він висловив міркування, що названий автор уважав слов'ян і русів кривими людностями, які мають спільні звичаї й вірування. На нашу думку, саме остання обставина зумовила фрагментарність інформації ал-Мас'уді про слов'ян Східної Європи та її невідповідність за загальним обсягом і змістовною навантаженням повідомленням цього автора про центральноевропейських слов'ян.

Згадану обставину розумів і Вольф Бейліс, і саме це розуміння зумовило розгляд ним питання про той територіальний простір, який залюднювала етнічна спільність, означена назвою “ар-рус” (с. 312-326). Результатом цієї дослідницької роботи був висновок дослідника про те, що руси, означені ал-Мас'уді як “плем'я із слов'ян”, згідно з цим автором, залюднювали великий територіальний простір Східної Європи, який простягався від узбереж Чорного і Азовського морів на півдні до володінь волзько-камських болгар на північному сході. Грунтуючись на цьому висновку автор наукової праці, що розглядається, висловив міркування, що етнонім “ар-рус” у творах ал-Мас'уді означає усе слов'янське населення Східної Європи (с. 325-326).

Втім, на нашу думку, є доцільним урахування висловленого Вольфом Бейлісом у попередньому підрозділі його наукової праці міркування, що етнонім “ас-сакаліба” у повідомленні ал-Мас'уді про слов'ян і русів, які пробували у “країні хозарів”, означає тих слов'ян, які на час життя названого арабського автора не увійшли до складу давньоруської держави (с. 304). Тому ми маємо нагоду уточнити міркування Учителя щодо семантики етноніма “ар-рус” висловом “відоме ал-Мас'уді” слов'янське населення Східної Європи, тобто населення Подніпров'я та земель, прилеглих до великого трансконтинентального торговельного шляху, який пролягав із Західної Європи через Київ, і надалі рікою Окою і рікою Волгою через володіння волзько-камських болгар до столиці Хозарського каганату. Щодо північних і північно-західних меж Руської землі, то ал-Мас'уді не мав про них будь-яких конкретних уявлень.

Разом з цим, виявляється необхідність уточнення семантики етноніму “ар-рус” у зв'язку зі здійсненим Вольфом Бейлісом аналізом

повідомлення ал-Мас'уди про похід військово-морських дружин русів проти мусульманських володінь у Південно-Західному Прикаспії, що відбувся у 913-914 році (с. 360-391). Відзначивши хронологічний зв'язок згаданої військової справи з експедиціями збройних сил Київської Русі проти Візантійської імперії, автор наукової праці, що розглядається, визначив наступні відмітні ознаки першої від останніх: 1. Якщо військові експедиції проти Візантійської імперії являли собою військово-політичні заходи Київської держави, які мали на меті створення сприятливих умов для діяльності руських купців на чорноморських торговельних шляхах і на ринках Візантійської імперії, то військовий похід русів у Прикаспійські області навпаки, мав наслідком руйнування тих ринків, на яких, згідно з повідомленням арабського географа другої половини IX століття Абу-л-Касима 'Убайдаллаха ібн Хурдазбіга, здійснювали свої торговельні операції купці-руси, тобто він відбувся всупереч державним інтересам Київської Русі; 2. Якщо військові експедиції проти Візантійської імперії мали наслідком укладання мирних угод, у яких обумовлювалися права руських купців, то підчас військового походу русів у Прикаспійські області нападники здійснювали лише пограбування місцевого населення; 3. Якщо військові експедиції проти Візантійської імперії очолювалися київськими правителями, зокрема конунгами Олафом й Інгвором, то у повідомленні ал-Мас'уди про збройні напади русів на Прикаспійські області відсутні будь-які натяки на керівництво цими нападами з боку представників державної влади Київської Русі. 4. Якщо військові експедиції проти Візантійської імперії та мирні угоди, що були укладені внаслідок цих заходів між Київською державою і Візантійською імперією докладно відображені у "Повісті минулих літ", то інформація про напади русів на Прикаспійські області узагалі відсутня у літописній традиції Київської Русі. Тому висновок автора наукової праці, що розглядається, про те, що у даному фрагменті твору ал-Мас'уди йдеться аж ніяк не про населення Київської Русі, а про збройні формування різно-етнічних найманців, які після закінчення очоленої конунгом Олафом військової експедиції проти Візантійської імперії, що відбулася у 911 році, за власною ініціативою розшукували собі поживу (с. 364-366). Отже, виявляється, що у розглянутому повідомленні ал-Мас'уди термін "ар-рус" узагалі позбавлений будь-якого конкретного етнічного значення.

Таким чином, міркування і висновки, зроблені Вольфом Бейлісом у його ранній науковій праці "Сочинения ал-Мас'уди как источник по истории Восточной Европы X века" не втратили свого наукового значення і на наш час. Тому ми уважаємо за необхідний захід її публікацію у якості окремого монографічного дослідження. Підготовка цього видання

завершується на кафедрі всесвітньої історії та міжнародних відносин Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

P.S. Посилання на сторінки наукової праці Вольфа Бейліса є відповідними нумерації сторінок примірника його кандидатської дисертації, що зберігається на кафедрі всесвітньої історії та міжнародних відносин Луганського національного університету імені Тараса Шевченка

УДК 930.2 = 411.21: 94(560)

Кумеків Б.Е. (Астана, Казахстан)

АРАБСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНИЧЕСКОМУ СОСТАВУ КИПЧАКОВ МАМЛЮКСКОГО ГОСУДАРСТВА

В средневековых арабских письменных сочинениях содержится ценная информация по этнонимии кипчаков Дешт-и Кипчака. При этом сообщения Ахмада ат-Тини и ад-Димашки относятся к племенному составу кипчаков Восточного объединения, а сведения ан-Нувайри, Ибн Халдуна пролевают свет на племенной состав кипчаков Западного объединения. Рубеж между Восточным и Западным Кипчакским ханством проходил по р. Итилю. Структура племенного состава кипчаков, относящаяся ко второй половине XI – нач. XIII вв., была сложной и неоднородной. Кипчакская общность вобрала в себя, помимо собственно кипчакских, тюркоязычные кимекские, куманские, огузские, древнебашкирские, печенежские, а также тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта. Тем самым не подтверждается тезис, выдвигаемый рядом ученых о наличии в составе кипчаков домонгольского периода центральноазиатских монгольских группировок.

В пределах Дешт-и Кипчака шел интенсивный процесс формирования кипчакской народности, в особенности на территории Казахстана, стимулированный всем ходом нивелировки этнокультурных признаков, чему содействовали государственность, этническая территория, однотипность форм хозяйствования, система общественных отношений и общность языка. Тесное взаимодействие кипчаков с различными этническими группами сказывалось на их этнической общности. С все растущим политическим весом кипчаков многие племена и этнические группы (канглы, кимеки, куманы, карлуки, огузы, чигили, печенеги, уран, кай, азкиши и др.), сознавая свою принадлежность к единому этносу, принимали этноним кипчак и стали сами себя называть кипчаками.

Арабские исторические труды, написанные в период Мамлюкского государства Египта и Сирии (вторая половина XIII-XVI вв.) заключают в себе важный материал, который позволяет судить об этническом составе государства, созданного кипчаками. Представление об этническом составе Мамлюкского государства можно вынести, в основном, из содержания собственных имен султанов, эмиров, военачальников и духовных лиц. Наименование того или иного лица по признаку его этнической принадлежности явление обычное у восточных авторов мусульманского круга. Упоминаемые представители этнических группировок в обществе мамлюков составляли племена, входившие в состав племенных структур Дешт-и Кипчака. В сочинениях арабских средневековых историков Ибн ал-Фувати, ас-Сукаи, ад-Давадари, Ибн Шакир, Могултай, Ибн Касир, Ибн ал-Фурат, Ибн Тагриберди содержатся антропонимы неарабского происхождения, в которых рельефно выделяется нисба по племенной принадлежности. Так, упоминается династийный кипчакский род борили (Шамс ад-Дин Аккуш ал-Борили, Сайф ад-Дин Бори). В Восточном Дешт-и Кипчаке, на современной территории Казахстана, борили в иерархии кипчакских племен занимали ведущее положение из среды которых выходили верховные кипчакские ханы. Отмечаются также представители элитарных и знатных кипчакских племен токсоба (Байбарс Токсоба, Санджар Токсоба, Сайф ад-Дин Токсоба) и Бурджоглы (султан Байбарс Бурджоглы, султан Калаун Бурджоглы). Токсоба и бурджоглы относились к знатым племенам кипчаков в Восточном Дешт-и Кипчаке. С продвижением части кипчаков и куманов с середины XIII в. в южнорусские степи произошла перегруппировка этнополитических сил. Правящим племенем в Западном объединении кипчаков стали токсоба и бурджоглы.

Вместе с тем в письменных источниках значится известный этнос имеки или кимеки (Балабан ал-Имек), создавший в IX – нач. XI вв. сильный каганат в долине Иртыша. Впоследствии они вошли в состав Кипчакского ханства.

Среди мамлюков было родственное кипчакам племя куман. В сочинениях Ибн ал-Фурата и Ибн Тагриберди упоминаются эмир ал-Кумани и шейх Зайн ад-Дин Абу Бакр ал-Кумани, что представляет большой интерес. Упоминание этнонима куман как самостоятельной этнической единицы весьма примечательно, ибо в зарубежной и отечественной историографии широко распространено устоявшееся мнение о тождестве кипчаков и куманов. Анализ оригинальных сведений текстологического и картографического материалов, содержащихся в трудах арабских географов и историков ал-Идриси, Ибн Саида, Абу-л-Фиды, ад-Димашки, подтверждает информацию Ибн ал-Фурата и Ибн

Тагриберди, позволяющую достаточно аргументировано говорить о том, что и на востоке, и на западе Дешт-и Кипчака были группы племен, которые носили общее объединяющее их самоназвание куман.

Далее следует отметить упоминание племени азкиш (Айдикин ал-азкиши). Древнетюркское племя азкиш в период раннего средневековья расселялось на территории Казахстана в Семиречье, впоследствии отдельные их группировки в составе кипчаков продвинулись к западу от Итиля. Фиксируются группировки карлукских племен: карлук (Карлук ас-Саки), булак (Сайф ад-Дин Булак) и чигиль (Бадр ад-Дин Чигиль).

Наряду с этим отмечаются печенежские племена, в частности, их элитарный род кангар (Сайф ад-Дин Кангар). Ранняя область их расселения находилась в бассейне Сырдарьи. Следует отметить также башкир (эмир Башкирд), равно как некогда ираноязычные племена асов (эмир Бахадур Ас). Если раньше башкиры и, скорее всего, тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта асы входили в союз шестнадцати кипчакских племен Восточного Дешт-и Кипчака, то кангары до монгольского нашествия составляли одно из одиннадцати племен в составе кипчаков Западного объединения. Фиксируются огузские племена: собственно огузы (Изз ад-Дин ал-Гуззи), элитарное их племя салар (кара салар) и туркмены (Кара Мухаммад ибн Байрам Туркмени). Отдельные группировки огузских племен до монгольского нашествия входили в племенной состав Кипчакского ханства.

Обнаруживаются племена уран (Йусма Тадж ад-Дин Уран) и кай (Сайф ад-Дин Кай). Информация о них приводится Могултаем в одном и том же контексте исторического труда. По его сообщению предводители военных отрядов Тадж ад-Дин Уран и Сайф ад-Дин Кай выступали как представители разных племенных группировок, что дает возможность вполне определенно судить о соотношении терминов уран и кай. В данном случае эти фактические материалы позволяют признать неприемлемым предположение об идентичности племенных названий уран и кай.

Обращает внимание упоминание племенного названия сакизи (Шараф ад-Дин Киран ас-Сакизи ат-Турки), в чем нельзя не видеть возможность его сопоставления с этнонимом найман. Согласно Джамалю Карши (нач. XIII в.) имя предводителя найманов Кучлук хана было наделено нисбой по номинальной племенной принадлежности как ас-сакизи, т.е. восьми (племенной). В научной литературе мнение о языковой принадлежности найманов является дискуссионным. Одни исследователи считают их тюркоязычными, а другие – монголоязычными. В этой связи, принимая во внимание содержащуюся в означенном антропониме нисбу ат-Турки, следует полагать, что аргументы в пользу тюркоязычности найманов усиливаются.

Выделяются также племена аргын (Беклемиш ал-Аргуни), керей (Сайф ад-Дин Кирай ат-Татари), татар (Татар Бахадур), входившие в этнический состав государственных объединений Дешт-и Кипчака в послемонгольский период.

Таким образом, мамлюкская антропонимия является ценным источником не только по средневековой этнонимии мамлюкской среды Египта и Сирии, но и проливает дополнительный свет на разработку племенной структуры Дешт-и Кипчака. Этнический состав государства мамлюков во многом перекликается с соответствующими племенами, обитавшими в Дешт-и Кипчаке. Монгольское завоевание рассеяло за пределы Дешт-и Кипчака значительные группы кипчакских племен. Несомненно, монгольское нашествие привнесло радикальные изменения в этническую картину Дешт-и Кипчака, положив конец завершающему процессу формирования кипчакской народности.

УДК 327(479):930

Максимчик А.Н. (Минск)

**РОЛЬ И МЕСТО КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПРОФЕССОРА
М. А. ПОЛИЕВКТОВА)**

В преобладающей массе современных историографических обзоров российско-кавказских отношений XVI-XIX вв., охватывающих деятельность и результаты советской довоенной исторической науки, имя известного историка-архивиста, кавказоведа Михаила Александровича Полиевктова (1872-1942) незаслуженно остается в тени. Научный сотрудник Института российской истории РАН В. В. Тихонов в статье, посвященной активной деятельности ученого, очень точно определил причину этого, указав на то, что «его научно-литературное наследие не вписано в историографический контекст» [6, с. 419]. И действительно, до настоящего времени нет монографического исследования о М. А. Полиевктове, в котором всесторонне и объективно освещалась бы общественная и научная деятельность ученого, отражались и сопоставлялись его научные взгляды, всесторонне определялось его место в исторической науке, и в частности, в кавказоведении. Следует подчеркнуть, что еще в начале кавказоведческой карьеры М. А. Полиевктова, известный грузинский историк академик Иванэ Джавахишвили (1876-1940), оценивая результаты его работы в области источниковедения истории

дипломатических отношений России с Грузией, в письме к нему оптимистически предсказывал: «...Ваше имя впишется, как говорится, золотыми буквами в нашу историографию и Ваши труды будут настольными книгами у грузиноведов и исследователей по сношению России с Кавказом и Востоком...» [2, с. 221].

Однако пророческому высказыванию суждено было сбыться только наполовину. Несмотря на то, что в 1930-е гг. им было опубликовано ряд исследований по истории российско-кавказских отношений [1; 3; 4; 5], значительный пласт научных трудов М. А. Полиевктова так и остался в рукописном виде. Сегодня этот богатый материал сосредоточен в его личном фонде в Центральном государственном историческом архиве Грузии (фонд № 1505). В фонде, насчитывающем 222 дела, хранятся неизданные при жизни материалы, проливающие свет на авторское видение роли и места Кавказа во внешней политике Российской империи [7; 8; 9; 10]. Интерес к этой проблеме появился у историка после его переезда в 1920 г. из Петрограда в Тифлис. Там он до 1924 г. преподавал в Тбилисском государственном университете, а затем 10 лет работал в Центральном архиве Грузии.

Нужно сказать, что научная и педагогическая деятельность М. А. Полиевктова проходила в условиях критического пересмотра основных положений дворянско-буржуазной исторической науки, в рамках которого историк не оставался безучастным. В отличие от своих коллег, занимавшихся шельмованием и изобличением идей дореволюционных кавказоведов, Михаил Александрович всячески пытался синтезировать и вписать опыт предшественников в рамки новой методологической картины исторического процесса.

Через год после выхода сборника статей историка-марксиста М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» (М., 1923), где была помещена статья по истории завоевания Кавказа Российской империей, М. А. Полиевктов подготовил более наукоемкую работу «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики» [10]. По примеру историка С. М. Броневского, он подошел к изложению политической истории Кавказа с геополитических позиций. Он показал разветвленную систему международных отношений не только внутри региона, но и на Европейском континенте, которые оказывали влияние на роль и место Кавказа во внешнеполитических планах России. «Кавказский вопрос» историк вслед за дореволюционной традицией (Р. А. Фадеев, С. А. Белокуров) рассматривал как составную и неотъемлемую часть восточного вопроса и считал началом его появления XVI век. Однако, на первых порах, этот вопрос, находился в тени другого вопроса – балтийского, успешное решение которого позволяло

Московскому государству после овладения Кавказа стать транзитером в азиатско-европейской торговле. По мнению историка, в XVIII в. «“Преславная виктория”» Петра на Балтийском море и оккупация им прикаспийских областей Кавказа – двуединый кульминационный момент борьбы России за азиатско-европейский транзит» [9, л. 32]. М. А. Полиевктов также отмечал, что кавказский вопрос очень тесно увязывался с вопросом среднеазиатским. «Глубокий охват Черного моря со стороны Балканского полуострова и Кавказа, и охват Каспийского моря со стороны Кавказа и Закаспийского края – вот два основных момента восточной политики России в конце XVIII в. и первой половине XIX в., обуславливающие в эту эпоху ее наступательное движение и завоевательные стремления на Кавказе» – подчеркивал он [10, л. 25].

Анализ причин налаживания дипломатических отношений народов Кавказа с Россией привели М. А. Полиевктова к выводу о том, что у них исторически «выработалась политическая традиция ориентации на того или другого из крупных соседей – старое феодальное искание могущественного защитника – сюзерена» [10, л. 16]. Как большинство дореволюционных (Г. Н. Казбек, В. М. Гессен, Н. Ф. Грабовский) и современных историков (К. Ф. Дзамихов, В. В. Трепавлов, В. В. Дегоев), исследователь придерживался версии о том, что «“подданство” Москве... не идет до поры до времени дальше неустойчивых вассальных и перманентных – союзнических отношений, не сопровождается административным и военным внедрением Москвы в местную жизнь» [10, л. 23]. В духе «атеистического» подхода историк критически оценивал религиозный фактор в процессе движения России вглубь Кавказа. Он писал: «нельзя, конечно, скидывать без остатка с исторических счетов религиозного и вероисповедного момента (борьбы креста и полумесяца). Но в вопросах международной политики – а колониальное движение всегда, в конечном счете, упирается в международные взаимоотношения – этот момент есть, прежде всего, вопрос политического лозунга, который далеко не всегда даже опирается на повышенное религиозное чувство масс, но всегда, за то, покрывает собой хозяйственную солидарность определенных общественных групп» [10, л. 40].

По мнению М. А. Полиевктова, существенной новацией для построения концепции о колониальной политике России для марксистской исторической школы должно стать понимание диалектики истории, в силу которой, например, можно объяснить превалирование в грузинских господствующих классах российской ориентации, а не заниматься ответом на вопрос: почему Грузия обратилась за помощью к России? Только опираясь на этот принцип, считал историк, можно осветить и процесс «утверждения русского владычества на Кавказе». Изучая процесс

присоединения Северного Кавказа к России, необходимо, по мнению автора, всегда держаться общекавказского масштаба.

В другой неопубликованной работе «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» М. А. Полиевктов обращал внимание на то, что многие исследователи сосредоточились над изучением периода открытого завоевания Кавказа, т. е. XIX в., в то время как «весь предшествующий, очень длительный период со второй половины XVI в. и до конца XVIII в., когда такое завоевание только подготавливалось... и когда в этом направлении делались только первые шаги, остается все еще мало изученным и освещенным» [9, л. 8]. Он настаивал на том, что «между подготовкой наступления на Кавказ и реализацией этой цели нет разрыва» [9, л. 49]. В работе «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе» он доказывал, что основным источником техники разведывательной работы были посольства. Исследователь приводил пример создания в Посольском приказе в XVII в. специальных анкет для выяснения подробной информации о народах Кавказа (географическое положение, население страны, политическое настроение умов, экономика страны и военная организация) [5]. Аналогично М. А. Полиевктов отзывался об экспедиции Академии Наук 1768-1774 гг., которая «была большим разведочным предприятием, обслуживающим, в первую очередь, хозяйственные интересы и завоевательные устремления дворянской крепостнической России второй половины XVIII века» [3, с. 156].

В подготовленном в 1940 г. «Очерке по истории русского кавказоведения XVI-XVIII вв.» исследователь разработал периодизацию продвижения России на Кавказ: 1) XVI-XVII вв. – подготовительный период наступления империи на Кавказ, когда регион находился в системе балтийского вопроса; 2) 1-я половина XVIII до последней четверти XVIII в. – период открытого наступления России на Кавказ, когда регион находился в системе восточного вопроса; 3) начало XIX в. – второй период открытого наступления России на Кавказ [8]. В работе «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» М. А. Полиевктов убедительно доказывал, что хронологические рамки окончания процесса присоединения северокавказских горцев к России совпадают со временем завершения Кавказской войны [7, л. 37].

Титаническая работоспособность М. А. Полиевктова в области изучения российско-кавказских отношений XVI-XVIII вв. оборвалась 21 декабря 1942 г. на 71 году жизни. Он был похоронен на кладбище в Ваке в Тбилиси, где прожил более 20 лет. Нужно сказать, что дальнейшее и более углубленное изучение научного наследия историка, публикация его работ послужит заполнению исторических лакун во внешнеполитической

истории Кавказа. Его взгляды и идеи не потеряли своей практической значимости и на современном этапе развития исторической науки. Во многом, они также позволяют по-новому посмотреть на процесс становления советской историографии по изучению истории российско-кавказских отношений.

Литература

- 1. Зевакин Е. С.** К истории Прикаспийского вопроса / Е. С. Зевакин, М. А. Полиевктов. – Тифлис : ЗакГИЗ, 1933. – 41 с.
- 2. Пайчадзе Г. Г.** К столетию со дня рождения М. А. Полиевктова / Г. Г. Пайчадзе // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. – 1973. – Вып. 2. – С. 216-229.
- 3. Полиевктов М. А.** Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу / М. А. Полиевктов; Акад. наук СССР Науч.-исслед. ин-т кавказоведения им. акад. Н. Я. Марра. – Тифлис : 1-я тип. Сахелгани, 1935. – 221 с.
- 4. Полиевктов М. А.** Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. / М. А. Полиевктов // Изв. Акад. наук СССР. Сер. VII. Отд. общественных наук – 1935. – № 8. – С. 759-774.
- 5. Полиевктов М. А.** Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе / М. А. Полиевктов; Труды ист.-эконом. сектора Науч.-исслед. ин-т Кавказоведения Акад. наук СССР. – Тифлис : Науч.-исслед. ин-т кавказоведения АН СССР, 1932. – 54 с.
- 6. Тихонов В. В.** «Не считайте меня изменником русской исторической науки...» : М. А. Полиевктов – историк русско-грузинских взаимоотношений / В. В. Тихонов // Россия – Грузия : альтернатива конфронтации – созидание... (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX-XXI вв.) : [сб.] / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, Междунар. обществ. орг. «Ассамблея народов Грузии» ; [сост.: Бугай Н. Ф. ; редкол.: В. С. Адвадзе и др.]. – М., 2011. – С. 419-435.
- 7. Центральный** государственный исторический архив Грузии (Далее ЦГИАГ). – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 11. Рукопись М. А. Полиевктова «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря».
- 8. ЦГИАГ.** – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 50. Рукопись профессора М. А. Полиевктова «Очерки по истории русского кавказоведения XVI-XVIII вв.». 2 января 1940 г.
- 9. ЦГИАГ.** – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 53. Работа М. А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века».
- 10. ЦГИАГ.** – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 12. Рукописи М. А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики» ; «Очерк колонизации на Кавказе». 17 ноября 1924 г.

Мамедов С.Г. (Баку)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА ШИРВАНШАХОВ В КОНЦЕ XI
– НАЧАЛЕ XII ВЕКА
В ТРУДАХ В. М. БЕЙЛИСА**

Возникшее в конце IX века государство Ширваншахов, активно проводя в жизнь положения своей военной стратегии, нуждалось в разведывательных органах, способных своевременно обеспечить страну и войско жизненно важной информацией. Следует отметить, что в Ширване ещё задолго до ислама существовали разведывательные органы, подчиняющиеся Сасанидским правителям до падения этой империи. «Все государи и до ислама, и при исламе получали свежие новости через сахиб-баридов, через их посредство они были осведомлены о хорошем и плохом...»: отмечал автор «Сийасет-намэ», знаменитый везир Великих Сельджукидов Низам ал-Мульк (XI в.) [12, с. 65]. Сахиб-барид – начальник почтово-курьерской службы и, в том числе, официальный руководитель разведывательного и контрразведывательного органа [28, с. 173]. С образованием государства Ширваншахов необходимость в функционировании таких органов ещё более возросла, потому что в любом случае, как справедливо полагал Низам ал-Мульк: «Государю необходимо ведать все о народе и о войске, вдали и вблизи от себя, узнавать о малом и великом, обо всем, что происходит...», т. е. это была чрезвычайно необходимая для государства сфера деятельности, что было известно с самых древних времен [12, с. 65; 32, с. 6; 4, 157-158]. Поэтому Ширваншахи использовали существующие разведывательные органы, которые вобрали в себя традиции и многовековой опыт сасанидской разведки, с учетом тюркского и арабского влияния.

Следует отметить, что в рассматриваемый период в Ширванском государстве необходимость в ведении контрразведки была не меньшей, чем в разведке. Это был бурный, тревожный судьбоносными военными событиями период кровавых столкновений могущественных держав того времени, эпоха крестовых походов, период сельджукских завоеваний, когда возникла самая мощная империя тогдашнего мира, в короткий срок поглотившая многие другие страны и княжества и поставившая на колени даже Византию, обладающую тогда большим военным потенциалом.

Анализ источников этого периода и исследовательских работ ряда ученых З. М. Буниятова, Ф. В. Минорского и других, и, конечно же,

выдающегося арабиста-востоковеда В. М. Бейлиса, позволяют выявить некоторые аспекты разведывательной деятельности государства Ширваншахов в различных регионах Южного Кавказа, в частности, в Бейлагане, о которой и пойдет речь в настоящей статье.

Следует отметить, что чрезвычайно важным в разведывательной деятельности государства Ширваншахов являлась стратегическая разведка. Основным её направлением в рассматриваемый период, как представляется, был военный шпионаж (истихбарат – ар.), который велся, прежде всего, в сопредельных территориях – княжествах, эмиратах и других государствах. Для работы в этих странах особое внимание уделялось подбору и привлечению на свою сторону высших сановников, духовенства, представителей высшей бюрократии, военачальников, которые могли оказывать то или иное влияние на проводимую государством политику, т. е. тех, кого называют «людьми влияния». Например, иногда такие люди «привлекались» на сторону ширваншаха, когда оказывались в ширванском плену в ходе боевых действий. В других случаях продолжали работать на правительство Ширвана эмигрировавшие в другие страны по тем или иным причинам чиновники разных ведомств. Для достижения той или иной цели, особенно во время войны, применялись всевозможные методы: физическая ликвидация врагов государства или других неугодных лиц (убийства), угрозы, подкуп, шантаж, установление родственных связей, и т.д.

Большую опасность в этот период представляли исмаилиты, жертвами которых являлись исключительно представители господствующего класса: султаны, шахи и халифы, везири и военачальники: сипехсалары и эмиры, а также представители военной администрации, которые не могли быть избавлены от опасности быть убитым исмаилитским фидаем («Фидай» в переводе с арабского означает «человек, готовый к самопожертвованию»). Так назывались исмаилиты, а также исполнители зловещих убийств «по заказу». См. подробнее: Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв., с. 153-155). Так, они убили восемь правителей, множество представителей тюркской и персидской знати. От руки фидая принял смерть даже указанный выше везир великих Сельджукидов – империи в зените её славы и расцвета – Низам ал-Мульк [37, с. 145-158]. «География» убийств (Систан, Исфахан, Хамадан, Марага, Багдад, а также Тебриз, Гянджа, Тифлис и во многих др. местах) показывает, что исмаилиты вполне могли осуществлять свою деятельность и на территории Ширвана. В начале XIII в. исмаилиты имели свои ячейки в войсках самых разных государств мусульманского Востока. Так, автор начала XIII в. ан-Насави описывает одну такую ячейку из 5 человек в войсках хорезмшаха, которые готовы были по первому же приказу совершать убийства и другие акции возмездия [15, с. 180]. Вот

почему не только разведке, но и контрразведывательной деятельности в войске Ширваншахов придавалось такое большое значение.

Существовали различные органы разведки, выполнявшие одновременно функции военной контрразведки. Один из них таких органов – вышеупомянутая служба сахиб-бариды, другим её названием, получившим распространение в государствах средневекового Азербайджана и, в том числе в Ширване, являлся сахиб-хабар (букв. «начальник известий» – ар.). В его подчинении находились служащие многочисленных «почтовых станций», разбросанных по территории всей страны. На каждой станции в распоряжении её начальника имелись верховые животные и гонцы, чтобы своевременно доставлять почту. С этой службой были связаны шпионы – осведомители обоего пола, которые действовали не только на своей территории, но и отправлялись в другие страны [22, с. 242]. Первые Сельджукиды в своей обширной империи полностью упразднили почтово-осведомительское ведомство и чин сахиб-хабара, также был ликвидирован и диван барид [18, с. 100]. Однако в последующем, этот институт осведомительской службы вновь оказался востребованным [36, с. 66]. В государстве Ширваншахов, на наш взгляд, это произошло не сразу, поскольку здесь в рассматриваемый период были сильны арабо-персидские традиции государственного управления и командования войском и в полной мере действовали отдельные элементы государственного механизма, заложенные ещё в Албании, а затем и в Арабском халифате [21, с. 84]. Так, в Албании, входившей в состав халифата, существовала почта, в обязанности которой входила переброска собранных в наместничествах налогов в столицу халифата. Начальник ведомства почт пользовался большими привилегиями, подчинялся прямо халифу и был наделен большими полномочиями. Но кроме этой работы, они также осуществляли негласный надзор за деятельностью органов государственной власти на местах, а также за воинскими начальниками. Акад. З. М. Бунятов приходит к выводу, что начальник ведомства почт и подчиненные ему начальники почтовых пунктов выполняли, таким образом, обязанности политических контролеров в наместничествах; сведения, поступавшие к ним, они регулярно отправляли в главное управление ведомств халифата [28, с. 173].

Для борьбы с вражескими лазутчиками предписывалось устанавливать пограничные сторожевые посты (рибаты) в местах и на путях наиболее вероятного проникновения лазутчиков. (Рибаты-пограничные заставы, гарнизоны которых состояли из мусульманских военных поселенцев. С течением времени обитатели пограничных рибатов на Южном Кавказе приобрели статус газиев. См.: [20, с. 483]). Пограничники, несущие службу на этих постах, обязаны были проверять

каждого, кто следует через границу. Мусульманский богослов Абу Юсуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи (VII в.) в своём сочинении «Китаб ал-Харадж» рекомендует следующее: «...и пусть эти посты обыскивают проходящих мимо них торговцев; если у кого найдут оружие, оружие у него отбирают, а его отправляют обратно; если при ком окажутся рабы, их отбирают, а его самого тоже отправляют обратно; если у кого-нибудь будут обнаружены письма, то эти письма прочитываются, и если в них окажутся записанными сообщения о делах мусульман, то того, у кого обнаружено такое письмо, схватывают и отправляют к имаму...» [2, с. 330]. Установление подобных пограничных сторожевых постов – явление не новое в вопросах обеспечения государственной безопасности. Такой пограничный режим существовал задолго до возникновения Арабского халифата в самых разных странах и, в том числе, на территории Ширвана, поскольку Сасаниды придавали этому вопросу большое значение. Ибн Хордадбех (IX в.) сообщает что «Хосрои (Сасаниды) закрыли свои границы с пяти сторон: тому, кто идет из аш-Шама, путь был прегражден от Хита, кто шел из ал-Хиджаза, – от ал-Узайба, кто шел из Фарса, – от Сарифина, кто шел из страны тюрков, – от Хулвана, кто шел из страны хазар и алланов, – от ал-Баба ва-л-Аббаба». Он также сообщает следующие сведения о пограничном режиме Сасанидов на границах: «О прибывших [в эти места] сообщалось, и они находились [на границе] до тех пор, пока [от Хосроев] не приходил на них приказ [с разрешением идти дальше]» [7, с. 135]. В случае задержания «харби» (Харбий – пришедшие из вражеской страны الحريبال или الحريدارحل) Обычное название иностранца-иноверца, приезжающего во владения мусульман для торговли или по иным делам. См. подробнее: [2, с. 234]), который пытался скрытно перейти через границу, его заявления в расчет не принимались, он задерживался, и далее с ним поступали согласно норм исламского права. Взятые в плен лазутчики – жители вражеской страны или из зиммиев (иудеи, христиане, а в последующем и зороастрийцы) и маджусов, уплачивающих подушную подать, подлежали смертной казни, а если они оказывались мусульманами, то подвергались жестоким телесным наказаниям и длительному тюремному наказанию, «пока не раскаются» [2, с. 328, 330].

Заслуживает внимания и деятельность шихны, коменданта города, стоявшего во главе гарнизона (шихна – ар. «гарнизон» см.: [27, с. 178]). Он же – «военный наместник», «начальник полиции», который вел борьбу со шпионами и основной функцией которого являлось как раз обеспечение государственной безопасности [36, с. 71]. Проф. В. М. Бейлис, исследовавший состав городского населения Бейлагана в рассматриваемый период, приходит к выводу, что в обязанности шихны входила ликвидация конфликтов и смут, возникавших иногда на почве религиозных распрей,

недовольства населения и т. д., а также оборона города [25, с. 23]. Важнейшая сфера деятельности специальных контрразведывательных органов – это охрана и обеспечение безопасности ширваншаха и его родственников от близкого окружения, через которых могла быть создана угроза их жизни. Азербайджанский ученый и мыслитель Насираддин Туси (начало XIII в.) самыми важными условиями войны считал бдительность, засылку шпионов и надежную охрану шаха [6, с. 218]. В источниках по истории Ширвана зафиксированы случаи посягательства на жизнь главы государства. Так, в 956 г. ширваншах Мухаммед II ибн Йазид I был отравлен своим везирем Ибн ал-Мараги, который, «страстно жаждая власти», перед этим убил его родного брата Ахмада ибн Йазид, находящегося в заключении. Преследуя цель захвата власти Ибн ал-Мараги после этого пытался отравить также и сына ширваншаха, вступившего на престол, но был своевременно спасен своей матерью, заподозрившей во врученном этим вероломным везирем лекарстве отраву. В 1034 г. ширваншах Минучихр I был предательски убит в собственном доме братом, вступившим в преступный сговор с его женой [11, с. 50, 54]. Именно поэтому Низам ал-Мульк призывал обращать вопросу обеспечения безопасности шаха пристальное внимание [12, с. 112].

Древние военные теоретики считали, что военными шпионами должен заведовать сам государь [13, с. 69]. Судя по Низам ал-Мульку, данное положение не утратило своей актуальности и в средние века. Так, сахиб-хабары должны были назначаться только правителем, что препятствовало оказыванию на них какого-либо влияния иными лицами, либо давления чиновниками любого ранга, а также военачальниками. Денежное вознаграждение и ежемесячное содержание выдавалось непосредственно из казны шаха, что гарантировало материальную независимость и препятствовало возможности оказывать влияние по этой причине от чиновников на местах [12, с. 65-66].

Заслуживает внимания и деятельность такого чиновника в средневековой бюрократической иерархии мусульманского Востока и, в том числе Ширвана и Аррана, как мушриф, в значительной степени раскрытой также благодаря трудам проф. В. М. Бейлиса. Хотя официально его функции были больше связаны с финансами, однако, на самом деле, его деятельность выходила далеко за рамки финансовых вопросов. Согласно «Сийасетнам», мушриф обозначал чиновника – соглядатая, причем в таком же значении он выступает и у другого средневекового автора этого периода Абу-л Фазла Байхаки (XI в.) в его сочинении «История Мас'уда», этот термин стоит в перечислении рядом с جاسوس (ар.) – шпион, соглядатая-фискал [1; 12, с. 318]. В «Сийасетнам» мушриф обозначен как «тот, на кого можно положиться, так как это лицо знает о происходящем при дворе и

сообщает, когда захочет и когда случится нужда». Жалование мушрифу за его труды положено было выплачивать из казны – бейт ал-мала, «чтобы они не чувствовали необходимости в вероломстве и взяточничестве» [12, с. 64]. Полагаем, что мушрифы играли важную роль в разведывательной и контрразведывательной деятельности государства. Анализ источников позволил провести весьма условную классификацию военных шпионов, действующих по заданию государства Ширваншахов, хотя очень вероятно, что какое-то деление все же существовало и в средние века. Ведь недаром ещё Сунь-цзы, в зависимости от выполняемой им задачи, разделял шпионов на различные виды [13, с. 68]. Представляется, что в разведывательной деятельности государства Ширваншахов в рассматриваемой период также могли быть различные категории шпионов, которые эффективно использовались. Так, для ведения разведки в качестве лазутчиков отправлялись прежде всего лица, которых меньше всего можно было бы заподозрить в причастности к разведке. Это были купцы, суфии, странники, дервиши, продавцы целительных средств и др. [12, с. 79]. Так, Абу-л-Фазл Байхаки (XI в.) описывает, как секретное донесение было доставлено странником, причем спрятано оно было в его посохе [1, с. 409]. Кроме того, донесения шифровались, что также препятствовало его ознакомлению. Пример шифрования донесения приводит иавтор XIII века ан-Насави [15, с. 244].

При вербовке и направлении на задание большое внимание уделялось, прежде всего, личности шпиона. Шпион, проваливший задание, преследующий свои личные цели, либо будучи перевербован, мог принести большой вред интересам государства. Поэтому подбор шпионов, их обучение и инструктаж являлись, надо полагать, довольно непростым делом [12, с. 65].

Шпионы не только занимались добыванием необходимой информации, но и при наличии соответствующего задания выполняли также и подрывную работу в войсках противника. Так, например, известно, что в войне с хуррамитами, Афшин, который придавал большое значение деятельности своей агентуры, широко использовал возможности разведывательно-подрывной работы в хуррамитском тылу. Его осведомители не только сообщали арабскому командованию разведанные о составе, численности, вооружении, дислокации войска Бабека, но и активно воздействовали на тех феодалов, которые боялись потерять свои земли и привилегии в этой войне и эта их деятельность со временем принесла решительный успех [22, с. 257]. Изложенное позволяет сделать некоторые выводы о направлениях деятельности стратегической разведки, которая осуществлялась следующими путями:

Во-первых, ведением постоянного шпионажа на территории страны – вероятного или реального противника, посредством отправки лазутчиков (джасус – ар.), о чем пишет Низам ал-Мульк в специально посвященной этому вопросу главе в своей «Сийасет-намэ» [12, с. 79].

Во-вторых, направлением послов в страну вероятного или реального противника [12, с. 102]. Автор военного трактата «Китаб-и «адаб ал-харбва-ш-шуджаат»» («Правила ведения войны и мужество») Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах (начало XIII века) рекомендовал отправлять с послом группу быстрых гонцов, разумных кавалеристов, брать в дорогу испытанных верблюдов и быстроходных скакунов, чтобы своевременно могли бы доставлять сообщения срочного характера [14, с. 102].

В третьих – использованием услуг агентов – доносчиков (перс. мунабехиан) на местах, как в самом Ширване, так и на территории другой страны, где велась разведка.

В четвертых, использование «людей влияния», о чем уже упоминалось выше. Этот аспект разведывательной деятельности государства Ширваншахов в значительной степени раскрыт в трудах проф. В. М. Бейлиса.

Так, благодаря работам В. М. Бейлиса, оказалось возможным выявить одну такую крупную фигуру исследуемого периода – «человека влияния» – в лице Мас'уда ибн Намдара (ок. 1111 г.) – чиновника финансового ведомства, который писал о смутах в Бейлагане, выступлениях городского населения, о своем конфликте с горожанами и о борьбе жителей против попыток захвата города войсками тюркских эмиров. Из его рассказов становится известно, что он придерживался, постоянной ориентации на Ширван [25, с. 22]. В. М. Бейлис отмечает, что из сочинений Мас'уда ибн Намдара государство Ширваншахов предстает перед нами как оплот ислама и феодального порядка и как влиятельная сила в регионе, к которой обращаются как к арбитру при разрешении вооруженных конфликтов [26, с. 7].

В. М. Бейлис пишет, что Мас'уд исполнявший в одно время обязанности мушрифa, отвечая восставшим байлаканцам, неслучайно заметил, что он и есть тот, «кто собирает молоко в кувшин и от кого не ускользает даже вес пылинки... Он провел среди вас годы и осведомлен о том, что вы едите в своих домах и что откладываете про запас, он знает ваши тайные помыслы и движения души, знаком с вероломством душ и с тем, что таят сердца...» [24, с. 54]. Послужной список Мас'уда дает возможность предположить, что он мог в силу своих должностных возможностей являться также и «человеком влияния» Ширвана в Бейлагане. Этот чиновник ранее служил в диване везира Ширваншахов в

качестве сахиба дивана везира и его наиба, он наряду с другими обязанностями занимался и чисто военными вопросами. Так, он осуществлял «надзор (служба арида) за многочисленным войском (ардал'аскар ал-джарар)», занимался вопросами «довольствия войск (фавадил ал-аджнад)». В его обязанности также входили «подписывание (тауки) приказов (манашир) о крепостях и поместьях» и т.д. [25, с. 26; 24, с. 50]. В.М. Бейлис приходит к выводу, что из сочинений Мас'уда ибн Намдара безусловно явствует, что в Бейлагане, который он называет «своим городом», он постоянно отстаивал интересы Ширвана в противовес раису города и, вероятно, значительной части горожан, рискуя своей жизнью и имуществом [26, с. 11]. Следует отметить, что угроза его жизни и лишения имущества была очень реальной, к такому выводу приходит и сам проф. В.М. Бейлис. Восставшие бейлаганцы обвиняли Мас'уда в соглядатайстве, точнее в шпионаже, причем наиболее агрессивны настроенные горожане предлагали его убить, а имущество разграбить. Но возникшие в толпе разногласия спасли ему жизнь и, как предполагает В.М. Бейлис, восставшие, вероятно, решили в дальнейшем использовать его познания и навыки чиновника в своих интересах [24, с. 54].

Таким образом, на наш взгляд, Мас'уд, будучи «человеком влияния» помимо чисто финансовых дел, вел также разведывательную и активную политическую деятельность в пользу Маджлис ал-Фахри – правительства Ширваншаха Фахр ад-Дина Фарибурза [10, с. 34].

Существовала также тактическая (войсковая) разведкапроводилась перед началом боевых действий. До начала осады опорного пункта противника, либо после его окружения, производилась разведка подступов, особенностей объекта осады, численности, вооружения и состава осажденных, наличия метательных машин и т.д. Войсковая разведка в зависимости от выполняемых задач велась силами подразделений различной численности. Так, в разведывательном подразделении «талију» الطاليعت (ар. «передовой разведывательный отряд»), который являлся боевым разведывательным дозором, состояло примерно 40 всадников. В словаре Махмуда Кашгари (XI в.) «Диван-лугатит-турк» в качестве эквивалента разведотряда «тутгаг» указан также термин «джарида», обозначающий конное подразделение численностью в 40 всадников [39, с. 88]. Вместе с тем, термин «джарида» обозначал и просто легковооруженных воинов. Именно в таком значении термин выступает в сочинении автора XIII века ан-Насави [15, с. 169]. В ходе разведки могли использоваться, в меру возможности и услуги доносчиков (мунаббехиан).

Разведывательное подразделение «сарийа» могло включать от 50 до 400 воинов, причем, как представляется, это могли быть как всадники, так и пехотинцы – все зависело от конкретных целей разведки и условий

выполнения поставленной задачи [39, с. 88]. О различных задачах конной разведки в рассматриваемый период повествует и мусульманский рыцарь Усама ибн Мункыз (XII в.) в своём знаменитом сочинении «Книга назидания». Так, в число задач боевого разведывательного отряда входило также изучение местности для устройства засад, выбор удобной для ведения боя местности и другие [16, с. 97-98, 173].

Войсковая разведка формировалась из подготовленных воинов. Рекомендовалось поочередно менять, чтобы воины не уставали и не «становились медлительными». Особое внимание придавалось запрету на употребление спиртных напитков, особенно перед выполнением боевых заданий и, в том числе, направлением в боевой разведывательный дозор. Направляемым в боевой разведывательный дозор предписывалось говорить «уместные слова и [дать] хорошее обещание [по отношению к нему]» [14, с. 181]. Не рекомендовалось направлять в разведку одного или двух всадников, количество разведчиков должно было быть не менее трех [8, с. 88]. Командиром боевого разведывательного дозора назначался эмир или другой начальник, но в любом случае он должен был быть достаточно опытным в делах войны, бдительным и повидавшим жизнь человеком, пользовавшимся авторитетом среди воинов, приказания которого должны были выполняться безоговорочно [14, с. 179].

Во время движения войска на марше разведывательные отряды высылались также при следовании в походном порядке, как правило, такие отряды выдвигались перед авангардом, а за арьергардом выставлялись тыловые караулы [38, с. 137, 162-163]. Кроме того, разведывательные дозоры выставлялись и с флангов. Отсутствие таких дозоров или фланговых отрядов иногда заканчивалось большими потерями в личном составе войска [3, с. 228]. Во время привалов ширванское войско обязательно разбивало лагерь [11, с. 57]. При этом от лагеря в целях его охраны высылались разведывательный дозор [14, с. 180].

Средствами ведения визуальной разведки являлись и наблюдательные башни – каргу (тюрк.), которые строились в основном на возвышенностях, на горных вершинах, здесь велось постоянное дежурство. Башни были также предназначены для своевременного оповещения о вторжении противника – при его обнаружении, немедленно сообщалось об этом командованию путем разведения огня на башне (дымом от костра – в дневное время, а ночью – его пламя), направлением почтовых голубей и гонцов [33, с. 209].

Таким образом, в государстве Ширваншахов в IX-XIII веках функционировала эффективная служба разведки и контрразведки. Засылка шпионов под видом купцов, дервишей, путешественников, направление послов, а также контрразведывательная деятельность, деятельность «людей

влияния», тактическая разведка непосредственно перед началом боевых действий позволяли добывать необходимую разведывательную информацию и принимать стратегически правильные решения. Кроме того, разведка Ширвана проводила мероприятия подрывного характера и внутри войск противостоящей стороны, что позволяет судить об умении и высоком профессионализме ширванских разведчиков. Благодаря разведывательной деятельности государство могло своевременно и правильно реагировать в русле своей военной стратегии. Свидетельством этому является тот факт, что несмотря на все внешнеполитические сложности ширваншахФарибурзИи, в том числе, благодаря хорошо налаженной и эффективной разведке и контрразведке сумел не только отстоять государственность Ширвана, сохранить свой шахский трон, но и даже значительно расширить свои владения и укрепить своё государство.

Литература

1. Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда (1030-1041) / Пер. с перс., введение, комм. и прил. А.К. Арендса. – М.: Наука, 1969. – 1003 с. **2. Абу Йусуф** Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж. Мусульманское налогообложение. Пер. с араб. и комм. А.Э. Шмидта. Супракомм. к пер. А.С. Боголюбова / Подг. к изданию, вст. статья и ук. А.А.Хисматулина. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2001. – 399 с. **3. Ат-Табари.** История / Пер. с араб. В.И. Беляева, доп. к пер. О.Г. Большакова и А.Б.Халидова. – Ташкент: Изд. «ФАН» Узбекской ССР, 1987. – 441 с. **4. Библия.** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Russian Orthodox Bible, United Bible Societies, 1991. – 1371 с. **5. Qashqarli Maxmud.** Qashqarli Maxmud. Диванцлцзат-ит-тцркдизини «Ендекс» Йазан: В. Аталай. Турк Дил Куруму Эенел Юзек Цйелеринден Кутанйя Сайлавы. – Анкара: Тцрк тарищ курум убасымеви, 1986. – 530 с., 366 с., 452 с., 885 с. **6. Хасе Nasireddin Tusi.** Axlaqi-Nasiri. – Баку: Елм, 1998. – 254 с. **7. Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран. / Пер. с арабского, коммент. и исследование, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку: Элм, 1986. – 428 с. **8. Imam Muxammed.** Siyer-Ikebir. Islam devletler hukuku. Sherh Imam Serahsi. Ceviri M. Said Shimshek, Ibrahim Sarmish. – Ankara: Daqitim Pazarlama Ansiklopedikuayin, 1980. – 328 с. **10. Мас'уд ибн Намдар.** Сборник рассказов, писем и стихов / Факсимиле текста, предисл. и указат. В.М. Бейлиса. – («Памятники письменности Востока, XXX). – М.: Наука, 1970. – 64 с. без арабского текста. **11. Минорский Ф.В.** История Ширвана и Дербенда X-XI веков. – М.: 1963. – 265 с. без араб. текста. **12. Сиасет-намэ.** Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулка / Пер., введение в изучение памятника и прим. Б.Н. Заходера. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 376 с. **13. Сунь-Цзы, У-Цзы.** Трактаты о военном искусстве / Пер. с кит.,

предисл. и коммент Н.И. Конрада. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 558 с. с ил. **14. Шариф** Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info. Текст воспроизведен по изданию: *Китаб-и «адаб ал-харбва-ш-шуджаат»*. (Правила ведения войны и мужество). МО Респ. Таджикистан, Таджикский высший военный колледж. – Душанбе, 1997. **15. Шихаб-Дин** Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. – Баку: Элм, 1973. – 450 с. **16. Усама ибн Мункыз**. Книга назидания / Пер. А.М. Салье. – М.: Изд-во вост. лит-ры., 1958. – 327 с. **17. Афанасьев П. Е.**, Конная и ветеринарная подготовка / П.Е. Афанасьев, Л.А. Белкин, В.А. Полукеев. – М.: Воениздат, 1987. – 136 с. **18. Агаджанов С.Г.** Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. / С.Г. Агаджанов. – М.: Наука, 1991. – 302 с. **19. Ahmet Yaman.** *Islam devlet lerhuk ukundasavash / Ahmet Yaman.* – Istanbul: 1998. – 192 с. **20. Аликберов А. К.** Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу-Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака`br» (XI-XII вв.) / А.К. Аликберов. – М.: Вост. лит. РАН, 2003. – 847 с., ил., карты. **21. Ашурбейли С.** История города Баку. Период средневековья / С. Ашурбейли. – Баку: Азернешр, 1992. – 402 с. **22. Беляев Е.А.** Арабы, ислам и Арабский Халифат в раннее средневековье. Второе издание / Е.А. Беляев. – М.: Наука, 1966. – 279 с. **23. Бейлис В.М.** Сочинения Мас`уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы. Автореф. дисс. на соискание ученой степени д.и.н. / В.М. Бейлис. – Баку, 1975. **24. Бейлис В.М.** Мас`уда ибн Намдара и городское население Байлакана / В.М. Бейлис // Известия АН Азерб. ССР, Серия истории, философии и права, 1966. – № 3. – С. 50-64. **25. Бейлис В.М.** Из наблюдений над текстом и терминологией сборника рассказов, стихов и писем Мас`уда ибн Намдара / В.М. Бейлис // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. – М.: Наука, 1970. – С. 17-31. **26. Бейлис В.М.** Из наблюдений над текстом Мас`уда ибн Намдара. Стихи и афоризмы Мас`уда ибн Намдара / В.М. Бейлис // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1970. – М.: Наука, 1974. – С. 5-44. **27. Буниятов З.М.** Государство Атабеков Азербайджана 1136-1225 гг. / З. М. Буниятов // Буниятов З. М. Сочинения: В 3-х т. – Баку: Элм, 1999. – Том 2. – С. 9-276. **28. Буниятов З.М.** Из истории Кавказской Албании VII-VIII вв. / З. М. Буниятов // Вопросы истории Кавказской Албании. – Баку: АН АзССР, 1962. – С. 149-180. **31. Гусейнов Р.А.** Сельджукская военная организация / Р.А. Гусейнов // ПС. – Л., 1967. – Вып. 17(80). – С. 131-147. **32. Хилсмэн Р.** Стратегическая разведка и политические решения / Р. Хилсмэн / Пер. с англ. К.П. Сонины и О.Е. Зильберберг. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. –

190 с. **33. Мамедов С.Г.** История войн и военного искусства Азербайджана / С.Г. Мамедов. – Баку: Нафта-прес, 1997. – 385 с. **34. Мамедов С.Г.** Источники военного права в Азербайджане в XIII-XV вв. / С.Г. Мамедов. – Баку: Нафта-прес, 2008. – 233 с. **36. Семенова Л.А.** Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период / Л.А. Семенова. – М.: Наука, 1990. – 248 с. **37. Строева Л.В.** Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв. / Л.В. Строева. – М.: Наука, 1978. – 272 с. **38. Юнусов А.С.** История военного дела в Азербайджане в IX – начале XIII вв. Рукопись диссер. на соискание уч. зв. к. и. н. / А.С. Юнусов. – Баку, 1986. **39. Юнусов А.С.** Военное дело тюрков в XI в. (По словарю Махмуда ал-Кашгари) / А.С. Юнусов // *Харbibilik*, 1993. – № 3. – С. 87.

УДК 329.17: 39

Маркарян С.А. (Ереван)

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ У ТУРОК-МЕСХЕТИНЦЕВ

Проблема корней и происхождения турок-месхетинцев до сих пор является дискуссионной в исторической науке. Сам термин появился в конце XIX в. и чаще стал употребляться в 90-е гг. XX в. Проблема происхождения и этнического самосознания у турок-месхетинцев тесно взаимосвязаны, ибо сегодняшнее положение этого депортированного народа уходит корнями в историю Джавахети и Месхети.

Согласно исследованиям грузинских ученых, после турецкой оккупации Месхети когда в 1578 г. турки подчинили себе атабагов Месхет-Джавахети из рода Джакели и заставили их принять ислам, был создан административный округ – Гюрджистанский (Чилдырский) вилайет Османской Турецкой империи, который позже переименовали в Ахалцихский пашалык (нынешняя территория Ахалцихского, Адигенского, Ахалкалакского, Богдановского (Ниноцминдского), Аспиндского районов Грузии). Историк Вахушти Багратиони писал, что сначала турки проявляли веротерпимость и не требовали принятия ислама. [4, с. 208-210]. Однако ситуация изменилась после Касри-Ширинского договора с Сефевидским Ираном в 1639 г. По его условиям Сефевидский Иран окончательно признал Месхет-Джавахетию перешедшим к Османской Турции краем и турки перешли к активной исламизации и ассимиляции населения.

Особенно способствовал исламизации населения один из первых прозелитов-пашей Бека Джакели, ставший с принятием ислама Сафар-пашой. Последний христианский правитель области Манучар Джакели

умер в 1624 г. Тот же Вахушти отмечает, что Сафар-паша стал требовать от местных жителей христиан принятия ислама, а преследования властей на конфессиональной почве усилились с прекращением ирано-турецких войн XVI-XVII вв. в 1639 г. и окончательным утверждением тут турок. [4, с. 211-214]. По турецким документам (Дафтар мофассалие вилайет Гюрджистан-Пространный реестр вилайета Гюрджистан) все население этой области считалось грузинским, без уточнения этнических различий. Но после принятия в конце XVII в. частью грузин мусульманства появился новый этноконфессиональный термин, ранее нигде не зафиксированный – “**гюрджидан дёнме**” [2, с. 9] или “**йери**” (“новообращенные в ислам из грузин”). В это же время происходит переселение в Месхети из Османской Турции курдских племен **залан** и **заза**. Они основали села Зилан в Ахалцихском районе и Зазалы в Адигенском районе Грузии. Тюркские племена также мигрируют в Месхет-Джавахеги – так, в Ахалкалакском районе в османских документах конца XVIII в. зафиксированы племена **ханчал**, село Ханчала (Ниноцминда (Богдан. район), **хасбей** (село Хоспио в Ахалкалакском районе), **оруджоглу** (село Оруджалар в Ахалкалакском районе), **дамга** (село Дамгалы в Ахалкалакском районе) [14, с. 39-40]. Еще раньше здесь поселилось тюркское племя “**терекеме**”, а с конца XIX в. – армяне-мусульмане называвшиеся **хемшилы**.

Согласно данным Первой переписи населения Российской империи от 1897 г. в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах проживало 141 тыс. 500 человек, из них 24 тыс. 400 турок, 19 тыс. татар (позже “азербайджанцы”) или 31% всего населения, а армяне составляли 37 тыс. 680 человек или 48% населения, в то время как грузины – 18.664 человек или 13% населения. [12, с. 78-81].

С 1936 г. когда по указанию центрального правительства СССР из Москвы было жестко предписано все население Азербайджанской ССР переименовать в “азербайджанцев”, проживавших в южной Грузии турок и вообще мусульман (за исключением Аджарии и Абхазии) стали также записывать “азербайджанцами” [14, с. 64]. Поэтому по данным переписи 1939 г. в Ахалцихском районе Грузии насчитывалось всего 59 тыс. 500 человек, из них 28 тыс. 400 “азербайджанцы” (т.е. турки-месхетинцы) или 48%, 16 тыс. 500 – армяне (или 28%) и 5.996 грузины (или 10%). (Турки-месхетинцы: Ред. Н.Ф. Бугай. Москва, 1994. с.11). Еще 17 тыс. 200 “турок” (по терминологии документов НКВД) проживало в Ахалкалакском и Богдановском районе, а армяне в этих же районах составляли 70% населения.

В 1944 г. было решено центральным правительством СССР переселить турок, терекеме, хемшилов и курдов в Казахстан, Узбекистан и Киргизию. Депортации подлежали 76 тыс. 021 человек, 8 тыс. 694 курдов,

около 5 тыс. терекеме, 1 тыс. 385 хемшилов и остальные – “азербайджанцы” [10, с.12-14; 3, с. 212]. Отметим, что на самом деле хемшилов (армян-мусульман) в реальности оказалось намного больше – если в 1953 г. их зафиксировали в Средней Азии 14 тыс. человек, то депортировано могло быть хемшилов в 1944 г. не менее 6-7 тыс. человек.

Согласно приказу НКВД СССР N 0001176 от 20 сентября 1944г. переселение турок, курдов и хемшилов предстояло провести 14-15 ноября 1944 г. – 40 тыс. в Казахстан, 30 тыс. в Узбекистан, около 6 тыс. – в Киргизию [3, с. 214]. К этой операции было привлечено 57 эшелонов грузовых “теплушек” (вагонов), 900 грузовых автомашин и 20 тыс. солдат Красной Армии [10, с. 39-40].

Ряд западных авторов без какой-либо аргументации считают, что среди депортированных мусульман из Месхет-Джавахети около 30 тыс. (почти 40%) составляли этнические грузины [15, р. 3-4]. Однако, непонятно на основании каких данных делаются такие выводы – ведь если это так и было, то и сегодня из всего числа турок-месхетинцев около 40-50% должны были обладать грузинской самоидентификацией, самосознанием требующим удовлетворения языковых, культурных, ментальных и психологических особенностей грузинского направления или в русле всего грузинского. Однако на практике из более чем 350 тыс. турок-месхетинцев только 5-6 тыс. проявляют искреннюю заинтересованность в своем грузинском происхождении, корнях, предках и религии христианской. Только несколько тысяч согласны сменить фамилии и турецкий язык как средство общения на грузинский язык и культуру. При этом более половины (65%) всех турок-месхетинцев требуют разрешить им возвращение в Грузию, поселение там компактно вдоль границы с Турцией в Ахалкалакском, Ахалцихском, Адигенском районах и открытия школ для детей на турецком, а не грузинском языке обучения, культурной автономии в местах поселения, а от нее как показывает практика, недалеко и до автономии политической.

Самосознание турок-месхетинцев на ментальном уровне диктует им стремление к расширению и укреплению культурных, экономических и бытовых линий связи с соплеменниками в Турции в качестве гарантии их собственного выживания в виде отдельного тюркоязычного этноса. Поэтому они требуют при поселении в Грузии обеспечить им особый режим благоприятствования во взаимоотношениях с Турцией. Совершенно очевидно, что такие требования никак не могут удовлетворить грузинскую общественность, не говоря уже о позиции официальных властей. Официальные власти Грузии в конце 90^х гг. прошлого века неоднократно ставили вопрос о переселении турок-месхетинцев в таком ракурсе: переселение возможно, но при условии дисперсного поселения

переселенцев в различных районах Грузии, а не компактно на границе с Турцией; переселенцы должны взять на себя обязательство по изучению грузинского языка, культуры, традиций и их соблюдению на территории Грузии; желающие сменить фамилии на грузинские могут сделать это беспрепятственно.

Часть турок-месхетинцев поселилась в южных районах России в 1989-1992 гг., когда наблюдался наибольший исход их из Узбекистана и Киргизии. Но под этим этническим обозначением (этнокультурной коннотацией) подразумеваются и хемшилы (принявшие ислам армяне, армянские прозелиты) и мусульмане-курды из Батуми. Известно, что в 25-26 ноября 1944 г. после депортации из Месхет-Джавахетии из Батуми и всей Аджарии было депортировано еще 8 500 человек, из которых больше половины (4.500) были хемшилы, а остальные – курды-мусульмане [9, с.16]. Уже в 1953 г. в Узбекистане, Казахстане и Киргизии было зафиксировано 86.663 депортированных из Грузии турок, среди которых турками себя считали 36.823 человека, 8.445 заявили, что они курды-мусульмане и более 14.000 назвались хемшилами [3], но официальная статистика чаще всего записывала их как “турки из Грузии”. После погромов в Ферганской долине за всеми переселенными из Грузии в 1944 г. утвердилось обозначение “турки-месхетинцы”, хотя это в принципе неверно и мы уже знаем, что кроме турок-месхетинцев среди депортированного мусульманского населения были и терекеме (карапапахы), и хемшилы (армяне), и курды.

В начале XXI в. (2002 г.) было зафиксировано 84.100 турок-месхетинцев в Казахстане, 33.327 – в Киргизии, около 20.000 в Узбекистане [9, с. 25-26]. Количество турок-месхетинцев в 2002 г. специалистами исчисляется в 76.500 человек-беженцев и переселенцев из Средней Азии в 1989-1992 гг. в России [8, с. 141, 102], 9.180 человек – на Украине, 597 – в Грузии (это те, кто признал свои грузинские корни и получил грузинские фамилии и гражданство), 35.000 человек эмигрировали в Турцию, а после того как конгресс США дважды выделил квоты на переселение турок-месхетинцев в эту страну уехали в 1997 г. около 7.000 человек (при квоте в 5.000 мест) и в 2004-2007 гг. более 13.000 человек (при квоте в 10.000 мест) [9, с. 269]. Среди переселившихся в США есть и хемшилы (около 10%) и курды-мусульмане депортированные в 1944 г. из Аджарии. На Украине турки-месхетинцы проживают в Херсонской, Николаевской, Донецкой области и Автономной республике Крым.

В Европу за последние 20 лет эмигрировали 25.000 турок-месхетинцев. Таким образом, за последние 20 лет около 45 тыс. турок-месхетинцев (или тех, кого так называли в Средней Азии в 1989-1992 гг.) оказались в США и Европе [13, с. 207-208; 11, с. 260]. Интересна их самоидентификация, отражающая их национальное самосознание и

собственную этническую коннотацию – они в США и Европе при регистрации и получении паспортов определяли себя как “советские турки”, “русские турки” [7, с. 287-288], но никто не зафиксирован как “грузинские турки”, “турки-мехетинцы” или “ахыска тюрки” (как на бытовом уровне в общении между собой они сами себя обозначают). Документы Евросоюза и Иммиграционной службы США определяют их не по этнониму или конфессии, а расплывчатым и неопределенным термином “население депортированное из юго-западной Грузии в 1944 г.” [9, с. 267]. В США их в основном поселили в сельские районы и небольшие городки Пенсильвании (300 человек), Коннектикуте (350 человек), Кентукки (250 человек), а больше всего в западных штатах Огайо и Невада [7, с. 269]. Среди тех, кто обосновался в 90-е гг. XX в. в Азербайджане было 43.718 турок-мехетинцев, но уже в 2000г. около 40 тыс. из них записаны как “азербайджанцы” и получили паспорта и гражданство Азербайджанской Республики [14, с.109-110].

Среди проживающих в России турок-мехетинцев наблюдается этническая трансформация, вызванная притеснениями российских властей особенно в Краснодарском и Ставропольском краях, где им не выдают паспортов и не оформляют в собственность приобретенные дома и земельные участки. При этом из 76.000 зарегистрированных в 2002 г. (по итогам переписи 2001 г.) турок-мехетинцев 72.000 потребовали записать себя как “турки” оговорившись при этом, что они “мехетинские турки”, но не желают так записываться и только 3.304 человек записались как “турки-мехетинцы” [8, с. 141; 11, с. 30; 13, с. 208]. По предварительным итогам переписи 2010 г. это число еще более уменьшилось – несмотря на эмиграцию в США, Европу и Турцию в южных регионах России зафиксировано снова около 74.000 турок (а фактически “турок-мехетинцев”), но только 327 из них записались “турками – мехетинцами”, а все остальные – как “турки” [6, с. 42-43]. При этом 28.285 человек зарегистрировано в Ростовской области (36% всех турок в России) в Сальском, Мартыновском, Багаевском и Семикараковском сельских районах [6, с. 42], где они проживают в небольших хуторах и успешно занимаются сельским хозяйством и домашним скотоводством. Около 15.700 зафиксировано под термином “турки” в Краснодарском крае (22%), где они проживают в Крымском, Апшеронском, Лабинском районах (из них 2.292 человек записались “узбеками”); в Ставропольском крае проживает 7.484 человек (при этом только 39 из них идентифицируют себя как “турки-мехетинцы”, а еще 1.289 человек – как “узбеки”, хотя известно, что и они турки-мехетинцы) (Распределение населения Ростовской области. 2005. с. 9, 14, 107); в Кабардино-Балкарии 2.350 человек; в Белгородской области около 4 тыс. человек, в Воронежской области около

3 тыс. человек, в Волгоградской области около 4 тыс. человек и Курской и Орловской области (по 1 тыс. человек); в Калмыкии более 3 тыс. человек и по 1 тыс. человек в Чечне и Ингушетии и 436 человек в Дагестане (249 из них записались узбеками) [10, с. 149]. Казалось бы, при такой явной дисперсности расселения среди этнокультурно чуждого населения, когда четко сохраняется дистанция во взаимоотношениях с другими этносами (и в первую очередь с русскими) турки-месхетинцы должны были бы уже ассимилироваться и раствориться в местном населении, но этого не происходит.

Итак, подведем некоторые итоги. Народ, который в XIX и XX вв. вплоть до ферганских событий многими идентифицировался по конфессиональному признаку как “мусульмане из Грузии” за короткое время в начале 90-е гг. прошлого века обрел этническую коннотацию и стал называться “турки-месхетинцы”, хотя формирование его этнической единицы произошло еще в XIX в. В результате миграции в Россию и Азербайджан произошли за последние 20 лет схожие процессы – и в первом, и во втором случае представители этого народа в подавляющем большинстве столкнувшись с неприятием местных властей меняют свою этническую самоидентификацию и ради скорейшей и полной адаптации на новых местах проживания принимают другое этническое обозначение – в России “турки”, в Азербайджане – “азербайджанцы”.

Эмигрировавшие в США и Турцию без особого социального напряжения легко и быстро принимают самоназвание “турки”. С другой стороны среди различных возрастных групп самих “турок-месхетинцев” весьма размыто понятие и определение “родина”. Молодежь, несмотря на крепкие родственные связи и авторитет старшего поколения, часто под “родиной” понимает фактическое место проживания, а Месхети где-то там в Грузии превращается в символ “родины предков”.

Литература

1. Азатян Г.Г. Судьбоносные договора / Г.Г. Азатян. – Ереван: Изд. НАН Армении, 2000. – 112 с., 7 карт. **2. Бараташвили М.** Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии / М. Бараташвили. – Тбилиси: Изд. Инфрмагентство USIA, 1998. – 67с. **3. Бугай Н.Ф.** Кавказ: народы в эшелонах / Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. – Москва: Изд. Дом “Росс”, 1998. – 256 с. **4. Вахушти Багратиони.** История царства грузинского / Пер. и изд. Н.Т. Накашидзе – Тбилиси: Изд. “Мецниереба”, 1976. – 334 с. **5. Депортация народов СССР (1930-1950 гг.).** – Москва: Изд. “Мемориал”, 1992. – Ч. 1. – 262 с. **6. Демографический ежегодник России.** 2010. – Москва: Изд. ФСГС, 2011 – 224 с. **7. Корюшкина Е.** США: переселение за океан / Е. Корюшкина, С. Свеедлов // В кн.: Турки-месхетинцы – Санкт-Петербург:

Изд “Алетейа”, 2007. – С. 261-295. **8. Народы России:** атлас культур и религий – Москва: Изд. РАН, 2009. – 318 с. **9. Турки-месхетинцы.** Интеграция, репатриация, эмиграция. – Санкт-Петербург: Изд “Алетейа”, 2007. – 456 с. **10. Турки-месхетинцы:** долгий путь к реабилитации. Сб. докум. / Ред. Н.Ф. Бугай. – Москва: Изд. Дом “Росс”, 1994. – 482 с. **11. Атлас** социально-политических проблем, угроз и рисков юга России / Ред. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ, 2008. – 260 с. **12. Первая** Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центрального Статистического комитета МВД, 1905. – Т. 69. – 392 с. **13. Энциклопедия** культур народов юга России. – Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ, 2005. – Т. 1. – 242 с. **14. Юнусов А.** Месхетинские турки: дважды депортированный народ / А. Юнусов. – Баку: Изд. “Заман”, 2000. – 165 с. **15. Meskhetian Turks:** Solutions and Human security / Ed. T. Diamond. – New York: The Open Society Institute, 1998. – 72 p. **16.** <http://www.gks.ru/freedoc/newsite/perepis2010/croc>.

УДК 930.2 = 411.21 : 28

Мещерякова Д. И. (Луганск)

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА О МУСУЛЬМАНИНЕ- ВЕРООТСТУПНИКЕ В «ВАФАЙАТ АЛ-А'ЙАН ВА-АНБА' АБНА' АЗ-ЗАМАН» ИБН ХАЛЛИКАНА

«Вафайат ал-а'йан ва-анба' абна' аз-заман» («Некрологи знатных лиц и заметки об их современниках») Ибн Халликана образцом универсального биографического словаря. Ахмад ибн Мухаммад ибн Ибрахим Абу ал-'Аббас Шамс ад-дин ал-Бармаки ал-Ирбили аш-Шафи'и родился в 608/1211 г. в Ирбиле и умер в Дамаске в 681/1282 г. Ибн Халликан завершил работу над *Вафайат* в 672/1274 г. В словаре впервые в истории жанра биографии была предпринята попытка, представить историю арабо-мусульманского общества в жизнеописаниях наиболее активной части ее персонажей, обозначив тем самым полную идентификацию биографии и истории. Как пишет автор, к ее созданию автора призвало страстное увлечение «изучением сообщений о древних, о тех, кто были знаменитыми, о датах кончин и рождений тех, кого собрала воедино каждая эпоха» Биографические сведения автор заимствовал из письменных и устных источников, но при этом ему был характерен определенный избирательный подход к отбору персонажей. При составлении своего биографического свода Ибн Халликан воспользовался информацией 170 источников.

В данном сочинении, наряду с мусульманами, упоминаются сведения о более десятка последователях христианства, ставших известными в разных сферах деятельности в странах Халифата. Среди упоминаний о христианах уникальным является сообщение об Ибн Сака'. Заметка о нем включена в другую биографию – Йусуфа ибн Вахир ал-Хамазани. Включения информации о других, второстепенных персонажа является характерным для Ибн Халликана. Ал-Хамазани проповедовал в медресе ан-Низамийа в Багдаде в 550/1155 г. Но интересна не сама биография ал-Хамазани, а сюжет о факихе по прозвищу Ибн Сака'. По свидетельству Абу ал-Фадла ас-Сафи ибн Абдаллах ас-Суфи, Ибн Сака' задавал неудобные вопросы ал-Хамазани и тот предрек, что Ибн Сака' перейдет из ислама в христианство. В последствии так и произошло. В Багдад к халифу приехал византийский посол и факих попросил его помочь перейти в христианство, Ибн Сака' принял в христианство и переселился Константинополь.

Далее автор приводит сообщение о смерти Ибн Сака' в Константинополе, которое было заимствовано из «Истории Багдада» ал-Наджара. Факих умирал там от изнурительной болезни на скамье. Его увидел там Абд ал-Ислам ибн Ахмад ал-Мукри' и спросил, помнит ли факих строки из Корана, но тот помнил только один аят Корана – «Может быть, пожелают те, которые неверны, стать мусульманами». Это второй аят 15-й суры «ал-Хиджр». Нам представляется, что Ибн Халликан повествует о данной личности в поучительных целях. Во-первых, упоминанием этого эпизода подчеркивается мудрость и проницательность Йусуфа ибн Вахир ал-Хамазани. Во-вторых, поступок к Ибн Сака' – отречение от ислама, вследствие чего он умер на чужбине в одиночестве, является назидательным примером для мусульман.

Для нас представляется важным факт о переходе Ибн Сака' из ислама в христианство и содействие, оказанное ему в этом, в этом со стороны византийского посла, явствующий, что в этот период во взаимоотношения Арабского Халифата и Византии соблюдались принципы неприкосновенности послов и экстерриториальности. Случаи отказа от веры в исламском мире в тот период были редкостными, ибо такие поступки карались смертной казнью. А вмешательство в данный инцидент представителя византийской дипломатии и благополучный исход Ибн Сака' из столицы Халифата можно объяснить как следствие снижения напряженности между Багдадом и Константинополем в данный период.

Микульский Д.В. (Москва)

**ИБН ХАЛДУН О НАШЕСТВИИ НА СЕВЕРНУЮ АФРИКУ
АРАБСКИХ ПЛЕМЕН БАНУ ХИЛАЛ И БАНУ СУЛАЙМ И ОБ
ЭПОСЕ, ПОВЕСТВУЮЩЕМ ОБ ЭТОМ НАШЕСТВИИ**

Одним из основополагающих событий средневековой истории ал-Магриба является нашествие арабских кочевых племен бану хилал и бану сулайм, произошедшее в одиннадцатом столетии. Эта миграция существенно изменила этнокультурный облик региона и способствовала его арабизации. Значительная часть современного населения Северной Африки, считающая себя арабами, происходит от бану хилал и бану сулайм [1]. Довольно много бывая в последнее время в Алжире (в ноябре 2012 г. вернулся из пятой командировки в эту страну), я всякий раз воочию убеждаюсь в том, насколько важен для алжирцев сам факт присутствия «хилалитского» элемента в современном алжирском социуме, причем это обстоятельство получает до сих пор весьма неоднозначную оценку.

Важнейшим источником сведений об обстоятельствах миграции бану хилал и бану сулайм в ал-Магриб являются исторические сочинения великого североафриканского мыслителя Ибн Халдуна (1332 – 1382 гг.) [2] *ал-Мукаддима* и *Китаб ал-ибар...* (называемая также *Тарих Ибн Халдун*). Для подготовки настоящей статьи я пользовался электронной версией девятитомного издания этих двух неразрывно связанных между собою сочинений, осуществленного ливанским издательством *Дар ал-фикр* в 2000-2001 годах под редакцией Халила Шаххады и Сухайла Закара на основе ряда рукописей, как о том указано на титульном листе издания (правда, эти манускрипты не называются). Данная электронная версия была мне предоставлена нашей петербургской коллегой, кандидатом исторических наук, старшим преподавателем востфака Санкт-Петербургского университета М. Ю. Илюшиной [3].

Рассмотрев совокупность материалов Ибн Халдуна о нашествии бедуинов на ал-Магриб, я пришел к выводу, что эти материалы распадаются на ряд тематических блоков.

**Тематические блоки в «Истории» Ибн Халдуна, посвященные
нашествию бану хилал и бану сулайм**

№/п	Тема	Количество сообщений	Объем строк
1.	Сведения этнографического	17	148,5

	характера		
2.	Военные действия	9	62,5
3.	Политические мероприятия	16	56,0
4.	Грабеж в ходе нашествия и прочих войн	8	36,5
5.	Миграции арабских и берберских племен	8	34,0
6.	События дипломатической жизни	3	11,0
7.	Усобицы между подразделениями бану хилал и бану сулайм	2	8,0
8.	Авторские ремарки	2	6,0
9.	Характеристика исторических личностей	2	5,5
10.	Строительная деятельность	1	3,5

Показательно, что преобладает информация этнографического характера. Значит, магрибинский мыслитель испытывал к землякам-бедуинам прежде всего этнографический интерес.

Среди материалов Ибн Халдуна, связанных с нашествием бану хилал и бану сулайм, значительное место занимают сведения и рассуждения, касающиеся поэзии и поэтического искусства. Это было связано с тем, что потомки бедуинов, совершившие разорительную перекочевку в Северную Африку в середине одиннадцатого столетия, являлись в эпоху великого мыслителя и историка носителями живой поэтической традиции, отличной от традиции так называемого классического стихотворного искусства. Теоретические рассуждения на эту тему были помещены автором в *ал-Мукаддиму*, где он также демонстрирует образцы бедуинских стихотворений. Что же касается «Истории», то и там имеются подобные стихотворные отрывки, приводимые составителем этой книги по различным поводам.

В шестидесятой главе *ал-Мукаддимы*, посвященной поэтическому искусству (*Фи аш'ар ал-'араб ва ахл а-амсар фи хаза-л-'ахд*), Ибн Халдун пишет: «Когда язык мудар (о есть, арабский – Д. М.) испортился, выработали арабы себе другой, отличный язык. Сложился другой язык и у горожан. Язык этот отличается от прежнего отсутствием *и'раба*. Другое его отличие – лексика (*мусталахат*). Лексика различна в разных странах – на Востоке, в ал-Магрибе, в ал-Андалусе» [4]. На этом языке, продолжает Ибн Халдун, сочиняется особая поэзия. В подобных стихотворениях (сравнительно с классическими) изменена просодия, но стихотворные

жанры остаются прежними – *насиб, мадх, риса', хиджа'*. Чаще всего такие стихотворения начинаются с имени стихотворца, которому они приписываются («Говорит такой-то...») [5]. У городских жителей (по всей видимости, в ал-Магрибе) подобные стихотворения (касиды) получили наименование *ал-асма'иййат*, в честь знаменитого арабского филолога ал-Асма'и (ум. 828) [6]. На Востоке же арабского мира стихи подобного жанра именуется *ал-бадави, ал-хаурани* и *ал-кайси* [7]. Подобные стихотворения, продолжает магрибинский философ, зачастую перекладываются на музыку, а музыкально-стихотворный стиль, присущий им, называется *ал-хаурани*, в честь сирийской и иракской исторической области Хауран (ныне располагается на юге Сирии) [8], где обитают кочевые арабы. Такие стихотворения обладают особой системой рифмовки. Бедуины, сочиняющие подобные стихи, проявляют в них высокую степень выразительности. Среди авторов подобных стихов имеются как корифей-классики (*фухул*), так и эпигоны (*мута'аххирун*) [9]. Современные Ибн Халдуну ученые, в особенности языковеды, взирают на такую поэзию с высокомерием, полагают ее безвкусной. Ученые эти, считает Ибн Халдун, неправы. Они утратили языковое чутье, а то бы оценили по достоинству подобное поэтическое искусство. Ведь с утерей *и'раба* не утеряны присущие поэтическому искусству вкус и выразительность, то есть «соответствие слов тому, то имеется в виду». Выразительность в «новой» поэзии проявляется через контекст (*кара'ин ал-калам*), а не через *и'раб*. Степень же выразительности определяется согласным мнением знатоков, а не правилами, установленными грамматистами. Ибн Халдун полагает, что все исконные поэтические приемы и поэтические жанры присущи и этому, новому, бедуинскому стихотворному искусству, однако в этих стихах отсутствуют знаки *и'раба* в конце слов. Большинство слов в стихотворениях такого стиля не имеют «конечных флексий», а «подлежащее и сказуемое» в них различается по контексту, а не знаками *и'раба* [10].

Далее Ибн Халдун приводит тринадцать образцов бедуинского стихотворного творчества. Из них четыре стихотворных отрывка представляют собой образцы определенных жанров «новой» поэзии (*риса', 'итаб, газал*). Причем, пять образцов безымянны; сочинителями же прочих названы конкретные лица, в том числе и современники магрибинского мыслителя [11].

Помимо того, Ибн Халдун включает три бедуинских поэтических отрывка в повествование о «деяниях» бану хилал и бану сулайм в Северной Африке, излагаемых в «Истории», – один (3 байта, то есть, стихотворные строки) в сообщении о военных действиях [12] и два (3 и 2 байта) в отрывок этнографического характера [13]. Необходимо также отметить, что в одном

из отрывков тематического блока, посвященного политике, имеются сведения о том, что альмохадский халиф 'Абд ал-Му'мин (1130 – 1163 гг.) [14] обращался к хилалийцам с поэтическими посланиями [15]. Думается, что такие послания могли составляться на языке, понятном бедуинам, и в стиле, приемлемом для них [16].

Таким образом, Ибн Халдун показывает не только художественную сущность «новой» поэзии, но и демонстрирует, что, несмотря на отвержение улемами, она играла значительную роль в общественной жизни ал-Магриба в одну из сложнейших эпох его истории.

Однако самым интересным для меня во всем этом конгломерате материалов является то обстоятельство, что и в *ал-Мукаддима*, и в «Истории» Ибн Халдуна имеются сведения о знаменитом хилалитском эпосе. На мысль о рассмотрении связанных с *Сират бани хилал* материалов Ибн Халдуна меня натолкнул ливийский исследователь устных версий этого эпоса 'Али Мухаммад Бурхана. Он отмечает, что в обоих исторических сочинениях магрибинского мыслителя содержатся упоминания многих персонажей *Сирь*. Правда и самих этих персонажей, и касающиеся их сведения 'А. М. Бурхана полагает вполне историчными и не о каком «протоэпосе», упомянутом у Ибн Халдуна, не мыслит [17]. Возможно, в этом проявился «гиперисторизм» нашего ливийского коллеги.

Далее, лично знакомый автору этих строк алжирский исследователь ныне бытующих в его стране версий *Сирь* 'Абд ал-Хамид Бурайу отмечает в одной из своих работ, что Ибн Халдун упоминает о существовании в его эпоху хилалитского эпоса, однако приводит лишь один факт из «Истории» североафриканского мыслителя касательно этого, но далеко не всю совокупность имеющихся у него сведений [18]. Наконец, в недавней устной беседе с 'А. Бурайу мне удалось выяснить, что, по его мнению, первым, кто обратил внимание на сведения о *Сире*, содержащиеся в двух важнейших трудах Ибн Халдуна, был ныне уже покойный египетский исследователь арабского фольклора 'Абд ал-Хамид Йусуф, труд которого остается мне пока недоступным. Поэтому я и решил посвятить настоящую статью рассмотрению всей совокупности фактов, приводимых Ибн Халдуном, касательно хилалитского эпоса.

Так вот, Ибн Халдун сообщает о том, что у бану хилал имеются известия о сражениях их с ас-санхаджа [19] в Барке (территория современной Ливии) и о речах шиитов (то есть, исмаилитов) в Египте [20]. Далее, магрибинский мыслитель отмечает, что бану хилал весьма странным образом повествуют о том, каким образом они отправились в ал-Магриб. Им было нужно, чтобы с ними завоевывать дальние страны отправилась сестра одного из хилалитских эмиров, Хасана б. Сархана, красавица ал-Джазийя, вышедшая замуж за владетеля Хиджаза аш-Шарифа б. Хашима.

Для этого они обманым путем увозят ал-Джазию с собой. Та же впоследствии затосковала по покинутому мужу и умерла от любви к нему [21]. Подобный эпизод имеется и в существующих ныне рукописных и печатных версиях *Сирь*. Правда, в этих версиях ал-Джазийя гибнет в последующей расправе, охватившей хилалийцев, а не от тоски по аш-Шарифу б Хашиму (которого Ибн Халдун считает безусловно историческим персонажем) [22]. Но, более того, далее наш автор дает развернутую характеристику сказаний об ал-Джазии, бытовавших в его время среди хилалийцев. Они, пишет историк, передают известия о ней, и эти известия затмевают истории о любовных страданиях знаменитых узритских поэтов Кайса [23] и Кусаййира [24]; хилалийцы читают приписываемые ал-Джазии стихи. Среди этих стихов имеются выразительные и искусственные. Как бы то ни было, доверять ни этим стихам, ни связанным с ними преданиям не стоит, ибо они не содержат точных имен исторических деятелей и подлинных сведений о сражениях и прочих событиях [25].

Крайне интересна в связи с этим приводимая издателями памятника запись на полях одной из рукописей, легших в основу печатной версии исторических трудов Ибн Халдуна, с которой мне доводится иметь дело. Эта запись принадлежит одному из читателей рукописи, который, по всей видимости, жил в девятнадцатом веке: «[Имеет] история об Абу Зайде (одном из героев *Сирь* – Д. М.), что рассказывается в каирских кофейнях (*кахава Миср*), корень свой в том событии, как указал на это сочинитель. Искал я много подтверждений тому в исторических трудах, но обнаружил только в этом месте. Да помилует Аллах сочинителя, ибо объяснил он многие основы, в коих нуждается всякий, кто рассматривает историю. Написал Хасан ‘Аттар» (правда, издатели не сообщают, на основе какой именно рукописи было осуществлено издание) [26]. Таким образом, проблема генезиса *Сирь* волновала ее слушателей и читателей Ибн Халдуна еще в весьма стародавние времена.

Далее, Ибн Халдун упоминает усобицу между подразделениями бану хилал, охватившую их после завоевания ал-Магриба, в связи с которой упоминает ал-Джазийя и ее брат Хасан б. Сархан [27]. Подобная усобица составляет основу одного из последних эпизодов печатных версий *Сирь* [28].

Помимо того, наш автор отмечает бытование у бану хилал неких преданий, в которых упоминаются знаменитые их витязи, участники похода в Северную Африку [29].

И, наконец, в *ал-Мукаддиме* приводятся, в качестве образцов бедуинского поэтического творчества, три стихотворения, приписываемые персонажам *Сирь*: два – аш-Шарифу б Хашиму (20 байтов и 5 байтов) и

одно – Са‘де; в эпосе это дочь главного противника бану хилал, владельца Туниса аз-Зинати Халифы (на самом деле он был одним из вождей зената [30] Абу Са‘да ал-Йафрури и сражался против пришельцев в Ифрикии (Современном Тунисе) и Среднем ал-Магрибе (современном Алжире) (8 байтов) [31]; в этом стихотворном пассаже Са‘да оплакивает гибель своего родителя; аналогичная по тематике и стилистике заплачка имеется и в печатных версиях *Сирь*) [32]. Еще один отрывок, безымянный (9 байтов), повествует о походе бану хилал в ал-Магриб и об одолении ими зената [33].

Таким образом, приведенная нами вся совокупность материалов, касательно нашествия бедуинов бану хилал и бану сулайм на Северную Африку, расселения их там и бытования на новой родине их словесной культуры, содержащихся у Ибн Халдуна, безусловно свидетельствует о том, что этот гениальный человек был не только великим мыслителем, но и замечательным фольклористом, благодаря которому мы воочию видим непрерывную связь современной народной культуры Северной Африки с ее весьма давним прошлым. Эта особенность, сохранения старинных, а порой и древних традиций в сегодняшнем переменчивом мире, представляет собой основополагающую особенность как простонародной, так и «высокой» культуры не только Северной Африки, но и всего арабского мира. Что и вызывает неподдельное восхищение у автора этих строк.

Литература

1. **Бану хилал и бану сулайм** – два родственных северо-арабских племени, изначально обитавших в ал-Хиджазе. В VIII в. ряд семейно-родственных групп обоих племен переселился в Египет. В середине XI в., как гласит историческое предание, по наущению фатимидского вазира ал-Йазури, бану хилал и бану сулайм совершили разорительное нашествие на Северную Африку, где к тому времени государство Зиридов отложилось от Фатимидского халифата. Idris H. R. Hilal; Lecker M. Sulaym // Encyclopaedia of Islam. CD ROM Edition (далее – EI CDR). 2. **См.** о нем.: Talbi M. Ibn Khaldun, Wali al-Din ‘Abd al-Rahman / M. Talbi // EI CDR. 3. [Ибн Халдун]. Мукаддимат Ибн Халдун (Мукаддима Ибн Халдуна). – Бейрут: Дар ал-Фикр ли-т-тиба‘а ва-н-нашр ва-т-таузи‘, 2001; 3. [Ибн Халдун]. Тарих Ибн Халдун (История Ибн Халдуна). – Бейрут: Дар ал-Фикр ли-т-тиба‘а ва-н-нашр ва-т-таузи‘, 2000. – Т. II-VII (первым томом издания считается том, содержащий ал-Мукаддиму). – Т. VIII – Фахарис Тарих Ибн Халдун. – Бейрут: Дар ал-Фикр ли-т-тиба‘а ва-н-нашр ва-т-таузи‘. 4. **Ибн Халдун.** Ал-Мукаддима. – С. 805. 5. **Ибн Халдун.** Ал-Мукаддима. – С. 805-806. Интересно отметить, что в имеющемся в нашем распоряжении издании одного из популярных так называемых арабских народных романов Сират бани хилал («Эпос о бану хилал»; см. наиболее полное обозрение этого

произведения и посвященной ему научной литературы: Фильштинский И. М. История арабской литературы X-XVIII века / И. М. Фильштинский. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 627-632. См. также: Schleifer J. La geste de Banu Hilal / J. Schleifer. Hilal // Encyclopedie de l'Islam. Nouvell Edition... Т. III. Livraison 47-48. Leiden-Paris: E. J. Brill – Editions G.-P. Maisonneuve & Larose S.A., 1967. – P. 399-400; Единственной отечественной работой, посвященной *Сират бани хилал*, является кандидатская диссертация Д. И. Онаевой (Онаева Д. И. «Сират бани хилаль» – характерное произведение позднесредневекового эпоса / Д. И. Онаева. Автореф. дис... к. филол. н. – М., 1974) практически все стихотворные отрывки произносятся персонажами *Сир* от первого лица (собственно говоря, это та часть эпопеи, где повествуется о походе хилалийцев в ал-Магриб): Тагрибат бани хилал ва рахилухум ила билад ал-Гарб. – Дамаск: Дар ал-Карм, [б. г.] – С. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 et passim. 6. **Lewis B.** al-Asma'I / B. Lewis // EI CDR. 7. **Ибн Халдун.** Ал-Мукаддима. – С. 806. 8. **Sourdel D.** Hawran / D. Sourdel // EI CDR. 9. **Там же.** 10. **Ибн Халдун.** Ал-Мукаддима. – С. 806-807. 11. **Там же.** – С. 807, 808, 809, 810, 811, 812-814, 814-816. 12. **Ибн Халдун.** Тарих. – Т. VI. – С. 21. 13. **Там же.** – С. 23-24. 14. **См.** о нем: Levi-Provencal E. 'Abd al-Mu'min / E. Levi-Provencal // EI CDR. 15. **Ибн Халдун.** Тарих, т. VI. – С. 28. 16. **Мнение** том, что Ибн Халдун является первооткрывателем образцов поэтического искусства на специфическом бедуинском койне, по всей видимости, довольно широко распространено в современной арабской культуре. См. об этом: Аш-Ши'р ан-набати // Маусу'ат ал-кувайт ал-'илмийя ли-л-атфал. Ал-Джуз' ал-хадй'ашар... Даулат ал-Кувайт. Му'ассасат ал-Кувайт ли-т-такаддум ал-'илми. Идарат ал-машари' би-т-таклиф, 1420 х. / 2000 м. – С. 2718. В упоминаемой статье объясняется, что «набатейская» поэзия – это бедуинская поэзия, бытующая и в нынешние времена. 17. **Сират бани хилал** (захира адабийя). Дираса адабийя лугавийя мукарина. И'дад у. (ал-устаз) д. (ад-дуктур) 'Али Мухаммад Бурхана. Маншурат куллийат ал-адаб ва-т-тарбийя биджами'ат Сабха. [Себха], 1994. – С. 122-149. 18. **Бурайу 'А.** Фи-с-сакафа аш-ша'бийя ал-джаз'ирийя. Ат-Тарих ва-л-кадайя ва-т-таджалийат (макалат ва хиварат). – [Алжир]: Editions Viscera, 2011. – С. 181. 19. **Санхаджа** – крупнейшая, наряду с зената (заната; см. ниже), племенная группировка берберов. Обитала в Иффрики (современный Тунис) и Среднем ал-Магрибе (современный Алжир). Часть санхаджа издревле вела оседлый образ жизни. В эпоху средневековья вожди санхаджа образовали на территории Северной Африки ряд государств. Chantal de la Veronne. Sanhadja // EI CDR. 20. **Ибн Халдун.** Тарих, т. VI. – С. 23. 21. **Там же.** – С. 25. 22. **См.** об этих эпизодах в *Сире*: Курайш Рузалин Лайла. Муфахрасат Сират бани хилал ал-кубра би-л-и'тимад 'ала тибат

мисриййа ва лубнаниййа мукаввана мин бакайя-л-махтутат аш-шамиййа ал-аслиййа. Ал-Джуз' ас-сани. Ат-Тагриба. – [Алжир]: Диван ал-матбу'ат ал-джами'иййа, 2010. – С. 30, 252. 23. **Ибн Халдун** может иметь в виду либо Кайса б. Зариха, воспевавшего Лубну, либо Кайса б. ал-Мулавваха б. ал-Му'азза (Безумца из-за Лайлы). Оба поэта жили в VII в. См. о первом из них: Ibn Qotaiba. Liber poesis et poetarum. Quem ed. M. J. De Goeje. Lugduni batavorum. E. J. Brill, 1904. – P. 362, 363, 399-400; о втором же: Pellat Ch. Madjnun Layla // EI CDR. 24. **Кусаййир** (ум. 723) – поэт эпохи Омейядов, воспевавший 'Аззу. См. о нем: Ihasan 'Abbas. Kuthayyir b. 'Abd al-Rahman // EI CDR. 25. **Ибн Халдун**. Тарих, т. VI. – С. 25. 26. **Ибн Халдун**. Тарих, т. VI. – С. 25, примеч. 1. 27. **Ибн Халдун**. Тарих, т. VI. – С. 31. 28. **Курайш Р. Л.** Указ соч. – С. 246-260. 29. **Ибн Халдун**. Тарих. Т. VI, с.22 – 23; 24 – 25. 30. **Зената** (заната) – одна из двух (наряду с санхаджа) крупнейших племенных групп берберов. Средневековые арабские историки приписывали зената родословную, восходящую к ветхозаветным персонажам. Вели, главным образом, кочевой образ жизни. Marçais G. Zenata // Enzyklopaedia des Islam. Band IV. Leiden – Leipzig. Verlagsbuchhandlung vormals E. J. Brill – Otto Harrassowitz, 1936. – S. 1324-1325. 31. **Ибн Халдун**. Ал-Мукаддима. – С. 807-808. См. об Абу Са'да ал-Йафури: Бурхана 'А. М. Указ. соч. – С. 157. 32. **См.**, например, имеющееся в нашем распоряжении издание: Тагрибат бани хилал. – С. 260. 33. **Ибн Халдун**. Ал-Мукаддима. – С. 808-809.

УДК 930.2: 94(35)

Налбандян А.А. (Ереван)

РОЛЬ ДОЛЖНОСТЕЙ ВЕКИЛЯ, СЕПАХСАЛАРА И ВЕЛИКОГО ВЕЗИРА В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ СЕФЕВИДСКОГО ИРАНА

Как известно, в 1501 г. Исмаил Сефевид захватил Тавриз, уничтожил султана Алвенда из династии Ак-Коюнлу и провозгласил себя шахом нового персидского государства Сефевидов [2, с. 253; 3, с. 242].

При первых правителях Сефевидов – шахе Исмаиле и шахе Тахмаспе, происходит становление государственного аппарата и упорядочение системы управления в Иране. В системе административного управления государством Сефевиды многое заимствовали у прежних иранских государственных образований, но при этом мы видим возрастание роли и значения одних должностей, а также появление некоторых новых, ранее неизвестных. Так, наследник престола главы государства еще со

времен Сельджукидов имел титул “валиахд” [8, с. 25; 3, с. 123]. Теперь к его имени стали добавлять “Мирза”-Хамза-Мирза, Аббас-Мирза и т. д.

В XI в. при Сельджукидах в Иране появилась должность “*векил-дара*”, который служил как-бы посредником между султаном и великим везиром, являлся главным камергером двора правителя [8, с. 23-24]. В период правления монгольских Хулагидов (XIII-XIV вв.) и позже уже в государствах Кара-Коюнлу (1410-1468 гг.) и Ак-Коюнлу (1453-1503 гг.) эта должность фактически сохраняется, но несколько изменившись в написании, теперь она произносится и пишется как “**ВЕКИЛ**” и функции ее значительно расширяются [1, с. 102; 3, с. 274].

Уже при последних правителях Ак-Коюнлу – султане Якубе (1478-1490 гг.) и его молодых наследниках Байсункуре (1490-1492 гг.), Рустамбеке (1492-1497 гг.) и Алвенде (1498-1501 гг.) векили становятся и воспитателями, и наставниками, и советниками неискушенных в управлении государственным делами молодых правителей [13, с. 22; 11, с. 19-20]. Фактически они выполняли в это время роль регента в государстве и при шахе Исмаиле I Сефевиде (1501-1524 гг.) эта роль за ними сохраняется. Уже первый Сефевидский правитель не любил заниматься каждодневными делами государства и чаще всего перепоручал их векилу [21, с. 128; 16, с. 176].

Первым векилом в государстве Сефевидов стал воспитатель шаха Исмаила Хусейн-бек Леле Шамлу, но очень скоро эта должность была передана персидскому аристократу Наджму Гиляни из старинного рода богатых землевладельцев. Когда он умер, через два года на его место векилом был назначен другой иранец по имени Яр-Мухаммед Хузани, выходец из юго-западного Ирана.

Это Наджм Гиляни впервые ввел порядок, согласно которому все фирманы (указы) шаха должны были с обратной стороны быть скреплены печатью шаха, иначе они не имели силы документа [5, с. 114-115; 19, р. 78-79]. Он же фактически подчинил службе векила управление финансовыми вопросами [15, с. 317; 5, с. 114-116]. Векили теперь получили право хранить печать (хотя за ее хранение при дворе отвечал другой чиновник-туграи) и сами могли ставить ее на всякие документы. Такой порядок сразу увеличивал авторитет и значение должности векиля. Наджм Гиляни, вероятно, не без согласия шаха Исмаила, резко ограничил право эмиров кочевых кызылбашских племен вмешиваться в вопросы распределения собранных в государстве налогов и поставил этот вопрос под контроль векила. Источник сообщает, что “за короткое время Наджм Гиляни приобрел большой авторитет и доверие шаха, и, будучи назначен *векилат-е нафс-е нафис-е хумаюн* (полное наименование должности векила. – А. Н.), он взял на себя полную независимость в административных и финансовых

вопросах, и тем самым, приобрел власть и положение, которыми превзошел всех эмиров и знатных людей страны” [10, 4, р. 123, 491].

Когда в 1510 г. шах Исмаил назначил новым векилем Яр-Мухаммеда Хузани за ним сохранились все функции векиля и такой порядок в государстве Сефевидов сохранялся еще более 100 лет. Яр-Мухаммед получил от шаха лакаб “Набжм-е Тани” (“Бесподобный”) и сумел сблизиться с шахом настолько, что ему же часто давалось право пользоваться титулом *амир аль-умара* и долгое время, до периода правления шаха Аббаса I (первая треть XVII в.), обе эти должности стали восприниматься как равнозначные и каждый векиль считался очередным амиром аль-умара (“эмир всех эмиров”. – А. Н).

И только при шахе Аббасе I (1587-1629 гг.) была введена новая должность вместо векиля в государственном аппарате – “*эттимад ад-доуле*” (“доверенное лицо государства”). Наджм Тани (Яр-Мухаммед) был не очень инициативным или умелым чиновником. Хотя ему и удалось за короткое время (1510-1515 гг.) сколотить огромные богатства и он содержал за свой счет войска численностью более 5 тыс. всадников [10, р. 501, 526; 15, с. 617-619]. После Чалдыранского поражения в 1514 г. от турецкой армии шах Исмаил так запустил государственные дела, что даже нового векиля не назначал несколько лет. Затем векилом становится Мирза Хусейн Эсфагани, реальная власть которого была более влиятельной, чем всех кызылбашских эмиров племен [18, р. 254; 19, р. 78]. После смерти шаха Исмаила в 1524 г. новый шах Тахмасп назначил векилом Чайан-султана Устаджлу, а затем Див-султана Румлу. В 1535 г. шах Тахмасп назначил векилом иранца Кади-Джахана, который пробыл на этой должности 11 лет, а затем с 1552 г. новым векилом стал Мас’ум-бек Сафави, занимавший в течении 15 лет должность векиля [14, 1, р. 223; 6, с. 88].

При недолгом правлении шаха Исмаила II (1576-1577 гг.) и затем шахе Худабенде (1577-1587 гг.) сначала векиля не назначали, а потом шах Худабенде назначил Абу Талиба Мирзу на два года и еще на два года после него Муршид-Кули-хана (1586-1588 гг.). Но как только к власти пришел шах Аббас I, он перестал назначать векилей [20, р. 601-602; 14, 1, р. 255]. Вместо векиля он назначил *эттимад ад-доуле* и первым стал Мирза Шахвели из Хорасана [4, с. 33; 12, р. 77].

Однако это не означает, что должность векиля в государстве Сефевидов была забыта и больше никогда не использовалась. После смерти в 1629 г. Шаха Аббаса I снова был назначен векиль – им стал Зейнал-хан Шамлу (1629-1631 гг.). После него почти 80 лет векилей в государстве Сефевидов не назначали, пока в 1722 г. сбежавший из Исфагана шах Тахмасп II не назначил в Мазандаране своего векиля – им стал Мирза

Абдаллах, иранец местного происхождения, а затем Фатх-Али-хан Каджар, убитый Надир-ханом в 1726 г. [16, с. 141, 145; 20, р. 614]. Интересно, что сам Надир-хан, на пути к узурпации шахской власти, посчитал для себя удобным занять должность векиля в 1730-1732 гг. [16, с. 189].

Различные исследователи видят в должности векиля разный диапазон полномочий и обязанностей. Так, Р. Сейвори утверждал, что векили являлись в государстве Сефевидов также и духовными наставниками шахов, их советниками в вопросах религии и веры [20, р. 602-603; 19, р. 78-79]. В свою очередь, некоторые другие авторы называют должность векиля, которая в нескольких провинциях Ирана обозначалась термином “*джанешин*”, необходимой шаху в качестве его заместителя, ежедневно занимающегося рутинными бумажными делами, чтением и составлением ответов на многочисленные письма и жалобы ко двору от подданных [5, р. 114; 12, р. 77].

Должность **амир аль-умара** часто воспринималась в XVI в. в государстве Сефевидов как продолжение функций и обязанностей векиля, но в военном отношении. Позже эта должность обозначалась как “*сепаксалар*” – “главнокомандующий армией” [20, р. 599; 8, с. 42]. С начала истории государства Сефевидов первое время эмиры кочевых племен играли самую заметную роль в жизни государства. Однако, как правило, эмиры кызылбашей не вели борьбу за должности везирей или глав диванов (прообраз министерств. – А. Н.), а вот должность амир аль-умара всегда была для них привлекательна и они очень болезненно реагировали, когда шахи во второй половине XVI в. стали часто присваивать этот титул очередному векилю. Эмиры кочевых племен считали что эту должность должен занимать один из них.

Шах Тахмасп старался ослабить влияние векилей и он первым стал отдельно назначать амир аль-умара, а после него в конце XVI в. чаще эту должность стали обозначать термином сепаксалар. В его обязанности входило поддержание боеспособности войск, соблюдение порядка во время военных походов, построение армии на поле битвы и в отсутствие шаха он командовал всеми маневрами и передвижениями войск в военных действиях [20, р. 604-607]. Сепаксалар нес персональную ответственность перед шахом за исход того или иного сражения и состояние войск.

Шах Тахмасп учредил должности беглярбеков (генерал-губернаторов. – А. Н), которые должны были часть полномочий сепаксаларов взять на себя, особенно в пограничных с Османской турецкой империей, областях Ереванского ханства, Нахичеванского ханства и Гянджинского ханства [6, с. 105-106; 19, р. 74]. Поэтому в XVII в. часто

можно встретить в документах упоминание о том, что какой-то беглярбек одновременно является и амир аль-умара или сепаксаларом шаха.

С началом правления шаха Аббаса I чаще стал употребляться термин сепаксалар вместо амир аль-умара. Уже в XVII в. сепаксалары считались заместителями или **наибами** и везирей и **куллар-агаси** (начальника гвардии шаха). Первым амир аль-умара в 1501-1508 гг. был Хусейн-бек Леле Шамлу, затем эту должность занимали в 1509-1515 гг. Наджм Гиляни, Наджм Тани, Мир Абдул Нематоллахи, а Див Султан Румлу с 1524 г. по 1527 г. был и векилем, и сепаксаларом Ирана (амир аль-умара), и беглярбеком Диарбакыра [15, с. 181, 319-320]. После 1568 г. долгое время эта должность никому не давалась, но шах Аббас I снова возродил ее и с 1616 г. по 1626 г. сепаксаларом Ирана считался армянин Карчигай-хан. В то же время, корпус гулямов, фактически, создал и возглавил другой армянин – Аллахверди-хан (1591-1616 гг.). В этот корпус набирали мальчиков из Грузии, Армении и Дагестана. После обращения в мусульманство, их обучали от 6 до 8 лет военному делу, а потом они служили шаху.

После Аллахверди-хана в 1616 г. куллар-агаси (главой корпуса гулямов) был Карчигай-хан. За смелые действия при взятии Ереванской крепости в 1604 г. и дальние рейды по турецким тылам в 1610-1612 гг. до Эрзерума и Малатии, шах Аббас I вознаградил Карчигай-хана еще и титулом сепаксалара [4, с. 37; 3, с. 270]. После убийства в Грузии в 1624 г. во время восстания Георгия Саакадзе Карчигай-хана, шаханшах Аббас I так расстроился, что по сообщению источников целых пять лет не назначал нового сепаксалара Ирана [14, 2, р. 904, 1040; 20, р. 611-612]. И при этом, убитого хана, шах Аббас I приказывал именовать еще несколько лет сепаксаларом Ирана [14, 2, р. 1040].

С 1629 г. сепаксаларом Ирана был назначен Зейнал-хан Шамлу, а с 1631 г. до 1643 г. эту должность занимает Ростом-хан, который одновременно был беглярбеком Тавриза и всего западного Ирана [21, с. 128, 185; 16, с. 177-178].

Затем шесть лет сепаксалара снова не назначали, а с 1649 г. до 1654 г. эту должность занимали несколько лиц по 5-6 месяцев. При шахе Аббасе II (1642-1666 гг.) перестали назначать сепаксаларов, и только в 1690 г. шах Сулейман стал регулярно назначать сепаксаларов. В начале XVIII в. каждые два-три года назначался новый сепаксалар, но это никак не уберегло от гибели государство Сефевидов в 1722 г., когда афганские войска захватили столицу Исфаган и заставили бежать на север, в Мазандаран шаха Тахмаспа II (1722-1732 гг.). Назначенный незадолго до этого последний – 36-й сепаксалар Вахтанг-Мирза, никак не смог противодействовать вторжению в страну афганцев.

Побывавший в Иране французский путешественник Ж. Шарден утверждал, что после 1654 г. сепаксаларов в Иране больше не назначали, а вместо них теперь появилась должность **сардара** (полководца), который и командует армией во время войны [7, с. 322]. То же самое утверждает и другой путешественник и миссионер Рафаэл Дю Ман [17, 2, р. 265, 287]. Но и Ж. Шарден и Р. Дю Ман не знали, что перерыв в назначении сепаксаларов закончится в 1690 г. назначением очередного кандидата, потому что к этому времени они уже в Иране не были. Труд Р. Дю Мана был издан в Париже в 1660 г., а произведение Ж. Шардена, хотя и было опубликовано в 1711 г., но в нем описываются события в Иране до 1690 г.

Мы можем только заметить, что назначения сардаров во время военных действий были временными, и не отменяли назначения очередных сепаксаларов Ирана вплоть до падения столицы Сефевидов в 1722 г. За период с 1690 г. до 1722 г. было назначено более 15 сепаксаларов по подсчетам иранских историков [21, с. 206, 436, 472; 16, с. 148].

Таким образом, получается что с конца XVII в. до первой четверти XVIII в. обе эти должности существовали параллельно в государстве Сефевидов. Последние Сефевиды назначали на восточной границе – в Систане, сепаксаларов с полномочиями защитников границы. Уже при Надир-шахе (1736-1747 гг.) сепаксаларов Ирана перестали совсем назначать.

Не менее интересна роль и значение в государственной системе административного управления сефевидов должность и титул **“великого везира”** – **“вазир аззам”**. Эта должность появилась в VIII в. при арабах и многие ученые считают ее калькой с древнего сасанидского титула и должности **вазург-фраматара** [3, с. 137]. В период Сельджукидов в XI-XII вв. возрастает в государственном управлении роль и значение, авторитет и полномочия *“великого везира”*. Однако в XIII-XV вв. *“великие везири”* были низведены до положения простых исполнителей воли правителей государства, и хотя и в этот период известны выдающиеся представители персидской бюрократии знатного происхождения (достаточно вспомнить колоритную фигуру Рашид ад-дина Фазлуллаха), в целом, однако, большинство везирей этого периода – исполнительные чиновники и не более того. При Сефевидях заметно возрастает авторитет и полномочия власти *“великих везирей”*. При шахе Аббасе I фактически *“великий везир”* был переименован в эттимад ад-доуле, хотя при этом сохранились основные его функции и полномочия [13, с. 84-86; 11, р. 31-32].

“Великому везиру” Сефевидов подчинялся шахский секретариат – *“Назир-е дафтаре Хумаюн”*. Он готовил для ознакомления шахом или другими высшими должностными лицами документы и письма, отчеты о налогах и доносы, докладывал ежемесячно шаху о расходах государства и

закупках для армии оружия и снаряжения [12, р. 41-42; 11, р. 35-36]. "Великий везир" должен был исполнять свои обязанности в тесном контакте с **дивани мамалек** (финансовое и налоговое ведомство) и его главным руководителем *мостауфи ол-мамалек*, а также с ведомством казны – **хассе**, которое возглавлял *мостауфи ол-хассе* [6, с. 91-92; 15, с. 111-113]. Однако, нельзя считать, что основными функциями везирей было составление финансовых отчетов и подготовка документов для представления государю. Нельзя забывать и о дипломатической стороне их деятельности – "великие везиры" вели переписку с иностранными государствами, составляли проекты договоров и соглашений, иногда принимали послов и иностранные делегации еще до того, как они попадали на официальный шахский прием. Как правило, при приемах у шаха "великий везир" сидел слева от шаха и сразу после него. Это подчеркивало его высокое положение при дворе.

Одним из первых везирей Сефевидов в 1514-1523 гг. был Мирза-Шах Хусейн Эсфагани, перс из старинного знатного рода [21, с. 171]. Интересно отметить тот факт, что по примеру Сельджукидов и Газневидов, династия Сефевидов тоже с самого начала "великими везирами" назначала представителей старинной иранской (персидской) аристократии, а эмиры кочевых кызылбашских племен и не претендовали на эту должность. Они, чаще всего, стремились стать векилами или сепаксаларами (амир аль-умара), т. е. чтобы быть ближе к чисто военным вопросам и делам армии. Нужно также отметить и тот факт, что именно "великий везир" у Сефевидов контролировал и направлял деятельность шахского суда – "**Назир-е бойютаг**", хотя он не имел право вмешиваться в процесс судопроизводства и не мог "рекомендовать" вынесение того или иного приговора в суде. Обязанностью "великого везира" было безусловное сопровождение шаха при его выездах из дворца в город, другие провинции, на охоту или на войну. Он же должен был смягчать самые дурные и плохие известия или сообщения и подавать их шаху в благообразном свете. И тут, конечно, очень многое зависело от чувства меры и умения соблюсти этикет, ибо иногда везир мог самое неприятное известие подать шаху в таком благообразном виде, что все плохое из него пропадало и вовсе.

В 1503-1505 гг. "великим везиром" являлся Махмуд-хан Дейлеми, происходивший из г. Казвина [15, с. 110; 16, с. 119]. Он принадлежал к старинной землевладельческой персидской знати. Затем с 1509 г. до 1514 г. "великим везиром" был Камал ад-дин Хусейн Куми [15, с. 110-111], а с 1525 г. до 1531 г. эту должность занимал снова перс по имени Мирза Джафар Саваджи [14, 1, р. 160]. Как правило, "великий везир" занимал свою должность 2-3 года, и затем его сменяли другие.

Из более чем 50 “великих везирей” Сефевидов с 1502 г. до 1731 г. только несколько личностей смогли продержаться на этой должности более длительные сроки. Так, Шейх Али-хан Зангане занимал должность “великого везира” с 1674 г. по 1689 г. на протяжении более 15 лет, а Мирза Тахир Вахид Казвини с 1691 г. до 1699 г. [11, р. 34-35; 7, р. 8], Фатх-Али-хан Дагестани – более 5 лет, с 1715 г. до 1720 г. [11, р. 35]. В списке “великих везирей”, конечно же, выделяется своим долголетним пребыванием на должности Хатем-бек Ордубади, который почти 20 лет (с 1591 г. до 1610 г.) при шахе Аббасе I занимал этот высокий пост [14, 2, р. 1090; 13, с. 53, 65].

“Великий везир”, по наблюдениям европейских путешественников, имел доход во второй половине XVII в. от 20 тыс. до 30 тыс. туманов в год [9, с. 33-34; 7, р. 340]. При этом Е. Кемпфер добавляет: “вместе со взятками”, а Ж. Шардену даже показалось, что при шахе Сулеймане истинным правителем государства являлся “великий везир” Мирза Лютфуллах Ширази (1588-1591 гг.), что, конечно же, не так на самом деле, ибо как бы не был могущественен и влиятелен везир, не было случая при Сефевидях, чтобы шахов свергали с престола или заменяли именно везири, а вот шах любого из них смещал с должности, причем, в подавляющем большинстве случаев без всякого объяснения причин отставки. И одно это обстоятельство позволяет нам утверждать, что ни один везир сколь бы ни был велик его авторитет и влияние, никогда не покушался на властные полномочия Сефевидских шахов Ирана.

В заключение отметим, что приведенный материал, на наш взгляд, подтверждает положение о том, что династия Сефевидов, возрождая иранскую государственность, исходила в своей практической деятельности по созданию государственного и административного аппарата управления из традиций более раннего периода истории Ирана, но придавала рассмотренным выше трем должностям иногда новое содержание, а иногда и новые полномочия. Многие из административной жизни Ирана в Сефевидский период пережило саму династию и нашло свое применение в государствах Надир-Шаха и в Каджарский период истории страны. Сефевидское государство-важный период в возрождении и становлении иранского национального государства в период новой истории страны.

Литература

1. **История Востока:** В шести томах / Ред. Р. Б. Рыбаков – Москва: Изд. “Восточная литература-РАН”, 2000. – Т. III Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI-XVIII вв. (Государство Сефевидов в XVI-XVIII вв). – С. 99-119. 2. **История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века.** – Ленинград: Изд. Ленинградского Университета, 1958. – 247-294 с. 3. **Маркрян С.А.** История Ирана в средние века. Курс лекций /

С.А. Маркарян. – Ростов-на-Дону: Изд. “Книга”, 2010. – 432 с. **4. Рахмани А.А.** Азербайджан в конце XVI и в XVII веке (1590-1700) / А.А. Рахмани. – Баку: Изд. “ЭЛМ”, 1981. – 238 с. **5. Aubin J.** L’Avenement des Safavides reconsideree (Etudes Safavides III) / J. Aubin // *Moyen – Orient et Ocean Indien*. – Paris: L’Harmattan, 1988. – № 5. – P. 2-130. **6. Astarabadi S. b.** Hoseini. *Az Sheikh Safi ta Shah Safi* / S. Astarabadi. – Tehran: Ed. “E. Eshraqi”, 1364/1985. (на персид. яз.) **7. Chardin Sir J.** *Travels in Persia 1673-1677* / J. Chardin Sir. – London: Ed. “Langles”, 1988. – 287 p. **8. Horst H.** *Die Staatsverwaltung der Grosselguquen und Horazmshahs (1038-1231)* / H. Horst. – Wiesbaden: Universitet press, 1964. – 192 s. **9. Kaempfer En.** *Am Hofe des persischen Grosskonigs (1684-1685)* / En. Kaempfer. – Leipzig: Watter Hinz, 1940. – 486 s. **10. Khanndamir.** *Habib al-Seyar*: In 4 vols. – Tehran: Ed. “M. Dabir-Siyaqi”, 1362/1983. (на персид. яз.) – vol. 4. – 743 p. **11. Matthee R.** *The career of Mohammad Beg. Grand Visier of Shah Abbas II (1642-1666)* / R. Matthee // *Islamic Studies*. – Oxford: Oxford press, 1991. – N 24. – P. 17-36. **12. Minorsky V.** *The Tadhkirat al-Muluk. A Manual of Safavid Administration* / V. Minorsky. – Cambridge: University press (reprint 1943), 1980. – 184 p. **13. Molla Jalal al-Din Monajjem.** *Ruznameh-ye Abbasi ya Ruznameh-ye Molla Jalal* / Molla Jalal al-Din Monajjem. – Tehran: Ed “S. Vahidniya”, 1366/1967 (на персид. яз.) – 932 p. **14. Monshi** Eskander Beg. *Tarikh-e Alamara-ye Abbasi*. – Tehran: Ed. “I. Afshar”, 1350/1971 (на персид. яз.) – vol. 1. – 1262 p. **15. Montazer-Saheb A.** *Alamara-ye Shah Esmail*. – Tehran: Ed. “I. Afshar”, 1349/1970 (на персид. яз.) – 723 p. **16. Mostoufi M. Mohsen.** *Zobdat al-Tavarikh* – Tehran: Ed. “B. Gudarzi”, 1375/1996 (на персид. яз.) – 532 p. **17. Richard F.** *Raphael du Mans, missionnaire en Perse au XVII-e s. : II Vols*. – Paris: “L’Harmatta”, 1995. – Vol. 2. – 510 pp. **18. Ross D.** *The Early years of Shah Ismail* // *Journal of the Royal Asiatic Society* / D. Ross. – London, 1896. – P. 249-340. **19. Savory R.** *The Principal Offices of the Safawid State during the reign of Tahmasp I (1524-1576)* / R. Savory // *BSOAS*. – Cambridge: University press, 1961. – N 24. – P. 65-85 p. **20. Savory R.** *The Offices of Sepahsalar in the Safavid state* / R. Savory // *Proceedings of the second European conference of Iranian studies* – Rome, 1995. – P. 597-615. **21. Seistani,** Malek Shah Hosein. *Ehya al-Moluk* – Tehran: Ed. “M. Setudeh” – 1344/1966 (на персид. яз.) – 1211 p.

Насирова Я. (Баку)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОСМАНСКИХ РУКОПИСНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Незаменимая роль в изучении истории принадлежит древним рукописным документам. Открытие османских архивов в Турции было важным событием в источниковедении. Стало известно, что в этих архивах хранятся рукописи, касающиеся социально-экономического положения стран, находившихся в разные времена под управлением Османской империи, которая господствовала на Востоке в течении шести столетий. Также стало известно, что в этих архивах хранятся десятки документов – «Тахрир дефтерлери» (финансовые и налоговые тетради), отражающие разные аспекты истории Азербайджана. Эти тетради являются ценными источниками в области изучения социально-экономического развития средневекового Азербайджана, находившийся на протяжении многих лет под управлением Османской империи, а также в области определения социальных структур местного населения, специфики сельского хозяйства и др.

Основываясь на значимость и важность османских документов для изучения азербайджанской истории, академик Зия Буниятов заложил фундамент для ихнего системного изучения. Исследование и изучение этих рукописей, касающихся исторических земель Азербайджана – Нахичевань, Эривань, Карабах, Гянджа-Казах, орчалы, стало продолжением этой традиции. Данная статья составлена на основе одного из этих документов «Дафтар-и муфассал лива-и Халхал ва лива-и Уруми». Оригинал данной рукописи хранится в Османском Архиве (Башбаканлык Османлы Аршиви – Премьер министрский Османский Архив) в Стамбуле под номером 910. Документ-рукопись был составлен в 1728 г. Написанный на арабском языке, почерком сиягат, документ состоит из 409 страниц и охватывает официальные социально-экономические данные средневековых азербайджанских регионов Урмии, Халхал и Салмас в начале XVIII в. Определение источников доходов и перепись населения были основными принципами составления финансовых документов в вышеупомянутых областях.

После основного списка (фихрист) населенных пунктов и сел, представляемого в начале рукописи (дефтер-и муфассал), следует информация о финансовых данных названных регионов. 3-170 страницы

документа охоплюють інформацію о Халхале (лива-и Халхал), 171-357 сторони об Урмии (лива-и Уруми), 358-409 сторони о Салмасе (каза-и Салмас). В тетради имеется фихрист (общая информация. – Автор) о каждой нахие (адм. дел. – автор), карье (село).

В данной тетради отмечены имена существующих в начале XVIII в. населенных пунктов (городов, поселков, сел) в Урмии, Халхале и Салмасе, имена податного населения, религиозный статус, их формы собственности, виды и суммы налогов. Османские тетради занимают важные места в изучении многих экономических и социальных аспектов средневековой истории, географии, этнографии, топонимики, ономастики, демографии, аграрных отношений, налоговой системы и других проблем.

УДК 930.2 = 411.2: 94(4) „11/12“

Олійников В. (Київ)

I-IV ХРЕСТОВІ ПОХОДИ В ІСТРИЧНИХ ЗАПИСАХ АРАБСЬКИХ ХРОНІКЕРІВ

Питання про те, як відреагував мусульманський світ на прихід хрестоносців на території близькосхідних народів, є менше вивченим в української історіографії, ніж у зарубіжної. Хоча студіювання думки арабських літописців про конфлікт на Близькому Сході у XI-XIII ст., поперше, може допомогти найти такі причини військово-інтегративної експансії латинських лицарів, про які європейська історіографія, можливо, замовчує, по-друге, погляд вітчизняних істориків не буде таким упередженим, як у джерелознавців, наприклад, Західної Європи (поразка хрестоносного руху на Сході), Америки (міжнародний тероризм), Росії (зіткнення у Чечні). І тоді судження, що закріпилося на Заході, про те, що «іслам – найбільш войовнича з усіх великих релігій» [15, с. 101], можливо, буде виглядати не так категорично. Адже, на думку Ф. Успенського, «...історія пишеться людьми, що привносять у свої твори національні та політичні почуття і симпатії» [14, с. 32].

Метою статті є спроба класифікації арабських історичних джерел, присвячених періоду Першого – Четвертого хрестових походів.

Спочатку дамо оцінку інформаційній достовірності письмених джерел, які академік М. Тихомиров [9; с. 13] розділив на дві групи (враховуючи даний аспект): оригінали (або історичні залишки [9, с. 7]) і традицію. При цьому справжні акти, за твердженням вченого, мають особливу достовірність, а оповідні (нарративні) історичні джерела зберегли так звану історичну традицію, тобто відображення якогось історичного

факту в джерелі є результатом того враження, яке та чи інша подія справила на сучасників і нащадків. Виходячи із цього, М. Тихомиров робить висновок: «Історичні оригінали є більш достовірним матеріалом, ніж історична традиція» [13, с. 7 – 8]. Але така класифікація не витримала перевірку часом. Г. Іванов [5], І. Ковальченко [6; 7], Л. Пушкаръов [10], В. Стрельський [11], А. Тартаковський [12] довели, що будь-яке «історичне джерело як носій соціальної інформації» [7, с. 123] дає повну підставу розглядати його як своєрідну, соціальну в своїй сутності, історично обумовлену форму відображення об'єктивної історичної реальності [5, с. 131]. Тобто «класифікація джерел по виду не пов'язана з вирішенням проблеми достовірності джерел. Видова ознака не є ознакою достовірності, на підставі її не може бути надано перевагу одному джерелу перед іншим» [6, с. 13].

Отже, арабські історичні джерела періоду Першого – Четвертого хрестових походів належать до наративних джерел, рівень достовірності інформація яких може бути різним. Достовірність не залежить від виду джерела. Тільки спеціальне об'єктивне критичне ставлення до тексту дає відповідь на поставлене питання у кожному конкретному випадку.

Ф. Брокгауз та І. Ефрон у своєму знаменному словнику поділили арабську історіографію на два періоди: 1) історичні праці з короткими, сухими родоводами племен; 2) історичні праці з критичним ставленням до джерел. Перший – характеризується включенням у твори даних без всякої перевірки та критики. Історики, коли описи однієї і тій же події розходилися, вписували різні версії, навіть якщо факти прямо суперечили один одному. Другий період починається історичними працями Ібн-Халдуна (1336?-1406), який на підставі критичного ставлення до джерел зумів у живих образах представити нарис культурного стану країн і народів, історію яких писав [1].

Згідно Ф. Брокгаузу та І. Ефрону, джерела, що розглядаються, і по тексту, і по часу написання відносяться до першого періоду арабської історіографії. Але у кожному правилі є винятки. У хроніці Бадр ад-Діна «Перлове намисто історії людей свого часу» критичний підхід відсутній. Твір належить до II періоду, текст містить ті джерела про перші хрестові походи, які не дійшли до наших днів.

Доторкнувшись до хроніки Бадр ад-Діна, можна побачити, що твори арабських істориків поділяються на дві категорії. Одні вміщують відомості очевидців подій. Другі складені з фрагментів уже написаних літописів. Але ті та інші мають як історичне значення, так і недоліки. Перші цінні своїми безпосередніми фактами, але не позбавленні інтерпретації, цілеспрямованого відбору, можливо, і замовчування деталей. Другі, на перший погляд, не додають нічого нового. Їх важливість полягає в тому, що

вони зберегли арабські джерела, які вважаються втраченими. До того ж, сучасний дослідник відразу ж може ознайомитися з різними версіями однієї і тієї ж події.

Серед достоїнств рукопису «Продовження дамаської хроніки» Ібн аль-Каланісі – відомості сучасника хрестоносного руху. Ібн аль-Асир у «чудово сумлінній праці» [3] «Загальна історія» для викладу подій часу раннях Сельджукидів користувався працями попередніх йому істориків, особливо представників багдадської школи. У своєму словнику «Некрологи знатних осіб і замітки про синів свого часу» Ібн Халлікан відразу заявляє, про який черговий факт усі хронікери мають однакову думку, або, якщо є різночитання, починає з того, що писав із цього приводу «наш учитель Ібн аль-Асир» або «наш учитель Ібн Шаддад», а потім наводить висловлювання інших авторів. Особливу цінність для історії має «Книга двох садів у вістях двох династій» Абу Шама аль-Макдісі, тому що в ній зібрані свідчення авторів, чії праці не збереглися.

Можливий поділ і такі групи: універсальні хроніки та локальні. Як обмеженість певним місцем, так і загальна панорама подій мають вагу в історичній науці. Великі картини складаються зі шматочків, і від старанної виписки кожного фрагмента залежить якість загального полотна. Також спрямовуючою, об'єднуючою силою кожного процесу є головна думка, мета, які створюють умови для відображення об'єктивної історичної реальності.

Якщо Дамаску присвятив свою працю «Продовження дамаської хроніки» Ібн аль-Каланісі, Мосулу – Ібн аль-Асир («Історія Атабеков»), то у міста Халеб (Алеппо) є два видатних хронікери: аль-Азімі («Коротка хроніка») та Кемаль ад-Дін («Вершки історії Халеба») і біографічний словник «Бажане і шукане в історії Халеба»). Історичні твори цього автора вважаються особливо цінним джерелом з історії хрестоносних походів по двом причинам. Літописи, по-перше, детально висвітлюють історію одного з головних міст арабського світу, яке перебувало в постійному протиборстві з хрестоносцями; по-друге, факти, що доводяться до нашого відома, надійні, зважаючи на особливу скрупульозність історика.

Учасник війн султана Саладіна, «справжній історик свого часу» Ібн аль-Асир [2, с. 36] висвітлює долі мусульманських держав від створення світу (за мусульманським календарем) до 1231 р. у своїй компіляції «Загальна історія». У літописі «Коротка історія людства» Абу-ль-Фіда, письменник-принц із родини Айюбідів, охоплює період від подій, що безпосередньо передують франкському вторгненню, до 1302 року, коли хрестоносці втратили свій останній оплот на острові Аруад (Арвуд) у Середземному морі близько Тартуса. Ця книга, поряд із «Книгою

упорядкування країн» того ж автора, належали до числа найбільш відомих в Європі (до XIX ст.) праць арабських істориків.

Хроніки, що описують військові баталії та політично-дипломатичні відношення, успішно доповнюються творами, що характеризують повсякденне економічне життя та соціальний устрій Близького Сходу. Саме соціально-економічні відносини, краще сказати, гострі протиріччя, стають причиною багатьох воєн. Тому зрозуміти напружену атмосферу в суспільстві, суспільно-політичний лад – значить вірніше судити про хід військової боротьби. З іншого боку війни змінюють природний плин життя держав. І ось ці наслідки збройної агресії допомагають зробити правильні висновки про фактори, що викликали військову експансію.

Ознакою хроніки Усами ібн Мункиза «Книга повчання», на думку І. Крачковського, є те, що «вона не дає зв'язкової історії, як інші хроніки, вона анітрохи не вичерпує військових політичних подій свого часу, а лише накидає майстерну картину духу своєї епохи, всій її ідеології та обставовки, того аромату життя, який завжди притаманний невибагливим мемуарам сучасників. Для європейського історика нового часу такі мемуари – необхідний матеріал» [8, с. 266]. Сторінки «Книги повідомлення та розгляду справ і бачених подій, засвідчених на землі Єгипту» Абд аль-Латіф аль-Багдаді, які присвячені опису жахливого голоду та епідемії, що уразили Єгипет у 1200-1202 рр., допомагають зрозуміти атмосферу мусульманського табору в означений час.

Твір Імад ад-Дина «Сирійська блискавка» описує походи султана Саладіна в Сирію, Палестину і Фінікію, «Книга красномовства в Коссовському дусі щодо завоювання Єрусалиму» – похід на Єрусалим. Хроніка Ібн Муяссара «Вісті про Єгипет», в якій ведеться мова головним чином про період правління Айюбідів, повністю не збереглася. У частині, що дійшла до нас, описуються франко-мусульманські війни від 1096 до 1158 року.

Літописи, що присвячені одній легендарній особі, містить чимало цінних відомостей про біографію свого героя. Вони заслуговують повагу при такій умові, щоби вихваляння, прославлення не шкодило історичній об'єктивності. Біографічні словники-хроніки зазвичай мають компілятивний характер, але в цьому теж є перевага: читач має нагоду ознайомитися з працями декількох істориків.

Назва твору Бахі ад-Дина Ібн Шаддада «Випадки і розповіді про життя та достоїнства султана Юсуфа (Саладіна)» говорить сама за себе. Ця книга є одним з основних джерел відомостей про Салах ад-Дина, оскільки її автор був водночас вчителем, радником і другом султана, тобто постійно перебував поруч із ним. Твір Ібн Шаддада особливо унікальний тим, що

цілком далекий від перебільшеного вихваляння достоїнств і звершень монарха. А ось заголовки творів «Сирійська блискавка», «Книга красномовства в Коссовському дусі щодо завоювання Єрусалиму» Імад ад-Дина, а також їх тексти, вказують про перевагу риторичних прийомів. Жертвою такого підходу стала, на жаль, історична істина.

Що стосується змісту «Історії Атабеков» Ібн аль-Асира, то вона оповідає, в основному, про правителів Мосула і про їхню боротьбу з невірними (франками), охоплюючи період від правління сельджукського султана Малік-шаха до 1211 року, часу написання твору. Мета книги – прославлення султанів Мосула, Алеппо и Дамаска. Великий біографічний словник «Некрологи знатних осіб і замітки про синів свого часу» назавжди прославив «східного Плутарха» [4] Ібн Халлікана. Грандіозний історичний твір Сібр ібн аль-Джаузі під назвою «Дзеркало часу в історії знаменитостей» (повністю не зберігся), хроніка Бадр ад-Діна «Перлове намисто історії людей свого часу», біографічний словник-хроніка Абу-ль-Махасін ібн Тагріберді «Блискучі зірки владик Єгипту і Каїра» представляють галерею мусульманських лідерів.

Отже, арабські хроніки періоду Першого – Четвертого хрестових походів належать до нарративних джерел із різним рівнем достовірності. Але усі вони – загальні та місцеві, військові та соціально-економічні, панегірики одному або декільком особам, написані самостійно або складені з праць попередніх мусульманських істориків – необхідні для осмислення, детального студювання періоду Першого – Четвертого хрестових походів (1096-1204); дозволяють глибше розібратися у багатьох суттєвих проблемах, які мають принципове методологічне, загальнотеоретичне значення і складають одну з необхідних передумов для правильного розуміння всієї середньовічної історії держав Європи і Близького Сходу.

Література

1. Арабский язык и арабская литература // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. с ил. и доп. / [под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского] – СПб., 1890 – 1907 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/> – Загл. с экрана. **2. Заборов М. А.** История крестовых походов в документах и материалах / М. А. Заборов. – М.: Высшая школа, 1977. – 272 с. **3. Ибн-аль-Асир** // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. **4. Ибн-Халликан** // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. **5. Иванов Г. М.** Исторический источник и историческое познание / Г. М. Иванов. – Томск: Издательство ТГУ, 1973. – 250 с. **6. Источниковедение истории СССР** / под. ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1981. – 494 с. **7. Ковальченко И. Д.** Методы исторического

исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 440 с. **8. Крачковский И. Ю.** Избранные сочинения / И. Ю. Крачковский. – М.-Л.: Из – во академических наук СССР, 1955. – Т. 1. – 470 с. **9. Курс** источниковедения истории СССР: в 2-х т. / Главное Управление НКВД СССР; Историко-архивный институт. – Т. I: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М. Н. Тихомиров. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940 г. – 256 с. **10. Пушкарев Л. Н.** Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М.: Наука, 1975. – 281 с. **11. Стрельский В. И.** Теория и методика источниковедения истории СССР / В. И. Стрельский. – К.: Изд-во КГУ, 1968. – 264 с. **12. Тартаковский А. Г.** Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения / А. Г. Тартаковский // История СССР. – 1983. – № 3. – С. 112 – 130. **13. Тихомиров М. Н.** Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М. Н. Тихомиров. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 496 с. **14. Успенский Ф. И.** История Византийской империи / Ф. И. Успенский: в 3-х т. – М.: Мысль, 1999. – Т. I. – 827 с. **15. Хилленбранд К.** Крестовые походы. Взгляд с Востока. Мусульманская перспектива / К. Хилленбранд. – М.: Диля, 2008. – 672 с.

УДК 930.1:[94(55):327(47+57)] „19“

Пилипенко В.В. (Луганськ)

ІРАН У ЗОВНІШНІЙ ПОЛІТИЦІ СРСР ПЕРІОДУ «ХОЛОДНОЇ ВІЙНИ»: ІСТОРІОГРАФІЯ ПРОБЛЕМИ

Розпад Радянського Союзу і крах біполярної основи світової політики не зменшили, а навпаки, збільшили інтерес дослідників щодо специфіки побудови радянської зовнішньої політики по відношенню до Ірану в роки «холодної війни», сприяли зародженню цілої історіографічної традиції у країнах-суперниках – Росії й США.

Включення пострадянських держав у світовий енергетичний простір, у тому числі й України, економіка якої базується на майже стовідсотковому експортному споживанні нафтогазових ресурсів, змушує повертатися до вивчення радянського досвіду побудови тісних енергетичних зв'язків зі своїм прямим конкурентом – Іраном. Однак, не зважаючи на важливість для української держави енергетичного питання, в Україні немає жодної вагомої праці, присвяченої історіографічному огляду ні зовнішньої політики СРСР по відношенню до енергетичного сектору

Ірану, ні ірано-радянським нафтогазовим відносинам. Саме тому історіографічний огляд місця Ірану у зовнішній політиці Радянського Союзу залишається актуальним.

Виходячи з актуальності теми, мета статті – дослідити основні тенденції американської та російської історіографії стосовно місця Ірану у зовнішній політиці СРСР періоду «холодної війни».

Американська історіографія розвивалися під значним впливом нафтогазових монополістів, незадоволених загостренням конкуренції на близькосхідному енергетичному ринку, внаслідок проникнення туди радянського капіталу.

Основна мета американських дослідників полягала у наданні документального підтвердження економічного домінування США в енергетичному секторі Ірану й обґрунтування незаконного проникнення СРСР в іранський нафтогазовий комплекс. Виконуючи подібне політично-економічне замовлення у науковому американському просторі з'являється теза про дійсну дату «холодної війни» з моменту розгортання іранської кризи, зумовленої затяжним виводом радянських військ з території північного Ірану у березні 1946 р.

Першими, хто сформував тезу про «справжню дату «холодної війни» були Г. Трумен та Р. Ніксон. Трумен приписував американському політикуму ледь не ключову роль у вирішенні іранської кризи березня 1946 р., що завершилась виводом радянських військ й початком двосторонніх переговорів [1].

Р. Ніксон назвав боротьбу між США та СРСР за нафтогазовий сектор Ірану головною причиною «холодної війни». Створення спільної російсько-іранської нафтової компанії 1951 р. стало втіленням радянського протистояння Англо-іранській нафтовій компанії, де останнім часом вагому роль став відігравати американський капітал. Саме боротьба між двома конкуруючими нафтовими компаніями й стала платформою радянсько-американського протистояння в регіоні [2, р. 143].

Подібною точки зору дотримується й Р. Крокатт, стверджуючи, що США були невдоволені тим, що вирішення проблеми лягло у площину радянсько-іранських відносин й намагалися перевести проблему на наддержавний рівень, зменшуючи тим самим післявоєнну популярність Радянського Союзу [3].

Багато уваги американські дослідники приділяли дослідженню стратегічного значення Ірану для протистояння з СРСР. Так, С. Бакхаш стверджує, що підвищений інтерес США до Ірану зумовлюється саме тим, що він був своєрідною буферною зоною між двома ворогуючими світами [4].

Бакхаш породив ще одну американську історіографічну тенденцію, продовжену Д. Ергіном. Вона полягала в усвідомленні важливості іранського внутрішнього ринку й необхідності завоювання в ньому панівних позицій. Ергін називав процес боротьби за іранський ринок американсько-британсько-радянською грою, в яку вже побічно впліталися ідеологія й політика [5].

Американська історіографія не позбавлена долі конструктивної критики щодо американського протистояння радянському впливу на Іран. Так, М. Брукс звинувачував правлячу американську верхівку у тому, що вона йде на поводу нафтогазових промисловців, які диктують свої вимоги Конгресу [6, с. 28].

Г. Кіссінджер – дипломат і експерт у сфері міжнародних відносин, радник з національної безпеки США 1969-1975 рр. та державний секретар Сполучених Штатів Америки з 1973 до 1977 р., вважає розгляд Ірану як «санітарного коридору», створеного для недопущення проникнення у сферу американських інтересів СРСР таким, що створює загрозу для самої Америки [7, с. 4471; 8, с. 216].

Значний пласт американської історіографії, розроблений С. Бланком [9] й Е. Крамером [10], присвячений економічним оглядам іранського нафтогазового сектору та вивченню динаміки його розвитку під впливом ірано-радянської співпраці.

Варто звернути увагу на праці М. Лідена і Б. Слевіна, в яких розкриваються основні вузли економічних протиріч, що стали врешті-решт причиною конфронтації США та ІРІ й, як наслідок, тісної співпраці останньої з СРСР. Доробки науковців цінні приведеними статистичними даними, що дає можливість встановити динаміку зовнішньої політики СРСР по відношенню до Ірану [11, р. 123; 12, р. 65].

Радянсько-російська історіографія стосовно ролі й місця Ірану у зовнішній політиці СРСР періоду найбільшого загострення міжнародних відносин еволюціонувала від дослідження революційних подій в Ірані й їх впливу на економічні й політичні процеси в країні до більш детального вивчення «нафтогазового фактору» іранської економіки, як основи до набуття Іраном статусу противаги американському проникненню в район Близького і Середнього Сходу.

Яскравим представником історіографії радянського періоду є С. Агаєв, який зумів комплексно розглянути усі внутрішні й зовнішні причини іранської революції 1979 р. та зробити ретроспективний аналіз зміни принципів міжнародної безпеки й військового впливу США в регіоні після взяття Іраном курсу на самостійне ведення енергетичної політики [13].

Серед сучасних дослідників даної історіографічної традиції дотримується О. Жигаліна, яка розглядає ісламську революцію як основний

каталізатор перегляду зовнішньої й внутрішньої політики Ірану й переорієнтації держави в бік тісної співпраці з Радянським Союзом [14, с. 69-78].

Сучасна російська історіографія поділяється на дві великих тематичних групи.

До першої групи належать дослідники, які вважають радянсько-іранське зближення у нафтогазовому секторі економіки прямим наслідком розгортання «холодної війни» й бажання СРСР створити буферну зону між американською й радянською сферами впливу.

Так, Ж. Медведєв стверджує, що погодження Сталіна на створення держави Ізраїль було політичною ціною європейським державам за наміри СРСР монополізувати свій вплив на енергетичний сектор Ірану [15].

С. Лопатников і Д. Гасанли пішли далі, назвавши іранську нафту й газ головними причинами «холодної війни», яка втягнула у свою орбіту традиційні суспільства Близького та Середнього Сходу. Епіцентром вибуху «холодної війни» дослідники називають Іранський Азербайджан – територію зі значним енергетичним потенціалом, але з постійними сепаратистськими настроями [16, с. 19-29; 17].

Цікава у цьому плані видається робота О. Іллюка, який здійснив детальний аналіз основних заходів США, спрямованих на закріплення своїх позицій в Ірані упродовж 30-40-х рр. ХХ ст. [18, с. 15].

Визначення ісламської революції 1979 р. та закінчення ірано-іракської війни в якості головних етапів кардинального повороту іранської економічної політики в бік зближення з Радянським Союзом, об'єднує другу групу російських дослідників.

Вироблення нової концепції радянсько-іранських відносин М. Раку пов'язує з ірано-іракською війною та війною СРСР Афганістані [19].

Ірано-іракську війну 1980-1988 рр., як причину переходу Ірану до створення «гаухідної» нафтогазової економіки розглядає також С. Кудяєв [20]. Він спирається на висновки, надані Н. Мамедовою, зроблені у ході її дослідження ролі іранського державного сектору в економічному розвитку післявоєнної доби [21, с. 112].

Останнім часом, під впливом значних енергетичних криз почали з'являтися поодинокі дослідження українських науковців стосовно історії Ірану й іранського енергетичного сектору в період «холодної війни». Однак, роботи вітчизняних дослідників, таких як О. Коппель, Б. Гуменюка та А. Торкунова носять виключно узагальнюючий характер [22; 23].

Отже, історіографія стосовно місця Ірану у зовнішній політиці СРСР в період «холодної війни» являє собою не стільки теоретичну базу радянсько-іранських відносин, скільки практичну, слугуючи своєрідною

інструкцією щодо подальшого розвитку й поглиблення двосторонніх російсько-іранських відносин.

Література

- 1. Трумэн Г.** Воспоминания / Г. Трумэн [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/truman24.htm>
- 2. Nikson R.** The Real War / R. Nikson. – N.Y.: Warner Books, 1980. – 365 p.
- 3. Crockat R.** The United States and the Cold War 1941-1953 / R. Crockat [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://www.baas.ac.uk/index.php?option=com_content&view=article&id=225%3Arichard-crockatt-the-united-states-and-the-cold-war-194153&catid=18&Itemid=11
- 4. Bakhsh S.** The US and Iran in Historical Perspective / S. Bakhsh [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.fpri.org/footnotes/1426.200909.bakhsh.usiranhistorical.html>
- 5. Эргин Д.** Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Эргин [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://webreading.ru/sci /sci_business/deni-el-ergin-dobicha.html
- 6. Брукс М.** Нефть и внешняя политика / М. Брукс; пер. с англ. И. Арсентьев. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 175 с.
- 7. Киссинджер Г.** Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львов. – М.: Ладомир, 1997. – 847 с.
- 8. Киссинджер Г.** Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века / Г. Киссинджер; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцев. – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.
- 9. Blank St.** Russia's Mid-East role / St. Blank // Perspective. – 2008. – Vol. XVIII, № 3 [Електронний ресурс]. – Режим доступу до статті: <http://www.bu.edu/iscip/vol18/blank.html>
- 10. Kramer An.** Russia Plan to Help Iran Challenges Sanctions / An. Kramer // New York Times. – July 14, 2010 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу до статті: <http://www.nytimes.com/2010/07/15/world/europe/15russia.html>
- 11. Ledeen M.** The Iranian time bomb: the mullah zealots quest for destructions / M. Ledeen. – N.Y.: St. Martin's Press, 2007. – 342 p.
- 12. Slavin B.** Bitter friends, bosom enemies: Iran, the U.S., and the twisted path to confrontation / B. Slavin. – N.Y.: St. Martin's Press, 2007. – 134 p.
- 13. Агаев С. Л.** Иран: внешняя политика и проблемы независимости / С. Л. Агаев. – М.: Наука, 1971. – 279 с.
- 14. Жигалина О. И.** Эволюция национальной политики в ИРИ (1978-1998) / О. И. Жигалина // Иран: эволюция исламского правления. – М.: Институт Востоковедения РАН. – С. 67-121.
- 15. Медведев Ж.** Геополитические замыслы Сталина на Ближнем Востоке / Ж. Медведев [Електронний ресурс]. – Режим доступу до статті: <http://www.journalscepsis.ru>
- 16. Лопатников С.** Нефтяной след / С. Лопатников // Международная экономика. – 2003. – № 350. – С. 19-29.
- 17. Гасанлы Джамиль** Иранский Азербайджан – эпицентр «холодной войны»

/ Джамиль Гасанлы [Электронный ресурс]. – Режим доступа до статті: <http://www.SACSPress> **18. Иллюк А. А.** Развитие российско-иранских отношений на рубеже XX и XXI вв.: исторический и политический анализ: авторев. дис. на соиск. степ. канд. полит. наук: спец. 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» / А. А. Иллюк. – М., 2004. – 186 с. **19. Раку М. В.** Исламский фактор в советско-иранских отношениях (1979-1989 гг.) / М. В. Раку [Электронный ресурс]. – Режим доступа до статті: <http://www.centrasia.ru> **20. Кудавев С.** Процесс либерализации экономики Ирана в 80-90-е годы XX в.: авторев. дис. на здоб. наук. ступеня канд. економ. наук: спец. 08.00.14 «Світова економіка» / С. Кудавев. – М., 2003. – 21 с. **21. Мамедова Н. М.** Иран в XX в. Роль государства в экономическом развитии / Н. М. Мамедова. – М.: Наука, 1997. – 213 с. **22. Коппель О.А.** Перська затока: проблеми безпеки в 80–90-ті роки / О.А. Коппель. – К.: Школяр, 1998. – 200 с. **23. Торкунов А. В.** Міжнародні відносини на Близькому та Середньому Сході / А. В. Торкунов. – К.: Світ, 2001. – 155 с.

УДК 930.2(4-15): 94(479.24) „14/16“

Погосян (Хахбакян) Г. Г. (Ереван)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ШАМАХИ (ПО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ XV-XVII ВВ.)

Столица Ширвана – Шамаха, находясь на оживленном перекрестке торговых и иных путей, была крупным и быстрорастущим городом. Даже частые и губительные землетрясения, не мешали развитию этого уникального, в своем роде, города.

С началом активизации контактов западноевропейцев с Персией в XVI в., Шамаха оказывается на пути, так называемого “Северного” или “Волжско-Каспийского” маршрута, благодаря чему и сохранилось значительное количество упоминаний и описаний.

Для выяснения этнического состава населения Шамахи в XV-XVII вв., нами были использованы источники наиболее удаленные (наиболее “назависимые”), а именно – западноевропейские источники. Хотя, конечно, имеются источники менее удаленные (арабские, турецкие, русские) и находящиеся в непосредственной близости и контакте (армянские, грузинские, персидские).

Под западноевропейскими источниками подразумеваются различные дневники, отчеты, путевые записки и воспоминания путешественников. Надо оговориться, что термин путешественник, не

совсем корректно отражает истинный смысл слова. На самом деле путешественников, в буквальном смысле, было весьма незначительное количество. В основном, здесь подразумеваются участники дипломатических, торговых, религиозных, разведывательных и комбинированных миссий.

Количественно-качественное содержание описаний сильно разнится. Есть такие, у которых описания практически отсутствуют и наоборот, у которых под описание отводятся целые главы. И это объяснимо, ведь среди “путешественников” были представители разных сословий, и, естественно, разного уровня образованности и интересов.

Кроме того, некоторые были в Шамахе буквально проездом, например, венецианский дипломат *Иосафат Барбаро*, возглавлявший венецианское посольство к правителю государства Ак-Коюнлу Узун-Хасану, посетил Шамаху в 1476 г.; английский путешественник *Джон Картрайт* – в 1604 г.; французский иезуит *Филипп Авриль*, по поручению ордена иезуитов пытаясь найти путь в Китай по суше – в 1686 г.

Иные задерживались по той или иной причине более месяца. К последним относятся: немецкий ученый *Энгельберт Кемпфер*, секретарь в составе посольства шведского короля Карла XI, возглавляемого Людвигом Фабрициусом и направляемого к шаху Сефи II, остановился в 1683 г. на месяц; английский путешественник *Энтони Дженкинсон*, в качестве посланника английской торговой “Московской компании”, возглавлявший разведочную делегацию направившуюся через Московию в Персию остановился в 1562 г. на полтора месяца, а на обратном пути, в 1563 г., на одну неделю; испанский священник *Педро Куберо Себастьян*, совершая в качестве миссионера кругосветное путешествие в восточном направлении остановился в 1674 г. на 2 месяца; польский посол *Зурабек* от короля Польши Августа II с ответом на письмо шаха Хуссейна к его преемнику шаху Сулейману – в 1698 г. на 4 месяца; *Адам Олеарий* – секретарь и советник посольства шлезвиг-голлштинского герцога Фридриха III к персидскому шаху Сефи I – в 1637 г. на 3 месяца и на обратном пути в следующем году еще на 5 недель; французский иезуит *Жак Виллот*, по поручению ордена иезуитов разведывая путь в Китай по суше – в 1688 г. на 5 месяцев. Более года в Шамахе, например, оставались: *Артур Эдуардс* – английский купец, один из наиболее активных агентов английской торговой “Московской компании” участвовавший в третьей (1565-1567), четвертой (1568-1569) и шестой (1579-1581) экспедициях через Московию в Персию, из которых возглавлял организованные им самим последние две; *Ян Стрейс* – голландский моряк с корабля «Орёл» попавший в плен и после кратковременных странствий пробывший в Шамахе год и 2 месяца в 1670-1671 гг.

Некоторые из ордена Иезуитов оставались в Шамахе еще дольше. Это *неизвестный иезуит*, который находясь в Персии, в конце 1680-х гг. получил задание прибыть в Миссию в Шамахе для описания состояния не только Миссии, но и всего Ширвана, и французский иезуит **Жан Баттиста де Ла-Маз**, половину жизни выполнявший миссионерскую деятельность в Персии, назначенный главой Миссии в Шамахе.

Многие источники были переведены на русский частично или полностью. Некоторые – еще в дореволюционный период, иные в советский период. К последнему периоду относятся также, повторные переводы. Есть и такие, которые так и не были переведены. Кроме того, считаем необходимым отметить, что нами не рассматривались переводы, осуществленные авторами из Баку, ибо в таком случае вероятность столкновения с искаженным текстом резко возрастала. В связи с этим, хотелось бы упомянуть один из наиболее нашумевших случаев, когда корифей “академической” школы Баку, академик З. Буниятов, при издании перевода “путешествия” одного из западноевропейских путешественников Иоганна Шильтбергера, не только изменял или убирал из текста множество свидетельств касающихся армян, но даже умудрился “потерять” несколько “неудобных” глав. Учитывая сказанное, дабы избежать разночтений, были найдены и использованы оригинальные западноевропейские издания тех времен, что отражено в перечне использованной литературы.

На протяжении рассматриваемого промежутка времени различные авторы прямо или косвенно утверждали, что население Шамахи состояло из персов, армян и небольшого количества грузин и что большинством населения являлись армяне.

Так **Иосафат Барбаро** в 1476 г., за 12 лет до резни в городе, учиненной правителем Ардебиле шейхом Хайдаром писал, что в городе, в котором насчитывалось 4-5 тыс. домов (дымов), не перечисляя народы, указывает лишь, что «*большинство жителей из народа Армян*» [5, с. 55]. **Энтони Дженкинсон** в середине XVI в. вновь зафиксировал, что город, претерпевший большие потрясения вследствие войн, тем не менее был «*населен, по преимуществу Армянами*» [2, с. 63]. **Джон Картрайт** в начале XVII в. тоже подтверждал, что Шамаха «*в основном населена армянами и грузинами*» [6, с. 719] (присутствие в Шамахе большого количества грузин вызывает сомнения, кстати говоря, этот же автор был единственным, который сделал аналогичное указание и во время описания Старой Джуги. [6, с. 724]). **Адам Олеарий** в первой половине XVII в. рассказывая о том, что город некогда «*имел до 5000 домов, но при Шах Абасе, в следствие войны с турками, значительно уменьшился*» [3, с. 553], уточняет Картрайта, что город «*населен Персами, Армянами и несколькими Грузинцами*» [3, с. 554]. **Педро Куберо Себастьян** во второй половине XVII

в., перечисляя народы, населяющие город, ставит акцент не на том кого больше, а на приверженности к христианству, повествуя, что «город *Шамаха населен персами, армянами и грузинами, и о том, что эти грузины не такие хорошие христиане как армяне*» [7, с. 206]. *Филипп Авриль* в конце XVII в. в очередной раз подтвердил высказывания прежних авторов, рассказав, что город, насчитывающий «около пятидесяти, шестидесяти тысяч душ», теперь уже претерпевший большие потери из-за землетрясения «помимо большого количества Армян (d'Arméniens), число которых доходит до тридцати тысяч» [10, с. 84] стал перевалочным пунктом для многих иностранцев. *Неизвестный автор иезуит*, тоже в конце XVII в., сделал весьма любопытное наблюдение. Он перечислил три используемых языка, а затем перечислил три нации, указывая, как их называют в связи с распространенными у них головными уборами. Тем самым, он указал на элементы двух множеств – условно назовем их «множество *языков*» и «множество *наций*». Примечательно, что указанные множества, перекрываются частично, но не накладываются. Перекрывающимися элементами множеств являются, из «множества *наций*» персы и армяне, а из «множества *языков*», языки персидский и армянский. Неперекрывающимися элементами множеств являются: соответственно грузины и турецкий язык. Подобная ситуация могла сложиться лишь в случае двух доминантных наций – персов и армян. Наличие же грузин в «множестве *наций*» без упоминания языка, говорит об их малочисленности, но несомненном присутствии, а наличие турецкого в «множестве *языков*» без упоминания в «множестве *наций*», говорит об отсутствии таковой, но присутствии некоего прошедшего, но все еще довлеющего влияния. [9, с. 359-360].

При наличии такого количества армянского населения естественно, существовало культовое строение соответствующей конфессии, что находит подтверждение у ряда авторов (*Олеарий* [3, с. 532, 960], *Куберо* [7, с. 206], *Кемпфер* [8, с. 429], *неизвестный иезуит* [9, с. 363], *Виллот* [12, с. 100]).

Первый из перечисленных авторов – *Олеарий*, упоминает об армянской церкви в связи с описанием трех армянских церковных праздников, на которых лично присутствовал: *Водосвятия* (6-го января 1637 г.) [3, с. 532], *Великого Четверга* (22-го марта 1638 г.) и *Пасхи* (25-го марта 1638 г.) [3, с. 960-961]. Кстати говоря, описание праздника *Водосвятия*, но уже в 1671 г., имеется и у *Стрейса* [4, с. 253-254]. Но вернемся к первому вышеупомянутому празднику, где *Олеарий* говорит следующее: «Так как помещение Посланников было близ Армянской церкви или часовни, то они пошли, с некоторыми из нас, в нее посмотреть на Армянское Богослужение и обряды» [3, с. 532]. Хотелось бы обратить

внимание на то, где поселили “Посланников” на время пребывания шлезвиг-голлштинского посольства в Шамахе. Естественно, их должны были поселить в центре, а не где-то на окраине города. Кроме того, учитывая, что культовые центры в населенных пунктах строятся в местах наибольшей концентрации адептов, можно утверждать, что армянская церковь находилась в центре города, где и была наибольшая концентрация армянского населения. В дополнение к сказанному, необходимо добавить, что остальные члены многочисленного посольства, по всей вероятности, не могли быть расселены в дали от “Посланников”. Подтверждение находим в описании размещения по возвращении в Шамаху из Исфахана: «*Хан приказал поместить нас в Шамаху на прежних жилищах у Армян, в которых мы приняты отлично хозяевами нашими*» [3, с. 956]. Кстати говоря, имеющееся аналогичное свидетельство у **Куберо**: «*Забандар разместил нас в домах христиан армян*» [7, с. 205], указывает на то, что это был не единственный случай и, видимо, существовала практика размещения христианских посольств и различных миссий в домах у единоверцев армян.

В связи с упоминанием армянской церкви в Шамахе, весьма интересно повествование приводимое третьим из перечисленных выше авторов – **Кемпфером**. После рассказа о ковчеге Ноя [8, с. 428], он вкратце передает известную легенду об одном из первых деяний Св. Якова Нисибинского (арм. Акопа Мцбинеци) – об обретении им куска древа с ковчега. Он рассказывает о том, что «*на нем был сделан крест, и хранился он в храме Шамахи (Sjamachiaë), а затем был унесен архиепископом монастыря Эчмиадзин и где он скрывается с этого времени, они не знают*». [8, с. 429]. На первый взгляд ничего особенного, частица Ноева ковчега помещенная в Складень-реликварий изготовленный в 1698 г. в Канакере, на самом деле ныне хранится в сокровищнице Армянской Апостольской церкви в Святом Эчмиадзине. Однако интерес вызывает тот факт, что нюанс первоначального хранения частицы Ноева ковчега в *храме Шамахи* отсутствует в традициях, как православной церкви, так и армянской апостольской церкви. Тем не менее, данная ремарка указывает на достаточно раннее наличие армянской церкви и ее адептов в Шамахе.

Теперь несколько слов о неотемлемой части городской инфраструктуры – кладбище. Совершенно естественно, что при таком этно-конфессиональном составе населения в городе имелось несколько кладбищ. Примечательно, что умерших западноевропейцев хоронили именно на армянском кладбище. Упоминания о нем имеются у двух авторов (**Олеарий** [3, с. 955], **Куберо** [7, с. 206]). Так **Олеарий**, повествуя о том, что на обратном пути «*умер живописец Дитерих Ниман*», рассказывает далее, что «*похоронили его, 22-го Февраля, под городом Шамахой, на Армянском кладбище*» [3, с. 955]. **Куберо** рассказывает о том, «*как однажды вечером*

Епископ [армянский – Г. П.] *показал ему среди других надгробий, могилу Польского дворянина*», а затем о том, «*что этот человек был вторым в посольстве Короля Польши Казимира Спокойного*». [7, с. 206]. Речь идет о конфликте в польском посольстве, который окончился смертью польского дворянина, что произошло, как мы знаем, из более подробного рассказа очевидца событий – Яна Стрейса в 1670 г. Без сомнения, о конфликте Куберо узнал от того же армянского епископа, который показал ему могилу дворянина. Однако, повествование дополняет рассказ Стрейса, местом погребения убитого польского дворянина, а именно, на армянском кладбище.

Говоря об армянском епископе необходимо отметить следующее, что *Олеарий* [3, с. 532], *Куберо* [7, с. 206], *неизвестный иезуит* [9, с. 363], указывают, что епископ проводящий службы, живет не в городе, а приезжает из монастыря находящегося по соседству. Об этом монастыре упоминают также *Стрейс* [4, с. 271-272] и *де Ла-Маз* [9, с. 401]. *Олеарий* и *неизвестный иезуит* говорят лишь о том, что монастырь находится рядом с городом. Причем Олеарий упоминает о том, что монастырь нуждается в достройке: «*Епископ, вместе с Священниками, убедительно просили Посланников, приложить, с своей стороны ходатайство у Хана, чтобы он позволил достроить ... монастырь*» [3, с. 532]. Если первые двое монастырь не посещали, то остальные были в монастыре, и поэтому *Куберо* и *Стрейс* указывают приблизительное расстояние, направление и описание окрестностей, а *де Ла-Маз* даже называет селение, в котором находится монастырь. Примечательно, что *де Ла-Маз* четко указывает на принадлежность села армянам. Описывая путь из Шамахи через горы до Агсу, он говорит: «*несмотря на печальное положение в этих горах у Армян есть три или четыре деревни*» и далее, что «*прошли через одну из этих деревень называемую Сангиан (имеется в виду Сальян (арм. Մալյանի. – Г. П.) и еще, находящуюся рядом с ней деревню Каркан (имеется в виду Каркандж (арм. Գարկանդձ. – Г. П.))*». И тут же, что «*в первой был красивый монастырь с тремя епископами*». [9, с. 401]. Сопоставив все имеющиеся данные, можно утверждать, что речь идет об известном монастыре Св. Стефана Предтечи в Сальяне. В то время этот монастырь был епархиальным центром, так как армянское население было не только в Шамахе, но в еще большем количестве в окружающих селениях, чем и объясняется проживание епископов не в Шамахе, а близ нее.

Об армянских селениях свидетельствует не только *де Ла-Маз* [9, с. 401]. *Олеарий* при описании армянского церковного праздника Водосвятия указывал: «*собрались Армяне изо всех, вокруг лежавших, селений, в великом числе*» [3, с. 532]. *Стрейс*, при описании того же праздника Водосвятия, сделал аналогичное упоминание о «*многих тысяч армянских христиан*,

пришедших из всех деревень и окрестных местностей» [4, с. 253-254]. **Неизвестный иезуит**, сделал запись с указанием, что в стране «*насчитывается приблизительно 60 деревень населенных армянами*» [9, с. 335]. **Виллот**, рассказывая о городе и миссии в Шамахе, передает свои наблюдения о том, что «*Султанія Баку (La Sultanie de Basu), прежде была населена армянами, которые стали магометанами, а те, кто сохранил свою Религію, не имеют ни Месс, ни Церквей, ни общественных Священников; и все это по причине действий короля Персіи Шаха Аббаса Великого, и если умирающему нужно святое Причастіе, то за ним надо добираться до Шамахи*». [12, с. 99-100].

Итак, на основе записок западноевропейских авторов на протяжении рассматриваемого промежутка времени, а именно в XV-XVII вв., основным постоянным населением Шамахи были персы, армяне и незначительного количество грузин. Большинство постоянных жителей Шамахи были армяне, они жили в центре города, где имели действующую церковь. Церковные праздники проводились с большой пышностью. На армянском кладбище хоронили также умерших христиан-иностранцев. Окрестные селения Шамахи были армяно-населенными. В одном из таких селений находился монастырь Св. Стефана Предтечи, который в тот период был епархиальным центром, где пребывал епископ.

Литература

1. **Английские** путешественники в Московском государстве в XVI веке. (Пред. и пер. с англ. Ю. В. Готье; Отв.ред. Н. Л. Рубинштейн; Худ. В. А. Селенгинский.). – М.: ОГИЗ, 1937. – 308 с. 2.

Извѣстія Англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. Переводъ съ Англіискаго, съ предисловіемъ С. М. Середонина. // “Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ”. Повременное изданіе подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. 1884, октябрь-декабрь. Книга четвертая. – М.: Въ Университетской типографіи. 1885. – Раздел III. – С. 1-105. 3. **[Олеарій Адам]**. Подробное описание путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Перевель съ нѣмецкаго Павелъ Барсов. Издание Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ / [Адам Олеарій]. – Москва. въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко), на Страстномъ бульварѣ, 1870. 4. **Стрейс Я. Я.** Три путешествія / пер. Э. Бородиной, ред. А. Морозова. Иностраннные путешественники о

России / под ред. С. А. Пионтковского. – М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ. 1935. – 415 с. 5. [**Barbaro Iosaphat**]. Viaggi dello istesso Messer Iosaphat Barbaro in PERSIA // Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli: con la descrizione particolare di Città, Luoghi, Siti, Costumi et della Porta del gran Turco: & di tutte le Intrate, spese, & modo di gouerno sio, & della ultima Imprasa contra Portoghesi / [Iosaphat Barbaro]. – ALDUS. – IN VINEGIA. M. D. XLIII. (1543). – P. 368. 6. [**Cartwright John**]. A Collection of Voyages and Travels Consisting of Authentic Writers in our own Tongue, which have not before been collected in *English*, or have only been abridged in other Collections. And continued with Others of Note, that have published HISTORIES, VOYAGES, TRAVELS, JOURNALS or DISCOVERIES in other Nations and Languages, Relating to Any Part of the Continent of ASIA, AFRICA, AMERICA, EUROPE, or the Islands thereof from the earliest Account to the present Time. Digested According to the PARTS of the WORLD, to which they particularly relate: With Historical Introductions to each Account, where thought necessary, containing either the LIVES of their AUTHORS, or what else could be discovered and was supposed capable of entertaining and informing the curious Reader, And with great Variety of Cuts, Prospects, Ruins, Maps, and Charts. Compiled From the curious and valuable LIBRARY of the late EARL of OXFORD. Interspersed and illustrated with Notes, Containing. Either a General Account of the Discovery of those Countries, or an Abstract of their HISTORIES, GOVERNMENT, TRADE, RELIGION, &c. collected from Original Papers, Letters, Charters, Letters Patents, Acts of Parliament, &c. not to be met with, and proper to explain many obscure Passages in other Collections of this Kind / [John Cartwright]. – London: Printed for and Sold by THOMAS OSBORNE of *Gray's-Inn*. MDCCXLV (1745). – Vol. I. – P. 937. 7. [**Cubero Sebastián Pedro**]. Breve Relación, De La Peregrinación Que Ha Hecho De La Mayor Parte Del Mundo Don PEDRO CUBERO SEBASTIÁN, Predicador Apostólico del Assia, natural del Reyno de Aragón; con las cosas más singulares que le han sucedido, y visto, entre tan bárbaras Naciones, su Religión, Ritos, Ceremonias, y otras cosas memorables, y curiosas que ha podido inquirir; con el viage por tierra, des de España, hasta las Indias Orientales. Escrita por el mismo Don PEDRO CUBERO SEBASTIÁN. Dirigida Al Rey Nuestro Señor D. CARLOS SEGUNDO, MONARCA DE LAS ESPAÑAS, &c. CON PRIVILEGIO / [Pedro Sebastián Cubero]. – EN MADRID: *Por Iuan Garcia Infancon, Año 1680*. – P. 390. 8. [**Kämpfer, D. Engelbert**]. Amocētatam exoticarum *Politico-Physico-Medicarum*, Fasciculi V, *Quibus continentur Variæ Relationes, Observationes & Descriptiones rerum Persicarum et ulterioris Asiæ, multâ attentione, in peregrinationibus per univēsum Orientem, collectæ, ab Autore ENGELBERTO KÆMPFERO, D* / [Engelbert D. Kämpfer]. – *LEMGOVIÆ*, Typis & Impensis Henrici Wilhelmi Meyeri, Aulæ Lippiacæ Typographi, 1712. – P. 912. 9. **Nouveaux** memoires des Missions de la Compagnie de Jesus dans le Levant.

TOME III. – A PARIS. Chez *GUILLAUME CAVELIER*, rue S. Jacques proche la Fontaine S. Severin, au Lys d'or. M. DCC. XXIII. (1723). Avec Approbation & Privilège du Roi. – P. 502. **10. [Philippe Avril]**. VOYAGE EN DIVERS ETATS D'EUROPE ET D'ASIE. Entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. *CONTENANT* Plusieurs Remarques curieuses de Physique, de Geographie, d'Hydrographie & d'Histoire. Avec une Description de la grande Tartarie, & des disserens Peuples qui l'habitent / [Avril Philippe] – A Paris, Chez {*CLAUDE BARBIN*, au Palais, sur le second Perron de la sainte Chapelle; *JEAN BOUDOT*, au Soleil d'or; *GEORGE & LOUIS JOSSE*, a la Couronne d'Epines.} ruë saint Jacques. M. DC. XCII. (1692). *AVEC PRIVILEGE DU ROY*. – P. 468.

11. [Struys Jean]. Les Voyages de *JEAN STRUYS*, en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes, & en plusieurs autres païs étrangers; Accompagnés de remarques particulières sur la qualité, la Religion, le gouvernement, les coutumes & le négoce des lieux qu'il a vus; avec quantité de figures en taille douce dessinées par lui-même; & deux l'etres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan. A quoi l'on a ajouté comme une chose digne d'être sue, la Rélation d'un Naufrage, dont les suites ont produit des effets extraordinaires. Par *MONSIEUR GLANIUS* / [Jean Struys]. – A AMSTERDAM, Chés la Veuve de *JACOB VAN MEURS*. M.DC.LXXXI. (1681). – P. 512. **12. [Villotte Jacques]**. Voyages d'un missionnaire De la Compagnie de *JESUS*, *En Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie, & en Barbarie* / [Jacques Villotte]. – A Paris. Chez *JACQUES VINCENT*, rue & vis-à-vis l'Eglise de S. Severin, à l'Ange. M. DCC. XXX. (1730). Avec approbation et privilege du Roy. – P. 663.

УДК 930.2: 821.512.1 – 1 „14/16“

Попов А. В. (Харьков)

ВОЗВЫШЕНИЕ И УПАДОК ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЭЗИИ СУЛТАНОВ XV-XVII ВВ.

Османское государство было мощнейшей державой своего времени, однако, если ранний султанат – государство успешное и преуспевающее, то поздняя империя это «больной человек Европы». В настоящей статье на примере поэзии султанов попытаемся рассмотреть переход от расцвета империи к упадку в контексте османской социокультурной и идеологической систем XV-XVII вв., а также влияние суфизма на турецкую «элитарную» литературу.

Благодаря развитию информационных технологий в сети Интернет появилось множество исторических источников, в том числе и по истории Османской империи. В частности это: рубаи Мурада II (1421-1451 гг.),

газели Мехмеда II (1451-1481 г.), Селима I (1512-1520 г.), Сулеймана I (1520-1566 г.), Селима II (1566-1574 г.), Османа II (1617-1623 г.), Мурада IV (1623-1640 г.) и Мустафы II (1695-1703 г.). Соответственно, хронологические рамки работы ограничиваются годами жизни указанных султанов, т.е. XV-XVII вв.

Исследование базируется на разнообразных письменных источниках. Особенно важны теологические трактаты суфийских шейхов, в частности работы Ходжи Бекташи-вали (? – 1271 г.) [17], а также поэзия суфиев [3]. Особое место занимают сочинения Эвлии Челеби [18] и анонимная «Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи» [11]. Особо стоит выделить сборник султанских стихов [24], а также «Любовные письма османских султанов» [22].

Историография также весьма разнообразна, и содержит работы как зарубежных [5, 21, 26, 27, 28], так и отечественных исследователей. [1, 6, 7, 9, 10, 12, 15]. Особенно отметим работы турецких исследователей Ибрахима Чабукчу [23] и Мехмеда Кёпрюлю [25].

«Стержнем» турецкой поэтической традиции XIV-XVII вв. был суфизм [19]. Основоположником турецкой литературы и анатолийского суфизма был теолог, философ и поэт – Джаладдин Руми (1207-1272 г.). Суфизм приобретал всё большую популярность, и многие улубеи брали под свою опеку того или иного суфийского деятеля. Основанный Руми орден Мевлевийя своим центром имел Конью, которую контролировали беи из династии Караманидов. Поддержка популярного духовного деятеля означала поддержку населения и, соответственно, преимущество над противником. В этом контексте нам интересен факт создания в XIV в. «Нового войска» (Ени чери).

Создание янычарского корпуса подается источниками [11] как союз османского правящего дома с суфийским орденом Бекташийя [20, с. 54]. Янычар провозгласили «сынами Ходжи Бекташи», а дервиши стали выполнять функции полковых священников [26, с. 16], а также придворных философов. Членами ордена были султаны (начиная с Сулеймана I) и многие высшие сановники.

Бекташийя провозглашали первенство разума во всех начинаниях, «джихад сердца», пацифизм. Они признавали многие христианские культы (причастие, исповедь и пр.) [11]. Кроме того, они признавали некоторых православных святых в качестве эвлий («святых») [8, с. 6-7]. Последователи ордена в качестве заклинаний употребляли фрагменты христианских молитв, а как амулеты применялись кресты и антропоморфные изображения, близкие по виду к иконам [25, р. 15-47]. Не отвергали они и ритуалы, пришедшие из зороастризма – ношение шерстяной власяницы и пояса. При инициации дервиша имели место

ритуалы с конской сбруей и седлом, принятие напитков на основе конского молока и пр., заимствованные из тенгризма [16, с. 3-48]. При этом, бекташи отвергали ежедневный намаз и некоторые другие культы, традиционные для суннитского ислама [17], к которому в тот период себя относили [27] (сейчас позиционируют себя как алавиты).

Влияние суфизма особенно ощущается в «любовной лирике» XIV-XVII вв. Надо отметить, что «любовь» и «чувственность» для суфиев была способом постижения Бога, поэтому обращение к Аллаху как к «возлюбленному» встречается довольно часто. О «любви», как о способе познания универсума идёт речь ещё в трудах Ибн Араби [14, с. 12-18] – основоположника доктринального суфизма. Эта идея сформировалась в концепции «богочеловечества» – единении духа человека и Бога через любовь, основоположником которого Ибн Араби называет Иисуса Христа [4, с.138.].

По Е. Бертельсу [2, с.6], суфийская поэзия имеет следующие черты: Курб («близость» с богом), Махабба («волна горячей любви к богу»), Хауф («страх перед богом»), Раджа' («надежда на божье милосердие»), Шаук («страсть к богу»), Унс («дружба с богом»), Мушахиде («созерцание бога»), Йакин («уверенность в духовном»).

Эти черты прослеживаются в поэзии исследуемых султанов, которые обращались к Аллаху иносказательно. О том, что в произведениях есть скрытый смысл, писали и сами султаны. Например, Мурад IV в конце одной своей газели пишет: «Эту головоломку предлагает поэтам Мурад» [24]. Впрочем, имели место и обращения к реальной возлюбленной. Характерно, что с XVII в. интерес к поэзии у османских правителей сходит на нет. Это связано, в первую очередь, с кризисом суфизма [12, с.13-33].

Интересно, что в лирике ранних султанов ощущается некоторая беззаботность (стремление к любви и воинской славе), в то время как стихи более поздних правителей напоминают молитву. Так, о «радостях земных» пишет Мурад II в своем четверостишии: «Пока еще я живу, ...я должен радостью и весельем наслаждаться». Мехмед II, используя символику природы (бриз, солнце), описывает любовные переживания (вероятно «возлюбленной» выступает Бог), а в другой своей газели пишет: «Через любовь к Богу, к победе, к завоеванию я стремлюсь».

Творчество Селима I вновь повторяет стиль Мехмеда II, но теперь султан уже не называет себя защитником ислама, а занимается самовосхвалением, описывая как он захватил Египет, Иран («Из-за моей сабли Трансоксания утонула в море крови») и пр. Его творчество раскрывает нам характер султана, который начал свое правление с массовых казней (например, убил всех своих родственников по мужской линии).

Поэзия Сулеймана Кануни, в противоположность Селиму, менее кровожадна и подпадает под понятие «любовная лирика». Известно, что Сулейман испытывал сильные чувства к Хюррем-султан. Именно эта привязанность четко прослеживается в его лирике. Творчество Селима II было более легкомысленным и во многом повторяло стиль Сулеймана Кануни. Как известно, Селим большую часть времени проводил в Гареме, а из-за чрезмерной любви к вину получил прозвище «Пьяница». Газели Османа II также носят легкомысленный оттенок и повторяют традицию Сулеймана Кануни.

Творчество Мурада IV отличает его от предшественников, имеет более глубокий смысл, символику. Его газели можно назвать очередным возвращением к суфийской традиции. Кроме того, в его творчестве уже нет такой бравады как в творчестве ранних султанов, либо откровенной любовной лирики, как это было у Сулеймана. Отметим, что Мурад смог на время восстановить мощь Османской империи и вернуть армии боеспособность, умирив янычар. Его правление можно назвать последним подъемом султаната.

Эта же традиция «возвращения к истокам» прослеживается и в творчестве Мустафы II, при том, что правил он спустя 60 лет после Мурада. Творчество этого султана уже напоминает скорее молитвы, нежели «любовную лирику» в суфийской традиции. По поэзии Мустафы можно понять, что кризис Османскую империю уже охватил и ситуация выглядит безвыходной. В одной своей газели султан пишет:

«Аллах! ... Правитель, который никогда не уйдет! ... Ранним утром должен наш крик, вопль наш, услышать на престоле твоём, на высоком. ... Покажи ты к нам щедроты Твои ... если не приходит от тебя, твоя милость, то зло все наши работы испортит».

Исходя из вышеизложенного, османских султанов XV-XVII вв., можно разделить на три группы в соответствии с их творчеством:

1) султаны-завоеватели (XIV – середина XVI вв.) – воспевание военных побед, прославление Аллаха, победу даровавшего, «признание в любви» к Богу.

2) султаны-сластолюбцы (середина XVI – первая треть XVII вв.) – воспевание любви к женщине, к вину, к роскоши, к развлечениям.

3) султаны кризиса (вторая треть XVII-XVIII вв.) – депрессия, безысходность, мольбы о разрешении проблем, возвращение к суфийским поэтическим традициям, поиск пути выхода из кризиса, стремление к возвращению былого величия.

Как видим, творчество правителей Османской империи вполне соответствует историческим этапам, которое переживало государство. В поэзии наблюдается постепенный отход от экспансионистской идеологии, к

воспеванию мирной жизни, а затем и к ностальгии по «былому величию», т.е. к пониманию того, что необходимо что-то менять, обуславливающее стремление к реформам.

Литература

1. Бахревский Е. Суфизм в Крыму // Электронный журнал «Суфий» [Электронный ресурс] / Е. Бахревский. – Режим доступа: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/2004/05/12/суфизм-в-крыму>. Доступ – 12.01.2013 г. **2. Бертельс Е.** Избранные труды. Том 3. Суфизм и суфийская литература: сборник статей / Е. Бертельс. – М.: Наука, 1965. – 244 с. **3. Газали,** Санайи, Аттар, Руми. Притчи, Мысли, Афоризмы / Газали, Санайи, Аттар, Руми. – М., 2003. – 420 с. **4. Ибн Араби.** Геммы мудрости. / Ибн Араби. – Пер. В. А. Смирнова - М.: Наука, 1993. – 322 с. **5. Иорданов М.** Сакральные тайны ислама: монография / М. Иорданов. – М.: Быстров, 2006. – 416 с. **6.** История османского государства, общества и цивилизации: в 2 т.: сборник статей / под ред. Э.Исханоглу, М.С.Мейера; пер. В.Б.Феоновой. – М., 2006. – Т. 1: История османского государства и общества. – 602 с. **7. Карл В.** Суфизм / В. Карл / [пер. с англ. А. Горькавого]. — М., 2002. – С. 4-6. **8. Кньш А.** Учение Ибн Араби в поздней мусульманской традиции / А. Кньш // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М., 1989. – С.6-19. **9. Крымский А.** История мусульманства / А. Крымский. – М., 1904. – 390 с. **10.** Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVII/1600-1620/Janyc_korp/framevved.htm. Доступ – 05.01.2013 г. **11. Насыров И.** Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция) : монография / И. Насыров. — М., 2009. – 552 с. **12. Николле Д.** Янычары : монография / Д. Николле. – М., 2004. – 46 с. **13. Смирнов А.** Христианские мотивы в религиозно-философских концепциях суфизма и исмаилизма // Восток. – № 6. – 1993. – С.12-18. **14. Смирнова Е.** Дервишизмъ въ Туркестане / Е. Смирнова //Сборникъ материаловъ по мусульманству / под ред. В.И. Ярового-Равского. – СПб., 1899. – С. 49-73. **15. Урбанаева И.** Эзотерические смыслы учения о Тенгри и бее мургэл / И. Урбанаева // Современность и духовно-философское наследие Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 3-48. **16.** Хаджи Бекташ и орден Бекташи / Электронный журнал «Суфий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/2003/10/22/хаджи-бекташ-и-орден-бекташи>. Доступ – 12.01.2013 г. **17. Челеби Эвлия.** Книга путешествия / Эвлия Челеби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi>. Доступ – 12.01.2013 г. **18. Чорекчян**

Х. Турецкая литература // Краткая литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke7/ke7-6692.htm>. Доступ – 12.01.2013 г. **19. Шараф-хан** ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме / пер. с перс. Е.И. Васильева. – М.: Наука, 1976. – 211 с. **20. A Faithful Sea. The Religious Cultures of the Mediterranean 1200 – 1700** / [ed. by A.A. Husein, K.E. Fleming]. – Oxford, 2007. – 240 p. **21. Cağatay Ulucay M.** Osmanlı Sultanlarına Aşk Mektupları, 2001. – İstanbul: Ufuk Kitapları. – 134 s. **22. Çubukçu İ.** Türk Düşünce Tarihinde Felsefe Hareketleri / İ. Çubukçu. – Ankara, 1986. – 254 s. **23. Horne C.F.**, ed. The Sacred Books and Early Literature of the East / C.F. Horne. – New York: Parke, Austin, & Lipscomb, 1917. – Vol. VI: Medieval Arabia. – P. 259-325. **24. Koprulu M.F.** Early turkish mystics in turkish literature / M.F. Koprulu. – New York, 2006. – 494 p. **25. Nicolle D.** Armies of The Ottoman Turks 1300 – 1774 / D. Nicolle. – New-York, 1999. – 48 p. **26. The Bektashi Order of Dervishes** режим доступа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bektashiorde.com>. Доступ – 12.01.2013 г. **27. Yildirim R.** Dervishes in early ottoman society and politics: a study of velayetnames as a source for history / R. Yildirim. – Ankara, 2001. – 150 p.

УДК 930.2: 297.1 „653“

Радивилов Д. А. (Киев)

ДЖИЗЬЯ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНО ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МУСУЛЬМАН

Отношения между мусульманами и иноверным населением, проживающим на территории мусульманского государства, урегулированы договором о покровительстве (*зимма*), положения которого по своему духу восходят к известной коранической сентенции [«Покаяние» 9: 29 (29)], установившей для мусульман обязанность сражаться с неверными из «тех, кому дано писание» (*аллазин уту ал-китаб*) до тех пор, пока они «не отдадут откупа (*джизья*) своей рукой, будучи униженными», то есть до тех пор, пока они не признают верховенство мусульманского закона. В мусульманском праве коранический «откуп» (или «дань», «выкуп»), эволюционировав в юридическое понятие, осмысливается шире - как регулярный налог, взимаемый с *ахл ал-‘ахд ва-з-зимма* - «людей договора и покровительства», и обращаемый в пользу мусульманского государства. Мусульманские юристы единодушны во мнении, что *джизья* – это материальная компенсация, выплачиваемая мусульманам «людьми договора». Понимание налога как некоторого изъятия с целью покрытия

собственных затрат восходит к значению арабского корня *джаза* «удовлетворять», «возмещать» – например, [«Корова» 2: 45 (48)]: «И бойтесь дня, когда душа ничем не возместит (*ла таджзи*) за другую душу...», – однако собственно *джизья*, в своем терминированном значении, через позднесреднеперсидский язык, связана с арамейск. ܩܘܨܬܐ *gezita* – «подушная подать», при этом практику взимания налога *per capita* мусульмане, как считается, заимствовали из Сасанидского Ирана. Вопрос о предназначении налога решается теоретиками мусульманского права по-разному и рассматривается ими сразу в нескольких плоскостях: политической, экономической и этической. Так, в *джизье* усматривают: плату за право свободно исповедовать свою религию, не уничтожая при этом мусульман и ислам; компенсацию расходов мусульман в связи с покровительством и защитой, оказываемой «людям договора»; своего рода моральную сатисфакцию, выраженную в материальной форме, которая утверждает преобладающий общественный статус мусульман и подчиненное положение *зиммиев*; наконец, акт справедливости, предпринятый Всевышним с целью уравнивать в обязанностях мусульман, вносящих *закят*, и иноверцев. Так или иначе, взимание *джизьи*, хотя и имеет известное идеологическое наполнение, преимущественно служит фискальным целям и предпринимается мусульманским государством из экономических соображений – для восполнения своих потерь в связи с невозможностью применять к «людям писания» и другим категориям иноверческого населения мусульманский налог – *закят*. Следует отметить, что мусульманские юристы считают взимание *джизьи* незаконным в том случае, если мусульманские власти по каким-либо причинам не в состоянии обеспечить надлежащую защиту жизни и имущества «людей договора» от посягательства третьей стороны.

Лица, на которых возложена обязанность уплачивать *джизью*, принадлежат числу *куффар* – неверных. Широкое распространение получила классификация «людей неверия», разработанная ханбалитом Ибн Каййимом ал-Джаузийей (ум. 1350 г.) – учеником Ибн Таймийи: согласно ей, неверные делятся на «людей войны» (*ахл ал-харб*) – тех, кто находится с мусульманами в состоянии войны, и «людей договора» (*ахл ал-ахд*). «Люди договора» бывают трех видов: «люди покровительства» (*ахл аз-зимма*) – являющиеся подданными мусульманского государства и уплачивающие *джизью*, «люди мира» (*ахл ал-худна*) – не являющиеся подданными мусульманского государства и не проживающие постоянно на его территории, но заключившие с ним договор о мире, и «люди безопасности» (*ахл ал-аман*) – *куффар* из числа *ахл ал-харб* или *ахл ал-худна*, прибывшие в мусульманскую страну и получившие на время пребывания в ней гарантии безопасности.

Договор о покровительстве, помимо «людей писания» – иудеев и христиан, мог также заключаться с зороастрийцами (*маджус*) (в отношении *маджус* существует несколько «достоверных» хадисов, в которых Пророк устанавливает возможность заключения с ними договора и взимания с них *джизы*), сабиями, самаритянами, а также идолопоклонниками-неарабами – известно, что такого мнения на счет последних придерживался ханафит Абу Йусуф ал-Куфи (*Китаб ал-харадж*), а также сторонники школы Малика б. Анаса (при этом следует заметить, что в отношении язычников существовала и противоположная точка зрения). Таким образом, все они, наравне с иудеями и христианами, облагались *джизьей*, что, однако, не следует воспринимать как свидетельство уравнивания в правах «людей писания», находящихся под покровительством мусульман, и остальных *зиммиев*. По сути, существовала лишь одна категория людей, с которыми договор о покровительстве не заключался ни при каких обстоятельствах, – это мусульмане-отступники.

Джизья взималась с лично свободных мужчин, в денежной и/или натуральной форме (по всей видимости, это зависело от особенностей экономической ситуации, складывавшейся в определенный момент времени) ежегодно или несколько раз в год (по вопросам о форме налога, его величине и частоте взимания платежей мусульманские правоведы к единому мнению не пришли). От уплаты налога освобождались: дети, немощные старики, тяжелобольные, умалишенные, слепые, а также лица, живущие на подаяние и не имеющие при этом иных источников дохода. Последнее условие распространялось также на монахов и отшельников. Закон запрещал мусульманам применять к *ахл аз-зимма* меры физического воздействия для взимания *джизы* (побои, пытки и т. п.) – единственной мерой принуждения в этом случае могло быть тюремное заключение, длившееся до тех пор, пока *зиммий* не уплатит полагающееся по закону.

Вопросы, связанные с правовым статусом *ахл аз-зимма*, а также имущественными правоотношениями между ними и мусульманами, приобретают особую остроту в случае конфликта между «людьми договора и покровительства» и мусульманским государством. В зависимости от масштабов конфликта и его последствий, он может расцениваться мусульманской стороной как акт, свидетельствующий о попрании иноверьцами ранее заключенного соглашения о покровительстве (*зимма*). Меры, предпринимаемые мусульманами во имя восстановления справедливости, то есть во имя обеспечения своих законных прав в отношениях с *ахл аз-зимма*, могут приобретать характер джихада.

Разумович Д. А. (Донецьк)

ОСОБЛИВОСТІ АРХІТЕКТУРИ АЛЕКСАНДРІЙСЬКОГО ХРАМУ СЕРАПІСУ

Александрія Єгипетська є унікальним явищем елліністичного світу. Розвиток міста за доби еллінізму визначався інтеграцією декількох пересічних культур: єгипетської, грецької, перської, єврейської. Актуальність дослідження визначається тим, що в XIX-XXI століттях на території сучасної Александрії проводилися археологічні дослідження, які створили джерельні передумови для детальної розробки питань, пов'язаних з містобудуванням та архітектурою цього міста. Проте, незважаючи на понад 200-річну історію досліджень, стан розробки вище зазначених питань залишається незадовільним. Досі немає спеціальної узагальноючої праці, яка б на сучасному науковому рівні систематизувала наявну інформацію та всебічно характеризувала містобудування та архітектуру Александрії.

В доповіді прийнято спробу реконструювати зовнішній вигляд великого храму Серапісу доби Птолемеїв на основі ґрунтового аналізу археологічних та нумізматичних джерел.

На початок правління Птолемея III в Александрії вже були зведені головні портові, суспільні, культурно-побутові споруди, тому він міг зосередитися на будівництві культових споруд – храмів місцевим божествам. Найбільш відомим язичницьким храмом античного світу був Серапейон – великий архітектурний комплекс присвячений богу Серапісу.

Однією з небагатьох споруд Александрії місце розташування, якої достовірно встановлено є храм Серапісу який в античні часи розташовувався у кварталі Ракотіс. На цей момент не залишилося ніяких слідів зовнішніх частин споруджень храму. Однак збереглося трохи вирубаних у скелі коридорів, які, можливо, служили приміщеннями, де відбувалися містерії Серапісу. Ніші цих коридорів могли слугувати для зберігання папірусів з Бібліотеки, що розташовувалася при цьому храмі. На території храму піднімається єдиний збережений монументальний пам'ятник, що залишився від міського ансамблю пізньої античної доби. Мова йде про колону Помпея, у дійсності, зведеної на честь імператора Діоклетіана після 297 року. Висота колони, висіченої із червоного граніту, разом з базою й капітеллю становить 26,85 метрів. Вона вражала всіх європейських мандрівників, що відвідували Єгипет, починаючи з XV століття.

Простежуються також сліди стін й архітектурні фрагменти.

Відомо, що храм кілька разів розширювався й перебудовувався. Основне святилище Серапісу й двір з колонами були споруджені в період правління Птолемея III. Розташована напроти храму вздовж західної частини його довгої осі споруда, що нагадує за своєю формою давньогрецьку стовпу, була побудована за доби правління Птолемея III [1, с. 82]. Призначення цієї споруди невідомо, однак воно могло бути храмом Ісиди. При цьому Дж. Маккензі припустила, що розташована південніше, біля спуску в підземні приміщення, Т-подібна споруда була побудована раніше – за доби правління Птолемея I або Птолемея II, а квадратні сходи, що ведуть у низ, були споруджені раніше ніж сам храм [1, с. 83].

Сьогодні залишки Серапейону знаходяться на природньому пагорбі Амуд ес Саварі, розташованому в окрузі Кармус на південному-заході від центру сучасного міста. У ході археологічних розкопок, які систематично проводилися, починаючи, з 1894 року, весь архітектурний комплекс не було повністю досліджено. Так, північний і західний схили пагорба були досліджені лише частково: вивчення північної частини самого святилища неможливо через те, що воно перебуває під мусульманським цвинтарем Баб Сідру, а західний схил, частково вкритий сучасною міською забудовою, мабуть, був значно ушкоджений і пограбований [2, с. 68].

Археологічне дослідження Серапейону було завершено в другій половині XX століття, проте перші спроби проаналізувати всі знахідки та реконструювати його зовнішній вигляд за елліністичної та римської доби було зроблено лише на початку XXI століття Дж. Маккензі, яка у 2004 році оприлюднила результати своєї багаторічної роботи в статті «Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence» [1, с. 73-121].

У ході археологічних розкопок, проведених А. Роу під час Другої світової війни [3, с. 1-115], було встановлено, що архітектурний стиль храму еллінський, а не єгипетський. Це підтверджується й знахідкою александрійської монети із зображенням храму Серапіса, випущеної в епоху правління імператора Адріана. На ній зображена статуя Серапіса, поміщена під портик із фризом, оточений коринфськими колонами [4, с. 90]. Під час археологічних досліджень під південно-західним та південно-східним фундаментом храму було виявлено десять спеціальних закладних табличок, виготовлених із різних матеріалів: із золота, срібла, бронзи, глини та бірюзово-зеленої скляної теракоти. Написи на закладних табличках говорять наступне: «Цар Птолемеї, син Птолемея та Арсіної, брат Богів, [присвячує] Серапісу храм (наос) та священне місце (теменос)» [1, с. 81]. Таким чином, закладні таблички дозволяють нам з повною достовірністю датувати час початок будівельних робіт 246-221 роками до нашої ери.

Залишки виявленого фундаменту Серапейону дозволили встановити довжину та ширину стін храму, які становили 174 та 77 метри

відповідно.

Як уже зазначалось раніше, архітектурний стиль храму був еллінським, а не єгипетським, однак, як відзначила Дж. Маккензи, традиція закладання спеціальних табличок під фундамент споруджуваного храму – це не грецький, а саме єгипетський звичай [1, с. 82]. На території храмового комплексу були виявлені єгипетські предмети. Наприклад, недалеко від Серапеума знайдено два типово єгипетські сфінкси елліністичного періоду. Крім цього тут виявлена частина статуї жерця в характерній для Єгипту жрецькому одягу – леопардовій шкірі [2, с. 188-189]. Правда, на запитання про те, коли й з яких причин ці предмети, виготовлені ще в період правління в Єгипті фараонів, з'явилися в Александрії, дотепер не вдалося знайти ясної відповіді. З цього приводу існує кілька різних точок зору [5, с. 203-206]. Відповідно одній з них, єгипетські артефакти почали привозити в нову столицю з ідеологічних міркувань. На думку інших дослідників, цей звичай виник у римській період, і був пов'язаний з тим, що римляни, стали жертвами моди на все єгипетське, вивозили різні пам'ятники в храми Александрії та Риму. Існує й гіпотеза, згідно з якою предмети, знайдені в столиці Птолемеїв, були привезені в основному з Гелиополя. Ймовірно, найбільш обгрунтована точка зору П.М. Фрейзера [6, с. 265-267]. Він відзначив, що перевіз єгипетських предметів у нову столицю міг початися в елліністичний період і продовжитися вже в часи римського панування. Відомо, що в храмі Сераписа в Мемфісі стояли статуї грецьких філософів і письменників. Очевидно, подібний механізм характерний і для Александрії, де давньоєгипетські предмети служили як прикраси й, можливо, якимось чином використовувалися під час храмових ритуалів [7, с. 83-84].

На єгипетських монетах, чеканих у період римського правління, зустрічаються зображення фасаду храму Сераписа. Це, головним чином бронзові драхми, випущені за часів правління імператора Домітіана, Траяна, Адріана, Антоніна Пія та Марка Аврелія [8]. На монетах зображено фасад храму Сераписа з двома або чотирма грецькими колонами, встановленими на базу. Колони завершуються капітелями, виконаними в коринфському ордені. Фронтон має трикутну форму. Архітрав виконаний простим, можливо, у доричному ордені. Фриз виконано у вигляді смуги, яка ділиться чергуванням тригліфів і метоп. Відомо, що чергування тригліфів і метоп утворюють фриз у доричному ордені. Це дозволяє нам зробити висновок, що храм виконано в класичному еллінському стилі.

Під час археологічних розкопок храму, які очолював Дж. Ботті було виявлено фрагменти капітелей, виконаних у стилі коринфського архітектурного ордену. [3, с. 132]. Ці капітелі були датовані III століттям до нашої ери. Знайдений фрагмент блоку тригліфу, вказує на те, що фриз був виконаний у доричному ордені та дозволяє підтвердити інформацію,

отриману з нумізматичних джерел.

Таким чином, ми прийшли до висновку, що великий храм присвячений богу Серапісу являє собою гарний приклад класичного еллінського стилю в архітектурі міста. Проте, єгипетські традиції все ж вплинули на будівництво цього храмового комплексу. Перш за все це виявилось в традиції закладання спеціальних табличок під фундамент споруджуваного храму. По-друге, в оздоблені храму, давньоєгипетськими предметами, які служили в якості прикрас й, можливо, якимось чином використовувалися під час храмових ритуалів.

Загальний висновок, до якого ми прийшли, спираючись на археологічні та нумізматичні джерела, полягає в тому, що за часів правління Птолемея III Евергета I було побудовано видатну культову споруду елліністичної Александрії присвячену культу бога Серапіса. Серапейон є однією з небагатьох споруд Александрії місце розташування, якої достовірно встановлено. В античні часи храм розташовувався у кварталі Ракотіс. Сьогодні залишки Серапейону знаходяться на природньому пагорбі Амуд ес Саварі, розташованому в окрузі Кармус на південному-заході від центру сучасного міста. На основі ґрунтового аналізу археологічних та нумізматичних джерел, було встановлено, що архітектурний стиль храму еллінський, а не єгипетський, проте повністю відкинути єгипетський вплив на архітектуру храму неможна.

Література

1. McKenzie J. Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence / J. McKenzie, S. Gibson, A.T. Reyes // *Journal of Roman Studies*. – 2004. – № 94. – P. 73-121. **2. Tkaczow B.** Topography of Ancient Alexandria (An Archaeological Map) / B. Tkaczow. – Varsovie: Zakad Archeologii Srodziemnomorskiej, Polskiej Akadmii Nauk, 1993. – 358 p. **3. Rowe A.** Discovery of the Famous Temple and Enclosure of Serapis at Alexandria: With an explanation of the enigmatical inscriptions on the Serapeum plaques of Ptolemy IV (Plâques bilingues de Ptolémée IV) / Alan Rowe, Étienne Drioton // *Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte*. – [Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale](#). – 1946. – Cahier. – № 2. – P. 1-115. **4. Empereur J.-Y.** Alexandria rediscovered [Text] / J.-Y. Empereur. — London: British Museum Press, 1998. – 253 p. **5. Yoyotte J.** Pharaonica / J. Yoyotte // Goddio F., Bernand A., Bernand E., Darwish I., Kiss Z., Yoyotte J. Alexandria: The Submerged Royal Quarters / F. Goddio, A. Bernand, E. Bernand, I. Darwish, Z. Kiss, J. Yoyotte. – London: Periplus, 1998. – P. 199-221. **6. Fraser P.M.** Ptolemaic Alexandria: In 3 vol. [Text] / Peter Marshall Fraser. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – Vol. I: Text. – 812 p. **7. Давыдова А.Б.** Храмы Сераписа в Египте: социкультурный контекст [Текст] / А.Б. Давыдова //

Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2009. – № 2(4). – С. 83-91. **8. Catalogue of the Greek coins in the British Museum: In 30 vols. / ed. R.S. Poole – London: Order of the trustees of the British Museum, 1892. – Vol. XV. Catalogue the coins of Alexandria and the nomes. – 395 p.**

УДК 930.2 = 411.21 „11“

Саидов З.А. (Луганск)

ОБ ОДНОМ ИЗ АДРЕСАТОВ МАС‘УДА ИБН НАМДАРА

Сборник байлаканского чиновника Мас‘уда б. Намдара был главным объектом востоковедных исследований Вольфа Менделевича Бейлиса. Значительная часть данного произведения представляют письма, написанные как в прозе, так и в стихах, которые адресованы разным современникам автора. В одной из касыд, содержащей жалобы на нарушение его прав и бедствия, жертвой которых он стал, Мас‘уд б. Намдар обращается *Джамал ал-Кудат* Абу-л-Хасану ‘Али б. Мухаммаду ат-Табари, которого автор упоминает несколько раз. Мас‘уд гордился своим знакомством с *Джамал ал-Кудат* и впоследствии ссылался на лестную оценку его словесного мастерства, данную этим ученым богословом.

В.М. Бейлис выдвинул предположение, что адресатом касыды являлся знаменитый шафи‘итский факих и богослов Абу-л-Хасан ‘Али б. Мухаммад б. ‘Али ат-Табари (450/1058–504/1111), известный как ал-Ал-Кийа ал-Хараси. Ал-Кийа ал-Хараси был суфием, *факихом* шафи‘итом и ‘ашаритским богословом. Он родился в Табаристане. Учился в Нишапуре у Имама ал-Харамайн Абу-л-Ма‘али ал-Джувайни (ум. в 478/1086 г.) и стал искусным ученым. По завершению обучения он ушел в Байхак, где занимался преподаванием. Потом он переехал в Багдад и преподавал вместе с ал-Газали в мадрасе ан-Низамийа. Умер ат-Табари в Багдаде в 504/1111 г. Допуская такую идентификацию Вольф Менделевич, обратил внимание на некоторое расхождение в именах адресата Масуда ибн Намдара и Ал-Кийа ал-Хараси, а также на тот факт, что Ал-Кийа ал-Хараси ни в одном из известных ему источников не упомянут с титулом *Джамал ал-Кудат*. Несмотря на то, что в своих предыдущих исследованиях автор данных строк был соизмерен с мнением В.М. Бейлиса, последующий детальный анализ информации из арабоязычных биографических сочинений подтолкнуло к отказу от идентификации адресата Масуда ибн Намдара как Ал-Кийа ал-Хараси.

Биографические сведения, выявленные в *Му'ждам ас-сафар* Абу Тахира ас-Силафи (ум в 576/1180 г.) в *ат-Табхир* Абу Са'да ас-Сам'ани, в *Зайл та'рих мадина ас-салам* Ибн Наджара, в *Китаб ал-вафи* Халила ас-Сафади (ум. в 764/1363 г.), в *Табакат аш-шафи'ийа ал-кубра* Тадж ад-дина ас-Субки (ум. в 771/1370), дают возможность с большей долей достоверности установить личность данного адресата Мас'уда ибн Намдара.

Ас-Силафи, который посетил Арран, сообщает о своей встрече с ал-кади Абу Абдаллахом Мухаммадом б. 'Али б. Мухаммадом ат-Табари, который декламировал ему свое стихотворение в округе Гянджи. Далее он извещает, что «этот кади Мухаммад был тем, кто блистал своим умом здесь, а его отец был преподавателем в мадрасе, которую основал ан-Низам в округе Джанзи». После смерти отца Абу 'Абдаллах ат-Табари сам преподавал в данном учебном заведении и получил признание в Арране как превосходный факих и адиб.

Автор одной из «биографических историй» Багдада Ибн Наджар в заметке об *Имам ал-Харамайн* Абу-л-Ма'али 'Абд ал-Малике б. 'Абдаллахе ал-Джувайни (ум. в 478/1086 г.), цитирует информацию того же ас-Силафи о том, что в Арране кади Хунана некто по имени Хаджи декламировал ему четверостишие ал-кади Абу-л-Хасана 'Али б. Мухаммада б. 'Али ат-Табари, мударриса в округе Джиза (Джанза), в тот которой оплакивал смерть своего знаменитого учителя *Имам ал-Харамайн*.

Отдельную биографическую заметку об ал-кади 'Али б. Мухаммаде б. Али Абу-л-Хасане ат-Табари ал-Амули приводит ас-Субки. Автор шафи'итского табаката указывает что он происходит из Амула Табаристана. Ссылаясь на ас-Сам'ани, ас-Субки информирует, что Абу-л-Хасан был превосходным имамом, который занимался хадисами и слушал в своем родном городе 'Абдаллаха б. Джа'фара ал-Джинази, в Багдаде Абу-л-Гана'има б. ал-Мам'уна, Абу Джа'фара б. ал-Масламу других знатоков хадисов. С его слов передавал хадисы его племянник Абу Джа'фар Мухаммад б. ал-Хусайн б. Амирка, кади в Табаристане. В заключительной части биографической заметки, автор уточняет, что этот Абу-л-Хасан и *ал-Кийа ал-Хараси* были схожи по имени, кунье, именам отца и деда и они табаристанцы (по нисбам). Но первый старше чем *ал-Кийа ал-Хараси*, ибо в 432/1040 году он слушал хадисы от ал-хафиза ал-Джинази, а *ал-Кийа ал-Хараси* родился в 450/1058 году.

Анализ биографических известий, как нам представляется, позволяет достоверно установить, что адресатом Мас'уда ибн Намдара был не *ал-Кийа ал-Хараси* Абу-л-Хасан 'Али б. Мухаммад б. 'Али ат-Табари (450/1058–504/1111г.), а другой его современник – 'Али б. Мухаммад б. 'Али Абу-л-Хасан ат-Табари ал-Амули (ум. во второй половине XI в.),

первый мударрис ан-Низами в Гяндже, исполнявший, скорее всего, и обязанности кади в Арране.

УДК 930.25-047.37+929Бейлис

Сбродов А.А. (Луганск)

Перспективы исследования архива В. М. Бейлиса

Источниковедческие исследования В. М. Бейлиса носили фундаментальный научный характер и позволили прояснить многие аспекты социально-политической истории, исторической географии, этнографии стран и народов Восточной Европы, Закавказья, Ближнего Востока эпохи Средневековья. Работы В. М. Бейлиса, посвященные исследованию сведений арабских авторов IX-XII вв. по указанным вопросам, способствовали формированию той базы письменных исторических источников, без которой невозможно было бы создание многих общеисторических и востоковедных научных трудов. Несмотря на это, научно-исследовательская деятельность, В. М. Бейлиса до сих пор не нашла должного освещения в историографической литературе.

Личный архив В. М. Бейлиса вместе с его библиотекой с 2004 года находится на хранении в Научно-исследовательском центре имени В. М. Бейлиса «Восток-Запад: теория и история межкультурных взаимоотношений» при кафедре всемирной истории и международных отношений ЛНУ им. Тараса Шевченко. Данный архив может послужить серьезной информативной базой не только о жизни и деятельности Вольфа Менделевича, но и о развитии востоковедных исследований в Украине и странах СНГ. В состав архива В. М. Бейлиса входят: 1) печатные публикации учёного; 2) рукописные материалы, особую ценность среди которых представляют рукописи кандидатской и докторской диссертаций и приложение к последней; 3) переписка В. М. Бейлиса с ведущими учёными-востоковедами бывшего СССР; 4) личные документы учёного; 5) коллекция микрофильмов, большая часть из которых – тексты или фрагменты произведений различных арабских авторов. Изучение материалов архива В. М. Бейлиса (как по отдельности, так и комплексно) имеет значительные научные перспективы и может быть интересно широкому кругу исследователей.

В. М. Бейлис вёл активную переписку с коллегами из ведущих востоковедных центров Советского Союза и Западной Европы. Изучение переписки В. М. Бейлиса может быть полезно не только для исследования

биографии самого учёного, но также позволит открыть новые факты из жизни и деятельности его адресатов.

В архиве хранятся рукописи кандидатской диссертации «Сочинения ал-Мас'уди как источник по истории Восточной Европы X века» и докторской диссертации «Сочинения Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы» с приложением. Благодаря своему фундаментальному характеру данные исследования остаются актуальными для изучения истории народов Восточной Европы и Передней Азии. В частности, значительный интерес представляет исследование номенклатуры ремесленно-торговых профессий средневекового города Байлакан, системы управления восточным городом в эпоху кризиса Сельджукского государства, изучение образцов провинциальной поэзии эпохи Сельджукидов, реконструкция образа типичного чиновника-поэта конца XI – начала XII вв. Особую значимость представляет приложение к докторской диссертации В. М. Бейлиса, в котором учёный осуществил полный перевод на русский язык сочинений Мас'уда ибн Намдара.

Важной составной частью архива В. М. Бейлиса являются его черновики. Эти материалы отражают работу учёного в архивах и библиотеках Киева, Москвы, Ленинграда, Баку. В черновиках В. М. Бейлиса содержатся объёмные выписки из текстов различных арабских авторов, обширные цитаты из исторической литературы на русском и европейских языках, хронологические таблицы, списки литературы, а также некоторые соображения учёного по тем или иным научным проблемам. Реконструированные на их базе методы изучения арабоязычных источников в известной мере могут послужить руководством для современных источниковедческих исследований.

Многочисленные научные работы В. М. Бейлиса на протяжении его жизни были опубликованы в различных востоковедных изданиях, а некоторые остались в рукописном формате. Сбор и публикация всех работ В. М. Бейлиса (как на украинском, так и на русском языке) в одном издании может стать хорошим подспорьем для молодых востоковедов в их последующих научных изысканиях.

Изучение материалов архива В. М. Бейлиса может не только существенно расширить базу источников для исследования биографии самого учёного, но и дать важный, а некоторых случаях уникальный, материал для реконструкции истории развития советского востоковедения второй половины XX века. Материалы из архива Вольфа Менделевича открывают также перспективы предметного исследования тех тем в области восточного исторического источниковедения, которые были озвучены учёным, но не нашли исчерпывающего отражения в его работах.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРАБСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ И КАТАЛОГИЗАЦИЯ КНИГ. ЗАЧЕМ БЫЛ НАПИСАН «АЛЬ ФИХРИСТ»?

Значение арабских библиографических трудов переоценить невозможно. Сочинения вроде “Фихриста” Ибн ан-Надима, а также позднейшие, написанные на арабском сочинения, вроде “Кашф аз-Зунун” Хаджи Халифы, послужили основой для многих европейских библиографических работ. Между тем, до настоящего времени открытым оставался вопрос о том, как практически осуществлялась библиографическая классификация, так как о существовании теоретических трудов на этот счет ничего неизвестно.

В ходе подготовки трех справочных пособий по арабской археографии (<http://wamcp.bibalex.org/>, N. Serikoff. Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. – Leiden, 2005), A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic MSS preserved in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy (St. Petersburg Branch) / [ed. by N. Serikoff] (в печати)) как представляется, мне удалось пролить свет на эту проблему. В целом, ее решение заключается в анализе роли, которую играли названия сочинений и славословия Всевышнему, следовавшие за “*альхамдули-л-Лахи*”.

Названия арабских сочинений, особенно рифмованных, переводить сложно, а некоторые невозможно вовсе. А. Амбросом позаимствовал у А. Кармоны остроумную идею (которую бессовестно выдал за свою) видеть в предлоге “фи” указание на область, к которой относится сочинение, например “*Аль-Канун фи-т-Тибб*” (т. е. Канон в области врачевания, ср.: “*Аль Канун фи-н-Нахв*, т. е. (тоже) канон, но уже в области грамматики Приэтом, в первой части названия Амброс усматривал как литературное украшение. Явное отсутствие логики в таком объяснении непомешало Амбросу настаивать на своем.

Для подготовки упомянутых выше справочников было просмотрено свыше 10.000 названий по оригинальным каталогам (а не по малонадежному труду К. Брокельмана). Вывод: первая часть представляла собою указание на жанр сочинения, причем указание это было зашифровано кодовым словом, например “золото”, “сад” и т. п. Таким образом, классификация строилась на двух принципах: указание области знания и типа (жанра) сочинения. Рукописи переписывались, из них составляли сокращенные эпитоми, что с точки зрения средневековых авторов, являлось самостоятельным сочинением. Изменялось и название в соответствии с

областью, к которой относил новое сочинение его автор. Так как многие арабские сочинения переписывались почти дословно, редки случаи когда одно и то же (на сегодняшний взгляд) сочинение известно под несколькими названиями (N. Serikoff, Beobachtungen über die Marginal- und Schnitttitel in christlich-arabischen und islamischen Büchersammlungen // Manuscript Notes as Documentary Sources / [hrsg. K. Hirschler, A. Goerke]. – Beirut, 2011). На самом же деле, название играло роль библиотечного шифра, по которому его можно было отыскать в любой библиотеке, а переводить библиотечные шифры на другой язык занятие, как известно, неблагоприятное.

Славословие Всевышнему в отечественной восточной археологии неграмотно называют “богословием”. Оно считается “неинформативным”, поэтому, приступая к описанию рукописи, его обычно отбрасывают и переходят к “аммаба’ду”. В ходе составления указанных выше справочных пособий был создан указатель лексикона таких славословий на основании примерно 4.000 сочинений. Этот указатель свидетельствует, что славословие было одним из основных элементов библиографического описания. В него, как правило, включали указание на то, о чем будет говориться в повествовании: “Слава Всевышнему, который сотворил табачный дым и курево” (так начинается османское сочинение о медицинских свойствах табака). В сочетании с названиями сочинений славословия давали весьма четкую картину описываемого сочинения. Зная их, получается, читать само сочинение было не обязательно.

Расстановка книг на полках (или в шкафах) производилась, как видно, по тематическому принципу, а внутри темы – по жанрам и в алфавитном порядке. Классификация, очевидно выработавшаяся спонтанно, была настолько удобной, что позволяла классифицировать любую книгу, при условии того, что титул и славословие написаны по-арабски. Именно поэтому, на наш взгляд, так много сочинений, написанных на турецком, персидском и т. п., тем не менее, имеют арабское название и арабское же «цветистое» введение. Будучи почти универсальной, она, тем не менее, не давала ответа на существенный вопрос: как определить совокупность сочинений одного автора? Для этого и оказались пригодны библиографические словари, главным из которых по праву считают «Китаб аль Фихрест» Ибн ан-Надима.

Сулаберидзе З.Н. (Тбилиси)

АЛ. БАРЯТИНСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ НА КАВКАЗЕ 50-60-Х ГГ. XIX В.

Имя известного кавказского наместника Ал. Барятинского особенно близко связано с политической историей стран Кавказа 50-60-х гг. XIX века. Ал. Барятинский осуществил множество значительных мероприятий по укреплению позиций Российской империи на Кавказе. Жизнь и деятельность человека, который с 1835 по 1862 год особенно связан с историей Российской кавказской войны, прочно вошли в анналы политической истории царской России на Кавказе второй половины XIX века. И поэтому, многостороннее изучение политической деятельности Ал. Барятинского интересно специалистам, изучающим отдельные вопросы истории и этнологии народов Кавказа.

Из многих интересных материалов, описывающих кавказскую деятельность Ал. Барятинского, мы обратим внимание на одну весьма значительную проблему: распространение и возрождение христианского вероисповедания на Кавказе.

В XIX веке в осуществлении вышеназванного проекта весьма значительным являлся тот факт, что под лозунгом «христианской защиты», у России появлялось еще больше возможностей для утверждения на Кавказе. Во 2-й половине XIX века это являлось весьма актуальной проблемой внутренней политики Российской империи.

В первую очередь, приведем те выдержки из записей Барятинского, в которых особенно отмечена передовая роль грузинского народа в распространении христианского вероисповедания среди народов Кавказа: «Грузинский народ и грузинская церковь не щадила для того никаких усилий. Между тем, как проповедники, не желая своей крови, несли диким племенам слово спасения, светская власть Грузии, несмотря на скудность средств, строила по их следом вековые церкви... и высылала в горы многочисленных священников» [3, л. 6(об)].

Хорошо известно, что в XV веке османо-персидские нападения на Грузию до крайности ослабили христианское грузинское население, которое в таком великом мусульманском пространстве не имело никаких возможностей защитить как свою веру, так и веру соседних стран от тирании мусульманских государств. Огорчительным является и тот факт, что со временем христианская религия принимала признаки, характерные идолопоклоннической религии. По словам Ал. Барятинского, «мало-помалу

христианские понятия перемешались у них с древними язычниками» [3, л. 7].

Фактически единственным христианским народом на Кавказе оставались грузины, которые были вынуждены противостоять мусульманскому азиатскому пространству. Как справедливо отмечал Ал. Барятинский «...единственный христианский народ (грузины – 3. С.) постоянно должны были выдерживать грудью напор целевой Азии и пали, наконец, в этой невозможной борьбе» [3, л. 7(об)].

В ноябре 1742 года, проживающие в Москве грузинские духовные лица, служащие в Знаменском соборе – архиепископ Николоз и Иосеб Самебели, представили доклад о трудной положении христианской религии в Осетии, и для решения этой весьма значительной проблемы советовали Российскому императорскому двору отправить грузинских духовных лиц [2, с. 236-237].

Представленный доклад духовных лиц стал граном для российской империи непосредственно заниматься осетинской проблемой. В 1739 году, согласно Белградскому трактату между Россией и Турцией, Кабарда была объявлена нейтральной зоной. В такой ситуации, Российское правительство, чтобы не обострять отношения с Турцией, открыто не вмешивалось в осетинские дела. В этой обстановке предложение грузинских духовных лиц было весьма приемлемым для России. В 1744 году созданная «Осетинская духовная комиссия» в основном была укомплектована грузинскими духовными лицами, чтобы Турецко-Персидское правительство посчитало это личной инициативой грузинских миссионеров. В Российских кругах также хорошо знали, что грузинские духовные лица среди осетин имели хороший авторитет, что давало основание коллегии иностранных дел Россию отправить духовных деятелей в Осетию. Вышеназванная комиссия с начала 1745 года по 1771 год успешно вела пропаганду христианского вероисповедания как среди осетин, так и среди других племен Северного Кавказа. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 года, после боевых успехов против Турции, Россия на Кавказе ведет открытую деятельность и «Осетинская духовная комиссия» официально объявляется одним из главных орудий Кавказской политики.

Позднее, в комиссию были введены русские духовные лица, а также был издан приказ грузинскую графику изменить русским графиком в переводах и изданиях осетинских духовных книг. Но, как видно, работа комиссии была недостаточной. По оценке кн. Тормасова «...Для наставления людей сих в правилах веры присланы были из Моздока и Астрахани духовные особы из Грузии, кои не были достаточно образованы, наипаче недобросовестным поведением своим отвратили их от

христианства и излобили до такой степени, что сии учитель веры принуждены были из жилищ их удалиться» [3, 19 (об)]. Несмотря на такую жесткую оценку Торماسова, в целом, работа осетинской духовной комиссии не была такой уж безрезультатной, так как она убрала те первые противодействия, которые, в лице тарикатизма, препятствовали распространению христианства на Северном Кавказе.

Из материалов видно, что до правления Ал. Барятинского, Российский императорский двор не оставлял без внимания эту весьма важную проблему. Но проведенные работы были не достаточными. В 40-50-х гг. XIX века в приграничных зонах Чечни и Кабарды интенсивно распространяли магометанство как среди высших, так и низших слоев населения. Соседство с мусульманской Турцией, проповедование мусульманства в приграничных зонах, недостаточная работа с христианской идеологией – все это еще больше ослабляло христианство также и в Западной Грузии.

Кутаисский генерал-губернатор князь Эристав в своем письме от 6 ноября 1858 года кавказскому наместнику отмечал следующее: «при настоящем составе и бездействии Гурийского духовенства, влияние исламизма заметно усиливается там в ущерб православию» [1, с. 521]. Кутаисский генерал-губернатор был абсолютно прав, когда отмечал то критическое положение, которое существовало в Западной Грузии: «Исламизм, не встречая себе противодействия, с течением времени приобретает более силы в пределах наших и ослабляет политическое влияние наше на христиан соседственных турецких провинций» [1, с. 522].

Эти и другие факторы способствовали распространению такого реакционного течения исламской религии, каким являлся мюридизм. Мюридическое движение развивалось на основе родовых, полупатриархальных и полуфеодальных отношений, особенно в горных районах Дагестана, Чечни и Ингушетии. Проповедники мюридизма и газавата свили свои гнезда именно в этих районах. В 50-х годах XIX века мюридизм укрепляет свои позиции в Шемахии [1, с. 527]. Вышеуказанное обстоятельство вынудило епархию Кавказа и Черноморского побережья написать прошение к Кавказскому наместнику Ал. Барятинскому об оказании помощи, которая была так необходима для укрепления христианства [1, с. 527].

После обсуждения этого вопроса, Ал. Барятинский в 1860 году писал председателю кавказского комитета генерал-адъютанту Орлову о принятии действенных мер для улучшения условий ставропольского архиерейского дома, который в 1842 году был перенесен из Моздока. По мнению кавказского наместника, обязательно должны были возрасти штаты духовных лиц, которые абсолютно не соответствовали тем

принципам существования ставок, которые были утверждены еще в конце XVIII века.

Мы обратим особенное внимание на до сегодняшнего дня не известный документ, т.н. проект Ал. Барятинского, в котором содержится много интересных для нас вопросов.

Ал. Барятинский ставил вопрос о том, какие мероприятия должна провести Россия на Кавказе против распространения мюридизма [3, л.10]. Мероприятия, по мнению Ал. Барятинского, должны были проводиться согласно следующих принципов:

1. Должно быть создано общество под названием «Крестовоздвиженское братство».

2. Общество укомплектовывалось из людей, имевших прочное финансовое положение. Члены общества должны были взять на себе обязанность ежегодно вносить членский взнос по следующим разрядам: взнос членов первого разряда определялся не менее 1000 рублей; второго – не менее 300 рублей, а третьего 100 рублей.

3. Кроме взноса члены общества ежегодно должны были собирать подписи по всей российской территории.

4. Члены общества должны были уделять особенное внимание созданию тесных связей между собой. В честь уважения ордена должна была быть создана специальная геральдическая символика, которую каждый член общества должен был бы носить. Также в Зимнем дворце должен был быть открыт специальный зал, куда бы смог прийти каждый член общества.

5. Главное управление «Крестовоздвиженского братства» должно было размещаться в Тбилиси, председательствовал бы кавказский наместник, заместителем председателя должен был быть Эгзархос Грузии. В главное управление входили также другие члены братства, которых избирал председатель, заместитель и другие члены общества. Принимаемое решение входило в силу после утверждения Российского императора.

6. Деньги, получаемые с пожертвований, должны быть направлены: а) для сохранения горских церквей, где дети и остальная часть населения могли бы получать христианское воспитание на русском языке; б) вторым направлением распределения денежных сумм являлось создание классов при Санкт-Петербургской, Московской и Тбилисской семинариях, где было возможно изучение горских кавказских языков; Ал. Барятинский пишет, что перевод святых писем, в первую очередь, должен быть осуществлен на осетинский и сванский языки, а затем на другие кавказские диалекты. Этим путем, с точки зрения Ал. Барятинского, Россия может совершить для своих подданных то, что английское библейское общество совершает для диких племен Африки и Полинезии.

7. Главное управление братства должно было обладать полномочиями, на основании которых оно могло бы контролировать деятельность проповедников христианства на Кавказе и следить за распределением годового бюджета.

В сферу деятельности «Крестовоздвиженского братства» должен был входить не только Кавказ, но, вообще, вся территория Российской империи, что для российского православия стало бы главным условием успешной деятельности.

Материалы того времени показывают, что цели Ал. Барятинского остались неосуществленными. В различных источниках и литературе о религиозной жизни Кавказа 50-60-х гг. XIX века можно заметить, что т.н. орден «Крестовоздвиженского братства» не существовал, а сам проект Ал. Барятинского так и не был реализован в духовной жизни Кавказа.

Оценивая данный проект, следует отметить, что он, бесспорно, являлся прогрессивным для духовного и культурного развития народов Северного Кавказа. Также надо отметить, что абсолютно не прав Ал. Барятинский, разделяя единый грузинский народ на сванов, хевсуров, абхазцев и другие грузинские (картвельские) племена. Понятно, что разделение Грузии на Абхазию, Менгрелию, Сванетию, Хевсуретию и т.д. была слабой стороной понимания грузинской этнической обстановки. Подобный подход существовал и, к сожалению, существует поныне. Все же А. Барятинский выступил одним из инициаторов перевода Библии и других священных писем на кавказские языки. Поскольку ислам и мюридизм распространялись на Кавказе только на арабском языке, это обстоятельство не давало возможности развития языка и культуры народов Северного Кавказа. В проекте четко выражена религиозная политика Российской империи 50-60-х гг. XIX века. Ал. Барятинский хорошо понимал, что проведением церковной реформы русским царизмом успешно завершился бы процесс модернизации Кавказа.

Литература

1. **Акты**, собранные кавказской археографической комиссией. – Тиф., 1904. – Т. XII. – С.1558 . 2. **Тогошвили Г.** Грузино-осетинские отношения в XVI-XVIII веков / Г. Тогошвили. – Тб., 1969 (на грузинском языке). – 350 с. 3. **Российский** государственный военно-исторический архив, ф. Военно-учебный архив (ВУА), д. 6696, л.10.

Троян С.С. (Київ)

«АРАБСЬКА ВЕСНА» У ФОРМАТІ СУЧАСНИХ ГЕОПОЛІТИЧНИХ ЗРУШЕНЬ

Сучасна постбіполярна система міжнародних відносин, започаткована в 1991 році розпадом Радянського Союзу і світової системи соціалізму разом з її інституційним вираженням у формі Ради Економічної Взаємодопомоги й Організації Варшавського Договору, попри формальне зникнення класового, ідеологічного, економічного і військово-політичного протистояння у світовому масштабі зберігає значний потенціал конфліктогенності в глобальному й регіональному вимірах. Відновлення старих (Російська Федерація) і поява нових (Європейський Союз, Китай) центрів сили на світовій арені, геополітичне і гео економічне перегруповання сил у Європі й Азії, низка локальних конфліктів на Балканах і Південному Кавказі, в Африці й на Близькому Сході, наявність невизнаних міжнародною спільнотою квазідержавних утворень (Придністров'я, Абхазія, Осетія, Нагірний Карабах) сприяє проявам як реальної, так і потенційної дестабілізації всієї сучасної системи міжнародних відносин «після холодної війни». Прикладом нового чинника регіонального і глобального впливу на неї стали революції в державах Північної Африки та Близького Сходу.

«Арабська весна» 2010-2011 рр. продемонструвала складність передбачення і навіть хаотичність розвитку світових міжнародних процесів. Ще декілька років тому не лише букмекери, а навіть найдосвідченіші співробітники розвідувальних агенцій країн G-8 не поставили б і десяти доларів на те, що з режимами, які десятиліттями існували на Близькому Сході та в Північній Африці, може щось трапитись. За всіма своїми відмінностями режими мали дещо спільне. Вони сприймалися як стабільні, у тому числі й з огляду на «ресурсну» вагомість близькосхідного регіону в міжнародному масштабі. Так вважали міжнародні оглядачі, в цьому були переконані самі громадяни. Попри загальну невдоволеність урядами, ніщо не вказувало на готовність консервативних мусульман всерйоз взятись за їхнє повалення та ще й при підтримці низки великих держав сучасності. Але це сталося – непередбачувано, стрімко, бурхливо – і справило суттєвий вплив не лише на регіональному рівні, але й на ситуацію на глобальній міжнародній шахівниці.

Тектонічні зрушення, викликані революціями / бунтами / заворушеннями / повстаннями у Тунісі, Єгипті, Лівії, Йємені, Сирії

поширилися на весь регіон. Їх вплив був величезним – позитивним і руйнівним водночас – як у регіональному, так і глобальному вимірі. Вони викликали жвавий інтерес в колах науковців і публіцистів, прикладом чого можуть бути хоча б матеріали наукової конференції у Варшавському університеті, а також книги німецького журналіста Йорна Армбрустера і мароккансько-французького письменника і філософа Тахара бен Джеллуна [3; 17; 18].

Поштовхом до початку протестів стало самоспалення туніського вуличного торговця фруктами Мухаммеда Буазізі, вчинене 17 грудня 2010 року на знак протесту проти свавілля поліції, яка конфіскувала його товар. Внаслідок цього в Тунісі розгорілися масові протести, що призвели до відставки багаторічного президента (з 1987 р.) Зіна бен Алі вже 14 січня 2011 року. Успіх Жасминової революції в Тунісі дав поштовх аналогічним акціям протесту в інших арабських країнах, де здебільшого існували ті самі проблеми.

Загалом основні соціально-економічні передумови арабських революцій зводяться до таких: наявність диктатури або абсолютної монархії, порушення прав людини, високий рівень корупції, загальний економічний занепад, безробіття та екстремальна бідність, у тому числі серед молоді. Всі ці соціальні хвороби, якими віддавна хворіли суспільства Північної Африки і Близького Сходу, призвели до того, що громадянам країн цього регіону врешті урвався терпець. «Терпіння народів має свої межі – чаша, яка переповнюється через край, просто розбивається на незчисленні скалки...» [12], – справедливо зауважив Тахар бен Джеллун.

Потужну роль у революційних подіях «арабської весни народів» відіграли молоді люди. При цьому, звичайно, не можна заперечувати того, що комунікаційно-сітьова «публічна дипломатія» США, поширюючи певні західні цінності, справляла суттєвий вплив на частину молоді. Російська дослідниця Наталія Цветкова справедливо пише: «Публічна дипломатія не ставила своєю метою здійснення революцій в арабському світі, але вони стали незапланованим продуктом публічної дипломатії США і популярності сітьового спілкування» [15; 16].

Принагідно зауважимо, що сучасна публічна дипломатія США включає в себе дві основні групи засобів: перша – традиційні програми впливу на інші держави (інформаційну пропаганду та навчання окремих соціально-професійних груп населення; друга – так звані цифрові програми (інтерактивні радіо і телебачення в мережі Інтернет, моніторинг дискусій у зарубіжній блогосфері, створення персоналізованих сторінок членів уряду США в соціальних мережах, розсилання інформації через мобільні телефони тощо) [16].

Чи стануть арабські повстання весною за часів задушливого арабського літа? Чи можна стверджувати, що події першої половини 2011 року розпочали новий етап в сучасній історії? Очевидно одне: хвилі арабських революцій, які відбулися в Тунісі та Єгипті, охопили практично всі країни Близького Сходу та Північної Африки і їх доречно розглядати як новий тип дій мас у регіональному вимірі. Це реальні соціальні революції складного комбінованого характеру, а не просто протестні ісламські рухи, викликані суспільно-політичними негараздами, невдоволенням політикою правлячих режимів і зініційовані в тому числі фінансово-економічною кризою 2008/2009 рр.

До речі, в інтерактивному голосуванні групи «В контактi» щодо питання «ХТО ВІНЕН В АРАБСЬКІЙ ВЕСНІ?» відповіді респондентів розподілилися так (станом на 2 листопада 2012 р.): США – 72,7 %, Європейський Союз – 12,1 %, Диктатори – 9,1 %, Ліга арабських країн – 3 %, опозиція – 3 % [1]. Результат опитування свідчить, що арабські революції – це новий виток конфронтації Заходу з ісламським світом.

Водночас в арабському світі складається нова розстановка сил. І сценарій протестних виступів у кожній країні різний. Було б помилковим зводити всі арабські революції і повстання до одного спільного знаменника. Правда, фундаментальні причини масивних повстань схожі: авторитарне правління, відсутність свободи, важке економічне і соціальне становище, крайня бідність, величезний розрив між вузьким верствам корумпованих правителів і умовами життя мас. Однак події розвивалися різними курсами в різних країнах [6].

У Тунісі та Єгипті більш передові соціальні та економічні інститути і набагато вище рівень загальної освіти і національної самосвідомості. Саме тому їх прогрес набагато більш очевидний, особливо в **Тунісі**, де ліві групи традиційно краще організовані і користуються впливом (в Тунісі 55 політичних партій).

Туніс став першим прикладом країни, де соціальні мережі відіграли значиму роль в революційних подіях. Тунісець Самі Бен Гарбія – правозахисник і співзасновник сайту «Наваат», що у перекладі з арабської означає «Ядро». Саме це інтернет-видання наприкінці 2010 року розпочало оприлюднення тих документів WikiLeaks, які стосувалися зловживань туніської влади. У секретних депешах йшлося зокрема про те, що «режим президента Бен Алі втратив зв'язок із народом» і «покладається на поліцію», щоб «втримати владу». Саме сайт «Наваат» оприлюднив цю дипломатичну переписку, названу «Тунілікс». Вона блискавично поширилася у соціальних мережах і лише підігріла гнів народу Тунісу на чинний на той момент режим. «Тунілікс» лише опублікував ці депеші, вклав їх у контекст, а вже інші – наші блогери, активісти – почали

перекладати їх і поширювати у Facebook. І вже далі всі ці поширення, посилення ставали джерелом інформації для різних ЗМІ» [10], – розповів Самі Бен Гарбія на церемонії New Media Award.

Три основні сили вийшли на перший план політичного життя в **Єгипті** – армія, молодь та ісламські організації, в першу чергу Брати-мусульмани. Революція в Єгипті різко змінила зовнішню політику країни. Він повернувся до панарабізму і поступово відійшов від особливих відносин з Ізраїлем (Єгипет зняв блокаду сектора Газу). Ця зміна дозволить консолідувати позиції ісламських організацій, особливо стосовно зусиль щодо вироблення арабо-ізраїльського мирного договору. Відносини між Єгиптом і Ізраїлем неминуче будуть погіршуватися (Ходять чутки у ЗМІ про два варіанти виходу з Кемп-Девіда).

Побоювання ізраїльської еліти знайшли своє відображення у заяві прем'єр-міністра Біньяміна Нетаньяху на зустрічі з президентом США Бараком Обамою у травні. У відповідь на мирну ініціативу США, Нетаньяху різко відкинув можливість повернення до кордонів 1967 року, так як цей формат не дозволяє Ізраїлю гарантувати свою безпеку в умовах нової демографічної реальності. Тель-Авів вкрай стурбований тим, що на Генеральній Асамблеї ООН може пройти резолюція про визнання палестинської держави у кордонах 1967 року.

Питання Єрусалиму в даний час розглядається у новому контексті, багато в чому завдяки арабським революціям. Шейх Юсуф аль-Карадаві, дуже популярний мусульманський лідер, який в даний час проживає в Катарі, закликав демонстрантів на площі Тахрір в Єгипті у похід за повернення Єрусалиму. Це одне із найбільш чутливих питань – мечеть Аль-Акса є однією з основних мусульманських святинь і жоден арабський лідер не посміє підписати угоду, в якій Східний Єрусалим не буде визнаний столицею арабської держави Палестина.

Повстання в Ємені почалися 22 січня 2011 року, а вже 27 січня на вулиці столиці держави, міста Сани вийшли тисячі людей с вимогою відставки президента Ємену Алі Абдаллі Салеха, що перебував при владі 32 роки, з 1978 року. Тільки 23 листопада 2011 р. в столиці Саудівської Аравії Салех підписав Указ про передачу повноважень віце-президенту держави, з четвертої спроби, три до цього провалювались.

У **Лівії** революційна боротьба набула форми громадянської війни проти режиму Моамара Каддафі. Вона набрала форму збройного виступу племен провінції Кіренаїка та деяких частин лівійської армії проти лідера країни Муамара Каддафі, що займав керівну посаду з 1969 року, і проти державного уряду на чолі з прем'єр-міністром Багдаді Махмуді. Розпочалося повстання з масових протестів 16-17 лютого 2011 під впливом революцій в сусідніх Тунісі та Єгипті. Криваве придушення протестів

поліцією та армією спричинило повстання і початок громадянської війни із застосуванням важкого озброєння та авіації.

20 жовтня 2011 року агенція Reuters із посиланням на представника Національної тимчасової ради, повідомила, що Муаммар Каддафі, якого захоплено в місті Сирт, помер від поранень, яких він мав декілька – в обидві ноги та голову. Місто Сирт було останнім оплотом прихильників Каддафі. Його захоплено раніше, в четвер, 19 жовтня.

Збройний і політичний конфлікт в **Сирії** розпочався 15 березня 2011 року з демонстрацій, які були частиною «арабської весни», і переріс у повстання та громадянську війну в 2012 році. Протестувальники вимагали відставки Президента Башара аль-Асада та завершення майже 50-річного однопартійного правління Баатистів. У результаті проведеного 26 лютого 2012 р. референдуму була прийнята нова Конституція Сирії. Вона набрала чинності з 27 лютого 2012 року після того, як президент Сирії Башар аль-Асад видав законодавчий указ N 94 від 2012 року про її ухвалення та опублікування в урядовому бюлетені.

Всі народи, охоплені арабськими революціями, залишаються вкрай нестійкими. ЗМІ, які виконують роль мимовільного маніпулятора подій, не дають можливості отримати точну картину або зрозуміти розстановку сил та можливі шляхи розвитку подій в регіоні. Потужна, а іноді і вирішальна роль засобів масової інформації як революційного знаряддя (Інтернету, Twittera, Facebooka й інших соціальних мереж, медіа- і телеканалів, таких як Аль-Джазіра і Аль-Арабія) є відмінною рисою подій на Близькому Сході.

Так, наприклад, під назвою «Всі ми – Халед Саїд» в Єгипті виник рух на підтримку 28-річного єгипетського блогера і підприємця, забитого до смерті поліцейськими в Александрії за викладене у мережі викривальне відео. Загибель цього молодого чоловіка влітку 2010 року фактично стала поштовхом до гуртування єгиптян у соціальних мережах. Спочатку вони виходили на вулиці як учасники флеш-мобів пам'яті загиблого, але вже за півроку, після низки самоспалень на знак протесту проти політики Хосні Мубарака, почали об'єднуватися проти влади. «Ключова ідея цієї сторінки полягала не стільки в об'єднанні людей у Facebook – це вже давно не було новинкою. Ми думали над тим, як винести це об'єднання за межі соціальної мережі. Флеш-моби стали першою такою спробою. Їхні учасники у більшості своїй не були громадськими активістами – це були жінки, цілі родини, які виходили на вулицю, вбрані у чорне» [10], – розповідає Надін Вахаб, одна з адміністраторів сторінки руху у мережі Facebook.

Поряд з цим, не слід перебільшувати і роль нових інформаційних технологій – значна частина арабських суспільств з ними просто незнайома. Натомість, суттєву роль у піднесенні революційних настроїв консолідації

протестної маси відіграли п'ятничні молитви і проповіді у мечетях (що не дає вагомий підстав говорити про керівну роль духовенства).

Проте, безперечно, ці арабські революції незвичайні тим, що вони є елементарними масовими рухами, що охоплюють широкий прошарок суспільства, без наперед створених центрів, потужних організованих структур, маніфестів чи навіть конкретних завдань, крім повалення влади та сімейних кланів, пов'язаних з нею. Маси були об'єднані передовсім спільними емоціями – гнів, невдоволення та ненависть до правлячих еліт. Люди просто втомилися від багаторічного правління однієї людини (Мубарак – 30 років, Салех – 33 роки, Каддафі – 44 роки, Бен Алі – 23 роки), тим більше, що вони часто використовують свої посади для особистого збагачення. Масові протести і виступи в рамках арабських революцій носили сільовий характер, не мали чіткої організаційної структури, єдиного керівництва, програми і плану дій, але були вистраждані відповідними суспільствами. Уже цитований нами Тахар бен Джеллун з цього приводу зазначав: «Найбільша перемога цієї арабської весни стала наслідком зрілості. Люди вийшли на вулиці спонтанно, готові рішуче йти до кінця, не слухаючись наказів якого-небудь лідера, голови партії, або ще меншою мірою – керівника релігійного руху. І прийшла перемога: природна революція, прообразом якої є плід, який геть визрів і одного зимового дня він впав сам по собі, тягнучи за собою інші плоди, – і араби почали танцювати, як у час народного свята. Ніхто не може опиратися цьому рухові, ударні хвилі якого рознеслися дуже далеко. Вони докотилися до Китаю й одного дня, можливо, досягнуть патогенних передмість Європи» [12].

Однак навіть через два роки після перших інцидентів «арабської весни народів» жодній політичній силі не вдалося розробити зрозумілі та реалістичні програми розвитку, які здатні мобілізувати маси. Це створює реальний ризик, що революції зазнають поразки. Реверс економічного розвитку може зробити умови життя ще гіршими, а нові правителі (чи то представники світської або військової старої еліти, а чи навіть радикальних мусульманських сил), прийшовши до влади, мало чим відрізнятимуться від повалених у ході революцій політичних режимів.

Існує також реальний ризик того, що внутрішні і зовнішні сили можуть використовувати поточне невдоволення в арабському суспільстві для досягнення своїх власних цілей. Прикладом, ілюстрацією такого не вповні оптимістичного прогнозу може бути ситуація в Єгипті. Президентські вибори виграв представник політичного крила «Братів – мусульманів» Мухамед Мурсі. Але навіть після цього ситуація в країні до кінця не стабілізувалася: соціальні протести і виступи населення особливо у великих містах продовжувалися. Ще більше обстановка напружилася у

зв'язку з наближенням референдуму 15 грудня 2012 року щодо прийняття нової конституції. Зокрема, понад сто тисяч прихильників Мурсі вийшли на вулиці у столиці Каїрі та в інших містах країни. У центрі Каїра, на площі Тахрір, тривала постійна цілодобова акція його супротивників, які різко негативно зреагували на повідомлення про призначений референдум. Критики президента, а також міжнародні правозахисники заявляли, що проект конституції, який виноситься на референдум, не забезпечує захист прав людини, а також ігнорує права жіноцтва, обмежує свободу слова під приводом захисту релігії чи передбачає можливість судити цивільних осіб у військових судах [8]. До кінця напругу в єгипетському суспільстві не зняла навіть заява М.Мурсі про відмову від надповноважень і забезпечення рівності для всіх єгиптян у сфері демократії, політичних, релігійних і економічних свобод.

Ще одним прикладом невдоволення можуть слугувати події осені 2012 року в Лівії, в тому числі й убивство посла США в цій державі Крістофера Стівена [5]. Приводом до антиамериканських виступів у Бенгазі і штурму ісламістами генконсульства США, де в той час був посол, став вихід фільму, який мусульмани розцінили як глум над пророком Мухамедом. Сприяла цьому й відповідна інформаційно-пропагандистська кампанія в мас-медіа й Інтернеті. Трагічний парадокс цих подій у тому, що саме Стівенс був одним із головних координаторів західної допомоги лівійській опозиції проти Муамара Каддафі. У розпал громадянської війни він неодноразово виїжджав у те саме Бенгазі, де знайшов смерть від рук «революціонерів», яким допоміг захопити владу.

Не можна оминати і міжнародні наслідки «арабської весни народів» 2011 року [14]. Прямим наслідком арабських революцій є формування нової розстановки сил у Середземному морі. Ця іскра соціальних революцій загрожує поширитися на північ від свого південного узбережжя (напружена ситуація в Греції). Водночас регіон Середземномор'я і не тільки поступово перетворюється на арену ісламохристиянського протистояння.

Використання досвіду, методів і досить нових гасел єгипетських, лівійських, сирійських, туніських рухів (формування організаційних комітетів і зв'язок через Facebook, Twitter) є характерною рисою низки масових акцій у Європі.

Загалом, є всі підстави сказати, що арабські революції змінили історію Близького Сходу. Ці революції дозволили людям подолати свій страх перед всемогутньою владою, апатією, розпачем і нездатністю протистояти тиранії, насильству і корупції. Це величезний психологічний перелом, який об'єктивно справляє вплив як на охоплені революційними рухами країни арабського світу, так і спільноти в інших регіонах світу.

Водночас не треба забувати, що про назрівання серйозних змін у близькосхідній підсистемі глобальних міжнародних відносин спеціалісти вели мову ще раніше. Незадовго до арабських революцій 2010-2011 рр. директор Близькосхідного центру Карнегі в Бейруті Пол Салем стверджував, що регіон «зламаний». Насправді, якщо Близький Схід і «зламався» сам, то в той же час він став успішно ламати й інших, справляючи зростаючий вплив на світовий порядок. Але якщо Салем мав на увазі, що структури і баланс сили, які склалися тут до кінця 1970-х рр. і видозмінилися з завершенням холодної війни та розпадом Радянського Союзу, більше вже не існували, то це твердження недалеко від істини [7].

З огляду на сказане **слід підсумувати**, що, *по-перше*, так звана арабська весна була підготовлена попереднім ходом світового розвитку в післявоєнний період; *по-друге*, вплив змін на Арабському Сході на глобальну міжнародну систему не є принципово новою рисою (як приклад, можна розглядати вплив «оксамитових революцій» на геополітичні та геокономічні зрушення на рубежі 80-90-х років ХХ століття) [7]; *по-третє*, новим чинником і впливовим знаряддям арабських революцій стали соціальні мережі, Інтернет, нові інформаційні технології загалом; *по-четверте*, в арабському світі може з часом скластися своєрідна дихотомія традиційних абсолютистських і нових демократичних політичних режимів, які будуть близькими за своїми цінностями до Заходу; *по-п'яте*, разом з тим розраховувати на швидке залагодження і повну стабілізацію обстановки в країнах Північної Африки та Близького Сходу в тактичній перспективі кількох років очікувати не доводиться. Започатковані «арабською весною» процеси ще довго викликатимуть різного роду політичні, соціальні, релігійні розломи як в окремих країнах, так і регіоні загалом; *по-шосте*, революції в арабському світі в контексті сучасних – рубежу ХХ-ХХІ ст. – геополітичних зрушень слід розглядати як одну із тенденцій становлення нової багатополосної системи міжнародних відносин і переділу світового ресурсного простору [2, с. 3], що актуалізує проблему ефективного регіонального і глобального управління міжнародними процесами; *по-сьоме*, завдання світової спільноти, насамперед її впливових міжнародних акторів, а також держав, які ситуативно отримують доступ до впливу на регіональні та глобальні процеси (прикладом цього може бути Україна, яка 6-7 грудня 2012 р. на засіданні Ради міністрів ОБСЄ [11] в Дубліні отримала повноваження по головуванню в ОБСЄ в наступному – 2013 році та офіційно декларує безпековий вимір і врегулювання регіональних конфліктів у якості одного з найвагоміших пріоритетів своєї місії, назвав пріоритети головування України в ОБСЄ в 2013 році [4; 9]) – розгорнути активну діяльність по створенню дієвих інноваційних міжнародних механізмів і регіональних інститутів для стабілізації ситуації в

конфліктогенних регіонах, у тому числі в районі Середземномор'я і Близького Сходу. У контексті цього привертає увагу висловлена ще на зорі «арабської весни» точка зору директора Фонду польсько-українського співробітництва RAUCI, Польща Яна Пекло: «Арабська революція — явище, порівнянне тільки з польською «Солідарністю» та падінням Берлінського муру. Ця революція відкриває шлях для драматичних і позитивних (хоча й у довгостроковій перспективі) змін у Північній Африці й на Близькому Сході. Спільнота демократій має бути готова до цієї нової перспективи. ЄС у співробітництві зі США (реакція Вашингтона здається менш хаотичною й більш послідовною) має сфокусувати увагу на підготовці стратегії для всього регіону свого сусідства» [13].

Нарешті, не можна оминати увагою той факт, що два роки по «арабській весні» спонукають до осмислення низки уроків. **Перший** – сучасна система міжнародних відносин побудована, з одного боку, на поєднанні елементів нестабільності та хиткої рівноваги, а, з другого, характеризується у зв'язку з цим підвищеним рівнем хаотичності та зростання впливу на неї не(мало)передбачуваних чинників, одним з яких і виступають арабські революції. **Другий** – західне розуміння демократичних перетворень і внутрішньополітичних змін після блискавичного й обвального усунення багатолітніх диктаторських режимів у низці держав Північної Африки та Близького Сходу як гарантії швидких трансформаційних зрушень у цьому регіоні не витримує випробування часом; фактично на зміну «арабській весні» (порі надій) йде «арабська осінь» (період розчарування), яка далека від справжньої свободи і реального покращення умов життя людей, боротьба за що була першопричиною революції. **Третій** – відбувається посилення позицій ісламських фундаменталістів у результаті ослаблення жорсткого контролю за діяльністю їхніх громадських і політичних сил у країнах арабського світу, які були охоплені революційною хвилею в 2010-2011 рр., а це, у свою чергу, супроводжується зростанням там загрози релігійної радикалізації, посиленням впливу ісламського чинника на всі сфери світського життя. **Четвертий** – революції «арабської весни народів» сфокусували увагу на небаченому раніше значенні інформаційно-мережевого чинника в мобілізації та згуртуванні людей на боротьбу проти правлячих режимів. З огляду на це арабські революції вперше ввійшли в історію як Internet-, Twitter-, Facebook- революції, іншими словами – цифрова революція вперше в світі викликала соціальну революцію. В перспективі чинник соціальних мереж і сателітарного телебачення набуватиме ще більшого, безперечно доленосного впливу на перебіг суспільних і політичних процесів. **П'ятий** – після «арабської весни» очевидне бажання США як мінімум послабити свій вплив на ситуацію на Близькому і Середньому

Сході (сприяє цьому і «сланцева революція», яка змінює підходи американців до енергетичної безпеки і пов'язаної з нею геополітичної конфігурації, де вже немає місця залежності від енергоресів близькосхідних держав), облишивши значною мірою дестабілізовані країни і суспільства, що має щонайменше два наслідки: з одного боку, офіційний Вашингтон зберігає надпотужні можливості та ресурси впливу на світову політику і прекрасно розуміє, що «збиті на деякий час з пантелику» арабські суспільства самі рано чи пізно звернуться за допомогою до США; з іншого, у конкретному вираженні сьогодення очевидно, що Близький Схід перебуває в ситуації чергової «холодної війни», яка загрозус не тільки регіональній, але й глобальній стабільності. Звідси, **шостий урок** – не допустити в жодному вигляді чи прояві повторення ситуації столітньої давності, коли численні локальні кризи, конфлікти, війни (російсько-японська війна, балканські війни, австро-сербський конфлікт, убивство в Сараєво, липнева криза 1914 року) і повстання та революційні потрясіння в Російській імперії і країнах Сходу (Індія, Персія, Османська імперія, Китай) в кінцевому підсумку вилилися у руйнівну Велику війну 1914-1918 рр. з відповідними наслідками міжнародного характеру, пов'язаними, насамперед, з руйнацією старої і творенням нової Версальсько-Вашингтонської системи міжнародних відносин.

Література

1. **Арабские** революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vk.com/club_arab_spring
2. **Арутюнян Г.** Стратегия развития и геополитические сценарии / Г.Арутюнян // 21-й Век. – 2010. – № 3 (15).
3. **Бен Джеллун Тахар.** Спалах: заворушення в арабських країнах: есеї / Тахар бен Джеллун. – К.: Грані-Т, 2012. – 112 с.
4. **Грищенко** назвав пріоритети головування України в ОБСЄ в 2013 році [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://ua.golos.ua/politika/20120621_grischenko-nazvav-prioriteti-golovuvannya-ukrajini-v-obse-u-2013-rotsi
5. **Ефимова М.** Ливийская революция пожирает своих отцов. В Бенгази убит посол США / Мария Ефимова, Максим Юсин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ua/doc/2021047>
6. **Кургинян С.** Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / С. Кургинян. – М.: МОФ ЭТЦ, 2011. – 288 с.
7. **Наумкин В.В.** «Арабская весна» и глобальная международная система / В.В.Наумкин // Россия в глобальной политике. – 2011 2 августа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>
8. **Президент** Єгипту призначив конституційний референдум на 15 грудня [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/24786982.html>
9. **Президент**

назвав пріоритети українського головування в ОБСЄ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.ukrinform.ua/ukr/news/prezident_nazvav_prioriteti_ukrainskogo_golovuvannya_v_obse__1758525 10. **Ремовська О.** Арабська весна й інтернет як осередок зародження протесту / Олена Ремовська [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/24700020.html> 11. **Розпочався** візит Міністра закордонних справ України до Ірландії для участі в засіданні Ради міністрів ОБСЄ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245857546 12. **Серпневий** «Спалах» «арабської весни» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ualit.org/?tag=%> 13. **Солодкий С.** Арабська весна. Українські приморозки / Сергій Солодкий // Дзеркало тижня. Україна». – 2011. – 11 березня (№9). 14. **Стародуб Т.С.** Наслідки “Арабської весни” (2011) для Близького Сходу та Північної Африки: основні ризики та загрози [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.vidkrytochi.org.ua/2011/12/2011.html> 15. **Цветкова Н.** Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // Н.Цветкова // США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С. 109 – 122. 16. **Цветкова Н.** Публичная дипломатия США и революции в арабском мире [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://mir-politika.ru/237-publichnaya-diplomatiya-ssha-i-revolucii-v-arabskom-mire.html> 17. **Armbruster Jörg.** Arabska wiosna. Rewolucja w świecie islamskim. – Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2012. – 232 s. 18. **Bunt** czy rewolucja? Przemiany na Bliskim Wschodzie po roku 2010 / Redakcja Katarzyna Górak-Sosnowska, Katarzyna Pachniak. – Łódź: Ibidem, 2012. – 286 s.

УДК 930/2: 94(4-11/13) „08/09“

Филипчук О.М. (Чернівці)

ПОЛОНЕНІ АРАБИ У ВІЗАНТІЇ НАПРИКІНЦІ ІХ – СЕРЕДИНИ Х СТ.: ВІЙНА, ХРЕЩЕННЯ І ЦЕРЕМОНІАЛ

Описуючи війну Візантії з болгарами у 890-х рр., ал-Табарі розповідає про надзвичайно скрутне становище візантійської армії. За його словами, загроза від болгар була настільки небезпечною, що імператор Лев VI Мудрий вирішив скористатися допомогою полонених арабів, які, вочевидь, перебували у Константинополі: «Коли цар греків не знайшов порядку від царя слов'ян, він зібрав мусульман, які знаходилися біля нього. Він роздав їм зброю і просив допомогти йому проти слов'ян. Вони здійснили це і слов'яни відступили. Коли цар греків побачив таке, тоді він

став боятися за себе, відправив до них людей, забрав їх, взяв в них зброю і поселив їх по областях у зв'язку зі страхом, щоб вони не здійснили злочинів проти нього» [1, с. 11].

Чи справді така історія з полоненими арабами мала місце у час правління імператора Лева VI Мудрого? Візантійські автори нічого не згадують про неї. Загалом повідомлення про полонених арабів у візантійського історіописанні не є частими. Інформації про використання полонених у візантійській армії впродовж кінця IX-X ст. зовсім мало. Майже всі вони знаходяться у «*De cerimoniis*» («Книга церемоній») – трактаті написаному імператором Костянтином VII Багрянородним і проредагованим у 960-х р., ймовірно, Васи́лієм Лакапіном. У двох розділах, 44 і 45, у яких йдеться про видатки скарбниці, складу флоту і спорядження для підготовки трьох кампаній (двох походів проти критських арабів 911 і 949 р., і значно меншої експедиції до Лангобардії у 935 р.) згадано й полонених, без означення їх походження (ἀπὸ τῶν νέων ἀρχμαλώτων οὖν) [2, р. 661; 3, р. 215]. На жаль, складно визначити, хто були ці 79 «нових» полонених. Все ж повідомлення «*De cerimoniis*» тяжіють ближче до середини X ст.

Натомість про полонених арабів в імператорському палаці маємо відомості Харуна ібн Яхьї, який залишив детальний опис Константинополя. Сам Харун ібн Яхья був полоненим і перебував у Константинополі наприкінці IX ст. [13, р.149-164]. У його випадку маємо справу з джерелом безперечно дуже обізнаним. Так, Харун ібн Яхья, описуючи принади візантійських церемоній, спершу зазначає, що бачив у передпокої імператорського палацу чотирьох полонених. Останній з яких, за його словами, був командуючим цього палацового загону. На думку Й. Маркварта, арешт командуючого цієї групи був попереднім, а сам він, таким чином, не мав статусу полоненого [6, р. 226]. Однак Харун ібн Яхья вказує на походження перших двох полонених («мухамеданця» і «людини з Тарсу»), що говорить про формування з полонених тюрків і арабів окремих загонів близько 900 р. [13, р. 156]. В іншому місці Харун ібн Яхья пише про окреме місце проживання полонених у Константинополі [13, р. 161].

У світлі повідомлення Харуна ібн Яхьї слова ал-Табарі отримують добре пояснення. Використання полонених арабів у війни з болгарами отримало продовження вже незабаром, коли невелика група їх приймала участь у візантійських церемоніях, свідком яких й був Харун ібн Яхья. Як тоді бути з іншими словами ал-Табарі про розселення полонених після завершення війни з болгарами по фемах?

У *De cerimoniis* наприкінці 49 розділу міститься текст, названий згідно заголовку про полонених сарацинів та їх хрещення (Περὶ τῶν ἀρχμαλώτων Σαρακηνῶν τῶν ἐπὶ θεματι βαπτισομένων) [2, р. 694. 22-695. 14].

Текст, який дійшов до нас, представлений вже у відредагованому вигляді. Про це свідчать помітки на зразок «знай» (ἵστέον) чи «взьми до уваги» (χρῆ εἰδέσθαι), а також вилучення назви феми, у якій були поселені араби, що прийняли хрещення. Зауваги редактора демаркують частини тексту, які конкретизують отримання суми коштів від протонотарія феми, звільнення від податків на три роки, виділення земельного наділу. Суперечливий й статус хрещених полонених. На думку Н. Ікономідіса, вони є категорією залежних селян [9, р. 297-298], проте, як зауважив Е. Макгір, друга і третя частини тексту суперечать цьому. За ними, вони позбавлені якихось форм залежності, а їх наділ радше відповідає наділу страгіота (στρατιωτικῆς οἰκῆς). Можна погодитися із Е. Макгіром, що полонені араби використовувалися у даному випадку для заселення фронтиру [7, р. 366]. Цей приклад, на думку редактора, мав бути типологічним, тому й назва феми тут не мала вже значення. Коли ж відбулося хрещення арабів, поселених у фемі? Заголовок 49 розділу не містить датування, лише вказується, що плата видана для хартуларіїв і нотаріїв секретів здійснена у час правління імператора Лева VI [2, р. 692-696]. Розміщення редактором невеликого за об'ємом тексту про хрещення полонених арабів в кінці цього розділу напевно чи є випадковістю. У розпорядженні редактора все ж існували неперепаровані документи щодо надання полоненим земельних наділів і звільнення їх від податків, де зазначався час цих подій, а саме правління імператора Лева VI Мудрого. Таким чином, повідомлення ал-Табарі можна співставити із інформацією *De cerimoniis*. Схоже, що деяка частина полонених арабів справді була розселена по фемах під час правління Лева VI Мудрого. Полонені, перебуваючи в утриманні, мали можливість ближче познайомитися із християнством, після чого деякі з них могли прийняти віру Христа. Самі ж візантійці не надавали хрещенню полонених особливої ваги, ба, більше, не намагалися хрестити їх за всяку ціну. Запрошення полонених арабів на святкові обіди говорить про намір імператора продемонструвати у першу чергу відкритість християнства, його універсалізм, а вже потім відкрити можливість хрещення самих полонених арабів (детально про полонених арабах на святкових обідах див. [10, р. 549-579; 11, р. 229-245]. Важливішою була їх участь у візантійських церемоніях.

Поглянемо на місце полонених у трімфальній процесії всього на кількох прикладах середини X ст., часу початку зростання візантійської експансії. Продовжувач Феофана пише про похід страгіга феми Ківіріотів Василя Ексаміліта на арабів близько 956 р. Після цього «агаряни зазнали поразки, були розбиті, зв'язані і взяті у полон, до того ж були схоплені всі їх вожді, командуючі і кадї. Їх відправили до міста, до щасливого Константина і він провів їх у процесії по іпподрому» [12, р. 420]. Раніше Продовжувач Феофана говорить про блискучі діяння Іоанна Куркуаса, а саме взяття

Мелітینی у 934 р., де йому вдалося повернути на свій бік навіть деяку групу арабів на чолі з Абу Хасафом, які «з того часу вони воювали разом з ромеями проти своїх одновірців агарян та у час триумфів входили до міста з ромеями, ведучи полонених агарян» [12, р. 415-416]. Це ж мовиться й у випадку напрочуд успішної кампанії Лева Фоки проти Хамздана: «всю військову здобич разом із полоненими ворогами Христа відправили у Візантію і провели у триумфальній процесії» [12, р. 430]. Більш детально про триумфальну процесію Лева Фоки повідомляє Лев Диякон. Він пише, що Лев Фока наказав захоплених агарян закувати у кайдани (τοὺς δὲ τῷ πολέμῳ ληφθέντας πένδας ἀσφαλίσάμενος τῶν Ἀγαρηνῶν) і «ввійшов до міста із величезною здобиччю і багатьма полоненими агарянами, самодержець Роман прийняв його з честю. На час триумфу у театрі Лев здивував жителів величезною кількістю рабів і захопленого майна» [8, р. 23-24].

З іншого боку, Продовжувач Феофана і Лев Диякон нічого не повідомляють про знатного полоненого Лева Фоки, брата Сайфа ад Даули, Абу Ашаіра, про якого говорить Іоанн Скілиця і ряд арабських істориків, серед яких й Яхья Антіохійський [1, с. 67]. За словами Іоанна Скілиці, «коли Аполашаір прибув до столиці, імператор Константин провів його на триумфі, поставивши свою ногу на його шию, але потім демонстрував свою прихильність до нього, удостоївши його честі і подарунків» [4, р. 241]. За припущенням М. Маккорміка, цей епізод склав основу для нарративу триумфальної процесії, представленій у 19 розділі *De cerimoniis*, яка проходила перш за все, на форумі Константина, а не на іпподромі як завжди [5, р. 161]. Тут бачимо й знатних полонених сарацинів (μεγιστάνους τῶν Σαρακηνῶν) і їх еміра (πρώτον Ἀμρῶν), що очевидно ним й був Абу Ашаір [2, р. 610-611]. Також читаємо таку ж історію з наступленням імператора на шию полоненому. Як бачимо, зв'язок між текстом *De cerimoniis* і Скілицею є близьким. Однак це не означає, що Скілиця почерпнув інформацію про Абу Ашаіра із *De cerimoniis*. Історія про триумф Константина VII Багрянородного над еміром Абу Ашаіром, схоже, була написана після здійснення триумфу і включена до складу *De cerimoniis* від 957 до середини 960-х рр. Все ж для набуття такого вигляду, у якому вона дійшла до нас у цьому зібранні різночасових текстів різноманітного походження, зовсім гіпотетичний текст був суттєво перероблений тому, щоб слугувати зразком подальших сценаріїв для процесії триумфу, а не історичної інформації. Скілиця ж для написання подій 940-950-х рр. користувався окрім Продовжувача Феофана ще й іншим історичним твором, який визначити не вдається [3, р. 93-94]. Нічого не залишається як вважати, що Скілиця запозичив сюжет про Абу-Ашаіра із цього гіпотетичного джерела.

Наступання на шию полоненому родичу Сайфа ад Даули було для імператора актом політичного символізму, однією із форм візуальної

пропаганди, де полонений ворог взамін отримує дари. Очевидно, що імператор не хотів вбивати Абу-Ашаіра, хоча, за словами Скілиці, у Константинополі ширилися чутки про вбивство Константина, сина Фоки, що перебував у полоні у Хамдана і відмовився прийняти іслам, за що й був замучений [1, с. 242]. Окрім смерті Константина, все інше являлося лише чутками. Константин Фока помер від поранення, і намагання Хамдана вилікувати його не мали успіху [1, с. 297, додаток, с. 67]. Імператор мав на меті обміняти полонених арабів, у тому числі й Абу-Ашаіра на тих візантійців, котрі опинилися у руках Сайф ад Даули. Він спорядив посольство до правителя арабів. Смерть Константина Фоки змусила посланців повернутися до Константинополя ні з чим.

Література

- 1. Васильєв А.А.** Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время македонской династии (867-959 гг.) / А.А. Васильев. – СПб., 1902. – Т. 2. – 540 с.
- 2. Constantinus Porphyrogenitus.** De ceremoniis aulae Byzantinae libri 2 / Rec. I.I. Reiske. – Bonnae, 1829. – 808 p.
- 3. Haldon J.** Theory and Practice in Tenth-Century military administration. Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies / J. Haldon // *Travaux et Mémoires*. – 2000. – Т.13. – P. 201-352.
- 3. Holmes C.** Basil II and the Governance of Empire (976-1025) / C. Holmes. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 625 p.
- 4. Ioannis Scylitzae.** Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn. – Berlin – New York, 1973. – 579 p.
- 5. McCormick M.** Eternal victory. Triumphal rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West / M. McCormick. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 452 p.
- 6. Marquart J.** Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge / J. Marquart. – Leipzig, 1903. – 557 p.
- 7. McGeer E.** Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century / E. McGeer. – Washington: Dumbarton Oaks Research Library, 1995. – 408 p.
- 8. Leonis Diaconi Caloensis.** Historiae libri decem / Ed. C.V. Hasii. – Bonnae, 1829. – 624 p.
- 9. Oikonomides N.** Οἱ βυζαντινοὶ δουλοπάροικοι // *ΣΥΜΜΕΙΚΤΑ*. – 1983. – Т. 5. – P. 295-302.
- 10. Simeonova L.** In the Depths of Tenth-Century Byzantine Ceremonial: The Treatment of Arab Prisoners of War at Imperial Banquets / L. Simeonova // *Byzantine Warfare*, ed. J. Haldon. – Aldershot: Ashgate, 2007. – P. 549-579.
- 11. Simeonova S.** Foreigners in Tenth-Century Byzantium: a Contribution to the History of Cultural Encounter / S. Simeonova // *Strangers to Themselves: the Byzantine Outsider. Papers from the Thirty-second Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1998*, ed. D. Smythe. – Aldershot: Ashgate, 2000. – P. 229-245.
- 12. Theophanes continuatus** / Ed. I. Bekker. – Bonnae, 1825. – 950 p.
- 13. Vasiliev A.** Harun-ibn-Yahya and his description of Constantinople / A. Vasiliev // *Seminarium Kondakovianum*. – Т. 5. – P. 149-164.

Филькин К.Н. (Томск)

ВКЛАД Т. СТЮАРТА В ИССЛЕДОВАНИЕ ГАУДИЯ- ВАЙШНАВИЗМА

В данной работе исследуется вклад Тони Стюарта в изучение бенгальского вайшнавизма. Тони Кевин Стюарт (Tony Kevin Stewart) – американский индолог и историк религии, специализирующийся в области литературы и религии доколониального и раннего колониального периода бенгальского региона (современные Бангладеш и индийский штат Западная Бенгалия). Т. Стюарт родился в 1954 г. В 1976 г. он окончил Университет Западного Кентукки со степенью бакалавра В.А. *summa cum laude*, получив специализацию в области религиоведения, востоковедения и немецкого языка. Затем он продолжил учебу в Чикагском университете на факультете южно-азиатских языков и цивилизаций, где в 1981 г. получил степень магистра искусств (А.М.). Там же в 1985 г. получил степень Ph.D. with Distinction за диссертацию «The Biographical Images of Kṛṣṇa-Caitanya: A Study in the Perception of Divinity» («Биографические образы Кришны-Чайтаньи: исследование восприятия божественности») [1]. В 1986-2011 гг. Стюарт являлся профессором религии и литературы Южной Азии в Университете штата Северная Каролина. С 2011 г. профессор и заведующий кафедрой религиоведения в Университете Вандербильта. В период с 1985 г. по настоящее время он также являлся директором и сооснователем нескольких научных групп и институтов в Америке и Бангладеш (в т.ч. Центра Северной Каролины по изучению Южной Азии). Занимаясь изучением литературы и религий Бенгалии, он исследовал довольно широкий спектр тем, среди которых: истории о святом Сатья Пире, литературное наследие Рабиндраната Тагора, мусульмано-индуистские взаимоотношения, тантрические традиции. Значимая часть исследований Стюарта посвящено бенгальскому вайшнавизму и в особенности изучению его агиографического наследия. Далее будут рассмотрены несколько работ, отражающих направление исследований Т. Стюарта.

Некоторой отправной точкой для исследовательского пути оказалась уже упомянутая выше диссертация, долгое время оставшаяся неопубликованной и недоступной для широкой общественности. В итоге она стала фундаментом опубликованной в 2010 г. издательством Оксфорда монографии «The Final Word: The Caitanya Caritamṛta and the Grammar of Religious Tradition» («Финальное слово: Чайтанья-чаритамрита и

грамматика религиозной традиции») [2]. Предмет исследования – произведение Кришнадаса Кавираджа «Чайтанья-чаритамрита», завершенное, предположительно, к 1612 г., – является фундаментальным произведением гаудия-вайшнавизма, посвященным описанию жизни Кришны Чайтаньи, ключевой фигуры движения вайшнавов Бенгалии. Можно отметить, что на данный момент это, пожалуй, наиболее полное академическое исследование по Чайтанья-чаритамрите с позиции религиоведения. В работе автор разбирает основные аспекты данной религиозной традиции, включая ее исторические аспекты, теологические положения, широкий корпус текстов, применяя при анализе аппарат построения грамматик. Данная «реконструкция жизни текста», как Стюарт образно называет свои исследования в предисловии, позволяет ему ввести рассматриваемое агиографическое произведение начала XVII в. в современный философский, религиоведческий и историографический дискурс.

Критическое издание перевода на английский язык «Чайтанья-чаритамриты» Кришнадаса Кавираджа, выполненное Эдвардом Димокком, вышло в рамках серии «Harvard Oriental Series» в 1999 г [3]. Т. Стюарт стал редактором данной публикации и автором предисловия. Э. Димок (1929-2001), являвшийся наставником Стюарта, считается родоначальником изучения бенгальской литературы и языка в США; переводу «Чайтанья-чаритамриты» он посвятил около 20 лет.

Одной из первых работ Стюарта, посвященных исследованию деталей биографии Чайтаньи, является статья «When Biographical Narratives Disagree: The Death of Kṛṣṇa Caitanya» (Когда биографические нарративы расходятся: смерть Кришны Чайтаньи») [4], опубликованная в 1991 г. в религиоведческом журнале «Numen», выпускаемом Международной ассоциацией истории религии. В ней автор рассматривает различные версии повествований о смерти Кришны Чайтаньи. Рассматриваемый вопрос, как отмечает Стюарт, дает представление о пути членов сообщества гаудия-вайшнавов, раскрывая историческую информацию о них. С точки зрения теологии вайшнавизма, будет неверно говорить о смерти Чайтаньи, потому что он является Кришной, *сваям бхагаван* («Верховным Богом»), и поэтому он только по своей воле спускается на землю и возносится на небо. Стюарт отмечает, что четверо агиографов подчеркивая этот теологический момент, вообще отказываясь говорить о данном событии, ясно давая понять, что оно не несет сотериологического значения; четырнадцать же других авторов, однако, озвучивают четыре альтернативы: Чайтанья исчезает а) в храме Джаяганнатха; б) в храме Гопинатха; в) в водах океана; г) или он умирает от заражения стопы. Несмотря на очевидные различия, внешне повествования следуют общей четкой схеме действий: религиозные

деяния, перемещение в некую точку *axis mundi* и возвращение на небеса. Этот паттерн, в свою очередь, параллелен базовым концепциям онтологии гаудия-вайшнавизма – трем ступеням *садханы* (т.е. практики, регулируемой правилами). Стюарт делает вывод, что, поскольку все эти явные нарративы могут преуменьшить божественность Чайтаньи, описывая его смерть, они теологически гетеродоксальны, но основной их паттерн все же показывает, что их восприятие обусловлено концептуализацией, согласующейся с ортодоксальной идеей школы.

Статья Стюарта 1994 г. «One Text from Many: The 'Caitanya Caritamṛta' as Classic and Commentary» («Один текст из многих: 'Чайтанья-чаритамрита' как классика и комментарий») [5], опубликованная в сборнике, рассматривающем различные агиографические традиции Индии, целиком посвящена «Чайтанья-чаритамрите» Кришнадаса Кавираджа. Автор отмечает, что данная агиография эффектно заканчивает агиографическую традицию, охватывающую столетний период формирования гаудия-вайшнавского движения, и вместе с тем «Чайтанья-чаритамрита» несет вес непрерываемого авторитета в вопросах жизни Чайтаньи, став «классикой» в гаудия-вайшнавизме. Стюарт задается вопросами: что означает статус классического произведения, каким образом «Чайтанья-чаритамрита» выступает в роли наиболее значимой среди других биографий и как текст поколение за поколением может оставаться без внесения изменений. Согласно Стюарту, благодаря своим возможностям, эрудиции и беспрецедентной широте видения Кришнадас Кавирадж предлагает всестороннее представление не только событий жизни Чайтаньи, но и понимание того, что вообще означала эта жизнь. Кришнадас составляет свою работу, редактируя и расширяя труды своих предшественников, строя сложный, синтезированный текст, почти метатекст. Так Стюарт формулирует свой дескриптивный тезис, вынесенный в название статьи: «Чайтанья-чаритамрита» – это один текст, построенный на основании многих других. Данный агиографический источник обладает весьма преднамеренной структурой, которая, судя по сотням однородных рукописей, осталась фактически неизменной. В этой связи Стюарт приводит структурное соответствие блоков «Чайтанья-чаритамриты» другим произведениям гаудия-вайшнавской литературы биографического и философского характера.

К исследованию биографических описаний рождения Кришна Чайтаньи Т. Стюарт обращается в работе 1997 г. «When Rahu Devours the Moon: The Myth of the Birth of Kṛṣṇa Caitanya» («Когда Раху пожирает Луну: миф рождения Кришны Чайтаньи») [6], в которой автор проводит сравнительное описание нарративов о рождении Чайтаньи. В работе поднимается целый ряд агиографических текстов XVI – нач. XVII вв.

(«Кришна-Чайтанья-чаритамрита» Мурари Гупты, «Чайтанья-чаритамрита» Кришнадаса Кавираджа Госвами, «Чайтанья-мангала» Джайананды Мишры, «Адвайта-пракаша» Ишана Нагара). Исследуя агиографические источники, Стюарт высказывает точку зрения, что авторы придерживаются различных теологических систем с различными степенями детализации и успешности, вместе с чем в вайшнавском сообществе существовала тенденция провести некоторую «стандартизацию» жизнеописания Чайтаньи. Те или иные интерпретации под воздействием этого импульса стандартизации должны были исчезнуть. Но тем не менее, учитывая, что это все-таки агиографические источники, они несут некоторую долю и исторически проверяемой информации – прежде всего о жизни самого вайшнавского сообщества, нежели даже о жизни Чайтаньи. Стюарт исследует нарративы о рождении Чайтаньи по паттернам мифов о героях. Проводя анализ, Стюарт приводит к выводу, что имеющиеся мифологизированные биографические тексты с их неисторическими паттернами становятся эффективным инструментом для исторической реконструкции.

В статье «Replicating Vaisnava Worlds: Organizing Devotional Space through the Architectonics of the Mandala», опубликованной в журнале «South Asian History and Culture» в 2011 г. [7], Стюарт рассматривает положения гаудия-вайшнавской теологии через архитеконику построения *мандал* (особых мнемонических схем), характерных для данной школы. Отдельной особенностью этой работы является то, что в ней Стюарт обращается к некоторым полученным им манускриптам, приводя в тексте своей статьи содержащиеся в них рисунки мандал сакрального пространства гаудия-вайшнави́зма. Изначальной предпосылкой становится тезис, что поскольку вайшnavы видели Чайтанью как Кришну, который явился на земле со всеми вечными атрибутами – своей *дхамой* («священной обителью») и своим вечным окружением, – то каждый исторический последователь из окружения Чайтаньи отождествляется с кем-то из окружения Кришны в мифические древние времена жизни Кришны. В схемах отмечены все пять изначальных линий вайшнавского течения, так что, по словам Стюарта относительно приведенных схем, даже сегодня любой последователь школы может проследить свое место в данной системе. Архитектоника мандалы очень часто разворачивается в рамках традиции, хотя формально никогда не применяется. Стюарт показывает в статье, как эти архитектуроники структурируют духовные направления течения, устанавливают социальные иерархии, организуют цикл ритуалов и последовательность совершения паломничества и даже структурируют исторические нарративы.

Анализ данных работ показывает, что исследования Тони Стюарта в области гаудия-вайшнавизма и в частности агиографии данной религиозно-философской школы, в настоящее время являются одними из самых показательных и важных. Более того, поскольку Стюарт практически в настоящее время публикует работы, затрагивающие уникальные и ранее не исследованные темы и вопросы, причем с обращением к оригинальным манускриптам школы, дает надежду на появление в будущем еще более глубоких и новаторских исследований индолога в данной предметной области.

Литература

1. Stewart T. K. The Biographical Images of Krsna-Caitanya: A Study in the Perception of Divinity / T. K. Stewart. – Chicago: University of Chicago, 1985. – 536 p. **2. Stewart T. K.** The Final Word: The Caitanya Caritamrta and the Grammar of Religious Tradition / T. K. Stewart. – New York: Oxford University Press, 2010. **3. Edward C. Dimock**, trans. The Caitanya Caritamrta of Krsnadasa Kaviraja. Edited by Tony K Stewart. With an Introduction by the Translator and the Editor / C. Dimock Edward. – Harvard Oriental Series no. 56. Cambridge, Mass: Harvard University, 1999. **4. Stewart T. K.** When Biographical Narratives Disagree: The Death of Krsna Caitanya // Numen 38, 1991. – No. 2. – P. 231-260. **5. Stewart T. K.** One Text from Many: The Caitanya Caritaamrta as Classic and Commentary / T. K. Stewart // In According to Tradition: Hagiographical Writing in India. Edited by Winand M. Callewaert & Rupert Snell. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1994. – P. 317-356. **6. Stewart T. K.** When Rahu Devours the Moon: The Myth of the Birth of Krsna Caitanya // International Journal of Hindu Studies / T. K. Stewart. – 1997. – В. 1. – № 2. – P. 221-264. **7. Stewart T. K.** Replicating Vaisnava Worlds: Organizing Devotional Space through the Architectonics of the Mandala / T. K. Stewart // South Asian History and Culture – 2, no. 2 (April 2011) – P. 300-336.

УДК 94 (420) «188/191» + 929 Кіплінг

Фоміна О.В. (Луганськ)

ЦІНА ІМПЕРІЇ: РЕДЬЯРД КІПЛІНГ ПРО ТЯГАР БЛІХ

Усупереч думці, що склалася, ставлення представників інтелектуальної еліти Великобританії до Імперії було досить не неоднозначним. Переконатися в цьому можна проаналізувавши погляди яскравого представника творчої інтелігенції – Редьярда Джозефа Кіплінга (1865-1936), одного з найталановитіших будівників Британської імперії,

якого довгий час його безапеляційно вважали справжнім «співачом британського імперіалізму». В результаті, безліч літератури, яка присвячена життю та діяльності цього видатного представника британського істеблішменту, являє нам образ людини, лише в деякій мірі відбиваючий дійсність.

З кінцем вікторіанської епохи, завершення якої ознаменувалося загибеллю сподівань на неухильний розвиток західної цивілізації, а також глибоким розчаруванням європейців у своїх власних життєвих цінностях, ситуація почала змінюватися. У 1910-х роках ідея «імперії, що не має кордонів» стала зазнавати серйозної критики з боку значної частини ліберальної інтелігенції метрополії і для англо-індійців, за оцінкою того ж А. Дж. Грінбергера, все ж таки настала «ера сумніву».

Одним з сумніваючихся був і Р. Кіплінг. Він, з одного боку, сприяв розширенню імперії. Як і інші 125 тисяч англо-індійців, Кіплінг був переконаний, що вони принесли в Індію та в інші регіони зразок «відповідальних дій» і «релігію» виконання обов'язку, як найважливіші цінності західної культури, протиставивши «їх нескінченним мандрам східного розуму в нетрях релігійної метафізики, сполученим із повною байдужістю до тяжких умов свого матеріального існування і небажанням вдатися до хоч яких-небудь активних дій для того, щоб ці умови покращити» [1, с. 126]. З іншого боку, письменник став, на нашу думку, чи не першим представником британського істеблішменту, який, почав піддавати сумніву навіть саму ідею «імперії, над якою не заходить сонце». Свої міркування з цього питання частково і фрагментарно (оскільки тоді вони тільки почали зароджуватися) Р. Кіплінг відобразив у книзі нарисів мандрівника «Від моря до моря» яка, до речі, як і «Тягар білих», вийшла у 1899 році [2, с. 129-373].

Саме під час подорожі по східних територіях Британської імперії (1898-1899) Р. Кіплінг став замислюватись про її минуле та майбутнє. Відвідавши Гонконг, він отримав новий поштовх своїм думкам. Неподалік розташовувалося невеличке селище Стенлі, де письменник побачив руїни військового поселення англійців, що всі загинули від хвороб. «Мої думки, – пише Р. Кіплінг, – повернулись до покинутого цвинтарю в Індії, який розкинувся на відстані польоту кинутого каменю від могили Джахангіра в саду Шалімар, де пастух і його стадо доглядають за останками англійських військ, які першими вступили у Лахор. Ми – великий народ і дуже сильні, – приходе до висновку письменник, – але створюємо імперію ціною невинуватих втрат – на кістках померлих від хвороб» [2, с. 174]. Тобто Кіплінг зумів побачити, що за покращення і своїх, і чужих умов життя англійці дорого платять. Зумів він побачити також бюрократизм управлінського апарату імперії, який доволі часто призводив до

невиправданих втрат. «У високому рівні смертності, – з біллю згадує письменник, – були винні наша повна безтурботність, бюрократизм і незграбність»[2, с. 88]. На його думку, «списки загиблих і поранених старанно зменшувались, щоб вберегти англійську публіку від потрясіння» [2, с. 89].

Як відомо, Р. Кіплінг почав працювати над автобіографією тільки наприкінці життя. А вийшли спогади з друку і зовсім після його смерті. Тому можуть виникнути сумніви, чи співпадали на момент виходу мемуарів погляди письменника на політику метрополії в колоніях (зокрема в Індії та Південній Африці), з тими, що були для нього характерними під час описаних в його книзі подій? Дійсно англо-бурська війна, серед палких прибічників якої був і Р. Кіплінг, відбулась у 1899-1902 роках. Однак критичні зауваження були висловлені більш ніж 30 років по закінченні війни. Невже насправді вони з'явилися в голові письменника багато років поспіль, припустимо, під час Першої світової війни, після втрати єдиного сина Джона (Західний фронт, 1915)? Можна категорично стверджувати, що ні.

Поет, який у своїх віршах закликав «нести тягар білих» і «кращих синів відправляти за тридев'ять морів» на тяжку працю в ім'я Імперії, замислився над ціною, яку сплачувало британське суспільство за колоніальну експансію (яка, до того ж, дедалі більше ставала примарною) ще задовго до початку Першої світової війни. Саме в результаті цієї війни виявилось, що Британська імперія, зовні ставша ще могутнішою, насправді почала розпадатися.

Р. Кіплінг, який народився і довго жив в Індії, зміг розгледіти ще одну дуже важливу річ, яку не помічали, а точніше не хотіли помічати високопосадовці з апарату управління колоніальними володіннями на Сході.

Справа полягає в тому, що чиновники колоніальної адміністрації і їх керівництво в Лондоні часто мали різні, деколи протилежні, підходи до розв'язання одного й того ж питання. Дійсно, «люди на місцях» нерідко краще розуміли ситуацію. Тому вони, безперечно, і краще бачили можливі шляхи виходу з неї, аніж їх начальники з відповідних імперських міністерств і відомств. У той же час тільки від міністрів залежало у той чи інший момент прийняти або відкинути рекомендації радників у Лондоні та «на місцях».

У зв'язку з цим цікавою є оцінка одного з друзів Р. Кіплінга – Альфреда Мільнера, в 1919-1921 роках очолювавшого Міністерство колоній Великобританії і, водночас, мавшого досвід роботи у Єгипті в якості представника Форін офісу. На його думку (яку приводить у своїй монографії М. С. Бур'ян) англійці добились певних успіхів у Єгипті тільки

тому, що люди на місцях виявляли інстинктивну практичність. «В обстановці повної плутанини, – писав він, – британські радники та резиденти «намагалися виробити для себе і своєї держави щось подібне до чітко визначеної логічної і послідовної лінії поведінки» [3, с. 42]. Через це проблеми в колоніях і залежних територіях доволі часто не вирішувались або вирішувались частково, накопичуючись і «нагадуючи про себе» у вигляді повстань і заворушень. Р. Кіплінг переконався в цьому під час роботи в Індії, а потім – і в Південній Африці (до, в період і після кровопролитної англо-бурської війни).

Саме через ігнорування точки зору далекоглядних представників не тільки колоніального чиновництва, але й інтелектуальної еліти, кожний наступний крок Великобританії вперед на зовнішньополітичній арені був, особливо з кінця XIX століття, набагато важчим і дорожчим, ніж попередній.

Таким чином, внесок Редьярда Кіплінга у процес будівництва Британської імперії не обмежувався, як свідчить аналіз його робіт, тільки її оспівуванням і звеличуванням подвигів його учасників, та сприянням формуванню ідеї Імперії. Все було набагато складнішим. Окрім усього іншого, він виявився здатним вказати на деякі суттєві збої в роботі механізму «колеса імперії». Інша справа, що до таких критичних оцінок британські правлячі кола майже не прислуховувалися, нехтуючи «крамольними» зауваженнями. Вони воліли брати з його творчості тільки ті «цеглини» для спорудження будівлі під назвою «Імперія», які їм здавалися підходящими, не помічаючи при цьому істотних порушень у взаємозв'язку між композиційними елементами імперської споруди, яка, врешті рещт, в тому числі і через відсутність уваги до слухних зауважень одного з найталановитіших її архітекторів, занепала.

Література

1. Запад есть Запад, Восток есть Восток?: Из истории англо-индийских литературных связей в Новое время / Н. А. Вишневская, Е. П. Зыкова; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1996. – 358 с. **2.** **Кіплінг Р.** Немного о себе. – Кіплінг Р. Немного о себе / Р. Кіплінг; Пер. с англ. Д. Вознякевич, В. Кондраков, Н. Димичевский / Предисл. и сост. А. Николаевская. – М.: Вагриус, 2003. – 416 с. **3.** **Бурьян М.С.** Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX века / Бурьян М.С. – Луганск: БОЯН Ри МП, 1994. – 168 с.

Цукерман К. (Париж)

РУСЫ НА КУРЕ. К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ КНИГИ ИОСИППОН

В часто цитируемом этнографическом введении к древнееврейской книге Иосиппон фигурирует и русы (руси), отождествленные с библейским Тирасом. Это одно из древнейших упоминаний о русах стало известно в России благодаря его переводу с древнееврейского, осуществленному и снабженному подробным комментарием А.Я. Гаркави (1874). По свидетельству книги Иосиппон, «русы живут на реке Кира, впадающей в море Гурган», то есть в Каспийское море, что явилось для Гаркави одним «из труднейших мест нашего автора». Буквы «вав» (о или у) и «йод» (и), из-за сходства написания, очень часто подменяют одна другую в средневековых рукописях, в особенности в иноязычных названиях и именах, незнакомых писцу. Поэтому в реке «Кира» Гаркави сразу опознал Куру, которая как раз и впадает в Каспийское море. Однако он затруднился объяснить, даже припомнив походы русов на Каспий, почему автор текста поместил Русь на Куре. Уже закончив работу над комментарием, Гаркави получил от академика А.А. Куника текст арабского перевода книги Иосиппон, где название реки читалось как «Кив», а ее впадение в море Гурган не упоминалось. Хотя и не без колебаний, он предположил, что это чтение отражает первоначальную версию древнееврейского текста, а в указании, что река «Киев» (Днепр) впадает в Каспийское море, он предложил усматривать глоссу писца, вставленную уже после того, как река «Киев» исказилась в Куру.

Неоднозначное свидетельство книги Иосиппон породило, как и следовало ожидать, всевозможные спекуляции, с преобладанием, как мне кажется, варианта «Кив»-Киев-Днепр. Впрочем, и чтение Кура нашло себе применение, в частности, в работах А.Г. Кузьмина, где оно воспринималось как отражение некоей Руси Каспийской, сосуществовавшей с Русью Черноморской, Салтовской, Прибалтийской и прочими. Однако чаще всего этнографическое введение цитировалось в контексте норманской дискуссии, в силу того что русы в нем названы среди германских народов и четко отделены от славянских племен.

Огромный шаг вперед в изучении книги Иосиппон был сделан Давидом Флюссером, впервые осуществившим ее критическое издание (1979, 1981). В одной из основных рукописей Флюссер обнаружил сообщение о том, что компиляция материала (речь идет о подборке договоров между Иудеей и Римом, извлеченных из латинского перевода Иосифа Флавия) была произведена в 885 г. после разрушения храма, то есть в 953 г. Флюссер считал этот год за дату составления книги Иосиппон. В интересующем нас пассаже он поместил в свой текст чтение «Кива», в котором он усматривал название реки Днепр; Гаркави он не цитировал и возможность идентификации этой реки с Курой даже не рассматривал. Однако критический аппарат к тексту показывает, что две из трех рукописей, на которых Флюссер основывал свое издание, однозначно дают чтение Кира (в третьей рукописи начало книги утрачено). Форма «Кива» читается лишь в так называемой книге Иерахмиэля, компиляции, включающей книгу Иосиппон; остальные рукописи дают иные формы. Таким образом, если руководствоваться стандартными правилами составления критического текста, то первоначальность чтения «Кира» по сравнению с «Кива» устанавливается однозначно. Вопрос в том, как оно может быть интерпретировано.

Для интерпретации столь неожиданного местоположения русов следует привлечь данные о походе русов на город Бардаа/Партав, расположенный как раз на реке Кура. Этот поход известен нам из нескольких источников, из коих основными являются подробный рассказ арабского историка Ибн Мискавейха, по происхождению перса, писавшего примерно поколение спустя после похода, и строго современный событиям рассказ Анонимного хазарского письма из Каирской генизы. Оба эти источника, вошедшие в научный оборот лишь за последнее столетие, настолько не вписывались в устоявшиеся схемы древнейшей русской истории, что до последнего времени они стояли в историографии особняком. Как не так давно писал покойный Г.Г. Литаврин в своем обзоре русо-византийских отношений в IX-X вв., «Wir lassen hier bewusst den Kriegszug der Russen nach Berdaa beiseite, da der Versuch, eine Verbindung zwischen dieser militärischen Aktion und den byzantinisch-russischen Beziehungen herzustellen, wie er vielfach in der wissenschaftlichen Literatur unternommen wurde, uns sehr zweifelhaft erscheint (Litavrin 1992)». Действительно, эпизод этот ни в летописи, ни в византийских хрониках не отразился, а основная проблема заключалась в том, что русами, захватившими Партав в 944 году, командовал, согласно Анонимному посланию, царь Олег (Хельгу),

перед этим разбитый греками под Константинополем. Решение этой проблемы я предложил без малого двадцать лет тому назад, показав, что Олег возглавлял поход руси на Константинополь в 941 г. не только согласно Анонимному посланию, но и согласно древнейшему тексту, лежащему в основе ПВЛ (Zuckerman 1995; Цукерман 2006). Иллюзия противоречия между источниками возникает лишь из-за привнесенной летописной хронологической сетки, вторичный характер, который признается всеми исследователями. Олег, выбитый в Закавказье, не стремился возвращаться в Киев, где теперь правил Игорь, а потому неудивительно, что русы, по свидетельству ибн Мискавейха, вовсе ненамеревались покинуть Партав, а, наоборот, объясняли местным жителям, что собираются править ими и далее: «There is no dispute between us on the matter of religion; we only desire the sovereignty; it is our duty to treat you well and yours to be loyal to us». Намерения русов не осуществились, и год или год с небольшим спустя после прибытия они были вынуждены бежать из Партава. Однако при этом фактом остается то, что купец или путешественник побывавший в Закавказье в 945, мог с полным основанием рассказывать по возвращении в Южную Италию или Испанию (ср. ниже), что русы обосновались на Куре. Дате составления книги Иосиппон, выдвинутой Флюссером, это нисколько не противоречит, так как подобные путешественники были, вне сомнения, весьма немногочисленны и сведения об отходе русов из Партава могли поступить с большим запозданием. Скажу даже более, только лишь в хронологическом контексте, указанном Флюссером, сведения о русах на Куре приобретают историческую реальность и смысл.

Однако, решив эту проблему, мы сталкиваемся с новой, не менее сложной. Год спустя после завершения издания Флюссера, Норман Голб и Омелян Прицак опубликовали свой привлекший всеобщее внимание том хазарских документов (Golb, Pritsak 1982). В предисловии к изданию Голб предложил важные поправки и дополнения к чтению давно уже известного письма из генизы, где речь идет, в частности, о некоем Самуиле (Мар Шмуэль), который провел 9 месяцев на острове Липара (определение Голба), переписывая («хеетик») книгу Иосифа бен-Гуриона, что есть древнейшее название книги Иосиппон. Голб однозначно показал, что сохранившееся фрагментарно письмо принадлежит к сборнику посланий, адресованных кордовскому царедворцу Хасдаю ибн-Шапруту, а Самуил был его доверенным лицом, известным из другого послания, датированного Голбом 940 г. Голб также не примкнул указать в адрес Флюссера, что датировка создания книги Иосиппон 953 г. таким

образом практически исключается. На основе нового определения событий, описанных в письме, я предлагаю значительно сузить его датировку и свести ее ко второй половине 942 г. Аргумент Голба полностью подтверждается, а кроме того приходится признать, что интересующий нас текст уже существовал в 942 г., то есть за несколько лет до того, как русы обосновались на Куре.

«Уж кажется, что ниже нельзя сидеть в дыре», сказал бы в подобных обстоятельствах граф А.К. Толстой. Однако, по счастью, наша история на этом не заканчивается. Три года назад была посмертно опубликована диссертация Шуламит Сэла (Sela 2009), содержащая критический арабский текст, перевод на древнееврейский и подробное исследование книги Иосифа бен-Гуриона (так автор предпочитает именовать «арабского» Иосиппона). Исследовательница убедительно показывает, что книга Иосиппон возникла не в один прием, а поэтапно, в результате последовательного редактирования. О числе этапов можно спорить, но теперь, как мне кажется, вполне очевидно, что тот этап, который датируется 953 г., был отнюдь не первым, как полагал Флюссер, а по меньшей мере третьим. Арабский перевод книги Иосиппон сохраняет для нас тот этап становления текста, который непосредственно ему предшествовал. На этом этапе текст уже снабжен этнографическим введением, которое, как показывает Сэла, не принадлежало к изначальному тексту книги. Однако это введение, хоть в целом и сходно, немало отличается от того, что содержит древнееврейский текст: оно короче, построено проще, в нем полностью отсутствуют славяне (которые в древнееврейском тексте являются неуклюжим дополнением), а также в нем никогда не указывается, куда впадает та или иная река. Само же название реки, на которой обитают русы, оборвано на Ки в единственной еврейско-арабской рукописи (фрагменте из генизы, написанном по-арабски еврейским письмом), а в собственно арабской рукописи, используемой в издании, передается как Киюн или Кивн; к той же традиции принадлежит и арабская рукопись, указанная Куником Гаркави, где читается Кив. Напомню, что никакого указания на то, куда впадает эта река, ни один арабский текст не содержит.

Итак, на полностью обновленной источниковедческой базе, мы возвращаемся к схеме развития текста, предложенной в качестве догадки А.Я. Гаркави в 1874 г. Как чтение «Кира»/Кура, так и указание на ее впадение в Каспийское море являются в тексте введения вторичными, возникшими на том этапе редактирования, который точно датируется 953 г. Можно предположить, что это редактирование производилось в Кордове, в кругу Хасдая ибн-Шапрута, а у Хасдая

были, хоть и нечастые, связи с Закавказьем, как мы знаем из описания маршрута, по которому он отправил свое письмо хазарскому царю Иосифу. Поскольку Флюссер издавал именно эту версию текста, ему следовало сохранить чтение основных рукописей. Чтение «Кира» заменило непонятое редактором название реки «Кив» или «Киова», на которой расположил русов автор изначального текста введения (напомню, что сочетание гласных «ие» в названии «Киев» не может быть воспроизведено ни в древнееврейском, ни в арабском). Позволю себе высказать догадку, что этим автором мог быть упомянутый выше Самуил, который за девять месяцев мог не только переписать, но и отредактировать и дополнить первичный текст книги Иосиппон. Как указал Флюссер, в названии реки по городу, который на ней расположен, ничего необычного нет: названные перед русами тосканцы помещены на реке «Пиза» (а не Арно). Таким образом, первоначальный текст этнографического введения к книге Иосиппон, который можно гипотетически датировать 942 г. (и уж во всяком случае до 953 г.) остается древнейшим в источниках упоминанием города Киев.

УДК 94(5-15:5-11)''1945'' : 82-991(470+571)

Шевченко О.К. (Симферополь)

**СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА КРЫМСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 1945
В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ШТУДИЯХ РФ**

Актуальность. Февраль 1945 года явился точкой сопряжения ряда политических и военных интересов, которые нашли свое отображение в решениях Крымской (Ялтинской) конференции. Среди многочисленных проблем поднятых и разрешенных при ее работе был существенный блок, связанный с неохватными пространствами Азии. Это и вступление в войну с Японией СССР, это и сложнейшие геополитические / экономические игры относительно раздела сфер влияния в Китае, это и переговоры относительно Турции, Ирана. Целый спектр едких сентенций касался стран Магриба и в частности Египта. Очень многие пункты, на которых СССР, США и Великобритании в Крыму удалось договориться – стали фактом международных норм, основанием для постройки внешнеполитических конструкций и отношений. Некоторые договоренности, например, пресловутая проблема «Северных территорий» является крайне актуальной до сих пор. Иные, такие как территориальные отношения РФ и Китая

благополучно разрешены лишь не давно. Учитывая обостренность «Ялгинских соглашений» для российской федерации на политической арене, обширность материалов Крымской конференции для собственно исторических исследований не будет считаться удивительным факт весьма частого обращения ученых к данным проблемам. Удивительно иное. До сих пор нет качественного анализа историографии Крымской конференции как в целом, так, и, например, в ее отдельных вопросах. Данная статья предназначена для заполнения указанной методологической лакуны. В силу ее небольшого объема автор будет сосредоточен исключительно на диссертационных исследованиях РФ, как источнике для историографического анализа. Сей выбор, он поясняет тем, что именно в рамках диссертационных текстов можно увидеть формирование новых школ или признание исследовательских усилий прошлого, возможно и очертить контуры научного интереса будущего.

Объект статьи – Крымская конференция 1945 года, *предмет*: «Азиатский вопрос» на «крымских встречах» 1945 года.

Цель: выявить структуру научного интереса российских исследований к «ялгинским дискуссиям» относительно будущего Азии и Дальнего Востока.

Задачи: определить круг диссертаций, в которых рассматривался предмет статьи; выявить наиболее значимые для диссертантов аспекты проблемы; оценить методологию решения проблемы; сформулировать оценку современного состояния вопроса и выявить предпосылки его развития в будущем.

Всего за время поиска в рамках системы <http://www.dissercat.com/> было выявлено восемь диссертаций в которых, так или иначе затрагивался бы вопрос связанный с Восточным регионом (Магриб, Азия, Дальний Восток и т.д.) на Крымской конференции 1945 года [1-8]. Единственным ограничением выступила специальность диссертанта. Во внимание принимались исключительно диссертации, написанные в рамках исторической науки.

Ниже предлагаю сводную таблицу, которая раскрывает основные положения указанных источников историографического анализа.

Таблица № 1.

ФИО	Ст	Город	шифр	Год	Упоминание о крымской конференции	Общая тема
Аблова Н.Е.	Доктор.	Москва	07.00.03	2005	Д-2	К-2
Чучкалов А.В.	Кандидат.	Киров	07.00.03	2008	Д-1	К-3
Клочкова О.А.	Кандидат	Хабаровск	07.00.02	2005	Д-2	К-4
Ливенцов Д.В.	Доктор.	Москва	07.00.02	2007	Д-3	К-4
Литвинова А.С.	Кандидат.	Москва	07.00.15	2007	Д-2	К-1

Лузянин С.Г.	Доктор.	Москва	07.00.03	1997	Д-1	К-5
Самохин А.В.	Кандидат	Хабаровск	07.00.02	2008	Д-3	К-6
Черевко К.Е.	Доктор.	Москва	?	1992	Д-2	К-4

Где: **Д-1** – Систематическое обращение в разных аспектах; **Д-2** – Упоминание в конетексте 1-2-ух проблемы; **Д-3** – Ссылка на событие имевшее место быть.

К-1 – вопросы, связанные с ООН; **К-2** – Территориальные изменения (общий вопрос); **К-3** – Иран; **К-4** Япония; **К-5** – Территориальные изменения Китая, Монголия, СССР

К-6 – Китай (общий вопрос).

Какие выводы мы можем сделать на данном этапе анализа? Прежде всего, обращает на себя внимание довольно большое количество диссертаций докторского уровня, где поднята указанная нами проблема - четыре из восьми. Пятьдесят процентов это весьма и весьма показательная цифра для обозначения пристального внимания ученых к проблеме. Обращает на себя и частота докторских защит: 1992 год, 1997-ой, 2005-ый, 2007-ой. В среднем все они защищаются в четырех годичном цикле, при этом разрыв между защитами никогда не превышает семи лет. Семь лет это достаточный срок для подготовки кандидата наук и вполне солидный промежуток времени для остепененного специалиста, который желал бы повысить свой статус. Особенно показательна размеренность защит при сравнении с кандидатскими «страданиями». Все выявленные кандидатские диссертации защищены с 2005-ого по 2008-ой год. Фактически каждый год по защите. До 2005-го года и после 2008-го информации о защитах у автора не имеется. Весьма своеобразно распалась и география защит. Все докторские диссертации родом из Москвы, тогда как кандидатские – Хабаровск, Киров и Москва.

Несколько неожиданным оказался патриотизм исследователей. Так лишь одна диссертация защищена по специальности 07.00.15. «История международных отношений и внешней политики», три диссертации по специальности 07.00.03. «Всеобщая история» и столько же по 07.00.02. «Отечественная история». И это притом, что диссертации Н. Е. Абловой [1] и С. Г. Лузянина [6] явно тяготеют к истории СССР. Создается устойчивое впечатление, что проблематика, заявленная в теме статьи воспринимается российской наукой как часть отечественной истории, твердо покинув традиционный советский лагерь «Международников».

По своему качественному составу упоминание собственно Крымской конференции за редчайшим исключением, неожиданно фрагментарное и методически не бережное. Так лишь в двух работах наличествует систематическое упоминание о Ялтинских встречах [2, 6].

Остальная масса работ указывает на Крымскую конференцию лишь в контексте нескольких локальных проблем, а в двух случаях исключительно в форме энциклопедической справки усиливающей стилистические достоинства текста диссертации. Этот тезис усиливает тот факт, что ни одна диссертация не посвящена непосредственно «Ялте». Более того, ни одна из глав и ни один из параграфов рассмотренных текстов не несет в своем названии термина «Ялтинские соглашения» или «Крымская конференция». Все вышесказанное позволяет утверждать, что обращение к материалам Крымской конференции является чисто формальным актом, средством, усиливающим или оттеняющим скрупулезность автора. В разрезе практических задач диссертантов Ялтинские договоренности не имеют особого значения. На их решения ссылаются, но не исследуют, фактом заключения договоренностей пользуются, но системного анализа не проводят и т.д. и т.п.

На этом, в общем то, печальном фоне ярко проявляют себе несколько текстов. Прежде всего, работа С.Г. Лузянина [6] в которой автор с редкой введливостью фиксирует неразрывную цепь обстоятельств от начала XX века, через «золотое кольцо» Ялтинских пунктов к окончательному закреплению границ Монголии. Не без интересны наработки О.А. Ключковой [3]. Особенно любопытна постановка вопроса о связи вектора идеологической пропаганды Советского Союза с решениями Ялтинской конференции относительно Японии. Отдельные зарисовки из работ А.В. Чускалова [2] и Д.В. Ливенцова [4] заслуживают внимания исключительно в контексте обработки диссертантами ряда редких западных публикаций о Крымской конференции.

Лишь в одной работе, Крымская конференция 1945 года стала полноценным объектом исторического анализа. Не просто в контексте темы или, в рамках научных изысков, а как предмет изучения, подвергаемый многовекторному анализу. Имеется ввиду диссертация К.Е. Червеко [8]. Ялтинские встречи подвергнуты у автора качественному историографическому изучению в традициях Западного мира, Отечественной школы и, что особенно важно, в рамках Японской историографии. На страницах работы проводится тщательный анализ юридических вопросов, где автор мастерски углубляется в область международного права. Прослеживает юридические предпосылки «Ялты» применительно к «Северным территориям», отслеживает переплавку Крымских встреч на конференции в Потсдаме и много позднее. Отличительной чертой исследования является сравнительный лингвистический анализ Ялтинских документов в русскоязычной и англоязычной традиции.

Вывод. Российская диссертационная историография «восточных проблем» на Крымской конференции весьма разнообразна географически, тематически, авторитетно-представительске крайне незначительна в тех аспектах, которые касаются собственно исторического анализа феномена Ялты-45. Из всего многообразия тематик затронутых лидерами СССР, Великобритании и США российские диссертанты «забыли» о Турции и Египте, практически проигнорировали Иран. Китай, Монголия и Япония заняли основные векторы их исследовательского интереса. Однако даже в этих штудиях, Крымская конференция получила статус «свадебного генерала», события, имевшего место быть.

Документы конференции используются, но всего лишь как на некие статичные положения, раз и навсегда появившиеся в глубинах дипломатии. Непосредственного статуса исторического источника они не получили. И как таковые комплексному рассмотрению не подвергались. А, следовательно, и само событие растворилось в штампованных, вежливых фразах, став составной частью некой абстрактной «Ялтинско-Потсдамской системы», крайне далекой от конкретных научных забот диссертанта, но ссылку на которую, как образованный человек он просто обязан сделать.

Литература.

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории : первая половина XX в.: диссертация докт. истор. наук: спец. 07.00.03. «Всеобщая история» / Н.Е. Аблова. – М., 2005. – 556 с. **2. Чучкалов А.В.** Политика США в Иране в годы Второй мировой войны: диссертация канд. истор. наук: спец. 07.00.03. «Всеобщая история» / А.В. Чучкалов. – Киров, 2008. – 287 с. **3. Ключкова О.А.** Печатные средства массовой информации в военно-политическом противостоянии СССР и Японии в 30–40-е гг. XX в.: диссертация канд. истор. наук: 07.00.02. «Отечественная история» / О.А. Ключкова. – Хабаровск, 2005. – 263 с. **4. Ливенцов Д.В.** Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике: 1917–1945 гг.: диссертация докт. истор. наук: 07.00.02. «Отечественная история» / Д.В. Ливенцов. – М., 2007. – 770 с. **5. Литвинова А.С.** Формирование позиции Китайской Народной Республики в отношении ООН: диссертация канд. истор. наук: 07.00.15. «История международных отношений и внешней политики» / А.С. Литвинова. – М., 2007. – 217 с. **6. Лузянин С.Г.** Россия-Монголия-Китай :Внешнеполит. отношения в 1911–1946 гг.: диссертация докт. истор. наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / С.Г. Лузянин. – М., 1997. – 433 с. **7. Самохин А.В.** Внешняя политика Советского Союза в Китае в условиях военно-политического противостояния СССР и США на Дальнем Востоке: 1945–1953 гг.: диссертация канд. истор. наук: 07.00.02.

«Отечественная история» / А.В. Самохин. – Хабаровск, 2008. – 217 с. **8.**
Червко К.Е. Территориально-пограничные вопросы в отношениях России и СССР с Японией: диссертация докт. истор. наук / К.Е. Червко. – М., 1992. – 394 с.

УДК 930.2=411.21 „653”

Shestopalets D. (Kyiv)

SOME NOTES ON THE INTERPRETATION OF AL-BAQARA, 143 IN MEDIEVAL QURANIC EXEGESIS

Interpretation of the Quran as a sacred text has constituted a challenging task both for medieval and contemporary Muslim scholars. Although it is generally agreed upon in scholarly circles that the Quran is a rather early source that goes back to the first decades of Islamic society (see, for example, F. Donner's "The Narrative of Islamic Origins" [7]), the composition of the first specific works of exegetical genre (*tafsir*) cannot be dated earlier than II / VIII century. Even more to that, the first treatises that go beyond elucidation of basic meanings of the words (so called philological tafirs), were composed only in the beginnings of the tenth century (for instance, al-Tabari's "Jami' al-bayan"). Thus, there appears to be a gap in the tradition of interpretation of the Quran: by the time when Islamic exegetics was formed into a relatively independent discipline, there was no one left to shed more light on the earliest meanings of the separate ayats or surahs and the causes of their appearance. For this reason, *tafsir* tradition in its large part is often viewed by scholars as a product of literary activities of the generations of *mufasssirs* who tried to provide answers to new questions regarding the sacred scripture (See, for instance the article of U. Rubin [14] and J. Burton [6]). To put it differently, even though *tafsir* treatises may contain a great deal of truth, there is no reliable way to distinguish between the true reports and those fabricated with the purpose of filling the gaps in interpretations.

In this light, the unraveling of some of the most difficult passages of the Quran appears a lost cause. Yet, a scholarly attempt still can be made to reveal the variety of its meanings, in order to select the most plausible of them grammatically and semantically. Needless to say that such a scientific exercise can be extremely helpful for understanding of how the Quran has been interpreted by Muslims scholars of different time periods and, consequently, deconstructing the background of different Islamic movements that derive their ideology and legitimacy from Islam's major sacred text.

A case in point here is the ayat 143 of the surah al-Baqara which has been traditionally considered as the first one revealed after the Prophet's emigration

from Mecca to Yathrib in 622. This ayat appears in the passage (ayats 142-145) devoted to the changes in the direction of prayers (*qibla*) for the Muslim community in the context of polemics with the people of the Book (most likely, the Jews of Yathrib):

وَكَذَلِكَ جَعَلْنَاكُمْ أُمَّةً وَسَطًا لِتَكُونُوا شُهَدَاءَ عَلَى النَّاسِ وَيَكُونَ الرَّسُولُ عَلَيْكُمْ شَهِيدًا
وَمَا جَعَلْنَا الْقِبْلَةَ الَّتِي كُنْتَ عَلَيْهَا إِلَّا لِنَعْلَمَ مَنْ يَتَّبِعِ الرَّسُولَ مِمَّنْ يَنْقَلِبُ عَلَى عَقْبَيْهِ وَإِنْ كَانَتْ لَكَبِيرَةً
[2, c. 22] إِنْ أَلَّا عَلَى النَّبِيِّ هُدًى اللَّهُ وَمَا كَانَ اللَّهُ لِيُضَيِّعَ إِيْمَانَكُمْ إِنَّ اللَّهَ بِالنَّاسِ لَرُءُوفٌ رَحِيمٌ

The major confusion here is caused by the first parts of this ayat where the expression *ummatan wasatan* is used. Although the word *wasatan* has a rather lucid etymology and meaning (In Arabic “middle”, “center” or “something placed between two extremes” [11, c. 2941-2942]), its appearance in this context and in the grammatical form of *nasb* (accusative (case)) is not entirely clear. It is evident that *wasatan* in this ayat is meant to signify a specific feature of the Muslim community, or some quality which makes it particularly suitable to be witnesses for other communities. Such an approach dominates the analysis of the ayat in major exegetical treatises on the Quran.

The question of *wasatan* received a close examination already in the tafsir “Jami’ al-bayan” of al-Tabari (d. 310/923). First he comes up with what he regards as the general usage of Arabs for *wasat*, namely “*khiyar*” (الخيار) - “best”, “selected” person or group of people [4, c. 6]. Al-Tabari asserts that this privileged title is ascribed to the Muslim community due to the highest qualities of its religious teaching which avoids extremes of Christian and Jewish doctrines [4, c. 6]. Yet, al-Tabari goes further to uncover *ta’wil* (a symbolic meaning) of the word *wasat* which, as he argues, stands here for *khiyar* [4, c. 7]. In this respect al-Tabari says that *wasat* in al-Baqara, 143 means ‘*adl*’ because it is the best embodiment of *khiyar*.

It must be noted that almost all Muslim scholars are unanimous in advancing *wasat* here as a synonym of the word ‘*adl*’, or justice, supporting this view by numerous reports from previous authorities. However, the focus of attention of mufasssirs substantially varies. For example, Ibn Kathir (d. 774/1373) does cite a number of hadiths in the end of his paragraph on al-Baqara, 143 in which the parallel between *wasat* and ‘*adl*’ is drawn. His major focus, though, revolves around the explanation of *wasat* as “*khiyar*” (خيار). He argues that Islamic community is made by Allah *wasatan* in the sense “the best of all communities” [خير الأمم] [10, c. 191] with the perfect laws, the most straight paths and clearest ways [10, c. 191]. Here Ibn Kathir bases his argument on the meaning of *wasat* as “center” (not as “middle”) which, according to him, is usually the best part of anything. In this respect he comes up with the example of an oasis of which the central part is always the best [10, c. 191-192]. Following

this logic, Ibn Kathir asserts that the Prophet was *wasat* (*center*) of Islamic community, that is the best and the most noble of it [10, c. 192].

It must be noted that Ibn Kathir is not the only representative of exegetical tradition who tries to introduce some evidence for understanding *wasatan* as *center* in spatial terms. For example, a hanbalite jurist and theologian al-Jawzi (d. 597/1200/1201), although supporting understanding of *wasatan* as '*adlan* (justice) himself, also quotes the opinion of some Abu Sulayman al-Dimashki who claims that this ayat implies that the *qibla* of Muslims lies between (*wasatan*) that of the Jews who pray to the west and Christians who pray to the east [9, c. 92]. This obviously constitutes an attempt to interpret *wasatan* in terms of the symbolic space that would obviate the necessity to establish a metaphorical meaning of this word.

Thus, there appears to be a certain division between the two meanings ascribed to *wasatan* in exegetical literature: while using "khiyar" supports understanding it as "best, chosen community", another seems to advance the notion of '*adl* which renders the *umma* as a "just community". The logical chain of argument seems to be as following: *wasat* means "best" and "best" is first and foremost "just", thus *wasat* means "just". These speculations constitutes an attempt of the mufasssirs to find meaningful connections between *wasat* and '*adl* in the realm of metaphors. In this they tend to establish specific understanding of justice as a way of middle decisions or a state between two extremes.

In addition to rational reasoning, there are also textual arguments from the Quran that Muslim scholars adduce in this case. For example, it is usually presumed that the ayat al-Qalam, 28 in which the form *awsatu* applied to a person, uses the root *w-s-t* in the meaning similar to that of al-Baqara, 143: "Qala awsatu-hum: A lam 'aqul la-kum law la tusabbihuna". (قَالَ أَوْسَطُهُمْ أَلَمْ أَقُلْ لَكُمْ لَوْلَا تُسَبِّحُونَ). Also Ibn Kathir points to another example of a possible usage of *wasat* in the Quran, namely al-Baqara, 238 where *al-salat al-wusta* (الصلاة الوسطى) is mentioned [10, c.191]. Yet, in what concerns al-Qalam, 28, there is also no certainty about the feature which is implied here to underline specific, "most middle" status of that person. In the same vein, heated discussions surround the true meaning of *al-salat al-wusta* in al-Baqara, 238 that preclude its being used as evidence in this context.

Despite its seeming insignificance, this issue can still have a certain impact on the ways in which Islam is seen and interpreted. First, the question of *wasatan* may be an important one for the constant attempts of western translators to produce an accurate rendition of the Quran into European languages. Already the analysis of the most famous and authoritative translations shows the variety of approaches to this question. In this context, though, only a few of the translators have ventured to come up with their own interpretation of the word *wasatan*

which would differ from the literal meaning or “official” exegetical views of the subject.

For example, A. Arberry translates the beginning phrase of al-Baqara, 143 as “Thus We have appointed you a midmost nation” [3, c. 18]. In his turn, Abdel Haleem prefers to use “a just community”, at the same time, adding a comment about the literary meaning of *ummataṅ wasataṅ* (‘a middle nation’) [1, c. 16]. The author of an insider translation (authorized by the [Al-Azhar University](#)) M. Pickthall gives just the literary meaning – “a middle nation” [13, c. 43]. As for M. al-Hilali and M. Khan rendition (which was published by “King Fahd Complex for the printing of the Holy Quran”), it combines two metaphorical meanings of *wasataṅ* mentioned in the tafsir literature – “a just (and the best nation)”. Among others, the version of Nicolas Starkovsky – “a well balanced community” – should be mentioned [15, c. 299].

A similar situation can be observed in the translations of the Quran into other European languages. For example, both R. Paret and H. Bobzin rendered *ummataṅ wasataṅ* as “*einer in der Mitte stehenden Gemeinschaft*”/“*eine Gemeinde, in der Mitte steht*”, or „a community standing in the middle“ [12, c. 25; 5, c. 25].

Russian translators, in their turn, have followed much more diverse patterns for al-Baqara, 143. On the one hand, E. Kuliev and Abu Adel use the versions of the exegetical tradition – “a community, holding to the middle” (“общинной, придерживающейся середины”) [18, c. 25] and “a middle community [most just and best]” (“общинной средней [самой справедливой и самой лучшей]”) respectively [18, c. 25]. On the other hand, Osmanov takes a completely different path, translating *wasataṅ* as “amongst” in reference to some group of people from Muslims themselves – “we have made amongst you such a community” [19, c. 24].

In this context, the Russian translation of I. Krachkovskiy constitutes even more significant departure from the whole tradition of interpretation of al-Baqara, 143 as he renders *ummataṅ wasataṅ* as *mediating community* (общинной посредствующей) [16, c. 34] (This view was possibly adopted by Krachkovskiy from the translation of G. Sablukov [17, c. 147]). This version was explicated even more clearly in the Ukrainian translation of Valeriy Rybalkin as “community-mediator” («община-посередниця») [20, c. 131]. This version is almost absent from the tafsir literature, except for some marginal reports, like the one that appears in tafsir al-Tabari on the authority of Ibn Zayd: “They (Muslim community) are the link (*wasat*) between the Prophet and other nations” [4, c. 8]. In addition to the mentioned above, it is important as well to note that there is also no commonly accepted translation of “*awsatu*” in the ayat al-Qalam, 28 (to which most of mufassirs refer to in determining the meaning of the al-Baqara, 143) either: wisest

(Abdel Haleem), best (Pickthall, Hilali and Khan, Kuliev), middle (Osmanov, Krachkovskiy) etc.

This difference in translations of *wasatan-awsatu* is by no means a specific case and in general reflects the complexity which is inherent in all sacred texts, especially those dated back to the periods of ancient civilizations. For this reason many scholars simply take this situation for granted as something that does not deserve attention. However, my point here is that the nature of plurality of meanings may be caused by different reasons. In relation to the topic of this article the questions that persist here is twofold: 1) the possibility of uncovering the “original meaning” of the ayat and 2) the implication of different interpretations for the development of religious tradition, including appearance of different schools of thought and patterns of social behavior, or even formation of generalized images of Islam on the basis of this or that ayat.

Needless to say that the first question is unlikely to receive a conclusive answer until more solid evidence and sources on the origins of the Quran are discovered. In its turn, answering the second part of the question can be useful in shedding more light on the evolution of Muslim discourses on the Quran and the origins of contemporary movements within Islam. In this case, the ayat al-Baqara, 143 has become the ideological background for the so called *wasatiyya* (the name of the movement is derived from the word *wasat* mentioned in the ayat) movement, or a school of thought, which is represented by a number of independent theologians and religious thinkers (the central figure is Yusuf al-Qaradawi) who advance the image of Islam as a “religion of moderation”. This position is clearly based on the interpretation of *ummatan wasatan* as “a community of the middle path”, or the one that avoids extremes. Yet, it might be noted that while in the classical tradition (starting from al-Tabari) this idea appears to designate the extremes of religious teachings of Christians and Jews (Christians are typically accused of exaggeration in religion (for instance, the status of Jesus, monasticism etc.). In their turn, the Jews fall into the opposite extreme – negligence in executing the rules of Torah, especially some prescribed punishments), contemporary scholars usually refer to such issues as resorting to violence for achieving religious means (terrorism), etc.

Summarizing this brief overview of the approaches to interpretation of al-Baqara, 143 in theological tradition and scholarly translations, it must be noted that simple words in the Quran can cause no less confusion than some unknown or rare vocabulary. This is apparent from the way the word *wasatan* was treated in exegetical literature: “a middle community” (a community standing in the middle), “the best community” (the chosen community), “a just community”, “a mediating community” (community-mediator). Although none of them radically changes the meaning of the ayat (as long as all the interpretations are somehow

connected to the basic idea of *wasat*), this nonetheless shows that even such a minor vacillations may be important when the Quran is treated as a source of laws and prescriptions or a guidance for organization of social reality. This situation also represents the basic mechanisms of how favoring a particular interpretation of Quranic ayats provides ideological positions and stances that are used by different schools of thought in their struggle for religious authority.

Literature

1. **Abdel Haleem M. A.** The Qur'an / M.A. Abdel Haleem. – Oxford: Oxford University Press, 2004.
2. **Al-Qur'an al-karim.** – Dimashq: Dar al-ma'rifa, 1420.
3. **Arberry A. J.** The Koran Interpreted: a Translation / A. J. Arberry. – New York, 1996.
4. **Al-Tabari, Muhammad b. Jarir.** Jami' al-bayan 'an ta'wil 'ay al-Qur'an (fi 30 al-ajza'). – Bayrut, 1405. – Vol. II. – 635 p.
5. **Bobzin H.** Der Koran / H. Bobzin. – München: Beck, 2010.
6. **Burton J.** "Law and Exegesis: The Penalty for Adultery in Islam" / J. Burton // Approaches to the Qur'an (ed. Gerald R. Hawting and Abdul-Kader A. Shareef). – London, New York, 1993. – P. 269-284.
7. **Donner F.** Narratives of Islamic Origins: the Beginnings of Islamic Historical Writing / F. Donner. – Princeton, N.J.: Darwin Press, 1998.
8. **Hilali, Taqi al-Din.** The Noble Qur'an: English Translation of the Meanings And Commentary. – al-Madina, 1997.
9. **Ibn al-Jawzi, Abu al-Faraj.** Zad al-Masir fi ilm al-tafsir (9 Vol). – Bayrut, 1404. – Vol. I.
10. **Ibn Kathir, Ismail b. Amr.** Tafsir al-Qur'an al-Azim. – Bayrut, 1401.
11. **Lane E.W.** An Arabic-English lexicon: derived from the best and the most copious eastern sources / E.W. Lane. – London, 1863. – Vol. 8.
12. **Paret R.** Der Koran. 2., verb. Aufl / R. Pater. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1982.
13. **Pickthall M.** The Glorious Qur'an: The Arabic Text with a Translation in English / M. Pickthall. – [n. c.], 2001.
14. **Rubin U.** Qur'an and Tafsir: the case of "an yadin" / U. Rubin // Islam. – 1993. – №70. – P. 133-144.
15. **Starkovsky N.** The Koran Handbook: an Annotated Translation / N. Starkovsky. – New York: Algora Pub., 2005.
16. **Коран** (пер. И. Крачковского). – Москва, 1990.
17. **Коран** (пер. Саблукова). – Москва, 1907.
18. **Коран** (пер. Кулиева). – М., 1995.
19. **Коран** (пер. с араб. и коммент. М.-Н. Османова). – Москва, 1995.
20. **Коран.** Дослідження, переклад (фрагмент), коментарі В. С. Рибалкіна. – Київ: Стилос, 2002.

ОБ АВТОРАХ

1. **Айбабин Александр Ильич** – доктор исторических наук, руководитель Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины.
2. **Апареева Елена Константиновна** – старший научный сотрудник Луганского отделения Восточноукраинского филиала ИА НАН Украины.
3. **Ашурков Тарас Тарасович** – аспирант Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского.
4. **Бривко Николай Викторович** – учитель СОШ I-III ст. № 11, г. Снежное, Донецкой области.
5. **Бубенок Олег Борисович** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник и заведующий отделом «Евразийская степь» Института востоковедения имени А. Е. Крымского.
6. **Бурьян Михаил Степанович** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
7. **Верёвкин Виктор Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент Ровнинского филиала Европейского университета.
8. **Гребенюк Валерий Станиславович** – аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
9. **Грицких Игорь Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
10. **Дубров Алексей Владимирович** – студент IV курса Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.
11. **Ермухамедова Айжан Пернебаевна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан).
12. **Каримов Бахтиёр Рахманович** – доктор философских наук, профессор, академик Международной Академии Информатизации, ведущий научный сотрудник Национального университета Узбекистана, директор Международного института языка оратория.

13. **Климов Анатолий Алексеевич** – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Украины Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
14. **Кожушко Андрей Валерьевич** – аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
15. **Колесников Алий Иванович** – доктор исторических наук, заведующий отделом иранистики Института восточных рукописей РАН.
16. **Кондратюк Григорий Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет».
17. **Коновалова Ирина Геннадиевна** – доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН.
18. **Кочубей Юрий Николаевич** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения имени А. Е. Крымского.
19. **Кошевой Сергей Анатольевич** – научный сотрудник отдела внешней политики Национального института стратегических исследований.
20. **Красильников Константин Иванович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Луганского отделения Восточноукраинского филиала ИА НАН Украины, доцент кафедры истории Украины.
21. **Красильникова Людмила Ивановна** – кандидат исторических наук, заведующая Луганским отделением Восточноукраинского филиала ИА НАН Украины, доцент кафедры истории Украины.
22. **Крюков Виктор Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
23. **Кумекон Булат Ешмухамбетович** – доктор исторических наук, академик НАН Республики Казахстан, профессор Евразийского университета им. Л. Н. Гумилева.
24. **Максимчик Андрей Николаевич** – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики.
25. **Мамедов Самир Гусейн оглы** – соискатель Национального Музея Истории Азербайджана.

26. **Маркарян Самвел Асатурович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры иранистики Ереванского государственного университета.
27. **Мещерякова Дарья Игоревна** – аспирантка Института востоковедения имени А. Е. Крымского.
28. **Микульский Дмитрий Валентинович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.
29. **Налбандян Анаит Анжелотовна** – аспирантка кафедры иранистики Ереванского государственного университета.
30. **Насирова Яхшиханум Балагусейн кызы** – научный сотрудник Национальной Академии Наук Азербайджанской Республики, Институт Востоковедения им. акад. З. Буниятова.
31. **Олейников Валерий Андреевич** – аспирант Киевской православной богословской академии.
32. **Погосян (Хахбакян) Гагик Гайкович** – эксперт центра общественных связей и информации аппарата отдела президента Республики Армения.
33. **Попов Андрей Владимирович** – соискатель Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.
34. **Радвилов Даниил Анатольевич** – кандидат исторических наук, исполняющий обязанности директора Института востоковедения имени А. Е. Крымского.
35. **Разумович Дарья Андреевна** – магистрантка Донецкого национального университета.
36. **Саидов Зиявудин Абасович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
37. **Сбродов Александр Александрович** – аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
38. **Сериков Николай Игоревич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения АН РАН, хранитель восточной коллекции Wellcome Library.
39. **Сулаберидзе Зураб Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент Кавказского международного университета.
40. **Троян Сергей Станиславович** – доктор исторических наук заведующий кафедрой внешней политики и дипломатии Дипломатической Академии Украины при Министерстве иностранных дел Украины.

41. **Фомина Елена Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
42. **Филипчук Александр Михайлович** – кандидат исторических наук доцент Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича.
43. **Филькин Константин Николаевич** – соискатель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета.
44. **Цукерман Константин** – кандидат исторических наук, сотрудник College de France.
45. **Шевченко Олег Константинович** – магистр истории, кандидат философских наук, старший преподаватель Крымского гуманитарного университета.
46. **Шестопалец Денис Васильевич** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения имени А. Е. Крымского.

Презентовані у збірці матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження доктора історичних наук, професора В. М. Бейліса (1923-2001 рр.), відбивають результати найновітніших розвідок вітчизняних та зарубіжних фахівців у галузі східного історичного джерелознавства, історіографії та історії країн і народів Сходу.

Ключові слова: В. М. Бейліс, сходознавство, джерелознавство, середньовічна арабська література, Кавказ, Індія, Іран, Османська імперія, іслам, араби, монголи, руси, хазари.

Представленные в сборнике материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора В. М. Бейлиса (1923-2001 гг.), отражают результаты новейших исследований отечественных и зарубежных специалистов в области восточного исторического источниковедения, историографии и истории стран и народов Востока.

Ключевые слова: В. М. Бейлис, востоковедение, источниковедение, средневековая арабская литература, Кавказ, Индия, Иран, Османская империя, ислам, арабы, монголы, русы, хазары.

The materials of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor W. M. Beylis (1923-2001) are presented in the collection. They reflect the latest studies of domestic and foreign orientalists in the field of East historical source studies, historiography and history of Eastern countries and peoples.

Key words: W. M. Beylis, orientalism, source studies, medieval Arabic literature, Caucasus, India, Iran, Osman Empire, Islam, Arabs, Mongols, Ruses, Khazars.

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА, ІСТОРІОГРАФІЇ ТА ІСТОРІЇ СХОДУ

*МАТЕРІАЛИ
МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ,
ПРИСВЯЧЕНОЇ 90-РІЧЧЮ З ДНЯ НАРОДЖЕННЯ ПРОФЕСОРА
ВОЛЬФА МЕНДЕЛЕВИЧА БЕЙЛІСА
(1923 – 2001 рр.)*

15 – 16 травня 2013 року,
м. Луганськ

Відповідальний за випуск:
З. А. Саїдов

Комп'ютерне макетування та дизайн:
А. В. Кожушко

Здано до склад. 26.03.2013 р. Підп. до друку 26.04.2013 р.
Формат 60x84 1/16. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 15,23. Наклад 100 прим. Зам. № 95.

Видавець і виготовлювач
Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20
e-mail: alma-mater@list.ru
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.